

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

НОГИ ИЗ ГЛИНЫ

Feet of Clay

Annotation

Големы убивают людей! Как выскочат из тумана, как набросятся! Точно-точно вам говорю! Наверняка во всем виноват этот выпрыжка, командор Сэмюель Ваймс. Набрал в Городскую Стражу всяких видовых меньшинств... Да этим гномам вообще нельзя в руки топор давать! Того и гляди, весь Анк-Морпорк будет отрубленными ногами завален...

И кстати, патриций. Скорее всего, его тот же сэр Сэмюель и траванул. Едва-едва выжил, бедняга. Но уже не тот, не тот... Надо бы нового правителя искать. А Ваймса казнить! Первым же указом! Кстати, есть слух, будто бы в Городской Страже служит настоящий наследник престола. Да нет, не этот дурак Моркоу! Настоящий наследник – капрал Шнобби Шноббс, граф Анкский! Ну и что, что форменный крысюк? А где вы нормальных королей видели?

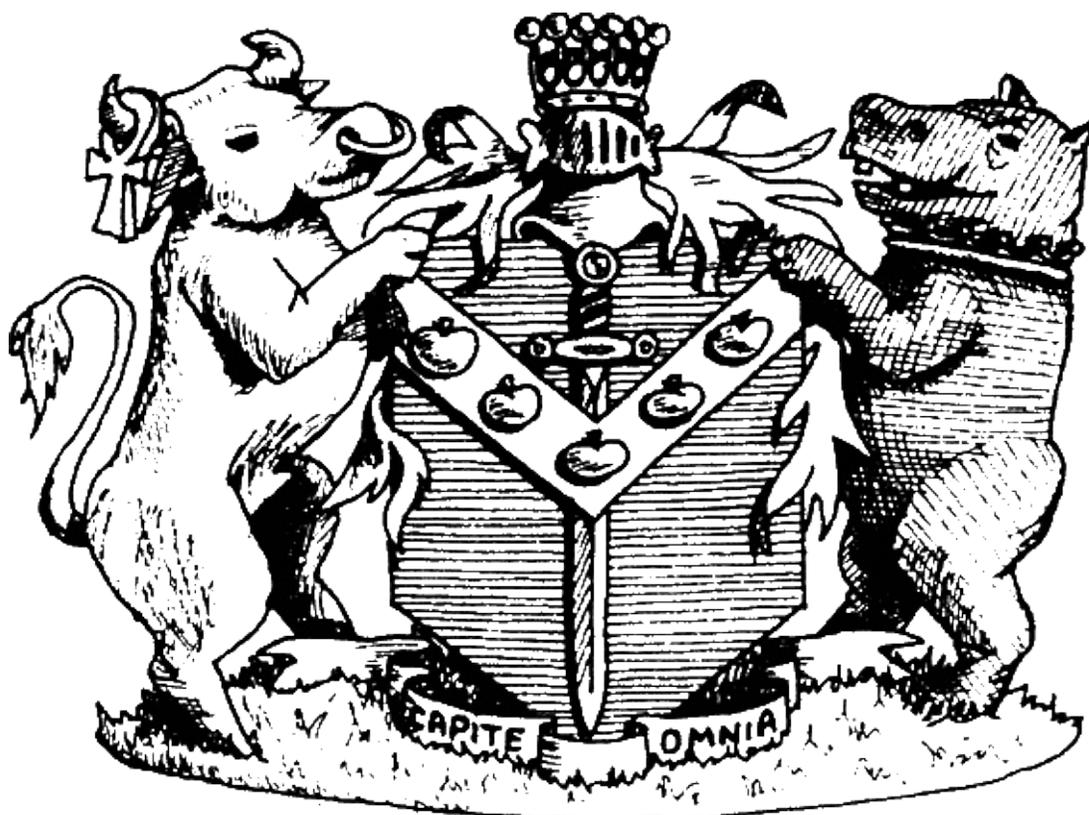
- [Терри Прагчетт](#)

-

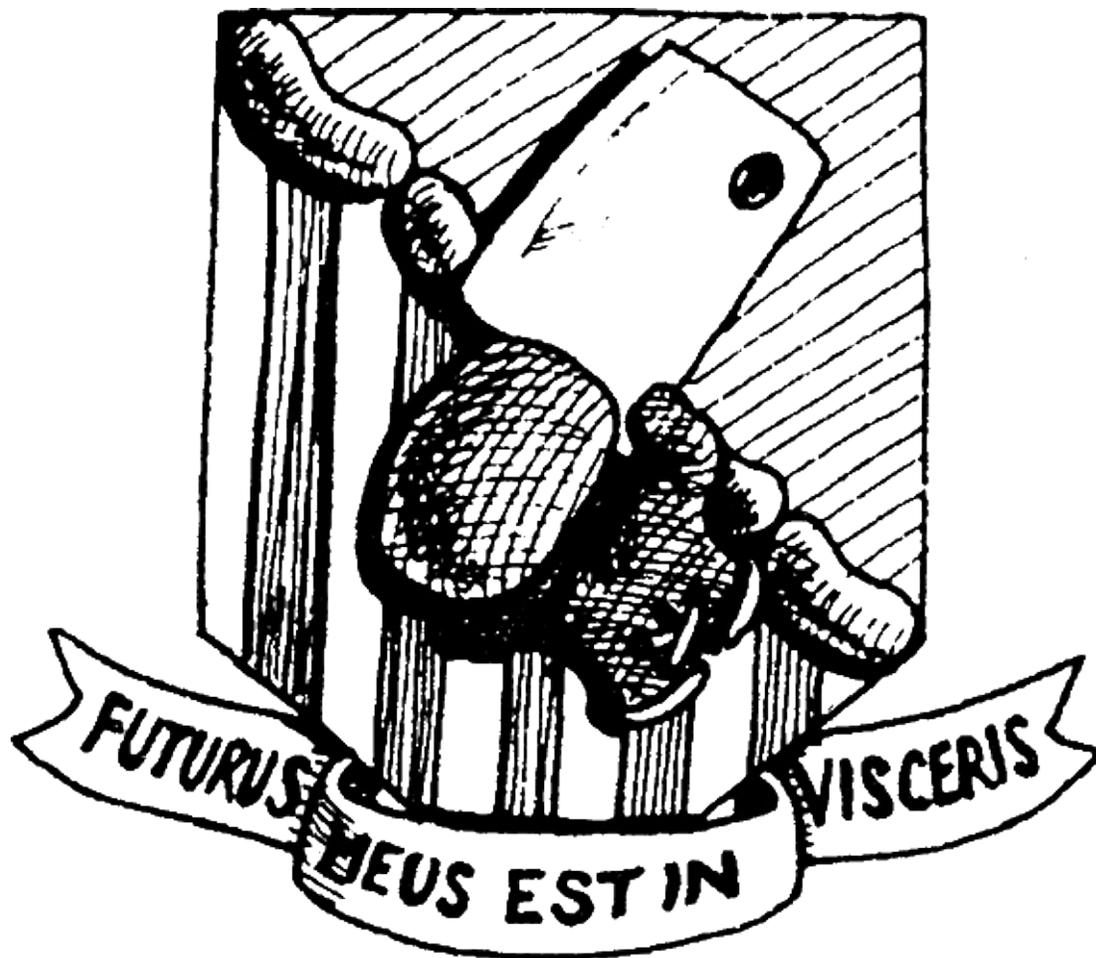
- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

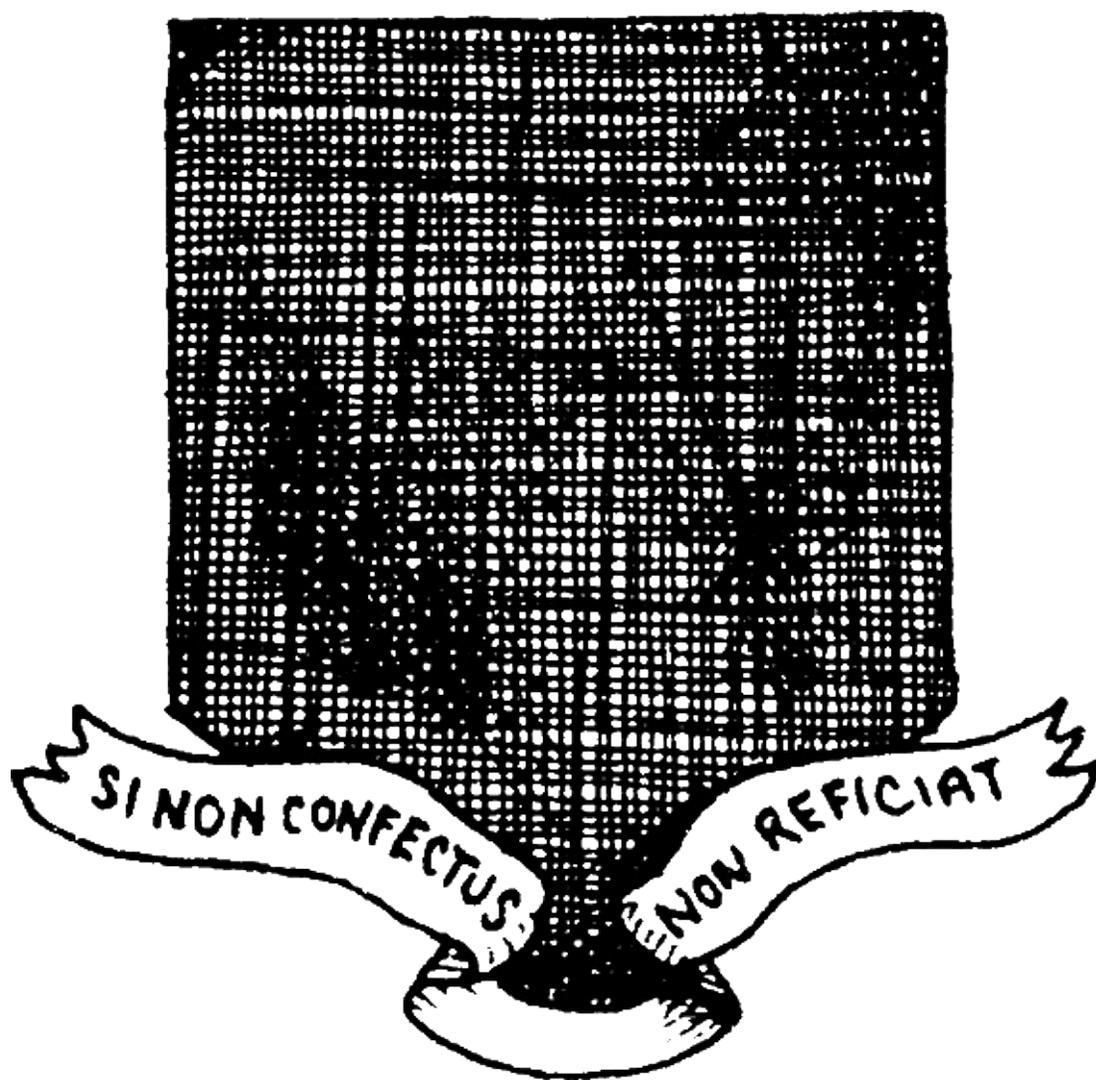
Терри Пратчетт
Ноги из глины

Эдвард Сен-Джон де Шноббс, граф Анкский

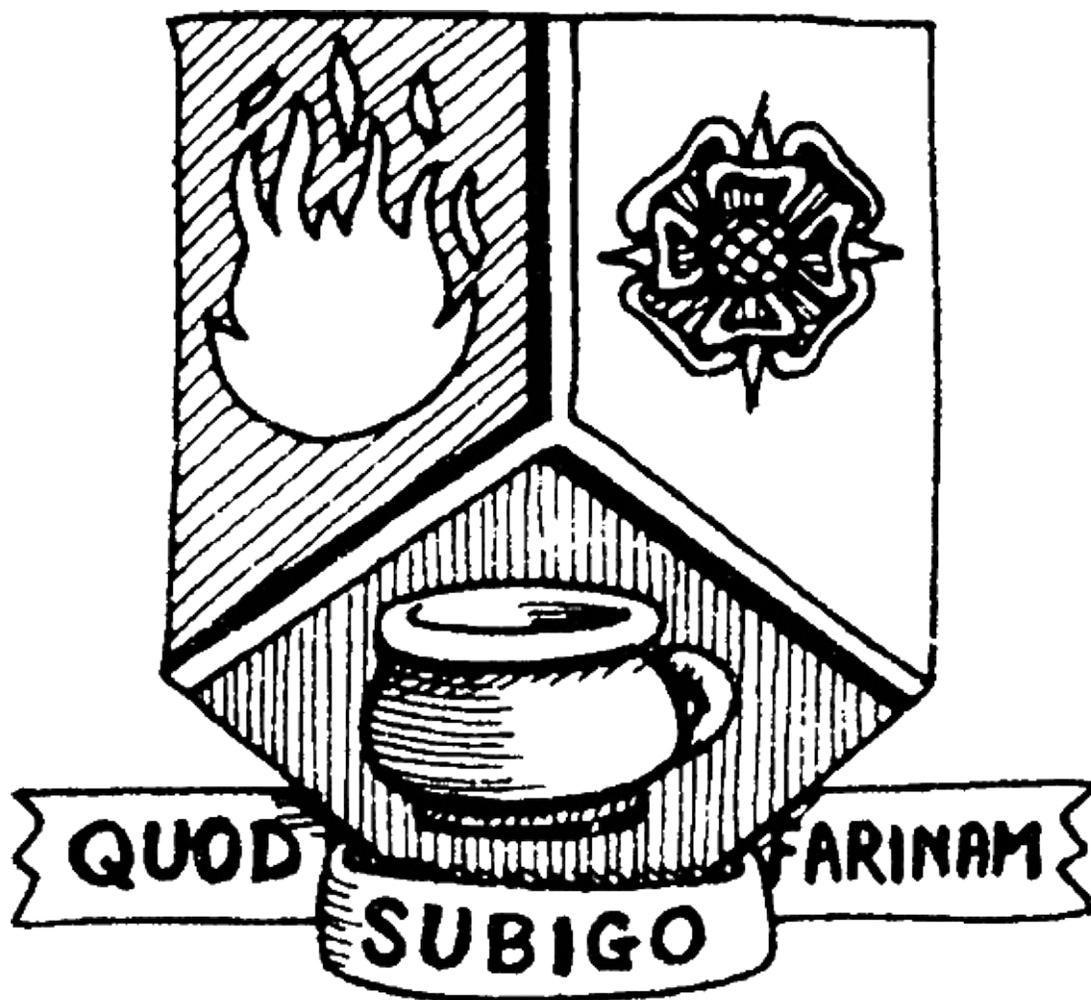
г. Герхардт Крюк, мясник

Семейство Витинари

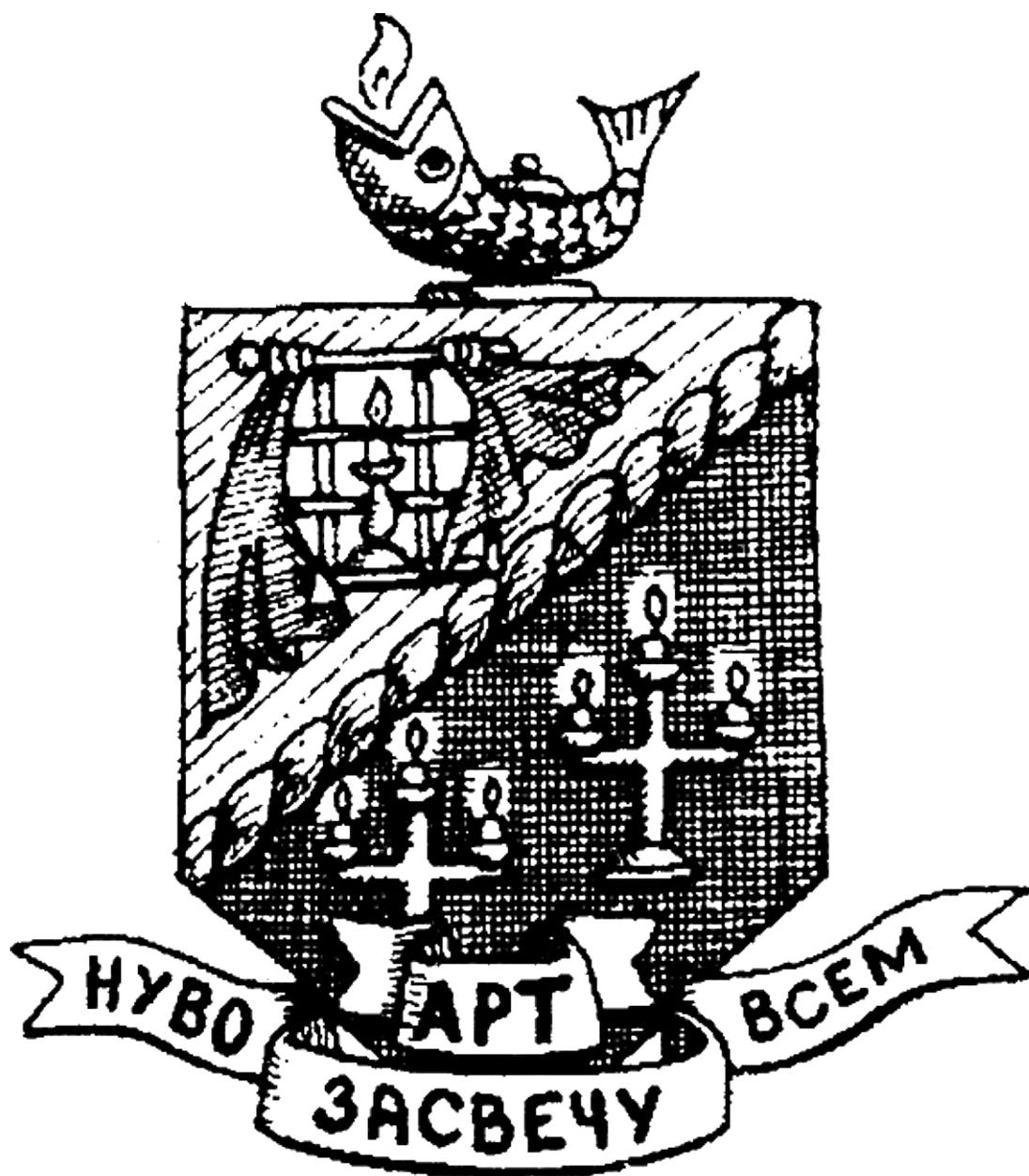
Гильдия Убийц

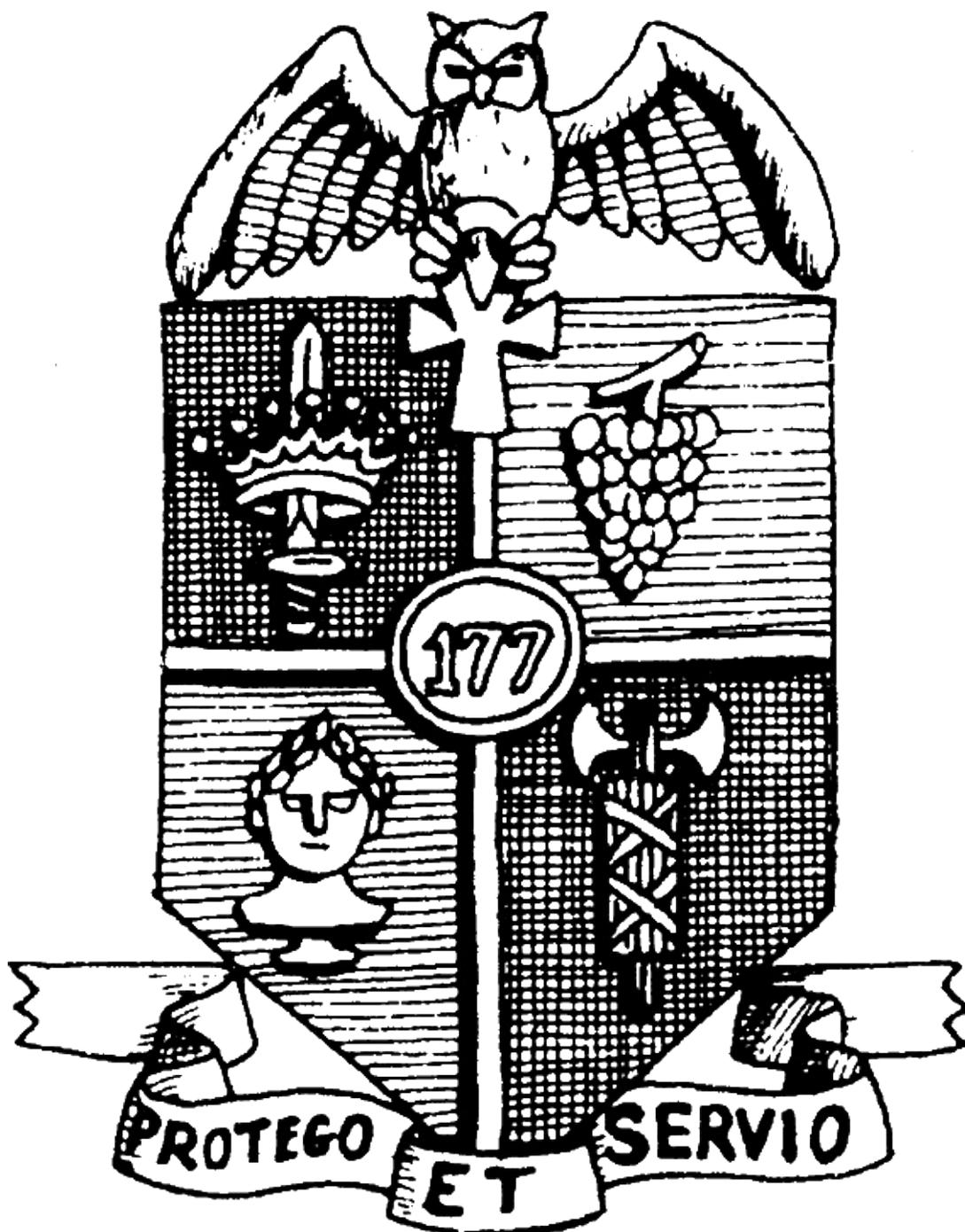
г. Рудольф Горшок, пекарь

Гильдий Воров

г. Артур Нувриш, свечных дел мастер

Семейство Ваймсов (герб ныне не существует)

Воспроизводится с любезного разрешения Королевской геральдической палаты, Моллимогская улица, Анк-Морпорк

Однажды, теплой весенней ночью, в дверь постучали – причем с такой силой, что даже петли погнулись.

Открыв дверь, хозяин фабрики выглянул на улицу. Ночь выдалась облачной, и со стороны реки напал густой туман. Улицы словно бы облачились в плотный белый бархат.

Уже потом хозяин фабрики припомнил, что вроде бы на самой кромке света, падающего из открытой двери, маячили какие-то странные тени. Теней было много, и они как будто собрались здесь посмотреть на происходящее. Яркие парные искорки призрачно мерцали сквозь туман...

Зато насчет фигуры, стоящей прямо перед дверью, у хозяина фабрики никаких сомнений не возникло. Здоровый глиняный истукан темно-красного цвета – весь какой-то нескладный, как будто слепленный каким-нибудь мальчишкой. Глаза истукана напоминали два уголька.

– Ну и чего ты барабанишь? Ночь на дворе!

Голем безмолвно протянул ему грифельную доску.

«ГОВОРЯТ, ТЕБЕ НУЖЕН ГОЛЕМ», – было написано там.

Ну да, конечно, големы ведь не умеют говорить.

– Ха. Нужен-то нужен. Но хватит ли у меня денег, вот в чем вопрос. Я навел кое-какие справки, цены сейчас кусаются...

Голем стер слова на дощечке и написал:

«СТО ДОЛЛАРОВ. ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ».

– Ты предлагаешь себя на продажу?

«Не себя».

Голем качнулся в сторону, уступая место кому-то за своей спиной.

Его товарищ тоже был големом, правда выглядел он несколько странно. Обычный голем – это неуклюжая глыба, вылепленная из глины, тогда как данный экземпляр, блестящий, словно только что отполированная статуя, отличался невероятной точностью деталей. Даже одежду не поленились воссоздать. Этот голем как будто сошел со старых портретов, изображающих королей Анк-Морпорка: столь же величественная осанка, надменный вид. На глиняных волосах, уложенных в аккуратную глиняную прическу, красовалась маленькая корона.

– Сто долларов? – Хозяин фабрики подозрительно нахмурился. – Он что, бракованный? И кто его продает?

«Не бракованный. Идеальное состояние. Девяносто долларов».

– Кажется мне, кто-то хочет по-быстрому сбыть товар с рук...

«Голем должен работать. Голему нужен хозяин».

– Это само собой, но всякое ведь бывает... Ты наверняка слышал эти истории. Ну, о сошедших с ума големах. А вдруг и этот что-нибудь

натворил, а?

«Не сумасшедший. Восемьдесят долларов».

– Похоже, он... совсем новый, – сказал хозяин фабрики, постучав в поблескивающую грудь. – Но сейчас уже никто не делает големов, поэтому и цены такие держатся. Малому бизнесу подобные штуковины не по карману... – Хозяин фабрики вдруг запнулся. – Слушай, неужели кто-то опять начал делать големов?

«Восемьдесят долларов».

– Насколько мне известно, священнослужители наложили на изготовление големов запрет. Тут пахнет крупными неприятностями, знаешь ли.

«Семьдесят долларов».

– Интересно, кто же посмел нарушить этот запрет?

«Шестьдесят долларов».

– Альбертсону он их тоже продает? А Спаджеру и Вильямсу? С ними и так достаточно трудно конкурировать. Кроме того, они где-то раздобыли денег, собираются вкладываться в новую фабрику...

«ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ».

Хозяин фабрики обошел вокруг поблескивающего голема.

– Кошмарный бизнес. Не могу же я сидеть на месте и смотреть, как разоряется моя контора. Они свои цены опускают ниже некуда...

«СОРОК ДОЛЛАРОВ».

– Религия – это, конечно, хорошо, но, как говорится, что в приходе знают о доходе? Гм-м... – Хозяин фабрики снова поглядел на бесформенную фигуру голема, полускрытую тенями. – Ты вроде написал «тридцать долларов»?

«Да».

– Никогда не мог устоять против оптовых цен. Подожди минутку. – Хозяин фабрики нырнул внутрь здания и вскоре вернулся с пригоршней монет. – С этими сволочами-конкурентами вы тоже будете торговать?

«Нет».

– Отлично. Передай хозяину, было очень приятно иметь с ним дело. А ты, парень, давай заходи.

Белый голем переступил через порог. Хозяин фабрики, воровато глянув по сторонам, шмыгнул следом и захлопнул дверь.

В темноте зашевелились черные тени. Послышалось легкое шипение. Затем, раскачиваясь из стороны в сторону, большие тяжелые фигуры стали удаляться.

Вскоре после этого попрошайка, сидевший неподалеку за углом и

тянувший руку ко всем прохожим в надежде на милостыню, вдруг обнаружил, что разбогател сразу на тридцать долларов^[1].

На мерцающем фоне космического пространства неторопливо поворачивается Плоский мир, покоящийся на спинах четырех гигантских слонов, которые стоят на панцире Великого А'Туина, межзвездной черепахи. Медленно вращаются континенты, а над ними в противоположном направлении плывут гонимые ветром и создающие погоду облака, и все вместе это тоже вращается – на спинах вышеупомянутых гигантских слонов. Этаким космический вальс. Миллиарды тонн географии степенно катятся через пространство.

Люди с пренебрежением относятся ко всяким там географиям и метеорологиям – и вовсе не потому, что стоят на первых и промокают из-за вторых. А потому, что дисциплины эти не очень-то похожи на настоящие науки^[2]. Между тем география – это та же физика, только во много раз медлительнее и утыканная деревьями, а метеорология полным-полна невероятно захватывающего и якобы упорядоченного хаоса, и всяких сложностей в ней хоть отбавляй. Кстати, лето – это не только время года. Это еще и место. Более того, лето – существо кочевое, зимовать оно переселяется на юга.

Даже на Плоском мире, по орбите которого вращается крошечное солнце, времена года меняются. В Анк-Морпорке, величайшем из городов Диска, весну отпихнуло в сторону лето, которое, впрочем, тоже надолго не задержалось: осень, не церемонясь, выставила его за дверь.

С географической точки зрения в самом городе ничего особо не поменялось, разве что на исходе весны речная пена, как обычно, приобрела очень миленький изумрудно-зеленый оттенок. Весенняя дымка плавно перетекла в осенние туманы, и, смешиваясь с дымом и копотью, что поднимались от кварталов, где обитали алхимики, эти туманы превращались в некое громадное душное существо.

А время продолжало неумолимо двигаться вперед.

Осенний туман всем своим бесплотным телом прижался к полуночным оконным стеклам.

Кровь струйкой текла на разорванные пополам страницы редких теологических трактатов.

«Книги... – подумал отец Трубчек. – Нельзя же так...»

С другой стороны, логически рассуждая, с ним *так* тоже нельзя было поступать. Однако отец Трубчек никогда не заострял внимание на

подобного рода мелочах. Человека можно вылечить, а вот книгу – нет. Он вытянул трясущуюся руку и попытался было собрать разбросанные по комнате страницы, но снова бессильно осел на пол.

Комната вращалась.

Распахнулась дверь. Послышался скрип половиц под чьей-то тяжелой поступью. Нет, не так. Идущий прихрамывал, поэтому одной ногой он производил четкий «стук», следом за которым слышался протяжный «шрш-ш-ш», словно что-то подволакивали.

Стук. Шрш-ш-ш. Стук. Шрш-ш-ш.

Отец Трубчек попытался сфокусировать взгляд.

– Ты? – прохрипел он.

Кивок.

– Сложи... книги.

Плохо приспособленные для подобной работы пальцы принялись подбирать страницы и книги и укладывать все это в ровные стопочки. Старому священнослужителю ничего не оставалось, кроме как смотреть.

Затем вошедший отыскал перьевую ручку, что-то аккуратно написал на клочке бумаги, после чего скатал его и бережно всунул меж губ отца Трубчека.

Умиравший священнослужитель попытался улыбнуться.

– С нами это не пройдет, – пробормотал он. Цилиндрик у него во рту дергался, напоминая последнюю сигарету. – Мы... работаем... иначе... Мы...

Некоторое время стоящий на коленях внимательно вглядывался в лицо отца Трубчека, после чего очень осторожно, медленно наклонился и закрыл священнослужителю глаза.

Сэр Сэмюель Ваймс, командующий Городской Стражей Анк-Морпорка, окинул свое отражение в зеркале хмурым взглядом и начал бриться.

Бритва – это меч свободы. А бритье – акт мятежа.

Все изменилось. Теперь ему делали ванну (причем каждый день! – это же, наверное, вредно для кожи). И аккуратно складывали всю его одежду (и какую одежду!). А еще ему готовили еду (невероятно вкусную еду! – он стремительно набирал вес, это было видно невооруженным глазом). И даже чистили башмаки (о, эти башмаки! – не какие-нибудь там изношенные тапочки на картонной подошве, а большие, сшитые по его ноге башмаки из настоящей блестящей кожи). В общем, за него делали буквально все, но некоторые вещи мужчина должен, просто обязан делать сам. Например,

бриться.

Он знал, что госпожа Сибилла этого его поведения не одобряла. Вот ее отец ни разу в жизни сам не побрился. У него для этого был специальный слуга. На что Ваймс выдвинул довольно веский аргумент в свою защиту: мол, он, Ваймс, слишком много лет провел, патрулируя ночные улицы, и не допустит, чтобы кто-то там размахивал бритвой возле его горла. И все же настоящей причиной, о которой он, конечно же, не посмел сказать вслух, была сама идея разделения мира на тех, кого бреют, и тех, кто бреет. Или, допустим, на тех, кто носит начищенные до блеска башмаки, и тех, кто счищает с них грязь. Каждый раз, когда он видел Вилликинса, складывающего его, Ваймса, одежду, командор Стражи с трудом подавлял в себе острое желание как следует пнуть дворецкого в его лоснящийся зад за оскорбление человеческого достоинства.

Бритва нежно скользила, срезая ночную поросль.

Вчера был какой-то очередной официальный прием. Ваймс уже и не помнил, в честь кого или чего. Вся его нынешняя жизнь состояла из непрерывной череды подобных приемов. Бр-р, хихикающие дамочки, хвастающиеся своими подвигами юнцы, которые, стоит случиться какой-нибудь заварушке, немедленно спрячутся за чьи-то спины. Как обычно, Ваймс вернулся домой в отвратительнейшем настроении – он шел через закутанный в туман город и злился даже больше на себя, чем на кого-то еще.

Войдя в дом, он вдруг заметил свет, выбивающийся из-под кухонной двери, до него донеслись обрывки разговора, смех – он не выдержал и приоткрыл дверь. На кухне сидели дворецкий Вилликинс, старик, который обычно следил за котлом, главный садовник и мальчишка, на чьи плечи были возложены обязанности чистить ложки и разжигать огонь. Они играли в карты. На столе стояли бутылки с пивом.

Он пододвинул себе стул, отпустил пару шуточек и попросил сдать ему карты. Они были... гостеприимны. Определенным образом. Но, пока шла игра, Ваймс чувствовал, как вселенная кристаллизуется вокруг него. Он ощущал себя шестеренкой, угодившей в песочные часы. Никто не смеялся. Они почтительно прочищали горло и упорно величали его сэром. Все было очень... корректно.

В конце концов он, пробормотав извинение, покинул кухню и уже добрался до середины коридора, как вдруг ему показалось, что он услышал некий комментарий, за которым последовал... ну, может, это был просто смешок. Хотя это вполне могло быть и хихиканье.

Бритва аккуратно обошла нос.

Ха. Пару лет назад человек вроде Вилликинса пустил бы его на кухню только из сострадания. Но предварительно заставил бы разуться.

«Такова теперь твоя жизнь, сэра Сэмюель Ваймс, командор Городской Стражи. Шпик-выскочка для шишек и шишка для всех остальных».

Он нахмурился своему отражению в зеркале.

Да, действительно, он вылез из грязи. Теперь Ваймс три раза в день ел мясную пищу, носил хорошие башмаки, ночи проводил в теплой постельке, а еще он обзавелся женой. Старая добрая Сибилла... правда, последнее время она слегка зациклилась на занавесках, только о них и говорила, но сержант Колон заверил своего шефа, что такое с женами случается, это их, так сказать, биологическая черта и это абсолютно нормально.

На самом деле Ваймс скучал по своим старым дешевым башмакам. Их подошвы были настолько тонкими, что сквозь них можно было «читать» улицу. Даже самой темной ночью он мог легко определить, где находится, – по форме булыжников под ногами. А, ладно...

Бритвенное зеркало Сэма Ваймса было слегка выпуклым, а потому отражало больше комнаты, чем обычное плоское зеркало, и даже захватывало часть улицы и сад за окном.

Гм. На макушке вроде бы редеет. Похоже, проглядывает кожа. Да, определенно. Что ж, меньше работы для расчески, с одной стороны, но больше лица для умывания – с дру...

В зеркале что-то блеснуло.

Резко отпрянув в сторону, он пригнулся.

Зеркало разлетелось вдребезги.

Из-за разбитого окна послышались быстрые шаги, какой-то треск, затем донесся крик.

Ваймс выпрямился, выловил из раковины самый большой осколок зеркала и установил его на черную арбалетную стрелу, торчащую из стены.

Закончил бритье.

После чего позвонил в колокольчик дворецкому. Вилликинс немедленно материализовался.

– Сэр?

Ваймс сполоснул бритву.

– Пошли мальчика за стекольщиком.

Глаза дворецкого стрельнули в сторону окна, затем прыгнули на разбитое зеркало.

– Да, сэр. А счет опять отправить в Гильдию Наемных Убийц, сэр?

– С моими наилучшими пожеланиями. Кстати, пусть мальчик по пути заглянет в лавку, что в Пяти-Семидворье, и купит там новое зеркальце для

бритья. Гном, что держит лавку, знает, какие мне нравятся.

– Слушаюсь, сэр. Мне сразу сходить за совком и щеткой? Сообщить госпоже о происшествии, сэр?

– Нет. Она всегда говорит, что я их сам провоцирую.

– Хорошо, сэр, – сказал Вилликинс.

Он дематериализовался.

Сэм Ваймс вытерся и спустился вниз. По пути заглянув в кладовую, он достал оттуда новенький арбалет, подарок, что сделала ему Сибилла на свадьбу. Сэм Ваймс привык к старым армейским арбалетам, которые славились дурной привычкой в самый неожиданный момент разряжаться прямо в лицо своему хозяину, но этот был сделан на заказ компанией «Коренной-и-Рукисила». Ложе из ореха и все дела. Как уверяла Сибилла, лучше арбалета не сыскать.

Затем Ваймс взял тонкую сигару и не торопясь вышел в сад.

Из драконника доносилась какая-то возня. Ваймс вошел туда, захлопнул за собой дверь и прислонил к ней арбалет.

Возня и визги усилились. Язычки пламени вспыхивали над толстыми стенками загонов для молодняка.

Ваймс склонился над ближайшим вольером, подобрал только что вылупившегося дракончика и почесал ему шейку. Когда дракончик от удовольствия пыхнул пламенем, он прикурил сигару и с удовольствием затянулся.

Выпустил кольцо дыма в направлении фигуры, висящей под потолком.

– Доброе утро, – сказал Ваймс.

Человек бешено заизвивался. Продемонстрировав поразительный контроль над мышцами, он во время падения умудрился зацепиться ногой за балку, но сил подтянуться обратно к потолку явно не хватало. А о падении даже подумать было страшно. Внизу возбужденно скакала и изрыгала пламя дюжина маленьких дракончиков.

– Э... доброе утро, – ответила висящая фигура.

– Вроде бы распогодилось, – сказал Ваймс, поднимая корзину с углем. – Хотя, думаю, туман еще вернется.

Он взял маленький кусок угля и бросил его дракончикам. Те сразу начали драться за добычу.

Ваймс достал еще один кусок. Юный дракончик, который проглотил предыдущую подачку, выпустил заметно более внушительное и жаркое пламя.

– Почему-то мне кажется, – сказал юноша, – что спуститься вниз мне не дадут.

Еще один дракончик, поймав уголь, изрыгнул огненный шар. Юноша отчаянно изогнулся, уворачиваясь.

– Правильно кажется, – подтвердил Ваймс.

– А еще мне кажется, теперь, по здравом размышлении, что я поступил очень глупо, выбрав эту крышу в качестве пути отступления, – продолжал убийца.

– Наверное, – ответил Ваймс.

Несколько недель назад он потратил уйму времени, подпиливая доски и равномерно укладывая черепицу.

– Надо было перебраться через стену и уходить кустами.

– Возможно, – пожал плечами Ваймс.

В кустах он установил здоровенный медвежий капкан.

Ваймс достал из корзины очередной кусок угля.

– Разумеется, ты не скажешь мне, кто тебя нанял?

– Боюсь, что нет, сэр. Есть определенные правила.

Ваймс серьезно кивнул.

– На прошлой неделе, как раз накануне визита патриция, к нам заглядывал сын леди Силачии, – сообщил Ваймс. – Способный паренек. Но ему не мешало бы усвоить одну простую истину: «нет», как правило, означает «нет», а не «да, конечно».

– Очень может быть, сэр.

– А еще мы не сошлись по некоторым вопросам с сыном лорда Ржава. Знаешь ли, я считаю, нельзя стрелять в слуг только за то, что они перепутали местами твои туфли. Это немножко чересчур. Придется ему научиться отличать правое от левого. И правое от неправого тоже.

– Я вас понимаю, сэр.

– По-моему, наша беседа зашла в тупик, – заметил Ваймс.

– Похоже, сэр.

Ваймс прицельно бросил кусок угля маленькому бронзово-зеленому дракончику, который ловко поймал подачку. Жар стал почти невыносимым.

– Чего я не понимаю, – продолжал Ваймс, – так это того, почему вы, парни, в основном пытаетесь убить меня либо здесь, либо в конторе. Я ведь много хожу пешком. Неужели нельзя попытаться застрелить меня на улице?

– Что? Сэр, мы же не разбойники с большой дороги!

Ваймс кивнул. У Гильдии Убийц были свои понятия о чести, темные и запутанные.

– И сколько же я стою?

– Двадцать тысяч, сэр.

– Цена могла быть и повыше, – сказал Ваймс.

– Абсолютно с вами согласен.

«И она непременно повысится, если этот убийца вернется в свою Гильдию», – подумал Ваймс. Убийцы довольно высоко ценили собственные жизни.

– Давай-ка прикинем, – предложил Ваймс, внимательно рассматривая кончик сигары. – Гильдия берет пятьдесят процентов. Значит, твоя доля составила десять тысяч долларов.

Убийца намек понял. Дотянувшись до пояса, он отцепил кошелек и неловко бросил его в направлении Ваймса. Поймав кошелек, Ваймс поднял свой арбалет.

– По-моему, – задумчиво проговорил он, – до двери сарая добраться вполне возможно. Ожоги – это больно, но не смертельно. Однако человек должен бежать довольно быстро. Вот ты, к примеру, быстро бегаешь?

Ответа не последовало.

– Ну а острота ситуации только придает людям скорости, – сказал Ваймс, устраивая арбалет на стоящей рядом кормушке и доставая из кармана кусок веревки.

Привязав веревку к гвоздю, он закрепил другой ее конец на тетиве арбалета, после чего, встав сбоку, осторожно спустил курок.

Тетива чуть натянулась.

Висящий вверх ногами убийца затаил дыхание.

Ваймс сделал несколько глубоких затяжек, хорошенько раскуривая сигару, потом вынул ее изо рта и положил на арбалет таким образом, что тлеющий кончик оказался всего в какой-то доле дюйма от веревки.

– Запирать дверь я не стану, – сообщил он. – Я же не зверь какой-нибудь. Что ж, с интересом буду следить за твоей карьерой.

Он высыпал остатки угля дракончикам и вышел наружу.

Похоже, в Анк-Морпорке начинался еще один насыщенный событиями день, и это было только утро.

Уже подходя к дому, Ваймс услышал тихое шипение, затем раздался щелчок, а потом – чьи-то очень быстрые шаги, удаляющиеся в сторону декоративного озера. Он улыбнулся.

Вилликинс уже ждал, почтительно поддерживая за плечики камзол.

– Сэр Сэмюэль, помните, в одиннадцать у вас назначена встреча с его сиятельством?

– Да-да, – махнул рукой Ваймс.

– А в десять вы должны встретиться с председателями городских Гильдий. На этот счет госпожа выразилась очень недвусмысленно. А

именно: «И передай, что на этот раз ему не выкрутиться», сэр.

– Ладно, ладно.

– А еще госпожа просила, чтобы вы постарались никого не злить.

– Приложу все усилия.

– И ваша карета подана, сэр.

– Спасибо, – вздохнул Ваймс. – Кстати, в нашем декоративном озере сидит человек. Вылови его и напои чаем, хорошо? Похоже, перспективный паренек.

– Конечно, сэр.

Карета. О да, карета. Свадебный подарок от патриция. Лорд Витинари знал, что Ваймс любит ходить пешком, и поэтому (очень типичное для него поведение) сделал все, чтобы лишить Ваймса данного удовольствия.

Карета ждала. Двое слуг вытянулись по стойке «смирно».

Сэр Сэмюэль Ваймс, командор Городской Стражи, снова взбунтовался. Возможно, он *должен был* использовать эту проклятую карету, но...

Взглянув на кучера, он ткнул большим пальцем в дверь кареты.

– Залезай, – скомандовал Ваймс.

– Но, сэр...

– Приятное утро, – сказал он, снимая камзол. – Я поведу сам.

«Дорогие мам и пап...»

У Моркоу, капитана Городской Стражи Анк-Морпорка, был выходной. Обычная рутина. Сначала завтрак в каком-нибудь маленьком кафе. Потом письмо домой. С письмами домой всегда была куча возни. Куда интереснее было получать письма из дома с перечислением, где и сколько добыто руды, какие новые жилы открыты, какие пласты еще предстоит разработать. Ну а о чем мог написать он? Разве что об убийствах и тому подобном.

Моркоу пожевал конец карандаша.

«Ниделя апять прошла интересна, – [начал писать он]. – Я скачу тут как блаха с синим брюшком, Савсем Сног Сбился! Мы открываем новый оффис на Тряпичной улице, рядом с Тенями, што очень удобно, у нас типерь будет не менее 4 оффисов, включая те што у «Сестер Долли» и Долгой стены, а я все еще идинственный капитан и все мое время занято. Лично я иногда скучаю по той службе што была раньше, когда сдесь служили только Шнобби и сержант Колон, но ведь надворе уже век

Летучей мышью. Сержант Колон собирается на пенсию уже в конце этого месяца, говорит, что гаспажа Колон хочет чтобы он купил ферму и что он и сам хочет жизни поспокойнее где-нибудь за городом и Ближе К Природе. Я уверен что вы тоже жьслаете ему самого наилучшего. Мой друг Шнобби непрежнему все тот же Шнобби, только последнее время еще шноббнее».

Моркоу с отсутствующим взглядом взял с тарелки недоеденную говяжью отбивную и сунул под стол. Оттуда донеслось благодарное «ам».

*«Но я отвлекся. Што у нас исчо новенького? Я помоему уже писал вам о Цепной улице и нашем новом асобом отдилении хатя оно пока в Псевдополис-ярде. Правда непрежнему не решен вапрос с формой, ведь стражники должны носить форменые доспехи, ватвет на што командор Ваймс гаварит, што преступники тоже не носят форменых доспехов, так што пошли все к ч*рту».*

Моркоу сделал паузу. В Анк-Морпорке он провел уже почти два года и все еще стеснялся слова «ч*рт», – это очень многое могло сказать о капитане Моркоу.

«А исчо командор Ваймс говорит, что, рас есть тайные преступники, должны быть и тайные стражники...»

Моркоу опять задумался. Он очень любил свои доспехи. У него даже другой одежды не было. Так что для него сама идея о маскировке стражников была... немыслима. Это все равно что уподобляться пиратам, плавающим под фальшивым флагом. Или тем же шпионам. Однако Моркоу был лояльным стражем порядка, а потому продолжал:

«...Но я думаю што командор Ваймс знает о чем говорит. Он считает пора заканчивать работать постаринке и ловить только тех бидолаг кто слишком туп чтобы убежать!! Вообще скоро у нас прибавиться работы и новых лиц в Страже».

Ожидая, пока сформируется новое предложение, Моркоу взял со своей тарелки сосиску и опустил под стол.

Снова прозвучало «ам».

Торопливо подскочил официант.

– Еще подать, господин Моркоу? За счет заведения!

Все рестораны и закусочные Анк-Морпорка были только рады бесплатно угостить капитана Моркоу, точно зная, что он все равно настоит на оплате.

– Огромное спасибо, но нет. Все было очень вкусно. Вот, пожалуйста... двадцать пенсов, а сдачу оставьте себе, – сказал Моркоу.

– Как поживает твоя девушка? Что-то ее не видно сегодня.

– Ангва? О, она... где-то неподалеку. Но я обязательно передам ей, что ты о ней справлялся.

Гном счастливо кивнул и заспешил по своим делам.

Моркоу прилежно написал еще несколько строчек, а потом наклонился и тихонько спросил:

– Эта лошадь с телегой все еще там, рядом с пекарней Ломозуба?

Под столом кто-то тихо прорычал.

– Правда? Это странно. Все закупщики ушли еще несколько часов назад, а муку и гравий привезут только после обеда. И кучер там же?

Кто-то тихо гавкнул.

– Кстати, слишком хорошая лошадь, чтобы на ней хлеб развозить. И, как правило, кучер вешает на морду лошади мешок с кормом. Так, давай прикинем. Сейчас последний четверг месяца. Когда у Ломозуба день жалованья? – Моркоу положил карандаш и вежливо махнул рукой, привлекая внимание хозяина. – Господин Буравчик, чашку желудевого кофе, пожалуйста. С собой.

Господин Хопкинсон, куратор Музея гномьего хлеба, что в Карусельном переулке, пребывал не в лучшем настроении духа. Во-первых, его только что убили. Однако в данный момент его больше беспокоили крайне неприятные обстоятельства убийства.

Господина Хопкинсона забили насмерть буханкой хлеба. Разумеется, с помощью обычного человеческого хлеба, даже самого черствого, такое не сотворишь, но гномий хлеб вполне может сойти за холодное оружие. Гномы относятся к выпечке как к военной науке. Когда они начинают печь каменные торты, это означает: дело очень серьезно.

– Посмотри только на эту выемку, – пожаловался Хопкинсон. – Корка проломилась!

– КАК И ТВОЙ ЧЕРЕП, – заметил Смерть.

– О да, – откликнулся Хопкинсон. Судя по его голосу, таких черепов можно было запросто набрать десяток за пенни, однако столь прекрасный и

редкий экземпляр гномьего хлеба днем с огнем не сыщешь. – Но почему не простой дубинкой? Молотком, в конце концов? Спросили бы у меня, я бы с радостью одолжил.

Престарелый господин Хопкинсон говорил пискливым голосом и носил очки на длинной черной ленте – его дух также был в нематериальном эквиваленте очков, – верные приметы ума, что протирает все поверхности не только сверху, но и снизу и всегда расставляет папки строго по высоте. Смерть и сам был, мягко скажем, одержим своей работой, но сейчас он столкнулся с примером для подражания.

– Это очень плохо, – продолжал господин Хопкинсон. – И какая неблагодарность! Я ведь сам вызвался помочь им с печью. Придется подать жалобу в высшие инстанции.

– ГОСПОДИН ХОПКИНСОН, ТЫ ХОТЬ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТЕПЕРЬ ТЫ МЕРТВ?

– МерТВ? – воскликнул куратор. – О нет! Я не могу умереть. Ни на секунду. Сейчас самый неподходящий момент. Я еще не составил каталог боевых булочек!

– И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ.

– Нет, нет. Я извиняюсь, но так не пойдет. Тебе придется подождать. У меня сейчас действительно нет времени на всякую ерунду.

Смерть растерялся. Сначала всегда следовало некоторое замешательство, но потом большинство людей, как правило, испытывали облегчение от факта собственной смерти. Груз, накладываемый подсознанием, падал с плеч. Оставшаяся космическая туфля сбрасывалась. Самое худшее свершилось, и человек мог, выражаясь метафорически, свести счеты с жизнью. Лишь немногие пытались спорить, считая случившееся простым недоразумением, которое легко можно разрешить с помощью посулов или жалоб.

Рука господина Хопкинсона прошла сквозь крышку стола.

– Ой.

– ВОТ ВИДИШЬ.

– Как не вовремя! А нельзя перенести это на более подходящее время?

– ТОЛЬКО ДОГОВОРИВШИСЬ С ТВОИМ УБИЙЦЕЙ.

– Организации никакой. Я хочу подать жалобу. В конце концов, я честно плачу налоги.

– Я – СМЕРТЬ, А НЕ НАЛОГОВЫЙ ИНСПЕКТОР. Я ПРИХОЖУ РАЗ И НАВСЕГДА.

Тень господина Хопкинсона начала таять.

– Я всегда планировал все заранее, наилучшим образом...

– А Я СЧИТАЮ: ПРИНИМАЙ ЖИЗНЬ ТАКОЙ, КАКАЯ ОНА ЕСТЬ, И НЕ ЖАЛУЙСЯ.

– Это крайне безответственный подход...

– ТАКОВА МОЯ РАБОТА.

Вскоре карета остановилась прямо напротив Псевдополис-ярда. Ваймс предоставил слугам парковать ее, а сам, накинув камзол, зашел в здание.

Было время, кажется, совсем еще недавно, когда штаб-квартира Стражи практически пустовала. Там можно было увидеть лишь старину сержанта Колона, дремлющего на стуле, да портянки капрала Шноббса, сохнувшие перед печкой. А потом все внезапно изменилось...

Сержант Колон ждал его с папкой.

– Сэр, готовы рапорты из остальных отделений, – сообщил он, семеня рядом с Ваймсом.

– Что-нибудь особое?

– Странное убийство, сэр. В одном из старых домов на мосту Признания. Какой-то пожилой священник. Сведений почти никаких, патруль просто сообщил, что будет лучше, если вы сами взглянете.

– Кто нашел тело?

– Констебль Посети, сэр.

– О боги.

– Так точно, сэр.

– Я попробую заглянуть туда сегодня же утром. Что-нибудь еще?

– Капрал Шноббс тяжело болен, сэр.

– Это мне и так известно.

– Я имею в виду, сэр, он не вышел на работу.

– То есть на сей раз дело не во внезапно умершей бабушке?

– Никак нет, сэр.

– Между прочим, сколько раз за этот год она у него умирала?

– Семь раз, сэр.

– Очень странная семья эти Шноббсы.

– Так точно, сэр.

– Фред, тебе совсем не обязательно звать меня «сэр».

– У вас гость, сэр, – сообщил Колон, бросив многозначительный взгляд в сторону скамьи в главной комнате. – Насчет той работы, ну, алхимиком...

Гном, сидящий на скамье, нервно улыбнулся Ваймсу.

– Хорошо, – кивнул Ваймс. – Поговорю с ним в своем кабинете. – Он сунул руку в карман камзола и достал кошелек с деньгами убийцы. –

Кстати, внеси это в Фонд вдов и сирот. Хорошо, Фред?

– Конечно. Отличная добыча, сэр. Парочка таких гостинцев, и мы сможем взять на попечение еще несколько вдов.

Сержант Колон прошел обратно к своему столу, украдкой выдвинул ящик и вытащил книгу, которую читал. Она называлась «Как Развести Животных». Название сразу заинтересовало его – ну что, спрашивается, можно взять с бессловесных тварей? – но потом выяснилось, что книга повествует о том, как правильно должен скрещиваться всяческий крупный и мелкий рогатый (и не рогатый) скот.

«Интересно, – в который раз подумал Колон, погружаясь в чтение, – а знает ли этот самый скот, что он все время скрещивается неправильно?»

Поднявшись по лестнице, Ваймс осторожно толкнул дверь своего кабинета. Гильдия Наемных Убийц играла по правилам, этого у нее не отнимешь. К примеру, одно из правил гласило, что посторонние страдать не должны – за такое могли лишиться оплаты, не говоря уж о прочих неприятных последствиях. Исходя из этого, ни о каких ловушках в его кабинете не могло быть и речи – слишком много людей бывало там за день. Но все равно следовало проявлять осторожность. Ваймс умел наживать богатых врагов, которые могли позволить себе нанять убийцу. Убийцам удача должна была улыбнуться всего один раз, тогда как Ваймсу она должна была улыбаться постоянно.

Он проскользнул в комнату и выглянул из окна. Ваймс любил работать с открытым окном, даже в холодную погоду, – ему нравилось слушать звуки города. Но любой, кто попытается залезть снизу или спуститься к окну с крыши, будет вынужден преодолеть все те шаткие плитки, выпадающие скобы и незакрепленные водосточные трубы, которые Ваймс хитроумно подготовил. А еще под окном был установлен декоративный заборчик, приятный глазу и очень острый, если на него вдруг упасть.

Пока что Ваймс выигрывал.

В дверь осторожно постучали.

Это стучал гном, пришедший по поводу работы. Ваймс впустил его в кабинет, закрыл дверь и уселся за стол.

– Итак, – сказал он, – ты алхимик. Шрамы от всяческих кислот на руках и полное отсутствие бровей.

– Все верно, сэр.

– Нечасто встретишь гнома-алхимика. По-моему, ваш народец, как правило, вкалывает в плавильнях своих дядюшек или еще каких-то родственников.

– Честно сказать, с металлами у меня не ладится, – пробормотал гном.

- Гном, не ладящий с железом? Это что-то новенькое.
- Да, такое редко встречается, сэр. Но я неплохой алхимик.
- Член Гильдии?
- Больше нет, сэр.
- О? И как же ты покинул Гильдию?
- Через крышу, сэр. Но я точно знаю, где ошибся. Подмешал кое-что

лишнее...

Ваймс откинулся на спинку кресла.

– Алхимики всегда что-нибудь взрывают, но я ни разу не слышал, чтобы их за это выгоняли из Гильдии.

– Это потому, что еще никто не взрывал Совет Гильдии, сэр.

– Что, весь Совет?

– Во всяком случае, его недвижимую часть.

Опустив взгляд, Ваймс обнаружил, что его рука автоматически открыла ящик стола и что-то нащупывает внутри. Решительным движением он задвинул ящик и, чтобы занять чем-то руки, переложил пару бумажек перед собой.

– Твоя фамилия, парень?

Гном сглотнул. Очевидно было, что этого момента он боялся больше всего.

– Задранец, сэр.

Ваймс даже не поднял глаз.

– А, да, точно. Именно так здесь и написано. Стало быть, ты с Убервальдских гор?

– Но как... так точно, сэр, – удивленно подтвердил гном.

Люди, как правило, не разбирались в кланах гномов.

– Констебль Ангва оттуда же, – пояснил Ваймс. – Сейчас... и тут написано, что зовут тебя... у Фреда такой неразборчивый почерк... э...

Пути назад не было.

– Шельма, сэр, – признался Шельма Задранец.

– Шельма, значит? Понимаю, древнее имя, старые традиции. Шельма Задранец. Хорошо.

Задранец внимательно посмотрел на Ваймса. Лицо командора Стражи хранило каменную невозмутимость.

– Так точно, сэр. Шельма Задранец, – сказал он. И на сей раз ни один мускул не дрогнул на лице Ваймса. – А отца моего звали Прохвост, Прохвост Задранец, – добавил Шельма с видом гнома, у которого болит зуб и который не может удержаться, чтобы еще раз не ткнуть в него языком.

– Неужели?

– А... деда звали Тотеще Задранец.

Ни следа, ни тени ухмылки не промелькнуло на лице Ваймса. Командор просто отодвинул бумаги.

– Ну что ж, Задранец, скажу прямо: мы тут дорожим жизнями, не только нашими, но и горожан.

– Конечно, сэр.

– И мы здесь ничего не взрываем.

– Разумеется, сэр. У меня тоже не все взрывается: бывает, пошипит-пошипит и перестанет.

Ваймс побарабанил пальцами по столу.

– Как у тебя с мертвецами?

– Жертв не было, сэр, только легкие контузии...

Ваймс вздохнул.

– Попробую объяснить. Я знаю работу стражника. Чтобы быть хорошим стражником, нужно в основном много ходить и разговаривать. Но есть много вещей, в которых я ничего не понимаю. Допустим, находишь на месте преступления какой-то серый порошок. Что это? Я этого определить не смогу. Но вы, ребята, знаете, как смешивать всякие штуки в чашках, и наверняка сумеете это выяснить. Может, порошок как-то связан с причиной смерти? А вдруг это яд? В общем, нам нужен кто-то, кто разбирается в оттенках печени. Чтобы этот человек... или гном – неважно кто – посмотрел на мою пепельницу и сразу определил, какие сигары я курю.

– Тонкие панателы, фабрика Горлодера, – автоматически отреагировал Задранец.

– Ух ты!

– У вас на столе сигарная обертка, сэр.

Ваймс посмотрел на стол.

– Но я не о том, – наконец ответил он. – Иногда это определить легко, иногда – не очень. А иногда мы даже не знаем, правильный ли вопрос мы задаем.

Ваймс поднялся.

– Не могу сказать, что я в восторге от гномов. Хотя я и троллей недолюбливаю, и людей, признаться, тоже, так что в моих глазах вы все равны. Но к делу. Ты единственный претендент на это место. Тридцать долларов в месяц, пять долларов – пайковые, работаем мы тут не по часам, есть такой таинственный зверь, «переработка», только никто его пока не видел, если кто-то из троллей-офицеров назовет тебя камнесосом, он будет уволен, а если ты обзовешь кого-то из них булыганом, то уволят тебя, мы просто одна большая семья, побывав на каком-нибудь из наших

«семейных» собраний, ты поймешь, что я имел в виду, но работаем мы как одна команда и очень стараемся, чтобы так же оно было и в будущем, в половине случаев мы не уверены в законности собственных действий, так что скучать не придется, официально твое звание – капрал, но командовать стражниками даже не пытайся, не советую, у тебя месяц испытательного срока, мы проведем с тобой соответствующий инструктаж, как только выдастся минутка, а сейчас разыщи где-нибудь иконограф, и встретимся на мосту Призрения в... черт... лучше всего через час. Мне еще надо зайти к этим проклятым геральдистам. Хотя ничего страшного, мертвецы могут и подождать, мертвое не станут. Сержант Детрит!

Послышалось скрежетание, как будто в коридоре задвигалось нечто тяжелое, и в дверь просунулся тролль.

– Слушаю, сэр?

– Познакомься с капралом Задранцем. Капрал Шельма Задранец, а отца его звали Прохвост Задранец. Выдай ему значок, прими присягу и проведи экскурсию. Есть вопросы, капрал?

– Я постараюсь не уронить честь доспехов, сэр, – сказал капрал Задранец.

– Хорошо, – кивнул Ваймс и посмотрел на Детрита. – Между прочим, сержант. Мне тут подали рапорт, что прошлым вечером некий тролль в доспехах стражника прибил одного из бригадиров Хризопраза к стене за уши. Тебе что-нибудь известно по этому поводу?

Огромный лоб тролля наморщился.

– А там что-нибудь говорится о том, что этот гад толкал троллятам «грязь»?

– Ни слова. Зато там говорится, что он собирался почитать своей любимой старушке матери сказку на ночь, – ответил Ваймс.

– А Твердозад видел значок этого тролля?

– Нет, но, согласно его показаниям, тот тролль пообещал ему засунуть требуемый значок в некое место, где солнце не светит.

– Енто довольно-таки далеко, – задумчиво покивал Детрит. – Там бы значок точно никто не увидел.

– Между прочим, – нахмурился Ваймс, – как ты догадался, что это был Твердозад?

– Озарение, сэр, – пожал плечами Детрит. – Просто сопоставил факты. Есть какой-то гад, который толкал «грязь» детишкам и которого прибили за уши к стене. Спрашивается: кто это может быть? И... раз! У меня в голове сразу всплыло нужное имя.

– Я так и подумал.

Шельма Задранец переводил взгляд с одного бесстрастного лица на другое. Стражники смотрели друг другу в глаза, а губы их двигались сами собой, словно произносили заученный текст.

Потом Детрит медленно покачал головой.

– Не, сэр, этот тролль не из наших. Самозванец, наверное. Такой шлем, как у стражников, достать нетрудно. Ни один из моих троллей не пошел бы на такое. Это ж, как его, стражнический произвол, сэр.

– Рад слышать, что ты понимаешь ситуацию. Однако на всякий случай проверь шкафчики троллей. Этим делом заинтересовалась Кремневая Лига по защите Прав Троллей.

– Так точно, сэр. И если я узнаю, что это был один из моих парней, я сойду на него, как горная лавина, сэр.

– Хорошо. Капрал Задранец, можешь идти. Детрит за тобой присмотрит.

Гном растерялся. Как-то все очень странно. Этот человек ничего не сказал ни про топоры, ни про золото. Не прозвучало даже традиционного: «Парень, в Страже ты можешь многого достичь». Шельма Задранец чувствовал себя очень и очень неуверенно.

– Э... А я сказал вам, сэр, как меня зовут?

– Да. И тут все записано, – подтвердил Ваймс. – Шельма Задранец. Правильно?

– Э... Да. Правильно. Спасибо, сэр.

Ваймс плотно прикрыл дверь и прислушался. Со стороны лестницы донесся звук удаляющихся шагов. После чего капитан Стражи вернулся за стол и накинул на голову камзол, чтобы никто не услышал его хохота:

– Шельма Задранец!

Задранец вприпрыжку бежал за Детритом. Штаб-квартира Стражи постепенно наполнялась народом. Большой частью народ вопил.

Два тролля в доспехах стояли перед высоким столом сержанта Колона, зажав между своими каменными телами тролля поменьше. Вид у того был весьма подавленный. И достаточно необычный: нечасто встретишь тролля в пачке балерины и с парочкой марлевых крылышек на спине.

– ...Так уж случилось, я в курсе, что у троллей нет сказок про зубную фею, – говорил Колон. – Тем более про зубную фею по имени... – Сержант сверился с бумагами. – Брякбряк. А что, если мы назовем это нелегальным взломом с проникновением? Или у тебя есть лицензия Гильдии Воров? Было бы интересно взглянуть.

– Тролли тоже имеют право на зубную фею. Это видовая

дискриминация, – пробормотал Брякбряк.

Один из троллей-охранников развязал стоящий на столе мешок. Водопад серебра обрушился на бумаги.

– И все это ты нашел под подушками троллят? – уточнил Колон.

– Да благословят боги ихние маленькие, но щедрые сердечки! – с горячностью воскликнул Брякбряк.

А за следующим столом усталый гном спорил с вампиром.

– Послушай, – убеждал он, – это никак не может быть убийством. Ты ведь и так уже мертв!

– Он пытался пронзить мне сердце!

– Я беседовал с управляющим, и он сказал, что все получилось ненарочно. И против вампиров он ничего не имеет. Самый настоящий несчастный случай. Он просто нес три коробки карандашей, зацепился за твой плащ и...

– Не понимаю, почему я не могу работать где хочу?!

– Да, но... на карандашной фабрике?

Детрит посмотрел на Задранца и ухмыльнулся.

– Добро пожаловать в большой город, капрал Задранец, – сказал он. – Кстати, прикольное имя.

– Правда?

– У большинства гномов имена типа Скалодроб или Рукисила.

– Не может быть!

Намеки до Детрита доходили с трудом, но надрывную нотку в голосе гнома даже он уловил.

– Хотя твое имя тоже ничего, – быстро поправился Детрит.

– А что такое «грязь»? – спросил Задранец.

– Смесь нашатырного спирта и радия. Хорошо бьет в башку, но плавит мозги. Большая проблема в горах, а некоторые сволочи наловчились производить эту штуку здесь, в городе, и мы сейчас выясняем, кто именно и где. Господин Ваймс поручил мне... – Детрит сконцентрировался, – публичную разъяснительную кампанию. Я объясняю народу, что случается со сволочами, которые продают «грязь» детям...

Троль махнул рукой в сторону висящего на стене большого и довольно грубо нарисованного плаката, который гласил:

«Грязь» – проста скажы:

“АарргхаарргхпжалустанетнетнетУФ”».

После чего Детрит толкнул некую дверь.

– Это старый чулан, который мы больше не используем, можешь возиться здесь со своими колбами и плошками. Воняет тут, как в сортире, но больше свободных комнат нет. Хотя, если поддубаться, будет очень даже ничего.

А это, – он открыл другую дверь, – раздевалка. Здесь у тебя будет свой шкафчик и так далее. А за ширмой можно переодеваться, вы, гномы, известные скромники. В общем, пообвыкнешься, если не слабак. Господин Ваймс – неплохой человек, хоть и немного странный, все время твердит: город, мол, это кипящий горшок, поэтому всякие подонки всплывают наверх, ну и всякое такое. Шлем и значок я выдам тебе чуть попозже, а сначала...

Троль открыл большой шкафчик, расположенный в другом углу комнаты. На дверце крупными буквами было написано «ДТРИТ».

– Сначала мне нужно спрятать где-нибудь этот молот.

Две фигуры выскочили из гномьей пекарни Ломозуба («Хлеб – Зубы Проглотишь»), запрыгнули в телегу и крикнули кучеру гнать лошадей.

Однако он повернул к ним бледное лицо и показал на дорогу впереди.

Там сидел волк.

Не совсем обычный волк. У него была светлая шкура, а шерсть за ушами была настолько длинной, что образовывала настоящую гриву. Кроме того, нормальные волки не имеют привычки сидеть спокойно прямо посреди городской улицы.

Волк издал рык. Продолжительный и глубокий. Этакий звуковой эквивалент стремительно укорачивающегося бикфордова шнура.

Лошадь нерешительно переступила с копыта на копыто. Она была слишком напугана, чтобы стоять неподвижно, но куда больше боялась стронуться с места.

Один из людей осторожно потянулся к арбалету. Рычание усилилось. Еще осторожнее он убрал руку. Рычание ослабло.

– Что это?

– Это волк!

– В городе? Чем же он питается?

– Ты очень хочешь это выяснить?

– *Доброе* утро, господа! – поздоровался Моркоу, отделяясь от стены. – Похоже, туман опять поднимается. Могу я проверить ваши лицензии?

«Господа» повернулись. Моркоу одарил их лучезарной улыбкой и поощряюще кивнул.

Один из «господ» похлопал по карманам, пытаясь изобразить задумчивую растерянность.

– А. Ну. Э. Оставили дома, сегодня утром немного торопились, должно быть, забыли...

– Раздел второй, Правило первое устава Гильдии Воров. Члены Гильдии должны носить свои удостоверения при всех случаях профессиональной деятельности, – процитировал Моркоу.

– А где его меч? – прошептал самый глупый из троих.

– Дурак! Зачем ему меч, когда есть волк?

Стоял угрюмый полумрак. Тишину разрывал лишь скрип пера.

А потом вдруг раздался еще один скрип. Открывающейся двери.

Пишущий быстро, как птица, повернулся.

– Ты? Я же говорил тебе никогда больше сюда не приходить!

– Знаю, знаю, но случилось непредвиденное! Конвейер остановился, и тогда он вышел наружу и убил священнослужителя!

– Кто-нибудь это видел?

– В том тумане, что был прошлой ночью? Вряд ли. Но...

– Тогда что ты переживаешь?

– Переживаю? Но они не должны *убивать* людей. Ну... по крайней мере, – говорящий слегка сбросил обороты, – проламывать им черепа...

– Они будут это делать, если дать им соответствующие инструкции.

– Но я ему ничего подобного не приказывал! А что, если он и меня вот так?..

– Тебя? Своего хозяина? Он не может пойти против слов, что вложены ему в голову.

Посетитель сел, недоверчиво постанывая.

– Да, но откуда я знаю, что у него там за слова? Нет, это уж чересчур, я больше не могу, он все время рядом...

– А как же твой доход? Ты неплохо получаешь.

– Само собой, само собой, но все как-то запуталось. И еще этот яд, я ведь никогда...

– Заткнись! Увидимся вечером. Можешь сообщить остальным, что у меня появился кандидат. И если ты еще раз осмелишься сюда прийти...

Королевская геральдическая палата Анк-Морпорка оказалась зелеными воротами в стене на Моллимогской улице. Ваймс дернул за шнурок звонка. С другой стороны стены что-то брякнуло, вслед за чем разразилась ужасная какофония: кто-то выл, кто-то рычал, кто-то свистел, а

кто-то трубил.

– Лежать, малыш! – завопил чей-то голос. – А ну, лежать! Я сказал: лежать! Нет! Не служить! Ляг – и получишь кусок сахара. Вильям! Немедленно прекрати! Отпусти его! Милдред, отпусти Грэхема!

Затем шум животной возни несколько ослаб, и слышались приближающиеся шаги. Калитка в воротах чуточку приоткрылась.

Взору Ваймса предстала очень узкая полоска очень маленького человека.

– Да? Ты разносчик мяса?

– Командор Ваймс, – представился Ваймс. – У меня назначена встреча. Шум, производимый животными, опять усилился.

– Че?

– *Командор Ваймс!* – проорал Ваймс.

– Ой! Конечно, конечно, сейчас открою!

Дверца распахнулась. Ваймс перешагнул через порог.

Наступила тишина. Несколько пар глаз с подозрением уставились на Ваймса. Некоторые из этих глаз были маленькими и красными. Другие были большими и чуть приподнимались над поверхностью грязного пруда, который занимал значительную часть двора. Третьи смотрели с насеста.

Двор был битком набит всевозможными животными и птицами, но сей необычный вид по всем параметрам проигрывал *запаху*, витающему тут. Большинство из животных были в преклонных летах, что, кстати, ничуть не улучшало вышеупомянутый запах.

Беззубый лев зевнул в сторону Ваймса. Лев, разгуливающий на свободе (ну, или, точнее сказать, валяющийся на свободе), безусловно, производит впечатление, однако не столь сильное, как лев, служащий подушкой старому грифону и спящий, задрав вверх все четыре лапы.

Тут были и ежи, и седеющий леопард, и линяющие пеликаны. Зеленая вода плескалась в пруду, где периодически открывали пасти два огромных бегемота. И никто никого не пытался съесть.

– О да, все удивляются, оказавшись здесь впервые, – прошамкал старик. Одна его нога была деревянной. – Мы живем маленькой счастливой семьей.

Ваймс оглянулся и вдруг заметил небольшую совку.

– О боги! – изумился он. – Это же морпорк, правда?

Лицо старика расплылось в радостной улыбке.

– Ага, вижу, ты изволишь знать свой герб, – прохрипел он. – Предки Дафны прибыли с островов, что лежат по другую сторону от Пупа, дальний был путь...

Ваймс вытащил свой значок и уставился на изображенный там герб. Старик заглянул через его плечо.

– Но это, разумеется, не Дафна, – сказал он, показывая на совку, что сидела на кресте-анке. – Это ее бабушка, Оливия. Морпорк на анке, понимаешь? Каламбур, игра слов. Смешно? А я ведь только начал. Здесь много забавного. А вообще, было бы неплохо найти для нее жениха. И самку для бегемотов. Ну, то есть его сиятельство говорит, у нас и так два бегемота, вполне достаточно, но, по-моему, это не совсем естественно для Родерика и Кейта. Нет-нет, я не сужу, упаси боги, это просто неправильно, вот и все. Так как там тебя, господин?

– Ваймс. Сэр Сэмюэль Ваймс. Моя жена договаривалась о встрече.

Старик опять захихикал.

– Ну да, понимаю, обычное дело.

Двигаясь довольно-таки быстро, несмотря на деревянную ногу, старик повел Ваймса между дымящимися холмиками разнообразного навоза к зданию на другом конце двора.

– Наверное, здесь можно обустроить неплохой огород, – сказал Ваймс, пытаясь поддержать беседу.

– Я пробовал посадить ревеня, – откликнулся старик, толкнув дверь. – Но он вырос в двадцать футов высотой, а затем взял и загорелся. Отгадай, где в этот момент был наш дракон? Он тогда был болен и... Жаль его, жаль, хорошо хоть, шкура не попортилась. Ну, прошу пожаловать, досточтимый господин.

Зал был настолько же тихим и темным, насколько двор был полон света и шума. В воздухе висел сухой кладбищенский запах старых книг и часовен. Когда глаза немножко привыкли к темноте, Ваймс разглядел висящие наверху флаги и вымпелы. В зале было несколько окон, однако сквозь плотную паутину и трупки мух внутрь проникал лишь серый полумрак.

Дверь за спиной Ваймса закрылась, и он остался один. Сквозь мутное стекло было видно, как старик ковыляет через двор к некоему предмету, над которым трудился до прихода Ваймса.

А трудился он над самым настоящим живым гербом.

В одном из углов двора высился огромный щит, к которому был прибит громадный капустный кочан. Старик сказал что-то неслышное Ваймсу. Совка слетела со своего насеста и приземлилась на анк, прикрепленный к верхушке щита. Два бегемота выбрались из пруда и, прошлепав к щиту, замерли по обе стороны от него.

Старик установил перед сценой мольберт, водрузил на него холст, взял

паллет, кисть и крикнул:

– Оп-ля!

Бегемоты поднялись на задние ноги – складывалось четкое ощущение, что их мучает артрит. Сова расправила крылья.

– О боги, – пробормотал Ваймс. – А я думал, это все выдумки...

– Выдумки, сэр? Вы упомянули про выдумки? – раздался чей-то голос. – Клянусь богами, у нас очень скоро возникли бы большие проблемы, если бы мы что-то выдумывали.

Ваймс повернулся. Позади него стоял невысокий старичок, счастливо моргая сквозь толстые стекла очков. Из-под мышки у старичка торчало несколько свитков.

– Прошу прощения, не смог встретить вас у дверей, но в настоящий момент мы очень заняты, – сказал он, протягивая свободную руку. – Я – Круассан Руж.

– Как-как? – переспросил Ваймс в замешательстве. – Круассан – это же такая булочка?

– Нет-нет. Что вы. На нашем языке это означает Алый Полумесяц. Видите ли, это мой титул. Очень древний титул. Я – геральдист. А вы, наверное, будете сэром Сэмюелем Ваймсом, не так ли?

– Именно.

Алый Полумесяц заглянул в свиток.

– Ну-с... Итак... Как вам нравится хорек? – осведомился он.

– Хорек? Это такой грызун?

– Видите ли, у нас живут несколько хорьков. Знаю, знаю, строго говоря, это не геральдическое животное, но у нас тут есть парочка хорьков, и мы же не можем просто так содержать животных, и придется, наверное, их отпустить – если только кто-нибудь не согласится принять бедняжек в качестве герба. М-да, Пардесс Шатен очень расстроится. А расстроившись, он запирается в своем сарайчике и подолгу оттуда не выходит...

– Шатен... вы про того старика? – уточнил Ваймс. – Но он же...

– На нашем языке это означает Коричневый Плащ.

– Да, спасибо, понятно. Однако я... в общем... зачем ему... ну, я думал, вы... герб – это же просто соединение картинок. Неужели обязательно рисовать все с натуры?

Алый Полумесяц был явно шокирован.

– Ну, если вы хотите, мы, конечно, можем вам *состряпать* герб. Тяп-ляп – и готово, – слегка обиженно проговорил он. – Только не обижайтесь, если потом над вами будут смеяться. То есть хорьки никак не подходят?

– Лично мне все равно, – признался Ваймс. – Но хорьки – это

несколько... Гм, моя супруга предпочла бы дракона...

– Этого не будет. И, быть может, к счастью, – раздался голос из темноты.

Подобные голоса чужды свету. Он звучал сухо, как... как пыль. Как если бы исходил изо рта, который никогда не знал радостей слюны. Он звучал мертво.

И не только звучал.

Воры, пытавшиеся ограбить пекарню, прикидывали свои шансы.

– Моя рука на арбалете, – сообщил самый рискованный из трех.

– Правда? А мое сердце в пятках, – откликнулся самый трезвомыслящий.

– О-о-о, – простонал третий. – А мое сердечко вот-вот остановится...

– Я не о том. Ну, то есть... у него даже меча нет. Я беру на себя волка, а вы двое разбираетесь с этим парнем. Легче легкого.

Вор, обладающий более трезвым мышлением, чем его сотоварищи, окинул взглядом капитана Моркоу. Его надраенную до блеска мощную кольчугу. Его мощные руки. Его очень мощные ноги.

– Кажется, у нас возникла патовая ситуация, – прокомментировал капитан Моркоу.

– А что, если мы бросим деньги? – предложил трезвомыслящий вор.

– Это существенно упростит положение дел.

– Ты нас отпустишь?

– Нет. Но этот поступок обязательно зачтется в вашу пользу, и я буду свидетельствовать, что вы всячески способствовали расследованию.

Вор, сжимающий арбалет, облизнул губы и перевел взгляд с Моркоу на волка.

– Либо ты со своим волком убираешься с дороги, либо кое-кому очень не поздоровится, – предупредил он.

– Вот-вот, – грустно кивнул Моркоу. – Именно этого я и хотел избежать.

Подняв руки, Моркоу продемонстрировал два плоских и круглых предмета, примерно с ладонь каждый.

– Это, – сказал он, – гномий хлеб. Самый лучший, что есть у господина Ломозуба. Это, конечно, не классические боевые булочки, но вполне сойдет...

Рука Моркоу сделала резкое движение. Над землей пронесся небольшой ураганчик из мучной пыли, и плоская лепешка с глухим стуком вошла в борт телеги – примерно в полудюйме от вора со слабым сердцем и,

как выяснилось, столь же слабым мочевым пузырем.

Человек с арбалетом с удивлением уставился на гномий хлеб, но, буквально через секунду ощутив на запястье некое легкое влажное давление, перевел взгляд на свою руку.

Ни одно животное не способно двигаться так быстро, однако рядом с вором стоял волк, и выражение на его морде говорило о простом и очевидном факте: челюсти, которые прикусывали воровское запястье, могли сомкнуться в любой момент.

– Отзови его! – выкрикнул вор, отбрасывая свободной рукой арбалет. – Я сдаюсь! Прикажи ему отпустить мою руку!

– Я не могу ей приказывать, – пожал плечами Моркоу. – Она все всегда решает сама.

Послышалось громыхание обитых железом башмаков, и с полдюжины гномов выбежали из дверей пекарни. Выбив подошвами сноп ярких искр, гномы затормозили рядом с Моркоу.

– Хватайте этих сволочей! – заорал господин Ломозуб.

Моркоу опустил ладонь на шлем гнома и вежливо повернул Ломозуба к себе.

– День добрый, господин Ломозуб, – поздоровался он. – Я так понимаю, ты узнаешь этих людей?

– Еще б я их не узнал, капитан Моркоу! – воскликнул хлебопек. – Ворюги проклятые! Ну, готовьтесь, сейчас мы вас отбуразим!^[3]

– О-о-о... – простонал вор-сердечник.

Под телегой снова закапало.

– Нет-нет, господин Ломозуб, – терпеливо сказал Моркоу. – В Анк-Морпорке мы такое наказание не практикуем^[4].

– Они дали по башке Бьорну Тугоштану. А Олафа Рукисилу пнули прямо в бад'дхакз!^[5] Мы отрежем им...

– Господин Ломозуб!

Гном-хлебопек тут же прервался и отступил на шаг – к удивлению и радости воров.

– Да... хорошо, капитан Моркоу. Как прикажете.

– У меня есть кое-какие дела, и я был бы очень благодарен, если бы вы сами сдали их в Гильдию Воров, – сказал Моркоу.

– О нет! – сразу побледнел самый трезвомыслящий. – В последнее время к нелегализованному воровству там относятся очень жестко. Что угодно, только не Гильдия Воров!

Моркоу повернулся. Лицо его осветилось особым образом.

– Что угодно? – переспросил он.

Нелицензированные воры поглядели друг на друга и заговорили практически одновременно:

– Гильдия Воров? Ну и ладно. Нет проблем.

– Мы ее очень уважаем, эту Гильдию. Любим, можно сказать.

– Ждем не дождемся туда попасть. Быстрее в Гильдию Воров!

– Такие прекрасные люди.

– Строгие, но справедливые.

– Отлично, – кивнул Моркоу. – Значит, все счастливы. Ах да. – Капитан покопался в своем кошельке. – Вот пять пенсов за хлеб, господин Ломозуб. Он немножко запачкался, но, если его почистить песочком, будет выглядеть как свежесдобитый.

Гном тупо уставился на монеты.

– Ты хочешь заплатить *мне* за то, что спас *мои* деньги? – уточнил он.

– Как примерный налогоплательщик, господин Ломозуб, ты находишься под защитой Городской Стражи, – пояснил Моркоу.

Наступила деликатная пауза. Господин Ломозуб внимательно изучал свои башмаки. Один или два гнома начали хихикать.

– Вот что я скажу, – мягким голосом промолвил Моркоу. – Я вернусь, как только закончу с делами, и помогу правильно заполнить налоговые формы. Договорились?

Неловкую тишину нарушил вор.

– Э... а не мог бы... твой песик... отпустить мою руку? Пожалуйста.

Волк разжал челюсти, спрыгнул с телеги и подбежал к Моркоу, который, в свою очередь, бодро отдал честь.

– Всем желаю хорошего дня, – сказал он, повернулся и двинулся прочь.

Воры и их жертвы смотрели ему вслед.

– Он что, *всамделишный*? – спросил самый умный вор.

Издав утробное рычание, хлебопек наконец вышел из ступора.

– Сволочи! – заорал он. – Гады!

– Что? Да в чем дело? Ты же получил обратно свои деньги! Чего переживать-то?

Двое работников с трудом сдерживали рвущегося к ворах господина Ломозуба.

– Три года! – орал он. – Три года никто меня не трогал! Три чертовых года – и ни единого стука в дверь! А теперь что?! О да! Он очень порядочный и честный! Уж он-то позаботится, чтобы я заполнил все правильно, чтобы не попал ни в какие переделки! Ну почему вы, придурки,

просто не убежали?

Ваймс внимательно осмотрел темную заплесневевшую комнату. Такие голоса, как правило, доносятся из гробниц.

Паника отразилась на лице маленького геральдиста.

– Не будет ли так любезен сэр Сэмюель пройти сюда? – осведомился голос.

Он был холоден, этот голос, и каждый слог выговаривал абсолютно четко. Подобные голоса не ведают сомнений и не знают отказов.

– Это, собственно, э... Дракон, – пояснил Алый Полумесяц.

Ваймс невольно потянулся к мечу.

– Дракон, Король Гербов, – закончил человек.

– Король Гербов? – удивился Ваймс.

– Таков мой титул, – сказал голос. – Входите же, командор, молю вас.

По каким-то причинам в подсознании Ваймса слова сами собой преобразовались, и получилось: «Входите же, командор, и молитесь».

– Уверяю, сэр, меч вам не понадобится, – произнес голос Дракона, когда Ваймс шагнул во внутренние покои Королевской геральдической палаты. – Я вот уже более пятисот лет как Дракон Король Гербов, однако дышать пламенем так и не научился. Ах-ха. Ах-ха.

– Ах-ха, – подтвердил Ваймс.

В тусклом свете, проникающем сквозь высоко расположенные грязные окна, и неверных тенях, что отбрасывали коптящие свечи, говорившего было не разглядеть. Разве что угадывались сгорбленные плечи.

– Садитесь, командор, молю вас, – продолжал Дракон Король Гербов. – И вы меня очень обяжете, если посмотрите влево и поднимете подбородок.

– И подставляю шею, да? – спросил Ваймс.

– Ах-ха. Ах-ха.

Взяв канделябр, фигура подошла чуть ближе. Рука, иссохшая, как у скелета, сжала подбородок Ваймса и мягко повернула его голову сначала вправо, а потом влево.

– О да. Классический профиль Ваймсов. Но уши... Ну конечно! Видимо, ваша бабушка по материнской линии происходила из Скобов. Ах-ха...

Рука Ваймса опять сжала меч Ваймсов. На свете существовал только один тип существ, которые при внешней слабости обладали такой силой.

– Так я и думал! Ты – вампир! – воскликнул он. – Кровопийца-вампир!

– Ах-ха. – Этот звук мог быть смешком. С тем же успехом он мог быть покашливанием. – Да. Я вампир, разумеется. И я слышал ваше мнение о

вампирах. «Уже не жилец, но еще не мертвец» – так, кажется, вы выразились. Довольно точное определение. Ах-ха. Вампир – да. Но кровосос – нет. Кровяные пудинги – да. Нежный, сочный, правильно приготовленный кусок мяса – да. На крайний случай есть Большая Мясницкая, тамошние мясники всегда рады услужить. Ах-ха, да. Все мы выживаем, как можем. Ах-ха. Но молодым девам с моей стороны ничто не угрожает. Ах-ха. По крайней мере, вот уже несколько сотен лет, ну а до того – обычные грехи молодости. Ах-ха.

Фигура и ореол света вместе с ней отодвинулись.

– Однако, боюсь, вы напрасно потратили свое время, командор Ваймс.

Глаза Ваймса постепенно привыкали к темноте. Непонятные кучи, громоздящиеся повсюду, на деле оказались стопками книг. Судя по всему, книжными полками здесь пользоваться не привыкли. Из книг торчали похожие на раздавленные пальцы закладки.

– Не понимаю, – нахмурился Ваймс.

Либо у Дракона, Короля Гербов, и в самом деле были очень сутулые плечи, либо под своим бесформенным одеянием он прятал крылья. Некоторые из вампиров могут летать, как летучие мыши, вспомнил Ваймс. Интересно, сколько лет этому? Вампиры могут «жить» почти вечно...

– Насколько мне известно, вы пришли сюда, чтобы, ах-ха, получить собственный герб. Боюсь, это невозможно. Герб Ваймсов некогда уже существовал, и его не воскресить. Это было бы против правил.

– Каких правил?

Вампир с глухим стуком раскрыл какую-то книгу.

– Не сомневаюсь, вы хорошо знаете свою родословную, командор. Ваш отец был Томас Ваймс, отцом которого был Гвильям Ваймс, а его отцом...

– Я понял ваш намек, – ровным голосом сказал Ваймс. – Старина Камнелиц. Это с ним связано.

– Точно. Ах-ха. Праведник Ваймс, ваш предок. Старина Камнелиц, о да, так его прозвали в народе. Командор Городской Стражи в 1688 году. И убийца короля. Последнего короля Анк-Морпорка именно он убил, и об этом знает каждый мальчишка.

– Не убил, а казнил!

Вампир пожал плечами.

– Как бы там ни было, фамильный герб вашей семьи был, как выражаемся мы в геральдике, «извлекатус экс обращениум». Что означает «спускатум де унитазум». Уничтожен. И запрещен. Сделан невозможным к воскрешению. Фамильные земли отобраны, семейное поместье стерто с

лица земли, страница вырвана из истории. Ах-ха. Знаете ли, командор, очень забавный факт: многие из, ах-ха, «потомков Каменнолицего», – (последние два слова вампир выделил, используя кавычки вместо щипцов, которыми, чтобы не испачкаться, поднимают нечто противное и мерзкое), – были офицерами Стражи. Я думаю, командор, у вас тоже есть прозвище. Ах-ха. Ах-ха. Интересно, передается ли по наследству стремление смыть семейный позор? Ах-ха.

Ваймс скрипнул зубами.

– То есть вы хотите сказать, герб мне не положен?

– Это так. Ах-ха.

– Потому что мой предок казнил... – Ваймс сделал паузу. – Нет, это нельзя назвать казнью, – поправился он. – Казнят людей. Придавил гниду.

– Убил короля, – сухо констатировал Дракон.

– О да. И, как потом выяснилось, в темницах у этого короля стояли специальные механизмы для...

– Командор, – подняв руки, прервал его вампир, – я чувствую, вы не поняли меня. Кем бы тот человек ни был, вместе с тем он был королем. Видите ли, корона – это вам не шлем, ах-ха. Даже когда ее снимают, она все равно остается на голове.

– Зато Старина Камнелиц снял ее раз и навсегда!

– Без всякого суда и следствия.

– Все побоялись взять на себя такую ответственность, – сказал Ваймс. – Попросту говоря, трусили.

– Все. Кроме вас... то есть вашего предка...

– Да. Кто-то же должен был это сделать. Чудовищ надо истреблять.

Дракон наконец нашел нужную страницу и развернул книгу к Ваймсу.

– Вот его герб.

Ваймс опустил глаза. Знакомый крест-анк и знакомая совка-морпорк на нем. А под крестом располагался щит, поделенный на четыре части, в каждой четверти – свой символ.

– И что означает эта корона с торчащим сквозь нее кинжалом?

– О, это традиционный символ, ах-ха. И значение его: «Я защищаю корону».

– Правда? А эта связка из прутьев с топором внутри что символизирует? – ткнул пальцем Ваймс.

– Атрибут власти. То есть владелец герба служит... служил закону. Кстати, топор... Интересный предвестник будущего, не правда ли? Но, боюсь, топоры ничего не решают.

Ваймс уставился на третью четверть, на которой изображалось нечто

вроде мраморного бюста.

– Помните его прозвище? – подсказал Дракон. – Старина Камнелиц просил, чтобы данный факт также был отражен. Отчасти геральдика – это искусство хороших каламбуров.

– А последняя четверть? О чем говорит кисть винограда? О том, что он был не дурак выпить? – фыркнул Ваймс.

– Нечто вроде, но не совсем. Ах-ха. Раньше было такое известное вино, ваймское, которое после известных событий запретили. Хотя оно, кстати, никак не было связано с именем вашего предка, просто созвучно, ах-ха.

– Понял. Искусство *плохих* каламбуров, – подметил Ваймс. – От вашего юмора люди, наверное, по полу катаются.

Дракон захлопнул книгу и вздохнул.

– Человек, делающий то, что должно быть сделано, редко удостоивается награды. И, увы, я тут бессилён, вашего герба больше не существует, – развел руками вампир. Однако тут же улыбнулся: – И все равно... я был очень рад, командор, когда услышал о вашей женитьбе на госпоже Сибилле. Отличная родословная. Одна из самых знатных семей в городе, ах-ха. Овнецы, Силачии, Вентурии, Шноббсы, конечно...

– Значит, прием закончен? – осведомился Ваймс. – Так я пошел?

– У меня редко бывают гости, – сказал Дракон. – Как правило, мы сюда никого не пускаем, предпочитаем выезжать к заказчику на дом, но я решил, что вы заслуживаете объяснения. Ах-ха. Работы у нас, признаться, невпроворот. Раньше геральдика была совсем другой, настоящей. Но сейчас ведь на дворе столетие Летучей мыши! Открыл второй лоток с пирожками – все, пора обзаводиться благородным происхождением: считай, заслужил. – Вампир махнул тонкой белой рукой в сторону трех гербов, припиленных в рядок к доске. – Мясник, хлебопек, свечных дел мастер, – негромко фыркнул он. – Да-да, свечных. И ничего ведь не попишешь, приходится копаться в записях, выискивать мнимые доказательства того, что они заслуживают герба...

Ваймс взглянул на доску.

– По-моему, я где-то уже видел этот герб? – нахмурился он.

– А-а... Господин Артур Нувриш, владелец свечного заводика, – сказал Дракон. – Неожиданно у него очень хорошо пошли дела, и он решил податься в благородное сословие. Выгнутый серого цвета щит, что отражает его личное предназначение и усердие (насколько усердный, ах-ха, этот бизнес!), поделен наискосок свечным фитилем. В верхней половине – шандель в фенетре авек ридо улан (иначе говоря, свеча, освещающая окно

теплым заревом, ах-ха), нижняя половина – два горящих канделябра (это намекает на то, что владелец герба продает свечи и богатым и бедным без разделения). К счастью, его отец работал в гавани, что позволило нам использовать элемент в виде ламп о-пуассон (рыбовидной лампы), связывающий воедино его и сына профессии. Ну а девиз я оставил на обычном современном языке: «Арт Нуво. Засвечу Всем». Извиняюсь, ах-ха, это, конечно, недопустимо, но слишком велико было искушение.

– У меня уже бока болят от смеха, – сказал Ваймс.

Что-то его беспокоило, и он не мог понять что. Дурацкая мыслишка крутилась в его голове, никак не давая себя поймать.

– А этот герб – для господина Герхардта Крюка, президента Гильдии Мясников, – продолжал Дракон. – Жена убедила его, что ему необходим герб, – а кто мы такие, чтобы спорить с дочерью торговца требухой? Так или иначе, после долгих обсуждений мы остановились на красном, цвета крови, щите в сине-белую полоску, как передник мясника, разделенном связкой сосисок и с топориком для рубки мяса по центру. Топорик держит рука в странной рукавице. Но на самом деле это боксерская перчатка – понимаете намек? Удар крюком, он же хук. Девиз: «Футурис Меус Эст Ин Висцерис», что переводится как «Будущее Мое – Внутре». Это и относится к его профессии, и в то же время, ах-ха, намекает на старый обычай предсказывать...

– ...Будущее по кишкам, – закончил Ваймс. – Чудесно.

Назойливая мыслишка никак не желала успокаиваться. Она уже начала подпрыгивать, привлекая к себе внимание.

– Ну и последний герб, ах-ха, предназначается для Рудольфа Горшка из Гильдии Пекарей, – сказал Дракон, указывая костлявым пальцем на третий щит. – Можете прочесть его, командор?

Ваймс угрюмо посмотрел на щит.

– Ну, разделен на три части, есть роза, пламя и горшок, – сказал он. – Э... хлебопеки используют огонь, а горшок для воды, я думаю...

– И одновременно намек на имя владельца, – добавил Дракон.

– Но его ж не Розой зовут. Гм... – Ваймс вдруг моргнул. – А, понял. Роза, шипы. Шипы – это муки. Мúки – мука́. Получается мука, огонь и вода. Только горшок какой-то странный: смахивает на ночную вазу.

– Раньше хлебопеки назывались писварами. Очень древнее слово, – пояснил Дракон. – А что, командор, мы еще сделаем из вас хорошего геральдиста! Ну а девиз?

– «Квод Субиго Фаринам», – проговорил Ваймс, морща лоб. – Потому что... «Фаринам» – это что-то связанное с кукурузой или мукой... Нет, не

так. «Потому Что Крутой Замес»?

Дракон похлопал в ладоши.

– Неплохо, сэр!

– Долгими зимними вечерами здесь должна собираться куча народа. Поохотать от души, – сказал Ваймс. – И это и есть геральдика? Шарады и каламбуры?

– Не только. Вы видите лишь то, что сверху, – возразил Дракон. – Эти гербы довольно-таки просты. Нам надо было их всего-навсего придумать. Тогда как предтечи гербов старинных семейств, таких, к примеру, как Шноббсы...

– *Шноббсы!* – воскликнул Ваймс. Мыслишка наконец попалась. – Вот оно! Вы уже упоминали Шноббсов, когда говорили о старых семействах!

– Ах-ха. Что? О, конечно. Да. О да. Старое славное семейство. Хотя сейчас, к сожалению, увядшее и вымершее.

– Уж не имеете ли вы в виду, что Шноббсы... имеют какое-то отношение к капралу Шноббсу? – уточнил Ваймс с невольной дрожью в голосе.

Это откровение и вправду пугало.

Книга раскрылась. В оранжевом свете замелькали всевозможные гербы и щедро разросшиеся, ветвистые фамильные деревья.

– Посмотрим, посмотрим... Вы говорите о С. В. Сн. Дж. Шноббсе?

– Э... да. Да!

– И названный господин является сыном Сконнера Шноббса и госпожи, именуемой здесь Мэйси с улицы Вязов?

– Наверное.

– И внуком Сляпа Шноббса?

– Похоже на то.

– Который, в свою очередь, был незаконнорожденным сыном Эдварда Сен-Джона де Шноббса, графа Анкского, и, ах-ха, горничной неизвестного происхождения?

– О боги!

– Граф умер без наследника, за исключением того самого, ах-ха, Сляпа. О его потомках мы слышали, но найти их так и не смогли.

– О боги!

– Вы, случаем, не знакомы с этим господином?

Ваймс с удивлением обратил внимание, что слово «господин» применялось к капралу Шноббсу вполне серьезно и уважительно.

– Э... знаком, – признался он.

– Он владеет каким-либо имуществом?

– Разве что чужим.

– Тогда, ах-ха, обязательно расскажите ему о его предках. Пусть нет больше семейного состояния и нет фамильных земель, но титул-то остался.

– Извините... давайте убедимся, что я все правильно понял. Капрал Шноббс... мой капрал Шноббс... является графом Анкским?

– Ему надо будет предоставить нам некие доказательства, но вроде бы ошибки нет. Мы даже выдадим ему соответствующий документ.

Ваймс тупо уставился в стену. До сих пор документы капралу Шноббсу требовались только затем, чтобы его по ошибке не сдали в какой-нибудь зоопарк.

– О боги! – в который раз воскликнул Ваймс. – У него, наверное, и собственный герб есть?

– И довольно замечательный.

– О.

Ваймс *не хотел* герба. Час назад он бы с удовольствием увильнул от визита в Геральдическую палату, как поступал не раз до этого. Но...

– Шнобби? – пробормотал он. – О боги!

– Ну и ну! Как удачно мы встретились, – покачал головой Дракон. – Самое приятное – это заполнять пробелы в семейных хрониках. Ах-ха. Между прочим, как поживает юный капитан Моркоу? Я слышал, его подружка – вервольф? Ах-ха.

– Это и в самом деле так, – подтвердил Ваймс.

– Ах-ха. – В темноте Дракон вскинул руку и дотронулся до своего носа. То ли просто почесал его, то ли подал некий секретный знак, который Ваймс не понял. – Мы уже встречались с подобными случаями!

– У капитана Моркоу все хорошо, – максимально ледяным голосом промолвил Ваймс. – У капитана Моркоу всегда все хорошо.

Уходя, он хлопнул дверью. Огоньки свечей затрепетали.

Констебль Ангва вышла из переулка, на ходу застегивая ремень.

– Кажется, все прошло гладко, – сказал Моркоу. – Если и дальше так будет продолжаться, уважение к нам общества будет только расти.

– Пф-ф! У меня во рту до сих пор стоит вкус того рукава! Интересно, слышал ли этот тип о том, что изобрели такую штуку, как прачечная? – поинтересовалась Ангва, вытирая губы.

Они двинулись вдоль мостовой, автоматически переключившись на энергосберегающую походку настоящих стражников, когда нога используется как маятник, который сам несет тебя вперед с минимальным расходом энергии. «Настоящий стражник должен много ходить», – всегда

говорил Ваймс, а поскольку так говорил Ваймс, Моркоу в это искренне верил. Много ходить и много разговаривать. И рано или поздно ответ найдется.

«Уважение общества», – подумала Ангва. Любимое выражение Моркоу. На самом деле это было любимое выражение Ваймса, хотя сэр Сэмюель, произнося эти слова, обычно сплевывал. Но Моркоу *верил* в общество. Это ведь именно Моркоу предложил руководству города дать закоренелым преступникам шанс «искупить вину перед обществом», ремонтируя дома престарелых горожан. Старость и так не радость, а теперь еще пожилому населению Анк-Морпорка приходилось чуть ли не каждый день лицом к лицу сталкиваться с самыми отпетыми представителями преступного мира. Кроме того, не был принят во внимание уровень преступности в Анк-Морпорке: в результате за каких-то шесть месяцев прихожую одной старушки столько раз обклеили обоями, что там теперь можно было передвигаться лишь боком^[6].

– Я нашел кое-что интересное, тебе тоже будет интересно взглянуть на это, – поделился Моркоу после короткой паузы.

– Интересно, – кивнула Ангва.

– Но я пока не скажу тебе, что это. Иначе сюрприз будет испорчен, – продолжал Моркоу.

– О. Ладно.

Еще некоторое время Ангва шагала, над чем-то размышляя.

– А можно спросить? – наконец промолвила она. – Это будет таким же сюрпризом, как и та коллекция камней, что ты показал мне на прошлой неделе?

– Хорошая была коллекция, правда? – обрадовался Моркоу. – Я столько раз ходил по той улице и даже не подозревал, что там находится музей минералов! Какие были силикаты, а?

– Просто потрясающие. Не понимаю, и почему в этом музее никого народу? Силикаты ведь...

– Вот-вот, и я этого тоже не понимаю.

Ангва напонила себе, что такая штука, как ирония, Моркоу неведома. Хотя разве он виноват в том, что рос среди гномов, в шахтах? Он ведь совершенно искренне считал, что куски камней могут быть интересны всем. А за неделю до этого они ходили на сталелитейный завод. Там тоже было очень интересно.

И все же... все же... Моркоу не мог не нравиться. Моркоу нравился даже преступникам, которых арестовывал. Нравился даже старушкам, которые теперь из-за него постоянно дышали свежей краской. И нравился

ей. Очень. Из-за этого бросить его будет еще тяжелее.

Она была вервольфом, оборотнем-волком. И этим все сказано. Либо ты хоронишься по углам, стараясь, чтобы люди не прознали о твоей тайне, либо ты честно признаешься, а потом видишь, как тебя сторонятся, как перешептываются у тебя за спиной, – хотя, чтобы увидеть, как перешептываются за спиной, приходится поворачиваться.

Честно говоря, Моркоу было все равно. Но ему было не все равно, что другим не все равно. Ему было не все равно, что даже самые близкие друзья-коллеги носили теперь в потайном кармашке кусочек серебра – так, на всякий случай. Она-то видела, как он расстраивается. Видела, что напряжение растет, а как решить проблему, он не знает.

Все развивалось именно так, как предсказывал отец. Вервольф человеку не товарищ – лучше сразу прыгнуть в серебряную шахту.

– В следующем году будет большой праздник, и наверняка по этому случаю устроят громадный салют, – сказал вдруг Моркоу. – Люблю салюты.

– Я поражаюсь, и почему Анк-Морпорк так жаждет отметить тот факт, что триста лет назад здесь была гражданская война? – поинтересовалась она, возвращаясь к действительности.

– А почему бы и нет? Мы же победили, – пожал плечами Моркоу.

– Да, но вы также и проиграли.

– Даже в плохом всегда ищи хорошее – вот мой девиз. Ага, мы уже пришли.

Ангва посмотрела на вывеску. Она уже научилась читать гномьи руны.

– Музей гномьего хлеба, – сказала она. – Ух ты! Всегда мечтала тут побывать.

Моркоу счастливо кивнул и толкнул дверь. Внутри стоял запах сухих корок.

– Эй-ей, господин Хопкинсон? – позвал он.

Ответа не было.

– Иногда он отлучается, – сказал Моркоу, поворачиваясь.

– Когда уже не в силах совладать с чувствами. Понимаю, – откликнулась Ангва. – Хопкинсон? Что-то не похоже на гномью фамилию.

– Он человек, – пояснил Моркоу, переступая порог. – Но очень известный авторитет. Гномий хлеб – это вся его жизнь. Он опубликовал наиболее полное описание наступательной выпечки. Ну... раз его нет, я сам возьму два билета и оставлю на столе два пенса.

Музей господина Хопкинсона не производил впечатления, что тут бывает много посетителей. На полу и витринах лежала пыль, и целые горки пыли скопились на экспонатах, большинство из которых были

классической корово-лепешечной формы, с некими признаками съедобного происхождения, но также встречались ватрушки ближнего боя, смертоносные метательные гренки и огромное множество других запыленных орудий массового и не очень уничтожения. Гномы испокон веков относились к еде как к оружию.

– Ты что там ищешь? – спросила Ангва.

Она принялась. В воздухе висел знакомый противный резкий запах.

– Сейчас, сейчас... Ты готова?.. Я хочу тебе показать... Боевой Хлеб Б'хриана Кровавого Топора! – ответил Моркоу, копаясь в столе на входе.

– Буханку хлеба? Ты привел меня сюда, чтобы показать буханку хлеба?

Она еще раз втянула воздух. Да. Кровь. *Свежая* кровь.

– Именно, – подтвердил Моркоу. – Его выставляют тут всего две недели. Это тот самый хлеб, которым Б'хриан сражался во время битвы при Кумской долине, когда убил пятьдесят семь троллей! – Впрочем, Моркоу, вспомнив о гражданском уважении, тут же справился с неподобающим восхищением. – Однако это было очень давно, и мы не должны позволять древней истории ослеплять нас и портить отношения в многоэтнической общине века Летучей мыши.

Скрипнула дверь.

– Этот боевой хлеб, – издали сказала Ангва, – он черный, да? Несколько крупнее обычного?

– Все правильно, – кивнул Моркоу.

– А господин Хопкинсон... Это такой маленький человечек? Невысокий, с белой острой бородкой?

– Он самый.

– И у него проломленный череп?

– Что?

– Я думаю, тебе лучше подойти сюда и посмотреть самому, – сказала Ангва, отступая назад.

Дракон, Король Гербов, сидел один среди свечей.

«Итак, командор Сэмюель Ваймс... – размышлял он. – Глупый человечиска. Не видит дальше своего носа. И такие люди достигают больших высот в нынешние дни. Хотя и от таких людей есть своя польза, надо полагать, поэтому Витинари и выбрал его. Глупец способен на то, о чем умный даже помыслить побоится...»

Вздыхнув, Дракон подтянул к себе другую книгу. Она была ненамного толще, чем те, что были разбросаны по комнате, – факт весьма необычный, учитывая ее содержание.

Этой книгой Дракон очень гордился. Самое удивительное – хотя Дракон уже давным-давно ничему не удивлялся, по крайней мере последнюю сотню лет, – так вот, самое удивительное, что некоторые части книги дались очень легко. Ему даже не надо было читать. Он знал книгу наизусть. Фамильные древа были аккуратно посажены там, где нужно, и сопровождалась всеми необходимыми комментариями.

Первая страница носила следующее заглавие: «Потомки Короля Моркоу I, Волею Богов Правителя Анк-Морпорка». Длинное и сложное фамильное древо занимало следующую дюжину страниц, пока не достигало слов: «Женат на...» Дальнейшее было вписано карандашом.

– На Дельфине Ангве фон Убервальд, – прочитал Дракон вслух. – Отец – и, ах-ха, сир – барон Гай фон Убервальд, также известный как Сереброхвост; мать – госпожа Серафина Сокс-Блунберг, также известная как Желтоклык, происходящая родом из Орлеи...

Эта часть была большим достижением. Он предполагал, что у его агентов будут серьезные трудности с прослеживанием волчьей стороны в происхождении Ангвы, но оказалось, вопросам родословной горные волки уделяют внимания не меньше, чем люди. Предки Ангвы явно происходили из вожаков стаи.

Дракон, Король Гербов, ухмыльнулся. Ну а к какому виду ты принадлежишь – это уже не так важно. Главное – чтоб щенята вышли породистыми.

Впрочем, ладно. Это было будущее, которое только *могло* случиться.

Он отодвинул книгу в сторону. Долгая, очень долгая жизнь дает многое. К примеру, ты постигаешь, насколько изменчивым бывает будущее. Люди говорили что-то типа: «Наши времена мирные» или «Эта империя будет жить тысячу лет», и меньше чем через полпоколения никто даже не помнил тех, кто такое сказал. Не помнили, что именно они сказали и где толпа похоронила их останки. Историю меняют мелочи. Достаточно самого обычного росчерка пера.

Дракон взял другую книгу. На обложке было написано: «Потомки короля...» Интересно, как этот человек себя назовет? Такое предсказать практически невозможно. Ну а пока...

Дракон взял карандаш и вписал некое слово. Получилось: «Потомки короля Шноббса».

После чего Дракон улыбнулся свету свечей.

Люди продолжают говорить об истинном короле Анк-Морпорка, об истинных наследниках престола, но история учит еще одному жестокому уроку. Который гласит – зачастую словами, написанными кровью:

настоящий король тот, кого короновали.

Книги заполняли и эту комнату. Таково было первое впечатление: нудная и угнетающая книжность.

Отец Трубчек лежал прямо на развалившейся куче книг. Несомненно, он был мертв. Никто бы не выжил после такой потери крови. И никто не смог бы долго оставаться живым с головой, похожей на спущенный футбольный мяч. Как будто кто-то стукнул по ней булавой.

– Отсюда с диким криком выбежала старушка, – отдавая честь, отрапортовал констебль Посети. – Я вошел и застал все в таком вот виде, сэр.

– Именно в таком, констебль Посети?

– Так точно, сэр. И меня зовут Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр.

– А кто была та старушка?

– Она назвалась госпожой Канаки, сэр. Сказала, что всегда приносит ему еду и обслуживает его.

– *Обслуживает?*

– Ну, вы понимаете, сэр. Убирает и подметает.

На полу и правда валялся поднос с разбитым кувшином и рассыпанной кашей. Старушка, которая обслуживала старика, наверняка была потрясена до глубины души, обнаружив, что кто-то обслужил ее клиента раньше.

– Она трогала его?

– Говорит, что нет, сэр.

Это означало, что старый священник умер самой *аккуратной* смертью, какую Ваймс когда-либо видел. Руки его были сложены на груди. Глаза закрыты.

И что-то похожее на скрученную бумажку было воткнуто в его рот, придавая труп убогому развязный вид, как если бы он решил выкурить последнюю самокрутку, перед тем как умереть.

Ваймс осторожно вытащил бумажку и развернул ее. Она была покрыта четко выведенными, но незнакомыми буквами. Единственная полезная информация, которую можно было извлечь, состояла в том, что автор этих строк использовал единственную доступную в избытке жидкость, разлитую по комнате.

– Фу, – поморщился Ваймс. – *Кровь* вместо чернил. Кто-нибудь может понять, что здесь написано?

– Сэр!

Ваймс закатил глаза.

– Да, констебль Посети?

– Посети-Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой, сэр, – обиженно поправил констебль Посети.

– ...Неверующего-С-Разъяснительной-Брошюрой^[7]. Я как раз хотел договорить, констебль, – кивнул Ваймс. – Ну?

– Это древний клатчский, – сказал констебль Посети. – Наречие одного из племен, живущих в пустыне и называющихся кенотинами, сэр. У них древняя, но впавшая в фундаментальное заблуждение религия и...

– Да, да, да, – быстро перебил Ваймс, который уже научился упреждать попытки констебля Посети перевести разговор на душеспасительные темы. – Но ты знаешь, что тут написано?

– Могу узнать, сэр.

– Хорошо.

– Кстати, сэр, была ли у вас возможность проглядеть те брошюры, которые я недавно вам дал?

– Я был очень занят! – автоматически ответил Ваймс.

– Ничего страшного, сэр, – тут же откликнулся Посети и улыбнулся изнуренной улыбкой борца с вездесущим злом. – Надеюсь, у вас как-нибудь найдется минутка...

Страницы из сброшенных с полок книг были вырваны и разбросаны повсюду. На многих алели пятна крови.

– Некоторые из этих книг, похоже, касаются религии, – заметил Ваймс. Он повернулся. – Детрит, огляди здесь все, хорошо?

Детрит, очерчивавший труп мелком, поднял голову.

– Так точно, сэр. Но что мне искать, сэр?

– Все, что найдешь.

– Так точно, сэр.

Ваймс с ворчанием присел на корточки и потыкал пальцем в серое пятно на полу.

– Грязь, – задумчиво проговорил он.

– Енто на полу бывает, сэр, – подсказал Детрит.

– Только это белая грязь. А у нас здесь чернозем, – ответил Ваймс.

– А, – догадался Детрит. – Улика.

– Или просто грязь. Одно из двух.

Ваймс заметил кое-что еще. Кто-то пытался привести в порядок книги. Несколько дюжин томов были сложены в одну аккуратную башню, толщиной в одну книгу; самые большие фолианты уложили в основание, ровненько, один к другому.

– Вот чего я *не понимаю*, – сказал Ваймс. – На покойного напали. Была

борьба. Потом кто-то – может, он сам, умирая, а может, убийца – пишет что-то, используя кровь бедняги. Аккуратно сворачивает бумажку и засовывает умирающему в рот на манер конфетки. После чего старик отдает богам душу, кто-то закрывает ему глаза, укладывает его аккуратно, строит башню из книг и... что? Спокойненько выходит в бурлящий круговорот под названием Анк-Морпорк?

Честный лоб сержанта Детрита сморщился в попытке запустить мыслительный процесс.

– А может... может, есть следы снаружи окна? – предположил он. – Я слышал, улики лучше всего искать под окнами...

Ваймс вздохнул. Детрит, несмотря на то что у него имелась всего одна извилина, да и та от шлема на несколько размеров меньше требуемого, был хорошим стражником и чертовски хорошим сержантом. Таких людей (в данном случае – троллей) практически невозможно обмануть. Донести до Детрита какую-либо мысль было нелегкой задачей, но потом приходилось прилагать куда больше усилий, чтобы выбить ее из его головы^[8].

– Детрит, – промолвил Ваймс как можно мягче. – На той стороне окна тридцатифутовый обрыв, а дальше – река. На которой никак не могут остаться... – Он запнулся. Вообще-то, речь шла об Анке. – Так или иначе, следы наверняка уже разгладились, – поправился он. – Ну, почти наверняка.

Однако на всякий случай он все же выглянул из окна. Река бодро булькала и чавкала. И на ее знаменитой похрустывающей поверхности не было никаких следов. Зато обнаружилось еще одно пятно грязи на подоконнике.

Ваймс поскреб его и осторожно понюхал палец.

– Похоже, опять белая глина, – констатировал он.

Он никак не мог припомнить, где в окрестностях города встречается подобная глина. Анк-Морпорк окружал жирный чернозем, тянущийся до самых Овцепиков. Человек, осмелившийся сократить путь через поле, вырастал на добрых два дюйма.

– Белая глина... – пробормотал он. – Откуда, черт побери, тут взялась белая глина?

– Все это крайне загадочно, – внес свою лепту Детрит.

Ваймс невесело ухмыльнулся. И в самом деле загадка. А загадок он не любил. Если их с самого начала не отгадать, они имели свойство с каждым днем становиться все сложнее. Так сказать, размножались.

Обычные убийства случались постоянно. И, как правило, даже Детрит мог в них разобраться. Когда над лежащим мужем стоит обезумевшая женщина с изогнутой кочергой и причитает: «Он не должен был так

говорить о нашем Невилле!», над таким преступлением между двумя чашками кофе особо не поразмышляешь. И когда субботним вечером находишь кучу различных частей тела, свисающих с балок либо прибитых к стенам «Залатанного Барабана», а остальная клиентура пытается делать вид, будто бы ничего и не случилось, даже интеллект Детрита справится с подобной задачей.

Ваймс перевел взгляд на останки отца Трубчека. И откуда столько крови в этом щупленьком человечке? Да и вряд ли он особо сопротивлялся: боец из него тот еще...

Наклонившись, Ваймс осторожно поднял одно веко трупа. Мутный голубой глаз с черным зрачком смотрел на него из того места, где сейчас находился старый священник.

«Религиозный старик, живший в двух тесных комнатках и, судя по запаху, особо из дома не выходивший... Какую угрозу и кому он мог...»

В дверь просунулась голова констебля Посети.

– Там гном внизу, без бровей и с кудрявой бородой, утверждает, будто вы велели ему прийти, сэр, – сообщил он. – И собрались кое-какие соседи умершего, говорят, отец Трубчек был их священником. Хотят похоронить его как подобает.

– Это, должно быть, Задранец. Пришли его сюда, – выпрямляясь, ответил Ваймс. – А остальным передай, что придется подождать.

Задранец забрался по лестнице, увидел сцену и только-только успел добежать до окна, прежде чем его вырвало.

– Теперь лучше? – спросил Ваймс, когда процесс закончился.

– Э... да. Наверное.

– Тогда приступай.

– Э... а к чему конкретно? – уточнил Задранец, но Ваймс уже спускался по лестнице.

Ангва зарычала. Это послужило сигналом Моркоу, что он может открыть глаза.

Женщины – как однажды поделился Колон с Моркоу, решив, что молодому капитану не помешает совет, – женщины в мелочах бывают очень забавны. Им может не нравиться, когда их видят без косметики, они могут настаивать на покупке маленьких чемоданов, хотя вещей с собой берут гораздо больше, чем мужчины. Так вот, Ангва очень не любила, когда кто-нибудь смотрел, как она превращается из человека в волка и наоборот. Это было ее условие. Моркоу позволялось видеть ее в обоих основных видах, но не в промежуточных, которые она принимала при превращении.

И нарушение этого условия было чревато полным разрывом отношений.

Волки видят мир совершенно иначе.

С одной стороны, он становился черно-белым. По крайней мере, в той своей маленькой части, за которую отвечало зрение. Но в то время, как зрение уходило на задний план, на первый выходило обоняние, смеясь и высовывая руки из окна, демонстрируя всем остальным чувствам неприличные жесты. После этого Ангва помнила запахи как цвета и звуки. Кровь была темно-коричневой, с низкими басовитыми нотками, а черствый хлеб, как ни странно, приобрел звонкую яркую синеву. Ну а люди вообще представляли собой четырехмерную калейдоскопическую симфонию. При помощи носовидения можно было прозревать не только расстояние, но и время: человек мог постоять минутку и уйти, однако, с точки зрения носа, часом позже он все еще стоял на прежнем месте, лишь его запах чуть-чуть развеялся.

Уткнувшись мордой в пол, она быстренько обежала Музей гномьего хлеба. Потом вышла на улицу и обследовала окрестности.

Через пять минут Ангва вернулась к Моркоу и подала условный сигнал.

Когда Моркоу снова открыл глаза, она уже натягивала рубашку. Вот в этом у людей неоспоримое преимущество. С парой рук можно творить настоящие чудеса.

– Я думал, ты пойдешь по следу, – удивился он.

– По какому следу? – спросила Ангва.

– То есть?

– Я чувствую его запах, твой, хлеба. И все.

– Больше ничего?

– Грязь. Пыль. Обычные запахи. Ну, есть еще кое-какие старые следы. Например, я знаю, что ты был здесь на прошлой неделе. Очень много запахов. Жир, мясо, почему-то сосновая смола, старая еда... но я могу поклясться: сегодня здесь не было ни единого живого существа, за исключением его и нас.

– Но ты же говорила, что все оставляют следы.

– Так и есть.

Моркоу взглянул на труп музейного зрителя. Как ни прикидывай, как ни примеривайся, покончить жизнь самоубийством Хопкинсон не мог. Разве что он очень долго молотил себя буханкой гномьего хлеба.

– А вампиры? – предположил Моркоу. – Кроме того, они умеют летать...

Ангва вздохнула.

– Моркоу, если бы тут побывал вампир, пусть даже месяц назад, я бы это сразу учуяла.

– В ящике стола лежит почти полдоллара мелочью, – сказал Моркоу. – Но вор наверняка охотился за Боевым Хлебом Б’хриана. Это очень ценный культурный экспонат.

– У этого бедняги были родственники? – спросила Ангва.

– Насколько я помню, была старшая сестра. Я заглядываю сюда где-то раз в месяц, просто чтобы поболтать. Он дает мне поддержать экспонаты... Давал.

– Вот это да, с ума сойти, – съязвила Ангва, не сдержавшись.

– Ага, это очень... приятно, – торжественно подтвердил Моркоу. – Напоминает о доме.

Ангва вздохнула и зашла в подсобную комнатку. Все музейные подсобные помещения, как правило, битком набиты всяким ненужным хламом, а также экспонатами с сомнительным происхождением, такими, к примеру, как монеты с надписью «52-й год до Рождества Христова». И эта комнатка не была исключением. Тут стояли несколько верстаков с обломками гномьего хлеба, аккуратный ящичек с молотками-скалками, и повсюду были разбросаны бумаги. Около одной стены, занимая большую часть комнаты, высилась печь.

– Он изучает старинные рецепты, – сказал Моркоу, похоже пытаюсь защитить репутацию старого хранителя музея даже после его смерти.

Ангва открыла дверь печи. Тепло затопило комнату.

– Ничего себе печка, – сказала она. – Для чего все это?

– А... По-моему, он выпекал метательные ячменные лепешки, – объяснил Моркоу. – В ближнем бою крайне смертоносные штуки.

Она закрыла дверцу.

– Надо возвращаться в Ярд, пускай оттуда пришлют кого-нибудь...

Ангва запнулась.

Близилось полнолуние, а в такие дни вести себя следовало очень осторожно. В облике волка было легче. Она сохраняла человеческий разум (или, по крайней мере, так ей казалось), в то время как существование становилось намного проще, – впрочем, быть может, она выглядела разумной не по человеческим меркам, а по волчьим. Так или иначе, когда она опять превращалась в человека, все резко осложнялось. Первые несколько минут, до тех пор пока не восстанавливалось морфогенетическое поле, все ее чувства были особо обострены: запахи чуть ли не валили с ног, а уши улавливали любой, даже еле слышный шорох. Кроме того, она *помнила*, что совсем недавно переживала. Волк может понюхать столб и

сразу узнает, что здесь вчера проходил старый Бонзо, он был промокший насквозь, и хозяин опять кормил его требухой. Но человеческий разум больше волнуют всякие почему да зачем.

– Тут есть что-то еще, – сказала она, тихонечко втягивая воздух. – Слабый запах. Неживого существа... Неужели ты не чувствуешь? Что-то вроде грязи, но не совсем. Что-то вроде... оранжевое...

– Гм... – тактично откликнулся Моркоу. – Вообще-то, не у всех людей нюх, как у тебя.

– Я обоняла это и раньше, где-то в городе. Не могу вспомнить где... Сильный запах. Перебивает остальные. Запах грязи.

– Ха, ну, на *этих* улицах...

– Нет, это не... не совсем грязь. Пахнет острее. Раза в три.

– Знаешь, иногда я завидую тебе. Наверное, хорошо быть волком. Но время от времени и недолго.

– В этом есть и свои недостатки.

«Например, блохи, – думала она, пока они запирали музей. – И еда. И очень хочется надеть сразу три лифчика».

Ангва продолжала убеждать себя, что все нормально, что она держит все под контролем, – и в некотором роде так оно и было. Лунными ночами она бродила по городу... да-да, время от времени Ангва совершала набег на курятники, но всегда помнила, что произошло ночью, и на следующий день обязательно возвращалась на место преступления, чтобы просунуть деньги под дверь.

Как трудно быть вегетарианкой и периодически по утрам выковыривать застрявшее между зубов мясо. Хотя она неплохо держалась.

«Очень неплохо», – еще раз заверила себя она.

Да, на ночные прогулки выходила Ангва, а не какая-нибудь дикая волчица. Она была полностью уверена в этом. Волк не остановится на курице, не выдержит.

Она содрогнулась.

Ну кого она обманывает? Днем каждый дурак может быть вегетарианцем. Главное – не стать людоедом ночью, вот на что уходят все силы.

Часы начали отбивать одиннадцать, когда карета Ваймса наконец добралась до дворца патриция. Ноги командора Ваймса были уже не те, что прежде, но он молнией взлетел по пяти лестничным пролетам и, задыхаясь, рухнул в кресло в приемной.

Минуты шли.

В дверь патриция стучаться нельзя. Он сам тебя вызовет, поскольку знает, что ты его уже ждешь.

Ваймс сидел, наслаждаясь кратким мгновением ничегонеделанья.

– Дзынь-дзынь, дзынь-подзынь! – раздалось вдруг из внутреннего кармана камзола.

Он вздохнул, вытащил обтянутую кожей шкатулку размером с небольшую книжку и открыл ее.

Дружелюбная, но немного взволнованная мордочка глянула на него из-за решетки.

– Да? – спросил Ваймс.

– Одиннадцать ноль-ноль. Встреча с патрицием.

– Да ну? Уже пять минут двенадцатого.

– Э... Стало быть, вы встретились? – с надеждой уточнил маленький демон.

– Нет.

– Мне продолжать напоминать об этом или как?

– Спасибо, не надо. Кроме того, ты почему-то не напомнил мне о том, что сегодня в десять меня ждут в Геральдической палате.

Мордочка бесенка в панике исказилась.

– Но ведь эта встреча была назначена на вторник! Зуб даю, что на вторник!

– Она была назначена на сегодня. И состоялась час назад.

– Ой. – Бес выглядел подавленным. – Э. Ну что ж. Извини. Да. Гм. А хочешь, я скажу тебе, сколько времени сейчас в Клатче? Или в Орлее? Или в Гункунге? Где угодно. Мне это раз плюнуть.

– Я не хочу знать, сколько времени в Клатче.

– А вдруг? – безнадежно спросил бесенок. – Сам подумай, какое неизгладимое впечатление ты произведешь на людей, если во время скучной беседы неожиданно скажешь: «А между прочим, в Клатче сейчас на час меньше». Или в Бес Пеларгике. Или в Эфебе. Ты спрашивай, не стесняйся. Я всегда готов помочь. Ну?

Ваймс про себя вздохнул. Раньше у него был блокнот, куда он все записывал. Это было так удобно. А затем Сибилла, да благословят боги ее заботливую душу, купила ему этого многофункционального бесенка, который в отличие от блокнота умел чуть ли не все на свете. Впрочем, насколько уже понял Ваймс, по меньшей мере десять из пятнадцати вживленных в бесенка функций отвечали за извинения в том, что оставшиеся пять функций работают неисправно.

– Хорошо, – согласился Ваймс. – Тогда запиши мне памятку.

- Ух ты! Правда? Да. Разумеется. Никаких проблем.
Ваймс прочистил горло:
– Увидеться с капралом Шноббсом, тема: трудовая дисциплина; также тема: графское происхождение.
– Э... прости, это и была памятка?
– Да.
– Гм, ты, конечно, извини, но сначала надо четко и ясно сказать: «Памятка». Именно так написано в руководстве. Можешь сам посмотреть.
– Хорошо, это была памятка.
– Прости, но тебе придется повторить ее еще раз.
– Памятка: увидеться с капралом Шноббсом, тема: трудовая дисциплина; также тема: графское происхождение.
– Принято, – кивнул бесенок. – Должен ли я напомнить тебе о записанном? И когда именно?
– А по какому времени ты будешь напоминать? По местному? – издевательски поинтересовался Ваймс. – Или по клатчскому?
– По правде говоря, я легко могу сказать, который сейчас час в...
– Ладно, лучше я запишу это в свой блокнот, если не возражаешь.
– О, как скажешь. Я умею распознавать почерк, – с гордостью признался бесенок. – Я довольно-таки продвинутый.
Ваймс вытащил блокнот и показал его бесенку.
– Что, ты и это распознаешь? – уточнил он.
Бесенок прищурился.
– Легко, – спустя буквально секунду кивнул он. – Это почерк, я уверен на все сто. Завитки и крючочки, соединенные друг с другом. Точно. Почерк. Я сразу его распознал.
– Так, может, ты мне скажешь, что тут говорится?
– Говорится? – осторожно переспросил бесенок. – Разве почерк может говорить?

Ваймс убрал потрепанный блокнот и захлопнул крышку органайзера. Потом снова откинулся на спинку кресла и стал ждать.

Кто-то очень умный, намного умнее, чем тот, кто обучал бесенка, создал для приемной патриция особенные часы. Они тик-такали, как и все часы, но против всех обычных часовых правил тик-так их был нерегулярным. Тик-так-тик... а потом явная задержка на долю секунды дольше, чем до того... так-тик-так... а потом тик на долю секунды раньше, чем вы того ожидали. После десяти минут ожидания мыслительные способности даже самых опытных и подготовленных посетителей падали до нуля. Патриций, наверное, хорошо заплатил часовщику.

Часы прозвонили четверть двенадцатого.
Ваймс подошел к двери и, вопреки обычаю, осторожно постучался.
Из-за двери не доносилось ни звука: ни шороха перекладываемых бумаг, ни приглушенных голосов.
Он попробовал ручку. Дверь была не заперта.
«Точность – вежливость королей», – всегда говорил лорд Витинари.
Ваймс вошел.

Шельма старательно соскреб крошащуюся белую грязь, после чего принялся за обследование трупа отца Трубчека.

Анатомии в Гильдии Алхимиков уделялось особое внимание. Во-первых, из-за древней теории, утверждающей, что человек представляет собой микрокосм вселенной, хотя, когда видишь вскрытое тело, трудно себе представить, что вселенная внутри тоже красного цвета и хлюпает, стоит тебе потыкать ее карандашом. А во-вторых, волей-неволей изучишь человеческую анатомию, когда ею покрыта половина стен в здании. Некоторые опыты, проводимые новичками, давали поистине взрывной результат, после чего Гильдии Алхимиков приходилось ремонтировать очередную лабораторию, перед этим сыграв в увлекательнейшую игру под названием «Найди вторую почку».

Отец Трубчек погиб в результате того, что кто-то очень долго и сильно бил его по голове. Каким-то большим тупым предметом. Это и все, что можно было сказать^[9].

Шельма внимательно осмотрел тело. Да, все чисто, никаких следов побоев, разве что пара кровавых потеков запеклась на пальцах. Но, вообще-то, кровь была повсюду.

Два ногтя были содраны. Трубчек боролся или, по меньшей мере, пытался защитить себя руками.

Шельма склонился поближе. Под уцелевшими ногтями что-то было. Нечто восковое, похожее на жир. Как этот воск туда попал, Шельма даже предположить не мог, но, может, его новая работа как раз и заключалась в том, чтобы это выяснить? Шельма опытным жестом вытащил из кармана конверт, соскреб туда массу из-под ногтей, запечатал конверт и поставил номер.

После чего достал из ящика иконограф и приготовился зарисовать труп.

Но пока он возился с иконографом, что-то привлекло его внимание.

Один глаз отца Трубчека, открытый Ваймсом, по-прежнему таращился в пустоту.

Шельма пригляделся. Сначала он решил, что ему померещилось. Впрочем...

Разум может выкидывать всякие шуточки. Надо убедиться наверняка.

Он открыл маленькую дверку иконографа и обратился к сидящему внутри бесенку:

– Ты можешь нарисовать его глаз, Сидней?

Бесенок взглянул на него сквозь увеличивающие линзы.

– Только глаз? – пропищал он.

– Да. Как можно большего размера.

– Ты что, хозяин, спятил?

– И заткнись, – велел Шельма.

Установив ящик на столе, он присел рядом. Из иконографа слышались тихие «ших-ших» от мазков кистью. В конце концов послышался шум от поворачивающейся ручки и из щели вылез еще слегка сыроватый рисунок.

Шельма взял его. Потом постучал в ящичек. Люк открылся.

– Да?

– Еще крупнее. Большой, на весь лист. Фактически... – Шельма скосил взгляд на рисунок в руках. – Нарисуй только зрачок. Круг в середине глаза.

– На весь лист? Не, ты точно чокнулся.

Шельма пододвинул ящичек поближе к трупу. Послышались щелчки от рычагов, пока бесенок настраивал линзы, затем несколько секунд усердной работы кистью, и...

Вылез еще один сырой рисунок, на котором красовался большой черный диск.

Ну... в основном черный.

Шельма вгляделся. Какие-то очертания, неясные очертания...

Он опять постучался в дверцу ящичка.

– Да, господин Тронутый Гном? – отозвался бесенок.

– А теперь самый центр зрачка, как можно крупнее. Спасибо.

Линзы снова зажужжали.

Шельма нетерпеливо ждал. Из соседней комнаты доносилась размеренная поступь Детрита.

Бумага вылезла в третий раз, и люк открылся.

– Все, кранты, – возвестил бесенок. – У меня кончилась черная краска.

Лист в самом деле был весь черным... за исключением крошечной области.

Вдруг дверь, ведущая на лестницу, с грохотом распахнулась, и в комнату под давлением небольшой толпы влетел констебль Посети. Шельма с виноватым видом сунул листы в карман.

– Это уму непостижимо! – воскликнул какой-то человечек с длинной черной бородой. – Мы *требуем*, чтобы нас впустили! Кто ты такой, юноша?

– Я Ше... Капрал Задранец, – представился Шельма. – У меня даже есть значок...

– Хорошо, *капрал*, – кивнул человек, – а меня зовут Венджел Реддли, я представляю интересы общины и требую, чтобы вы передали нам тело несчастного отца Трубчека сию же минуту!

Сзади себя Шельма почувствовал какое-то движение, и на лицах стоящих перед ним людей внезапно проявился легкий испуг. Он обернулся и увидел в дверном проеме Детрита.

– Все нормально? – осведомился тролль.

Денежные фонды Городской Стражи (то растущие, то падающие до нуля) наконец позволили Детриту приобрести себе более-менее подходящий нагрудник вместо куска слоновьей брони, которым он раньше пользовался. Как правило, на форменных нагрудниках изображались рельефные мускулы, должны имитировать силу и мощь. Детриту это не понадобилось, его мускулы и так не умещались в нагрудник.

– Проблемы? – уточнил он.

Толпа подалась назад.

– Совсем нет, офицер, – откликнулся господин Реддли. – Просто вы, э-э, так неожиданно возникли, мы думали...

– Это правильно, – согласился Детрит. – Возникать я люблю. И не люблю тех, кто возникает. Значит, нет проблем?

– Никаких, офицер.

– Странные штуки эти проблемы, – задумчиво протянул Детрит. – Я всегда ищу проблемы, а когда вроде бы уже нахожу, мне говорят, что их и нет вовсе.

Господин Реддли слегка собрался с духом.

– Но мы хотим забрать тело отца Трубчека, чтобы достойно его похоронить, – заявил он.

Детрит повернулся к Шельме.

– Ты все тут?

– Да, думаю, что да...

– Он мертв?

– О да.

– То есть лучше ему уже не будет?

– Лучше, чем сейчас? Вряд ли.

Двое стражников расступились, позволяя вынести тело.

– А зачем ты рисуешь мертвецов? – спросил Детрит.
– Ну, э-э, может пригодиться. Чтобы потом рассмотреть поподробнее, как он тут лежал, в какой позе...
Детрит с подозрением посмотрел на него.
– Ты увлекаешься священнослужителями? Странные вы все-таки, гномы.
Задранец вытащил рисунок и еще раз взглянул на него. Лист был почти черным. Но...
Снизу к лестнице подбежал какой-то констебль.
– Эй, есть там кто-нибудь, кого зовут, – приглушенное хихиканье, – Шельма Задранец?
– Ага, – угрюмо ответил Шельма.
– Так вот, командор Ваймс велел тебе немедленно прибыть во дворец патриция. Понятно?
– Для тебя он *капрал* Задранец! – рыкнул Детрит.
– Ничего, – отмахнулся Шельма. – Я привык. И «капрал» тут не поможет.

Слухи – это информация, продистиллированная настолько, что она способна просачиваться сквозь что угодно и куда угодно. Слухам не нужны двери и окна, иногда им не нужны даже люди. Они свободно порхают по воздуху, не касаясь человеческих губ и напрямик перелетая из уха в ухо.

И толстые стены дворца патриция не стали им помехой. Из высокого окна Ваймс видел людей, стекающих ко дворцу. Движение было как бы хаотичным, никаких там колонн или демонстраций, но все больше людей случайным образом подходили все ближе и ближе.

Увидев парочку стражников, что вошли в ворота, Ваймс слегка расслабился.

Лежащий на кровати лорд Витинари открыл глаза.
– А... командор Ваймс, – пробормотал он.
– Что происходит, сэр? – спросил Ваймс.
– Кажется, я лежу, Ваймс.
– Вы были у себя в кабинете, сэр. Без сознания.
– О боги. Я, наверное... переработал. Ну, спасибо. Не мог бы ты... помочь мне встать...

Лорд Витинари попытался сесть, качнулся и снова опрокинулся на кровать. Лицо у него было бледным. На лбу проступил пот.

В дверь постучали. Ваймс чуть приоткрыл дверь.
– Это я, сэр. Фред Колон. Я получил вашу записку. Что случилось?

– Э, Фред. Кто там еще с тобой?

– Констебль Кремень и констебль Шлеппер, сэр.

– Хорошо. Пусть кто-нибудь сбегает до моего дома и велит Вилликинсу принести мои уличные доспехи. А также мой меч и арбалет. И спальный мешок. И немного сигар. И пусть передаст госпоже Сибилле... пусть скажет госпоже Сибилле... ну, в общем, что у меня возникли срочные дела. Это все.

– Но что происходит, сэр? Поговаривают, будто бы лорд Витинари умер!

– Умер? – пробормотал патриций с кровати. – Чепуха!

Он рывком сел, свесил с кровати ноги и упал вперед. Это было медленное, кошмарное падение. Лорд Витинари был высоким человеком, поэтому падать было высоко. И делал он это вскладчину. Сначала у него подкосились ноги, и он упал на колени. Которые звучно ударились о пол, после чего начала сгибаться поясница. В конце концов его лоб громко стукнулся о паркет.

– Ох, – только и смог сказать Витинари.

– Его сиятельство немного... – начал было Ваймс, а затем схватил Колону за руку и втащил его в комнату. – Я думаю, его отравили, Фред, вот в чем дело.

Колон переменялся в лице.

– О боги! Мне сбегать за доктором?

– Ты с ума сошел? Мы же не хотим, чтобы он умер!

Ваймс прикусил язык. Он сказал то, о чем думал, и очень скоро новая волна слухов наводнит город.

– Но кому-то все-таки надо осмотреть его... – промолвил он вслух.

– Правильно, черт побери! – кивнул Колон. – Может, позвать волшебника?

– А вдруг именно волшебники в этом замешаны?

– О боги!

Ваймс постарался собраться с мыслями. Все городские лекари – настоящие лекари, разумеется, – завязаны на Гильдии, а все Гильдии ненавидят Витинари, значит...

– Когда подойдет еще кто из наших, пошлешь гонца к конюшням в Королевских низинах, пусть приведет Джимми Пончика, – приказал он.

Это еще больше поразило Колону.

– Пончика? Да он ведь ничего не смыслит в *медицине*! Он накачивает всякой гадостью лошадей на скачках!

– Просто приведи его, Фред.

– А что, если он откажется?

– Тогда передай ему, что командор Ваймс знает, почему на прошлой неделе Смеющийся Мальчик не выиграл знаменитый Щеботанский стодолларовый забег. И добавь, что тролль Хризопраз потерял на этой скачке десять тысяч долларов.

Колон был поражен.

– Вы бьете ниже пояса, сэр.

– Совсем скоро здесь будет очень много людей. Я хочу, чтобы ты поставил парочку стражников сразу за дверью – лучше всего троллей или гномов. И чтобы никто без моего разрешения не входил. Ясно?

На лице Колона одно выражение сменяло другое. В конце концов он только и смог выдавить:

– Но... *отравлен?* Есть же пробовальщики еды и все такое!

– Тогда, быть может, это один из них, Фред.

– О боги, сэр! Вы что, вообще никому не доверяете?

– Стараюсь не доверять, Фред. Между прочим, а может, это ты сделал? Шучу, шучу, – быстро добавил Ваймс, увидев, как слезы чуть не брызнули из глаз Колона. – А теперь иди. У нас не так уж много времени.

Ваймс закрыл дверь и облокотился на нее. Потом повернул ключ в замке и подставил под ручку стул. Затем, подтянув патриция по полу, перевалил его на кровать. Тот что-то пробормотал, и его веки вздрогнули.

«Яд, – подумал Ваймс. – Хуже не придумаешь. Ни шума, ни пыли, и отравитель уже может находиться отсюда за много миль. Яд нельзя увидеть, зачастую у него нет ни запаха, ни вкуса, его легко добавить в еду, да куда угодно! А потом лишь остается ждать...»

Патриций открыл глаза.

– Я хочу стакан воды, – сказал он.

Около кровати стояли кувшин и стакан. Ваймс взял кувшин и задумался.

– Я пошлю кого-нибудь за водой, ваше сиятельство, – ответил он.

Лорд Витинари очень медленно моргнул.

– А, сэр Сэмюель, – узнал он. – Но можешь ли ты кому-либо доверять?

Когда Ваймс наконец спустился вниз, в большой зале для аудиенций уже собралась приличная толпа. Люди судачили, волновались и были не уверены в собственном будущем. И, как все взволнованные и неуверенные важные персоны, они злились.

Первым к Ваймсу подскочил господин Боггис, председатель Гильдии Воров.

– Что происходит, Ваймс? – требовательно спросил он.

И напоролся на взгляд Ваймса.

– Я хотел спросить, что тут происходит, сэр Сэмюель, – быстренько поправился он, несколько растеряв самоуверенность.

– Я думаю, лорда Витинари отравили, – сообщил Ваймс.

Толпа притихла. Боггис понял, что раз он задал вопрос, то теперь все внимание сосредоточено на нем.

– Э... насмерть? – уточнил он.

Наступила такая тишина, что было слышно, как пролетает муха.

– Пока нет, – ответил Ваймс.

Все в зале повернули головы. Теперь мир сгустился вокруг господина Низза, главы Гильдии Наемных Убийц.

Низз кивнул.

– Мне не известно о каких-либо планах касательно лорда Витинари, – возвестил он. – Кроме того, я думаю, все знают, что мы оценили патриция в один миллион долларов.

– И у кого реально есть такие деньги? – поинтересовался Ваймс.

– Ну... например, у тебя, сэр Сэмюель, – усмехнулся Низз.

Кто-то нервно подхихикнул.

– В любом случае мы хотим видеть лорда Витинари, – сказал Боггис.

– Нет.

– Нет?.. А почему?

– Указания доктора.

– Правда? Какого же?

Позади Ваймса сержант Колон прикрыл глаза.

– Доктора Джеймса Мнимсома, – сказал Ваймс.

Прошло несколько секунд, пока до всех дошло.

– Что? Уж не хочешь ли ты сказать... Джимми Пончика? Да он же коновал!

– Я тоже так думаю, – согласился Ваймс.

– Но почему именно он?

– Потому что большинство его пациентов живут и здравствуют поныне, – ответил Ваймс и вскинул руку, требуя тишины. – А теперь, господа, я вынужден вас покинуть. Где-то бродит отравитель. Я хочу найти его до того, как он превратится в убийцу.

И Ваймс принялся подниматься по лестнице, стараясь не обращать внимания на крики позади себя.

– Вы уверены в старине Пончике, сэр? – схватив его за рукав, уточнил Колон.

– А ты ему доверяешь? – спросил Ваймс.

– Пончику? Конечно же, нет!

– Правильно. Ему нельзя верить, поэтому ему никто не доверяет. Так что все нормально. Но я собственными глазами видел, как он выходил лошадь, про которую сказали, что она годится только на колбасу. Коновал должен делать свою работу, Фред, иначе у него будут большие проблемы.

И это было чистой правдой. Когда обычный, человеческий доктор после долгих кровопускательных процедур вдруг обнаруживает, что его пациент наконец не выдержал и скончался, он разводит руками и говорит: «Ну что поделаешь, на все воля божья, с вас тридцать долларов». И спокойненько себе уходит. Это все потому, что человеческая жизнь почти ничего не стоит. А хорошая скаковая лошадь, со своей стороны, может стоять все двадцать тысяч долларов. И доктору, который позволит лошади слишком быстро отбыть на бескрайние небесные пастбища, лучше не гулять потом по темным улочкам. Иначе одним прекрасным вечером он услышит за своей спиной: «Господин Хризопраз *очень расстроен*», после чего этому самому доктору весьма доходчиво продемонстрируют, что жизнь полна несчастных случаев.

– Никто не знает, где капитан Моркоу и Ангва, – сказал Колон. – У них сегодня выходной. Шнобби также не могут найти.

– Ну, хоть одно приятное известие...

– Дзынь-дзынь, дзынь-подзынь, – послышался голос из кармана Ваймса.

Он вытащил маленький органайзер и поднял крышку.

– Да?

– Э... ровно полдень, – сказал бесенок. – Обед с госпожой Сибиллой.

Возвестив это, бесенок с подозрением уставился на лица Ваймса и Колона.

– Э-э... я надеюсь, у вас все нормально? – осведомился он.

Шельма Задранец вытер лоб.

– Командор Ваймс прав. Очень похоже на мышьяк, – промолвил он. – Вы только посмотрите на цвет его лица.

– Дрянное дело, – признал Джимми Пончик. – Но еще такое бывает, когда ешь то, на чем спишь. За ним могли не углядеть?

– Все простыни на месте – таким образом, я думаю, этот вариант отпадает.

– А как он мочится?

– Э. Мне кажется, нормальным образом.

Пончик всосал воздух через зубы. У него были замечательные зубы. В том смысле, что их сразу в нем замечали. Они были цвета внутренней поверхности невымытого чайника.

– Прогуляйте его по кругу на спущенных вожжах, – посоветовал он.

Патриций открыл глаза.

– А ты точно доктор? – поинтересовался он.

Джимми Пончик ответил ему неуверенным взглядом. Он не привык к пациентам, которые умеют разговаривать.

– Ну да... И у меня много клиентов, – сказал он.

– Правда? Я могу быстро исправить эту проблему, – огрызнулся патриций.

Он попытался подняться и снова опрокинулся на кровать.

– Я подготовлю микстуру, – пробормотал Джимми Пончик, потихоньку отступая. – Зажимаете ему нос и вливаете в горло дважды в день. И никакого овса.

И он торопливо отбыл, оставив Шельму наедине с патрицием.

Капрал Задранец оглядел комнату. Ваймс не был особо щедр насчет инструкций. «Я уверен, что это не пробовальщики еды, – сказал он. – Они знают, что их могут заставить съесть всю тарелку. Но все равно, Детрит допросит их. Тебе лишь надо узнать как. А я потом выясню кто».

Если яд попадает не с едой или питьем, то что остается? Яд можно рассыпать по подушке, чтобы человек его вдохнул, или налить в ухо, пока твоя жертва спит. А еще яд может попасть на пальцы при прочтении какой-то книги. А можно подкинуть в комнату какое-нибудь ядовитое насекомое...

Патриций шевельнулся и посмотрел на Шельму влажными, покрасневшими глазами.

– Скажи, юноша, ты стражник?

– Э... Совсем недавно им стал, сэра.

– Ты чертовски похож на гнома.

Шельма не стал отвечать. Отрицать было бесполезно. Каким-то образом люди распознавали гномов с первого взгляда.

– Мышьяк – очень популярный яд, – сказал патриций. – Сотни способов использования. Алмазная пыль была в моде несколько веков, несмотря на то что она по сути своей бесполезна. Огромные пауки – также, по некоторым причинам. Ртуть – это для терпеливых, а серная кислота – для тех, кто ждать не любит. У белены есть свои последователи. Много чего можно сделать с экстрактами из секретов кое-каких животных. Жидкости, извлеченные из гусеницы квантовой бабочки, превращают

человека в бесполезную куклу. Но мы все же возвращаемся к мышьяку, как к старому доброму другу...

Голос патриция становился все более сонливым:

– Не так ли, юный Витинари? Да, сэр, конечно. Правильно. Но где мы его спрячем, ведь искать будут все? Там, где будут искать в последнюю очередь, сэр. Неправильно. Глупо. Мы спрячем его там, где искать не будут вообще...

Голос стал совсем неразборчивым.

«Постельное белье, – подумал Шельма. – Даже одежда. Сквозь кожу, медленно...»

Шельма забарабанил в дверь. Открыл какой-то стражник.

– Срочно подготовьте другую кровать!

– Что?

– Другую кровать! Возьмите где хотите. И принесите постельное белье.

Он посмотрел на пол. На полу был только маленький ковер. И все равно, в спальне, где люди ходят босиком...

– Унесите ковер и принесите другой.

Так, что еще?

В комнату вошел Детрит, кивнул Шельме и внимательно оглядел комнату. В конце концов он взял один табурет.

– Этот сойдет, – сказал он. – Если потребуется, я могу прибить к нему спинку.

– Что? – удивился Шельма.

– Старине Пончику понадобился образец стула патриция, – уже выходя из комнаты, бросил Детрит.

Шельма открыл было рот, чтобы остановить тролля, но потом пожал плечами. Все равно, чем меньше мебели в комнате, тем лучше...

И если так подумать, не мешало бы ободрать со стен обои.

Ваймс тупо смотрел в окно.

Витинари не держал телохранителей. Правда, он прибегал – и пока что еще прибегает – к услугам пробовальщиков еды, но это обычная практика. У Витинари был собственный подход. Пробовальщикам хорошо платили, их содержали, и все они были сыновьями шеф-повара. Но, по большому счету, защищало его то, что для всех он был чуть более полезен живым, чем мертвым. Большие сильные Гильдии не любили его, однако в роли хозяина Продолговатого кабинета они предпочитали видеть именно его, а не кого-то из своих соперников. Кроме того, лорд Витинари олицетворял

стабильность; именно он открыл простую и гениальную вещь: в стабильности люди нуждаются куда больше, нежели в чем-либо еще.

Однажды в этом самом кабинете, стоя у этого самого окна, патриций сказал Ваймсу: «Они думают, что хотят хорошего правительства и справедливости для всех, но, Ваймс, чего на самом деле они жаждут в глубине своих душ? Только того, что все будет идти нормально и завтра ничего не изменится».

Ваймс отвернулся от окна.

– Каков будет мой следующий шаг, Фред?

– Понятия не имею, сэр.

Ваймс уселся в кресло патриция.

– Ты помнишь прошлых правителей города?

– Старого лорда Капканса? Или того, что был раньше, лорда Ветруна?

О да. Полнейшие идиоты. Этот, по крайней мере, не хихикал и не носил женских платьев.

«Прошедшее время... – подумал Ваймс. – Оно уже тут как тут. Не успеешь оглянуться, как о тебе говорят в прошедшем времени».

– Фред, внизу стало что-то совсем тихо, – заметил он.

– Заговоры не отличаются шумливостью, сэр.

– Витинари еще жив, Фред.

– Да, сэр. Но он несколько... недееспособен, не так ли?

– А кто тут дееспособен? – пожал плечами Ваймс.

– Может, вы и правы, сэр. Но каждый сам творец своего счастья.

Колон стоял навытяжку, взгляд устремлен вперед, как и велит устав, а голос был твердым – ни малейшего намека на какие-либо эмоции.

Ваймс узнал его стойку. Он сам иногда был вынужден так стоять.

– Фред, что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Ничего, сэр. Слухи, сэр.

Ваймс откинулся на спинку кресла.

«Сегодня утром, – думал он, – я точно знал, что несет мне грядущий день. Я собирался посетить эту треклятую Геральдическую палату. Потом обычная встреча с Витинари. После обеда прочел бы парочку-другую рапортов; быть может, сходил бы и посмотрел, как обстоят дела в новой штаб-квартире на Тряпичной улице, и пораньше ушел бы домой. А теперь Фред предполагает... что?»

– Слушай, Фред, если у Анк-Морпорка и появится новый правитель, это буду не я.

– Но кто тогда, сэр? – уверенным и ровным тоном осведомился Колон.

– Откуда мне знать? Может...

В голове образовалась огромная пробоина, и мысли мощным потоком устремились туда.

– Ты имеешь в виду капитана Моркоу?

– Возможно, сэр. Я думаю, ни одна из Гильдий не позволит какой-либо другой Гильдии прийти к власти, зато все любят капитана Моркоу, ну и... ходят слухи, что он истинный наследник трона, сэр.

– Однако доказательств этому нет, сержант.

– Ничего не могу сказать, сэр. Ничего не знаю. Я понятия не имею, какими должны быть эти самые доказательства, – сказал Колон с легким вызовом в голосе. – Но его меч, его родимое пятно в виде короны, и... все просто *знают*, что он король. У него есть, эта, хорькизма, сэр.

«Харизма... – подумал Ваймс. – О да. В харизме Моркоу не откажешь. Он что-то делает с головами людей. Может поговорить с разъяренным леопардом, и тот сдастся, выпустит добычу из своих зубов и отправится вершить благие дела, пугая зажившихся на свете старушек».

Ваймс в харизму не верил.

– Нет, Фред, королей в Анк-Морпорке больше не будет.

– Так точно, сэр. Между прочим, Шнобби объявился.

– Час от часу не легче, Фред.

– Вы хотели поговорить с ним, сэр, об этих его постоянных похоронах...

– М-да, работа есть работа, ее кому-то надо делать. Ладно, пойди и скажи ему, чтобы поднимался сюда.

Ваймс остался один.

Королей в Анк-Морпорке больше не будет... Ваймс никогда не мог четко объяснить, почему должно быть так, а не иначе, почему сама мысль о королях вызывает у него неизбывное отвращение. Ведь патриции были ничем не лучше монархов. Но они были... как бы половчее выразиться... плохими, как *самые обычные люди*. А от мысли о королях как о богоизбранных созданиях сводило челюсти. Высшие человеки... Нечто волшебное. Но, проклятье, в этом и в самом деле присутствовала некая магия. Анк-Морпорк до сих пор не избавился от своих королевских пристрастий. Королевское то, королевское это... По-прежнему существовали старички, исполняющие за несколько пенсов в неделю какие-то бессмысленные обряды. Вот хранитель королевских ключей, а вот смотритель королевской сокровищницы... А где ключи-то? Где сокровища?

Монархия, она как сорняк. Сколько бы голов ты ни отрубил, до корней тебе не добраться: они выются под землей, готовые пустить новые ростки.

Все это очень похоже на хроническую болезнь. Даже у самых

образованных людей в голове найдется уголок, на стенке которого написано: «Короли. Какая отличная идея». Тот, кто создавал людей, кем бы он ни был, допустил в своих разработках одну большую ошибку. Люди так и норовят встать на колени.

В дверь постучали. Ни один стук в дверь не звучал настолько исподтишка, как этот. Он был полон собственных гармоник. Он как бы говорил вашему подсознанию: «Если никто не ответит, тот, кто стучит, все равно отворит дверь и проскользнет в комнату, где обнюхает все щели, прочтет все бумаги, что попадутся на глаза, откроет несколько ящиков стола, сделает пару глотков из бутылки со спиртным, буде таковая найдется, но не свершит больших преступлений, ибо преступен он ровно настолько же, насколько преступен какой-нибудь хорек; он просто такой, какой он есть». В этом стуке было очень много смысла.

– Входи, Шнобби, – устало сказал Ваймс.

Капрал Шноббс проскользнул в комнату. Ваймс отметил про себя, что у Шноббса была еще одна характерная черта. Он умел скользить не только боком, но и передом.

Шноббс неловко отдал честь.

И еще... Капрал Шноббс не менялся, вообще не менялся. Даже Фред Колон более-менее подстраивался под изменчивую обстановку Городской Стражи, но ничто никоим образом не могло изменить капрала Шноббса. Что бы с ним ни происходило, в капрале Шноббсе все равно оставалось нечто фундаментально шноббское.

– Шнобби...

– Да, сэр?

– Э... садись, Шнобби.

Капрал Шноббс подозрительно посмотрел на Ваймса. Служебные выволочки, как правило, начинаются несколько иначе.

– Э, Фред сказал, вы хотели увидаться со мной, сэр, относительно рабочего времени...

– Да? Правда? О да. Итак, Шнобби, на скольких похоронах своих бабушек ты уже побывал?

– Э-э... на трех... – неуверенно откликнулся Шнобби.

– На трех?

– Как выяснилось, в прошлый раз нянюшка Шноббс не совсем умерла.

– И тем не менее ты отгулял все сполна. Почему?

– Мне не хочется говорить, сэр...

– Неужели?

– Вам это не понравится, сэр.

– Не понравится?

– Ну, знаете, сэ... вы можете очень расстроиться.

– Я могу расстроиться, Шнобби, – вздохнул Ваймс. – Но это ничто по сравнению с тем, как я расстроюсь, если ты не объяснишь...

– Дело в том, что в будущем году будет тривековый... трисотлетний... трехсотлетняя гадовщина, сэ...

– И?

Шнобби облизнул губы.

– Я не хотел отпрашиваться по этому поводу. Фред предупреждал меня, что вы очень чувствительно реагируете на подобные предлоги. Но... вы же знаете, я состою в обществе рулевиков, сэ...

Ваймс кивнул.

– А, это те самые клоуны, которые переодеваются и играют в старые битвы с игрушечными мечами?

– Иначе говоря, в Обществе исторического возрождения Анк-Морпорка, сэ, – немного упрямо поправил Шнобби.

– Именно это я и имел в виду.

– Ну и... по случаю празднования мы собираемся воссоздать Битву за Анк-Морпорк. А для этого нужны дополнительные репетиции.

– Так, становится немного понятнее, – устало протянул Ваймс. – Значит, ты там маршируешь туда-сюда с жестяной пикой? В свое рабочее время?

– Э... не совсем. Сэ... э... говоря по правде, я езжу туда-сюда на белом коне...

– О? Изображаешь генерала, что ли?

– Э... немного больше, чем генерала, сэ...

– Продолжай.

Шнобби нервно сглотнул.

– Э... я буду королем Лоренцо, сэ. Э... знаете ли... последним королем, ну, тем самым, которого ваш... э...

Воздух сгустился.

– Ты... собираешься... играть... – начал Ваймс, в гневе разделяя слова.

– Я же предупреждал, что вам не понравится, – пожал плечами Шнобби. – Вот и Фред Колон так посчитал.

– Но почему именно ты?

– Мы тянули жребий, сэ.

– И тебе не повезло?

– Э... не то чтобы совсем *не повезло*, сэ, – заюлил Шнобби. – Всего чуточку не повезло. Скорее даже, повезло. Все ведь хотели его играть. Ну,

понимаете, ты получаешь лошадь, хороший костюм и все такое, сэр. И он ведь, как ни крути, сэр, был королем.

– Этот человек был жестоким чудовищем!

– Ну, это было очень давно, сэр, – испуганно возразил Шнобби.

Ваймс немного успокоился.

– А кто будет играть Каменнолицего Ваймса?

– Э... э...

– *Шнобби!*

Шнобби опустил голову.

– Никто, сэр. Никто не захотел его играть, сэр. – Капрал сглотнул и с видом человека, решившего выложить всю правду до конца, каковы бы ни были последствия, выпалил: – Поэтому, сэр, мы сделали чучело из соломы, так он лучше будет гореть, когда мы вечером бросим его в огонь. Будет ведь большой салют, сэр, – добавил он с абсолютной уверенностью в голосе.

Ваймс потемнел лицом. Шнобби перепугался до судорог – уж лучше бы на него наорали. На него орали всю жизнь. Он научился с этим мириться.

– Стало быть, никто не хочет быть Стариной Камнелицем, – холодно протянул Ваймс.

– Потому что он проигравшая сторона, сэр.

– Проигравшая? Железноголовые Ваймса *победили*. Целых шесть месяцев он был правителем города.

Шноббса опять перекосило.

– Да, но... все у нас в Обществе говорят, что ему просто повезло, сэр. Мол, это была чистая случайность, сэр. Кроме того, соотношение сил было один к десяти, и совсем не в его пользу; а еще у него были бородавки, сэр. И он был немного незаконно рожденным, сэр, говоря всю правду. И отрубил голову королю, сэр. Нужно быть очень плохим человеком, чтобы сделать это, сэр. К вам это не относится, сэр.

Ваймс покачал головой. Да какая, к чертям, разница? (Впрочем, разница-то была, и он это осознавал.) Дела давно прошедших дней. Какая разница, что там думает группа полоумных романтиков? Факты остаются фактами.

– Хорошо, я понял, – сказал он. – Это почти смешно, правда. Потому что... я должен кое-что сказать тебе, Шнобби.

– Да, сэр? – облегченно спросил Шнобби.

– Ты помнишь своего отца?

Шнобби, похоже, снова начал впадать в панику.

– Я... я... Очень неожиданный вопрос, сэр...

– Чисто социальный вопрос.

– Старика Сконнера, сэр? Немного, сэр. Почти не видел его, за исключением тех случаев, когда Стража заявлялась, чтобы вытащить его с чердака.

– А что ты знаешь о своей, гм, родословной?

– Враки все это, сэр, – твердо заявил Шнобби. – Нет у меня никакой родословной, сэр, я моюсь раз в месяц. Вам кто-то наговаривает на меня, сэр.

– О черт. Э... ты не знаешь, что означает слово «родословная», а, Шнобби?

Шнобби поежился. Ему не нравилось, когда его допрашивали стражники, тем более что он сам был таковым.

– Не уверен, сэр...

– Тебе ничего не рассказывали о твоих предках? – Шнобби разволновался еще больше, поэтому Ваймс быстро добавил: – О твоих родителях и прародителях?

– Только о старом Сконнере, сэр. Сэр... если весь этот разговор вы затеяли, только чтобы подвести к тем мешкам с овощами, пропавшим из магазина на улице Паточной Шахты, так я там даже рядом не стоял...

Ваймс отмахнулся.

– Неужели он... ничего тебе не оставил? Ну хоть что-то?

– Пару шрамов, сэр. И этот выпадающий из сустава локоть. Когда погода меняется, он иногда болит. Так что, когда ветер дует со стороны Пупа, я всегда вспоминаю старика Сконнера.

– Да-да, я понял...

– Ну и, конечно, вот это...

Шнобби покопался под своим ржавым нагрудником. Это тоже было чудом. Даже у сержанта Колона доспехи пусть не сверкали, но блестели. Однако на Шнобби *любой* металл очень быстро покрывался ржавчиной. Капрал вытянул кожаный шнурок, завязанный вокруг шеи, на котором висело золотое кольцо. Несмотря на то что золото не подвержено коррозии, это кольцо все равно было покрыто патиной.

– Он оставил его мне на смертном одре, – поведал Шнобби. – Ну, или не совсем оставил, но...

– Он что-нибудь сказал при этом?

– Ну да. «Сейчас же верни, щенок!» Так и выразился, сэр. Видите ли, он тоже носил это кольцо на шее, как и я. Но оно совсем не похоже на нормальное кольцо, сэр. Я бы уже загнал его, но это единственная память о моем папаше. Не считая ветра со стороны Пупа.

Ваймс взял кольцо и потерял его о камзол. Это была печатка с изображением герба. Время, патина, а также пребывание рядом с телом капрала Шноббса сделало рисунок почти неразличимым.

– Знаешь, Шнобби, у тебя ведь есть герб...

Шнобби кивнул.

– Да, сэр, но я нашел его на улице, он валялся никому не нужный, вот я и подобрал...

Ваймс вздохнул. Он был честным человеком и всегда считал эту черту самым большим своим недостатком.

– Когда у тебя будет время, сходи в Геральдическую палату, что на Моллимогской улице. Возьми с собой кольцо и передай, что это я тебя прислал.

– Э-э...

– Не бойся, Шнобби, – успокоил Ваймс. – Никакие неприятности тебя там не ждут. Скорее даже, наоборот.

– Как скажете, сэр.

– И тебе совершенно не обязательно называть меня сэром.

– Так точно, сэр.

Когда Шнобби ушел, Ваймс достал из-под стола затасканную копию Твурпской «Книги Пэров», или, как он сам называл эту книгу в уме, справочник по криминальным структурам. В справочнике содержались сведения, разумеется, не по обитателям трущоб, но по ихним землевладельцам. И, хотя проживание в трущобах частенько служило доказательством преступных наклонностей, владение целой трущобной улицей было пропуском на все вечеринки высшего общества.

В последнее время новое издание (исправленное и дополненное) выходило чуть ли не каждую неделю. Дракон был прав по меньшей мере в одном. Анк-Морпорк постепенно превращался в настоящий гербарий.

Ваймс открыл страницу, озаглавленную «Де Шноббсы».

Там и был тот самый герб. С одной стороны щит поддерживал гиппопотам – вероятно, один из тех самых, королевских, и потому предок Родерика и Кейта. С другой стороны на щит опирался какой-то бык с хитрой мордой, точь-в-точь как у Шнобби, а на ухе у быка висел крест-анк – видимо, раз это герб Шноббсов, то бык наверняка стащил его где-то. Щит был красного и зеленого цветов и с красным шевроном, на котором расположились пять яблок. Только непонятно, каким образом все это относится к войне. Наверное, очередной каламбур, придумав который эти развалины из Королевской геральдической палаты хихикали добрую неделю, шлепая себя по бедрам. Хотя если Дракон шлепнет себя по бедрам

посильнее, то ноги у него отвалятся.

Представить облагороженного Шнобби было нетрудно. Его единственная ошибка состояла в том, что он слишком мелко плавал. Шнобби шарился по чужим домам и крысил вещи, которые ничего не стоили. А вот если бы он шарился по континентам и обносил целые города, убивая в процессе этого массу народа, то очень быстро стал бы национальным героем.

Зато в книге не было ни единого упоминания о Ваймсах.

«Праведник Ваймс не был национальным героем. Он собственными руками убил короля. Это была необходимая мера, но общество, каким бы продвинутым они ни было, не любит людей, которые делают то, что надо сделать. Также Ваймс казнил еще кое-кого, что правда – то правда, но город погибал, его раздирали на части всякие глупые войны, практически мы были частью Клатчской империи. Иногда нужен козел отпущения. Он же хирург, оперирующий Историю. А из инструментов под рукой только господин Голова-С-Плеч. В топоре есть что-то окончательное. Но убей хотя бы одного безумного короля – и тебя сразу обзовут цареубийцей. Не то чтобы у тебя вошло в привычку рубить королям головы...»

Некогда Ваймс читал дневник Старины Камнелица, что хранился в библиотеке Незримого Университета. Несомненно, он был жесток. Но то были жестокие времена. «В огне Борьбы куется Новый Человек, – писал Камнелиц, – который Отринет Старую Ложь». Но старая ложь в конце концов победила.

«Он сказал людям: «Вы свободны». И они крикнули «Ура!», и он показал им, чего стоит свобода, и его назвали тираном, а когда Камнелица предали, его бывшие верные соратники носились кругами и кудахтали, как перепуганные куры, в первый раз увидевшие огромный мир, что ждал их снаружи. И они кинулись обратно в курятник и захлопнули дверь...»

– Дзынь-дзынь, дзынь-подзынь.

Ваймс вздохнул и вытащил органайзер.

– Да?

– Памятка: два часа дня, встреча с сапожником, – сообщил бес.

– Еще нет двух, и в любом случае эта встреча назначена на вторник, – ответил Ваймс.

– Значит, мне вычеркнуть ее из списка заданий?

Ваймс сунул разорганизованный органайзер обратно в карман, подошел к окну и выглянул наружу.

У кого имеется мотив убить лорда Витинари?

Нет, таким образом вопрос не разрешишь. Наверное, если выйти куда-нибудь в пригород и ограничиться опросом старух, которым больше делать нечего, кроме как обсуждать поклеенные поверх дверей обои, то, может, ты наконец и отыщешь человека, у которого нет причин убивать Витинари. Однако патриций так ловко выстроил управление городом, что без него будет хуже всем. Политика меньшего зла.

Только сумасшедший мог решиться убить Витинари, и лишь одним богам известно, сколько сумасшедших проживает в Анк-Морпорке. Или же это был кто-то абсолютно уверенный в том, что, если город развалится, он, убийца, встанет на вершине этой мусорной кучи.

И если Фред прав, а сержант всегда очень точно отражал чувства простого обывателя, поскольку сам таковым являлся, то наибольшую выгоду из происшедшего извлек бы капитан Моркоу. Но Моркоу был одним из немногих, кто совершенно искренне любил Витинари.

Конечно, был еще кое-кто, кто выигрывал в складывающейся ситуации.

«Черт побери, – подумал Ваймс. – И этот человек – я».

В дверь опять постучали. Этот стук он не узнал.

Ваймс осторожно приоткрыл дверь.

– Это я, сэр. Задранец.

– Тогда заходи. – Приятно узнать, что в мире есть кто-то, у кого еще больше проблем, чем у тебя. – Как себя чувствует его сиятельство?

– Покойно, – ответил Задранец.

– Покойны покойники, поэтому их так и прозвали, – буркнул Ваймс.

– Я имел в виду, он жив, сидит и читает. Господин Пончик прописал ему какую-то гадость, пахнущую водорослями, а я дал ему немного глубульской соли. Сэр, помните того старика из дома на мосту?

– Какого старика? А... да. – С тех пор, казалось, прошла целая вечность. – И что с ним?

– Ну... вы велели осмотреть там все, и... Я сделал несколько иконографий. Вот одна из них, сэр.

Шельма передал Ваймсу почти сплошь черный лист бумаги.

– Забавно. И что это такое?

– Э... вы когда-нибудь слышали истории о глазе мертвеца, сэр?

– Предположим, я так и не удосужился получить образование в какой-либо из Гильдий.

– Ну... говорят...

– Кто?

– Вообще говорят, сэр. Понимаете? Вообще.

– А, те самые, которые «всё про всех знают»? Народ, так сказать?

– Так точно, сэра. Он самый.

Ваймс помахал рукой.

– Ну, если речь об этом... Ладно, давай дальше.

– Говорят, последнее, что видел человек перед смертью, запечатлевается в его глазах, сэра.

– А, ты вот о чем. Это все старые сказки.

– Да. Но с другой стороны... Наверное, если бы это не было правдой, хотя бы отчасти, вряд ли эта легенда долго прожила бы. И когда я осматривал покойника, мне вдруг показалось, что я увидел странный красный отблеск в его глазе, поэтому я срочно велел бесу из иконографа зарисовать этот самый отблеск, пока он не потух. И вот взгляните, прямо в центре...

– А может, это все больное воображение беса? – спросил Ваймс, еще раз уставившись на рисунок.

– У них нет воображения, сэра. Они что видят, то и рисуют.

– Светящиеся глаза...

– Две красные точки, – добросовестно поправил Задранец, – которые вполне могут быть парой светящихся глаз, сэра.

– Хорошо подмечено, Задранец. – Ваймс потер подбородок. – Черт! Надеюсь, это не была месть какого-нибудь бога. Только богов мне сейчас не хватало. Можешь сделать копии, чтобы я разослал по всем штаб-квартирам?

– Так точно, сэра. У бесов прекрасная память.

– Тогда за дело.

Но еще до того, как Задранец ушел, дверь снова открылась. Это были Моркоу и Ангва.

– Моркоу? Я думал, у тебя выходной.

– Мы нашли труп, сэра! В Музее гномьего хлеба. Но когда мы вернулись в штаб-квартиру, нам сказали, что лорд Витинари умер!

«Так и сказали? – подумал Ваймс. – Вот тебе и слухи. Хотя, если бы можно было скрестить их с правдой, они могли бы быть так полезны...»

– Для трупа патриций слишком часто дышит, – сказал он. – Я думаю, все будет нормально. Кто-то не уследил, и во дворец проник убийца, но покушение не удалось. Патриция уже осмотрел лекарь. Поводов для беспокойства нет.

«Кто-то не уследил... – подумал он. – Ага. А кто должен был следить? Сэмюэль Ваймс».

– Не сомневаюсь, сэра. Вряд ли к патрицию пригласили какого-нибудь

коновала, – кивнул Моркоу.

– О, не какого-нибудь, а лучшего из лучших, – откликнулся Ваймс.

«Я должен был следить за ним, и я не смог его защитить».

– Если с патрицием что-то случится, для города это будет серьезным ударом! – продолжал Моркоу.

Ваймс внимательно поглядел на Моркоу. В глазах капитана не было ничего, кроме заботливого участия.

– Разумеется, – согласился он. – Но, так или иначе, теперь все под контролем. Однако ты сказал, случилось еще одно убийство?

– В Музее гномьего хлеба. Кто-то убил господина Хопкинсона. И очень коварно, сэр. Одним из экспонатов!

– Что, закормил насмерть гномьим хлебом?

– Господина Хопкинсона ударили по голове, сэр, – с легким упреком в голосе ответил Моркоу. – Боевым Хлебом Б'хриана, сэр.

– Господин Хопкинсон – это такой старик с белой бородкой?

– Так точно, сэр. Если помните, я вас представил друг другу на выставке бисквитов-бумерангов.

Ангве показалось, что при этих словах командор Ваймс виновато поморщился.

– Ну кому могли помешать эти несчастные старики? – спросил он, обращаясь к миру в целом.

– Не знаю, сэр. Констебль Ангва обследовала все *и так и этак*. – Моркоу многозначительно подвигал бровями. – Но никаких следов не обнаружила. И ничего не украли. Убийство было совершено вот этим оружием.

Боевой Хлеб был гораздо крупнее обычной буханки. Ваймс осторожно повертел его в руках.

– Гномы метают этот хлеб как диски, если не ошибаюсь?

– Да, сэр. На играх Семи гор в прошлом году Снори Щитокол с пятидесяти ярдов сбил макушки у шести вареных яиц. Стандартной охотничьей буханкой! А этот хлеб является исторической ценностью. Секрет его выпечки безвозвратно утерян. Он уникален.

– Стало быть, это очень ценный экспонат?

– Очень и очень, сэр.

– Его стоило украсть?

– Да, но продать этот хлеб будет невозможно! Любой гном его сразу узнает!

– Гм. Кстати, вы уже слышали, что сегодня на мосту Призрения был убит некий старый священник?

– Священник с моста Призрения?! – потрясенно воскликнул Моркоу. – Неужели отец Трубчек? Не может быть!

«А ты-то откуда его знаешь?» – чуть не спросил Ваймс, но вовремя прикусил язык. Дело в том, что Моркоу знал *всех*. Даже в самых диких джунглях Моркоу наверняка будет как дома: «Привет, господин Бегущий-Быстро-Сквозь-Деревья! Доброе утро, господин Говорящий-С-Лесом, какая замечательная трубка! И кстати, очень красивое перо. А ходить оно не мешает?»

– У него были враги? То есть больше одного? – вместо этого спросил Ваймс.

– Не понял, сэр. Почему больше одного?

– Ну, по крайней мере один враг у него точно был. Это очевидно.

– Отец Трубчек... *был* неплохим человеком, – сказал Моркоу. – Очень редко выходил из дома. Все свое время проводил с книгами. Очень религиозен... *был*. Причем он увлекался всеми видами религий. Изучал их. Он был несколько странноват, но абсолютно безвреден. Кому же пришло в голову убить его? Или господина Хопкинсона? Двух безобидных стариков?..

Ваймс вернул ему Боевой Хлеб Б'хриана.

– Вот это мы и должны выяснить. Констебль Ангва, я хочу, чтобы ты навестила жилище покойного отца Трубчека. Капрал Задранец тебя проводит, – он кивнул в сторону гнома. – Он уже кое-что обнаружил. Кстати, Задранец, Ангва тоже из Убервальда. Может, вы найдете общих друзей или что-нибудь типа того.

Моркоу радостно кивнул. Лицо Ангвы окаменело.

– А, х'друк г'хар дСтража, З'др'нец! – воскликнул Моркоу. – Х'х Ангва тКонстебль... Ангва г'хар, б'хк баргр'а З'др'нец Кад'к...^[10]

Ангва собралась с мыслями.

– Грр'дулк д'буз-х'драк... – изрекла она.

Моркоу рассмеялся.

– Нет-нет! Неправильно! Это означает: «Какой замечательный инструмент женского пола для добычи руды!»

Шельма изумленно уставился на Ангву.

– Ну, язык гномов тяжело поддается изучению, – пробормотала она, глядя Шельме прямо в глаза. – Если, конечно, не жевать всю жизнь гравий...

Шельма еще пару мгновений тарасился на Ангву.

– Э... спасибо, – наконец выдавил он. – Э... Я лучше пойду, подожду вас у себя...

– А что с лордом Витинари? – спросил Моркоу.

– Я подключил к этому делу лучших людей, – успокоил его Ваймс. – Заслуживающих доверия, надежных, знающих все входы и выходы как свои пять пальцев. Другими словами, *все под контролем*.

Выражение надежды на лице Моркоу сменилось болезненным удивлением.

– Вы не хотите, чтобы я помогал, сэр? Я бы мог...

– Нет. Ты уж прости мою блажь. Я хочу, чтобы ты вернулся в штаб-квартиру и занялся текущими делами.

– Но какими именно, сэр?

– Всеми! Разбирайся с происшествиями. Перекладывай с места на место бумаги. Нужно подготовить новый график дежурств. Поорать на людей! Прочитать рапорты!

Моркоу отдал честь.

– Есть, командор.

– Вот и отлично. Приступай к выполнению обязанностей, капитан.

«Таким образом, что бы в дальнейшем ни произошло с Витинари, – добавил про себя Ваймс, глядя в удаляющуюся спину удрученного Моркоу, – никто не сможет сказать, что ты был где-то рядом».

Под приглушенный аккомпанемент мычания и рычания в воротах Королевской геральдической палаты распахнулось маленькое окошечко.

– Да? – послышался голос. – Чего изволите?

– Я капрал Шноббс, – ответил Шноббс.

К решетке приник чей-то глаз и внимательно оглядел кошмарную ошибку природы, именующую себя капралом Шноббсом.

– Ты что, бабуин? Очень кстати. Нам как раз нужен бабуин для...

– Нет. Я пришел по поводу герба. Но, клянусь, я тут ни при чем... – начал было объяснять Шноббс.

– Ты? По поводу герба? – удивился голос.

Своей интонацией владелец голоса очень ясно дал понять: да, он слышал, что благородство бывает самым разным, оно присуще как королям, так и простолюдинам, но чтобы оно еще и на бабуинов распространялось?

– Мне так велели, – уныло пробормотал Шноббс. – И у меня есть кольцо, оно перешло мне по наследству...

– Обойди здание, войдешь через черный ход, – приказал голос.

Шельма убирал инструменты у себя в кабинете, как вдруг сзади него

раздался какой-то шорох. Он обернулся. На пороге, прислонившись к дверному косяку, стояла Ангва.

– Ну? Чего? – огрызнулся гном.

– Ничего. Просто хотела успокоить тебя. Можешь не волноваться, я никому ничего не скажу, если не хочешь.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь!

– Врешь.

Шельма выронил реторту и осел на стул.

– Но как ты узнала? Откуда? – спросил он. – Я веду себя очень осторожно, и даже гномы...

– Скажем так... у меня есть особые таланты, – пожалала плечами Ангва.

Шельма поднял реторту и начал рассеянно ее протирать.

– Не понимаю, что ты так расстраиваешься, – продолжала Ангва. – По моему, гномы не придают такого значения разнице между мужским и женским. Кстати, добрая половина гномьего племени, попадающего сюда по 23-й статье, – именно женского пола. И с ними, должна заметить, труднее всего справляться...

– А что за 23-я статья?

– «Нападение в нетрезвом состоянии на людей и попытка отрубить им ноги по самые уши», – ответила Ангва. – Гораздо легче называть номер, чем каждый раз цитировать все целиком. Слушай, в этом городе полно женщин, которым понравилось бы решать свои дела, как их решают гномихи. Ну какая судьба их ждет, спрашивается? Станет официанткой в каком-нибудь трактире, белошвейкой, чьей-нибудь женой. В то время как *вы* можете жить так, как живут мужчины...

– Так и только так. И другого выбора у нас нет, – последовал ответ.

Ангва задумалась.

– О, – наконец сказала она. – Я поняла. Ха. Да. Этот тон я узнаю.

– Я не люблю топоров! – вырвалось вдруг у Шельмы. – И боюсь драться! А эти бесконечные гимны во славу золота? Вот ведь тупость! И я ненавижу пиво! Я не умею пить как гномы! Когда я пытаюсь проглотить зараз целую кружку, то обливаю всех, кто стоит позади меня!

– Понимаю, здесь нужна специальная сноровка, – кивнула Ангва.

– Я как-то видела девушку, она шла по улице, и мужчины *свистели* ей вслед! И вы можете носить *платья! Разноцветные!*

– О боги, – Ангва изо всех сил старалась не улыбаться. – И давно это началось? Мне казалось, что вы, гномихи, счастливы текущим положением дел...

– О, легко быть счастливой, не зная другой жизни, – горько ответила

Шельма. – Кольчужные штаны вполне тебя устраивают, пока ты не услышишь о поясах и прочих женских штучках!

– О поясах? – нахмурилась Ангва. – А, ты в этом смысле. Да, конечно.

Она вдруг поняла, что действительно сочувствует Шельме. И себе тоже. Очень трудно найти женское нижнее белье, которое не рвется, когда ты пытаешься стащить его с себя когтистыми лапами. Но об этом Ангва предпочла промолчать.

– Я думала, что смогу найти в этом городе другую работу, – простонала Шельма. – Я хорошо управляюсь с иглой и ниткой, поэтому первым делом пошла в Гильдию Белошвеек, но...

Она неожиданно запнулась и густо покраснела под своей бородой.

– Да, – понимающе откликнулась Ангва. – Многие совершают эту ошибку. – Она выпрямилась и поправила прическу. – Однако ты произвела впечатление на командора Ваймса. И я думаю, тебе у нас понравится. У нас, в Страже, та еще компания. Нормальные люди в стражники не идут. Так что ты тут вполне приживешься.

– Командор Ваймс... Он немного... – начала было Шельма.

– Он в порядке. Когда у него хорошее настроение, разумеется. Порой ему очень нужно выпить, раньше он так и делал, но совсем недавно завязал. Ну, знаешь, он из тех людей, о которых говорят: стакан – много, а два – уже мало... Вот поэтому он такой раздражительный. А когда у него плохое настроение, он наступает тебе на ногу, после чего орет на тебя, почему ты при появлении своего командира не вытягиваешься по стойке «смирно».

– Ты нормальная, – застенчиво сказала Шельма. – Ты мне нравишься.

Ангва погладила ее по голове.

– Это ты сейчас так говоришь, – ответила она. – Но побудешь тут немного, узнаешь, в какую суку я могу превращаться... А что это такое?

– Что именно?

– Рисунок. С глазами...

– Или же с двумя красными точками, – поправила Шельма.

– Ну...

– Я думаю, это последнее, что видел отец Трубчек, – ответила капрал Задранец.

Ангва уставилась на черный прямоугольник. Принюхалась.

– Ну вот! Опять!

Шельма на всякий случай отступила на пару шагов.

– Что? Что?

– Откуда идет этот запах? – спросила Ангва.

– Не от меня! – торопливо сказала Шельма.

Ангва схватила с верстака маленькое блюдце и понюхала его.

– Да, точно! Этот же запах был в музее! Что это такое?

– Глина. Она была на полу в комнате, где убили старого священника, – пожалала плечами Шельма. – Наверное, кто-то на башмаке занес.

Ангва пальцами растерла глину.

– Мне кажется, это самая обычная гончарная глина, – продолжала Шельма. – Мы работали с ней в Гильдии. Горшки делали, – пояснила она на тот случай, если Ангва что-то не так поняла. – Ну, тигли всякие, посуду... А эта, видишь, крошится. Так, будто ее обжигали, но толком в печке не выдержали.

– Гончарная глина... – протянула Ангва. – Я знаю одного гончара...

Она еще раз посмотрела на иконографию.

«О, пожалуйста, нет, – подумала она. – Неужели это один из *них*?»

Главные ворота Королевской геральдической палаты – обе створки главных ворот! – распахнулись настежь, и оттуда вывалился обалдевший Шноббс, вокруг которого возбужденно прыгали двое геральдистов.

– Мы надеемся, ваше лордство довольно?

– Нф-ф-ф, – ответил Шнобби.

– Если мы еще чем-то сможем услужить вам...

– Н-н-нф.

– Чем угодно...

– Н-н-нф.

– И еще раз приносим извинения, ваше лордство. Дракончик болен. Но когда ваши башмаки высохнут, их достаточно будет обмести метелочкой и...

Шнобби, пошатываясь, затрусил прочь по переулку.

– Настоящий Шноббс, сразу видно!

– Ага, у него даже походка типично шноббская.

– Какой позор! Человек с такой родословной – и простой капрал!

Троль Вулкан отступал до тех пор, пока не уперся спиной в гончарное колесо.

– Это не я, – сказал он.

– Что не ты? – спросила Ангва.

Вулкан засомневался.

Троль был огромен и... ну... скалоподобен. Он двигался по улицам Анк-Морпорка, будто маленький айсберг, и, как в айсберге, в нем было

много чего не видного взгляду. Он был известен в качестве торговца... приторговывающего всем помаленьку. А иногда он выступал в роли крыши, но не той, что обычно защищает от дождя и снега. Вулкан никогда не задавал неуместных вопросов, они ему просто не приходили в голову.

– Ничего, – наконец выдал он.

Вулкан всегда считал, что общее отрицание лучше, чем конкретные отнекивания.

– Рада слышать, – кивнула Ангва. – А теперь скажи нам... Где ты берешь свою глину?

Судя по трещинам, пролеглим по лбу Вулкана, тролль задумался, нет ли в вопросе какого-либо подвоха.

– С карьеров, – осторожно сказал он. – Все оплачено. Есть бумаги.

Ангва кивнула. Скорее всего, это было правдой. Вулкан, несмотря на то что не умел считать больше чем до десяти (разве что оторвать у кого-нибудь руку и задействовать ее) и несмотря на широкую известность в криминальных кругах, всегда оплачивал свои счета. Если хочешь достичь успеха в криминальном мире, надо иметь репутацию честного человека (ну, или тролля).

– Ты видел где-нибудь подобное? – спросила она, протягивая ему остатки белой глины.

– Глина, – немного расслабившись, сообщил Вулкан. – Глину-то я завсегда узнаю. Но серийного номера у глины нету. Глина – это глина. У меня ее горы на заднем дворе. Из нее делают кирпичи, горшки и все этакое. Тута полным-полно гончаров в городе, они с ней работают. А почему вы спрашиваете?

– Ты можешь сказать, откуда она взялась?

Вулкан осторожно взял кусочек глины, понюхал и раскатал пальцами.

– Странно, – сказал тролль. Поняв, что разговор пойдет не о его делишках, Вулкан обрел былую уверенность. – Это типа... ну, забавочной глины, из нее еще всякие странные дамочки, типа, кофейники лепят, эти, дегенеративные. – Он опять понюхал глину. – И еще добавки всякие. Из битых старых горшков. Они укрепляют глину. Их толчешь, они укрепляют. У любого гончара куча старых черепков. – Он растер пальцами еще один кусочек глины. – В печь ее ставили, но толком не обожгли.

– Хорошо, хорошо, только нас больше интересует, откуда эта глина взялась.

– Из-под земли, госпожа. Это верняк, – пожал плечами Вулкан.

Он уже совсем расслабился. Очевидно, недавняя партия статуэток, почему-то полых внутри, не имела к визиту стражников никакого

отношения. Поэтому тролль изо всех сил старался быть полезным.

– Точнее сказать не могу. Идемте, сами глянете.

Он повернулся и быстро зашагал прочь. Стражники проследовали за ним через склад, провожаемые встревоженными взглядами пары дюжин троллей. Шныряющие по округе стражники никому не нравятся, тем более работникам Вулкана, на тихой и спокойной фабрике которого можно было отсидеться пару-другую неделек, пережидая грозу. Кроме того, Анк-Морпорк не зря назывался городом больших возможностей. К примеру, в нем имелась возможность не быть повешенным, насаженным на кол или четвертованным за преступления, совершенные где-то в горах.

– Не таращись по сторонам, – прошипела Ангва.

– Почему? – удивилась Шельма.

– Потому что нас здесь только двое, а их по меньшей мере пара дюжин, – объяснила Ангва. – И доспехи наши делаются на людей с полным комплектом рук и ног.

Вулкан вышел через дверь во двор позади фабрики. Вокруг высились поддоны с горшками, штабеля кирпичей вытянулись в длинные ряды. А под небрежно возведенной крышей покоились несколько больших глиняных куч.

– Во, – великодушно указал Вулкан. – Глина.

– А есть ли специальное название для глины, когда она свалена таким образом? – потыкав одну из горок ногой, осторожно поинтересовалась Шельма.

– Ага, – ответил Вулкан. – На нашенском языке это зовется кучей.

Ангва расстроено покачала головой. Прости-прощай, улика. Глина есть глина. Она-то надеялась, что у глины есть сорта, виды или что там еще, а оказалось, глина мало чем отличается от самой обычной грязи.

И тут Вулкан неожиданно Оказал Помощь Расследованию.

– Сушьте, – немного понизив голос, сказал он. – Некоторым клиентам не нравится, когда вы заглядываете. Горшки потом плохо расходятся. Ничего, если я выпущу вас через черный ход?

Он ткнул пальцем в задние ворота, достаточно большие, чтобы через них проехала телега, и выудил из кармана громко брякнувшую связку ключей.

На воротах красовался здоровенный засов. Блестящий на солнце, еще новенький.

– Ты боишься воров? – удивилась Ангва.

– Времена, госпожа, стоят лихие, – ответил Вулкан. – Замок был старый, вот кто-то и залез. Вынесли кое-что, в убыток ввели...

– Кошмар какой, – посочувствовала Ангва. – И зачем только ты платишь налоги, правда?

В некоторых случаях Вулкан был намного сообразительнее, чем тот же господин Ломозуб. Он сделал вид, будто не расслышал последних слов.

– Да ерунда, я даже жаловаться не стал... – пробормотал тролль, как можно тактичнее подталкивая стражников в сторону ворот.

– А этот вор... Он случайно не глину своровал? – уточнила Шельма.

– Тут ведь дело принцыпа, – откликнулся Вулкан. – Глина – что? Гроши... Но кому это понадобилось? Полтонны глины сами ведь не уйдут.

Ангва еще раз оглядела засов.

– Да, действительно, – задумчиво сказала она.

Ворота захлопнулись за их спинами. Стражники очутились в узеньком проулке.

– И в самом деле, – проговорила Шельма, – ну кому могло понадобиться полтонны глины? Он сообщил об ограблении в Стражу?

– Сильно сомневаюсь, – ответила Ангва. – Осы, как правило, не жалуются, когда их жалят. Кроме того, Детрит подозревает, что Вулкан замешан в контрабанде «грязи», и ждет не дождется, когда ему представится повод сунуть нос на эту фабрику... Слушай, по правде говоря, у меня все еще выходной.

Она отступила на пару шагов назад и оглядела окружающую двор высокую и шипастую стену.

– А вот интересно, можно ли обжечь глину в печи для выпечки хлеба? – вдруг спросила она.

– Без шансов.

– Что, не хватит жара?

– Да нет, тут нужна правильная форма печи. В обычной же половину горшков пережжешь, а половина останется сырой. Кстати, а с чего это тебя вдруг заинтересовало?

«Действительно, с чего бы? – подумала Ангва. – Ладно, к чертям все...»

– Да так... – ответила она вслух. – Ну, как насчет выпить?

– Только не пива, – быстро сказала Шельма. – И желательно, чтобы там не пели. И не хлопали себя по коленям.

Ангва понимающе кивнула.

– То есть обойдемся без шумной гномьей компании?

– Э... да...

– Там, куда мы сейчас направимся, гномов не будет. Это точно, – успокоила Ангва.

Туман быстро сгущался. Весь день он провел в темных проулках и подвалах, но теперь, с приближением вечера, опять начал наглеть. Он поднимался над землей, спускался с небес, облекая мир в плотное колючее одеяло противного желтого цвета. словно река Анк вдруг решила распространяться воздушно-капельным путем. Туман просачивался сквозь щели и вопреки всякому здравому смыслу скапливался даже в ярко освещенных комнатах, заставляя глаза слезиться, а свечи – потрескивать. Идущий навстречу прохожий представлялся неким неведомым чудовищем, а каждая тень несла угрозу.

Свернув с какой-то занюханной улочки в столь же занюханный проулок, Ангва наконец остановилась и, расправив плечи, толкнула дверь.

Когда она шагнула через порог, атмосфера в длинном *темном* зале мгновенно изменилась. На миг наступила напряженная звенящая тишина, но только на миг, затем люди слегка расслабились и повернулись обратно к столам, за которыми сидели.

Да, они сидели. И даже были похожи на людей. Отчасти.

Шельма подступила к Ангве поближе.

– Как это место называется? – прошептала она.

– Вообще-то, никак, – пожала плечами Ангва, – но иногда мы называем его «Заупокоем».

– Снаружи оно совсем не похоже на какой-нибудь трактир. Как ты его нашла?

– Никак. Его не находят, сюда... притягивает.

Шельма нервно оглянулась по сторонам. Она понятия не имела, куда они с Ангвой забрели. Знала только, что в этом районе города торгуют всевозможной скотиной. В окрестных переулках легко было заблудиться навсегда.

Ангва подошла к стойке.

Из темноты выступила неясная тень.

– Привет, Ангва, – изрекла тень низким перекатывающимся голосом. – Фруктовый сок, как обычно?

– Да. Охлажденный.

– А как насчет гнома?

– Его она съест сырым, – сказал чей-то голос откуда-то из темноты.

Над столами пронесся смех. Некоторые смешки показались Шельме слишком... нетипичными. Они никак не могли сорваться с *обычных* губ.

– Мне тоже фруктовый сок, – пискнула она.

Ангва бросила взгляд на новообретенную подружку, ощутив странную

благодарность. Булавообразная голова капрала Задранец даже не дернулась. Ангва отстегнула свой значок и подчеркнутым жестом положила его рядом собой, после чего, чуть склонившись вперед, показала иконографию человеку за стойкой.

Или не человеку. Шельма пока не определилась с этим. Надпись над стойкой гласила: «Со Сдачей Не Заржавеет».

– Ты знаешь все, что происходит, Игорь, – сказала Ангва. – Вчера убили двух стариков. А еще недавно у тролля Вулкана похитили кучу глины. Что-нибудь слышал об этом?

– А тебе какой интерес?

– Убивать, хоть и стариков, – это против закона, – ответила Ангва. – Конечно, есть еще много чего противозаконного, поэтому у нас много работы. Но мы предпочитаем заниматься *важными* делами. Чем ловить за руку всякую мелочовку. Ты меня понимаешь?

Тень понимала.

– Выбирайте стол, – буркнул трактирщик. – Я принесу напитки.

Ангва направилась к столику, расположенному в стенной нише. Завсегдатаи трактира уже не обращали на них никакого внимания. Застольные беседы возобновили свое течение.

– Что это за трактир такой? – прошептала Шельма.

– Тут... всякий может немного побыть самим собой, – медленно ответила Ангва. – Всякий, кто в иных местах должен соблюдать осторожность. Уловила?

– Нет...

Ангва вздохнула.

– Вампиры, зомби, страшилы, вурдалаки и так далее. Одним словом, всякие умерт... – Она вовремя прикусила язык. – Те, кто живет иной жизнью, – поправила она. – Среди обычных людей этим, э-э, людям приходится вести себя очень осторожно, чтобы не возникло каких-либо проблем. А здесь можно расслабиться. Таковы правила: не высовывайся, трудись себе тихонько, не пугай никого, иначе одной прекрасной ночью к твоему дому пожалует толпа с вилами и ярко пылающими факелами. Но иногда так хочется пойти туда, где на тебя никто не будет коситься...

Глаза Шельмы немного привыкли к тусклому свету, и она уже могла различить некоторых из посетителей трактира. У кое-кого были острые уши и длинные морды. Кто-то вообще не был похож на человека.

– А кто эта девушка? – спросила она. – Она выглядит... вполне нормальной.

– Фиалка. Зубная фея. А рядом с ней страшила, его зовут Шлеппель.

В дальнем углу дремал некий господин в огромном плаще и высокой, широкополой, остроконечной шляпе.

– А это кто?

– Старина Лихо, – сказала Ангва. – И если не хочешь больших неприятностей, лучше тебе его не будить.

– А... вервольфы тут есть?

– Присутствует парочка, – ответила Ангва.

– *Ненавижу* вервольфов.

– О?

Но самая странная клиентка сидела одна за маленьким круглым столиком. Древняя старушка в шали и соломенной шляпке, украшенной цветочками. С отсутствующей добренькой улыбкой она смотрела прямо перед собой, что в данных обстоятельствах пугало даже больше, чем все необычные посетители трактира, вместе взятые.

– А она?.. – тихонько указала Шельма.

– Ее зовут госпожа Шамкинг.

– И кто она такая?

– Ты думаешь, что она тоже какой-нибудь вампир, вервольф, зомби или страшила? Ничего подобного. Самая обычная старушка. Частенько заходит сюда выпить стаканчик винца и пообщаться. Иногда мы... *они* поют песни. Старые песни, которые она помнит. Кстати, она почти ничего не видит.

Огромное, неуклюжее, волосатое существо остановилось рядом с госпожой Шамкинг и поставило на ее столик бокал.

– Прошу, госпожа Шамкинг, – прогромыхало существо. – Портвейн с лимоном, как заказывали.

– Твое здоровье, Чарли! – воскликнула старушка. – Как твои водопроводные дела?

– Вашими молитвами, госпожа Шамкинг, – ответил страшила и растворился в темноте.

– Он и вправду водопроводчик? – изумилась Шельма.

– Конечно, нет. Я знать не знаю, кто такой этот Чарли. Наверное, умер уже лет сто как. Но госпожа Шамкинг искренне уверена, что страшила – это Чарли. А кто мы такие, чтобы разубеждать ее?

– Она что, не знает, что это место?..

– Слушай, она ходила сюда еще во времена, когда этот трактир именовался «Корона и Топор», – пожала плечами Ангва. – Зачем менять старые традиции? Кроме того, госпожу Шамкинг все любят. И даже... приглядывают за ней. Кое-чем помогают.

– Как это?

– Ну, я слышала, в прошлом месяце кто-то вломился в ее хибарку и утащил некоторые ее вещи...

– Ничего не скажешь, приглядели.

– ...Так вот, украденное было возвращено на следующий же день, а в Тенях были найдены двое высосанных досуха воришек. – Ангва улыбнулась, и в голосе ее проскользнули насмешливые нотки. – Знаешь ли, о нежити рассказывают много всякого дурного, но никто почему-то не распространяется об их положительном вкладе в общество.

Рядом с ними снова возник трактирщик Игорь. Он был более или менее похож на человека, за исключением густой растительности на руках и единой сросшейся брови на лбу. Игорь бросил на стол пару картонок, на которые поставил бокалы с напитками.

– Наверное, ты все-таки предпочла бы отправиться в какой-нибудь гномий трактир, – сказала Ангва.

Она осторожно взяла свою картонку и перевернула ее.

Шельма еще раз огляделась вокруг. Если бы это и в самом деле был гномий трактир, пол здесь был бы липким от пива, воздух дрожал бы от рыгання, а посетители во всю глотку распевали бы какую-нибудь песню. Скорее всего, последний гномий хит «Золото, золото, золото» или самый громкий хит прошлых лет «Золото, золото, золото», а может, что-нибудь из классики, к примеру «Золото, золото, золото». И через пару-другую минут в воздухе просвистел бы первый топор.

– Нет, – покачала головой она. – Хуже, чем там, быть не может.

– Пей, – велела Ангва. – Нам еще надо сходить кое-куда.

Огромная волосатая рука вдруг схватила ее за запястье. Ангва подняла глаза. Над ней нависла страшная морда, состоящая из глаз, рта и волос.

– Привет, Шлитцен, – холодно поздоровалась Ангва.

– Ха, я слышал, есть один барон, который очень зол на тебя, – буркнул Шлитцен.

От одного его дыхания можно было опьянеть.

– Это мое дело, Шлитцен, – сказала Ангва. – Почему бы тебе не пойти и не спрятаться в каком-нибудь шкафу, как и полагается хорошему страшиле?

– Ха, по его словам, ты позоришь Старую страну...

– Пожалуйста, отпусти, – попросила Ангва.

В том месте, где Шлитцен сжимал ее руку, кожа побелела.

Шельма перевела взгляд с запястья Ангвы вверх по руке страшилы. Хоть Шлитцен и не выглядел особым силачом, мускулы на его руке походили на крупные бусины, нанизанные на тонкую нить.

– Ха, ты теперь носишь *значок*, – усмехнулся он. – Интересно, что будет...

Ангва сделала резкое движение. Свободной рукой она вытянула из-за ремня какой-то большой платок, встряхнув, расправила его и быстро накинула на голову Шлитцена. Страшила мигом утратил весь свой грозный вид – теперь он стоял, раскачиваясь вперед-назад, и периодически издавал стонущие звуки.

Ангва оттолкнула назад стул и схватила картонку из-под пива. Фигуры, полускрытые в трактирных сумерках, что-то угрожающе забормотали.

– Уходим отсюда, – бросила она. – Игорь, дай нам полминуты и можешь снимать с него одеяло. Пошли!

Они быстро выбежали из трактира. Туман почти поглотил заходящее солнце, превратив его в бледное пятнышко на небесах, но по сравнению с полутьмой трактира снаружи стоял яркий солнечный день.

– Что с ним случилось? – стараясь не отставать от Ангвы, поинтересовалась Шельма.

– Экзистенциальная неуверенность, – ответила Ангва. – Страшили постоянно сомневаются в собственном существовании. Да, это было жестоко, но других мер против страшил нет. Или мы пока о них не знаем. А самое верное средство – это *голубое* пуховое одеяло. – Заметив непонимающий взгляд Шельмы, Ангва пояснила: – Послушай, ты должна помнить еще с детства... Как прогнать страшилу? Надо всего-навсего накрыться с головой одеялом, правильно? А если накрыть одеялом страшилу...

– Да, да, поняла. Гм, я ему не завидую...

– Ничего, минут через десять оправится. – Ангва метнула картонку от пива через улицу.

– А что он там говорил про барона?

– Я как-то пропустила его слова мимо ушей, – осторожно ответила Ангва.

Шельма передернулась, но вовсе не от зябкого тумана.

– Похоже, он, как и мы, из Убервальда. Вроде бы неподалеку от нас жил барон, который терпеть не мог, когда кто-то уезжал в другие края...

– Ага...

– А еще там жила семья вервольфов, которая потом куда-то переехала. Один из них съел моего двоюродного брата.

Воспоминания вихрем закружились в голове Ангвы. Видения старых трапез до сих пор являлись ей в ночных кошмарах. А потом она сказала себе: «Так жить нельзя» – и... Гном... гном... Нет, она была почти уверена,

что никогда... В семье всегда шутили по поводу ее предпочтений в еде.

– Вот почему я их на дух не переношу, – продолжала Шельма. – Да, *говорят*, будто бы их можно приручить, но лично мое мнение: став однажды волком, остаешься волком навсегда. Им нельзя верить. Они же изначально злые. И в любой момент могут вернуться к своим старым привычкам.

– Да. Ты, наверное, права.

– А самое ужасное то, что бóльшую часть времени они ходят среди нас, как самые обыкновенные люди.

Ангва тихонько покачала головой. Хорошо, что из-за тумана ее лица сейчас не видно. И хорошо, что Шельма так уверена в себе.

– Ладно, мы уже почти пришли.

– Куда?

– Мы кое с кем встретимся. Он или убийца, которого мы разыскиваем, или знает, кто настоящий убийца.

Шельма остановилась.

– Но у тебя только меч, а у меня вообще ничего!

– Не волнуйся, оружие нам не понадобится.

– Это хорошо.

– Оно нам просто не поможет.

– О.

Ваймс открыл дверь, чтобы посмотреть, кто так надрывается внизу. Дежурный капрал орал нечеловеческим, вернее, негномьим голосом:

– Опять? Сколько раз тебя уже убивали на этой неделе?

– Я занимался своей работой! – в ответ кричал невидимый заявитель.

– Ты грузил чеснок! Ты, *вампир*! Ну что за работы ты себе выбираешь?! Точильщик колов для строительной фирмы, контролер качества темных очков для «Аргус-оптики»... Либо я совсем свихнулся, либо в этом наблюдается некая тенденция!

– Прошу прощения, командор Ваймс?

Ваймс оглянулся на улыбающееся лицо, выражающее искреннюю уверенность, что оно несет миру только добро, даже если мир сам того не желает.

– А, констебль Посети... Да, что такое? – торопливо откликнулся Ваймс. – Боюсь, сейчас я сильно занят, и даже не уверен, есть ли у меня бессмертная душа, ха-ха, возможно, тебе стоит зайти немного позже, когда...

– Я насчет тех слов, что вы просили узнать, – с упреком промолвил

Посети.

– Каких слов?

– Слов, которые написал отец Трубчек собственной кровью. Вы просили попробовать выяснить, что они означают.

– А. Да. Заходи в кабинет.

Ваймс слегка расслабился. Констебль Посети любил поговорить о состоянии души ближнего и о необходимости ее стирки и чистки, пока на нее не наслали вечное проклятие. Но, похоже, этот разговор будет *важным*.

– Это древний кенотинский, сэр. Цитата из ихней священной книги, хотя, конечно, когда я говорю «священной», надо понимать, что изначально они заблуждались...

– Да, да, не сомневаюсь, – усаживаясь, кивнул Ваймс. – Надеюсь, нам крупно повезло и там говорится что-нибудь типа: «Господин Икс сделал это, аргх, аргх, аргх»?

– Увы, сэр. Такой фразы нет ни в одной из известных священных книг, сэр.

– А, – сказал Ваймс.

– Кроме того, сэр, я просмотрел другие бумаги, обнаруженные в комнате, и выяснил, что записку писал не покойный.

Лицо Ваймса прояснилось.

– Ага! Кто-то еще? Тогда, быть может, там говорится что-то типа: «Получай, сволочь, мы искали тебя вечность, чтобы отомстить за то, что ты сделал столько лет назад, искали и наконец нашли!» Или я опять ошибаюсь?

– Ошибаетесь, сэр. Такой фразы тоже нет ни в одной из священных книг, – сказал констебль Посети, но вдруг засомневался. – За исключением, пожалуй, «Апокрифа» к «Завету Мщения Оффлера», – добросовестно добавил он. – Тогда как слова в записке взяты из кенотинской «Книги Истины». – Он усмехнулся. – Тоже мне истина... В ней рассказывается о том, как их лжебог...

– А нельзя ли просто перевести слова и оставить в стороне сравнение религий? – спросил Ваймс.

– Так точно, сэр, – Посети выглядел немного обиженно, но он все же развернул бумажку и опять пренебрежительно усмехнулся. – Это некоторые правила, которые их бог якобы оставил первым людям, после того как вылепил их из глины и обжег в печи, сэр. Правила типа: «Трудись с усердием всю жизнь свою», «Не убий», «Будь покорным» и так далее, сэр.

– И все? – удивился Ваймс.

– Так точно, сэр, – ответил Посети.

– Просто религиозные наставления?

– Так точно, сэр.

– А какие есть предположения, с чего бы вдруг это очутилось у отца Трубочка во рту? Бедняга выглядел так, как если бы курил свою последнюю самокрутку.

– Лично у меня никаких предположений, сэр.

– Я бы мог понять, если бы там было написано что-нибудь типа: «Порази врагов своих», – покачал головой Ваймс. – А здесь просто: «Работай упорно и не создавай проблем».

– Кено был весьма либеральным богом, сэр. Заповеди у него были не слишком строгими.

– Похоже, он был довольно-таки приличным богом по сравнению с остальными.

Посети неодобрительно посмотрел на Ваймса.

– Кенотины вымерли после того, как целых пятьсот лет вели на континенте одну из самых жесточайших войн, сэр.

– Ну да, как же я забыл... Чем чаще молнии, тем смиреннее паства, верно? – ухмыльнулся Ваймс.

– Не понял, сэр?

– Да так, ничего. Ну, спасибо, констебль. Я, э, сообщу все капитану Моркоу, и еще раз спасибо, не буду больше задерживать тебя...

Ваймс в отчаянии повысил голос, увидев, как Посети начал вытаскивать из-за пазухи кипу бумаг, но было уже поздно.

– Я принес вам свежий номер журнала «Сторожевая лачуга», сэр, а также ежемесячник «Призыв к битве», в котором есть много статей, которые, я уверен, очень заинтересуют вас, включая статью пастора Суй Носа о необходимости вставать с колен и нести слово народу через почтовые ящики, сэр.

– Э... спасибо.

– Не могу не заметить, сэр, что брошюры и журналы, которые я принес вам на прошлой неделе, лежат на том же месте, где я их оставил, сэр.

– О да, прости. Ну, знаешь, как бывает, в последние дни столько работы навалилось, совсем нет времени...

– Никогда не поздно заняться спасением души, сэр.

– Я все время думаю об этом, констебль. Спасибо.

«Так нечестно, – подумал Ваймс, когда Посети ушел. – В моем городе на месте преступления оставлена записка, – и что мы в ней обнаруживаем?»

Угрозы? Обещание жестокой расправы? Нет. Последнее послание от человека, раскрывающего имя убийцы? Ничего подобного. Нас попотчевали какой-то религиозной чушью. Но что за польза от улики, если в ней больше загадки, чем в самой загадке?»

Он черкнул пару слов на переводе Посети и опустил бумагу в ящик с надписью «Входящие».

Слишком поздно Ангва вспомнила, почему именно в это время месяца всегда старалась обходить стороной скотобойный квартал.

Она могла перекидываться из обличья в обличье в любое время по собственному желанию. Люди забывают об этой черте вервольфов. Но помнят другую важную вещь. Полная луна для оборотней играет роль спускового крючка: лунные лучи достигают самого дна памяти, дергают за все рубильники, хочешь ты того или нет. С полнолуния миновала всего пара дней, и от вкусных запахов, испускаемых скотом в загонах и разлитой по бойням кровью, у Ангвы текли слюнки. А ведь она закаятая вегетарианка. Ее организм был натянут как струна после «того самого времени месяца».

Ангва остановилась и уставилась на затемненное здание, высящееся перед ней.

– Думаю, мы обойдем его с задней стороны, – сказала она. – И ты постучишь.

– Я? Да меня даже не заметят.

– Ты покажешь им свой значок и скажешь, что ты из Городской Стражи.

– Я же сказала, меня даже не заметят! Просто посмеются надо мной, и все!

– Рано или поздно тебе придется научиться привлекать к себе внимание. Пошли.

Дверь открыл здоровый детина в окровавленном переднике. И был немало изумлен, когда одна гномья рука схватила его за пояс, вторая гномья рука вытянулась снизу и поднесла к его носу значок Стражи, а гномий голос, доносящийся из области его пупка, громко выкрикнул:

– Мы из Городской Стражи, ясно? О да! И если ты не дашь нам войти, мы пустим твои кишки на сосиски!

– Для начала неплохо, – пробормотала Ангва.

Она отодвинула Шельму в сторонку и ослепительно улыбнулась мяснику.

– Господин Крюк? Мы бы хотели поговорить с твоим работником

господином Дорфлом.

– С господином Дорфлом? – выдавил мясник, потрясенный явлением Шельмы до глубины души. – И что такого он натворил?

– Мы просто хотели с ним поговорить. Войти можно?

Господин Крюк глянул на Шельму, нервно вздрагивающую и возбужденно переступающую с ноги на ногу.

– А у меня есть выбор? – спросил он.

– Скажем так, у тебя есть что-то *типа* выбора, – сказала Ангва.

Она старалась дышать ртом, чтобы не чувствовать влекущие миазмы, испускаемые кровью. В помещении стоял сосисочный станок. На сосиски шли те части животных, которые никто и ни за что в жизни не стал бы есть, – впрочем, чем меньше задумываешься о том, что ты ешь, тем лучше. Ангву чуть ли не выворачивало от запахов бойни, но какая-то ее часть, прячущаяся глубоко внутри и разбуженная сладостными ароматами, молила, просила этих смешавшихся запахов свинины, говядины, баранины и...

– Крысы? – принюхавшись, осведомилась Ангва. – Не знала, что ты и гномам поставляешь товар, господин Крюк.

Господин Крюк неожиданно превратился в человека, всегда готового помочь выполняющим свое дело стражникам.

– Дорфл! А ну, иди сюда!

Послышались шаги, и из-за обглоданных коровьих туш появилась фигура.

Некоторые люди питают к нежити предубеждение. Взять хотя бы командора Ваймса, хотя в последнее время он стал несколько более терпимым к умертвиям. «Но все мы, – подумала Ангва, – хотим ощущать превосходство, быть выше кого-либо. Люди ненавидят нежить, а нежить, – ее кулаки невольно сжались, – терпеть не может нелюдей».

Голем по имени Дорфл немного прихрамывал, потому что одна его нога была немного короче другой. Одежды он не носил, поскольку скрывать ему было нечего – огромное тело пестрело заплатками из разноцветной глины, наложенной в процессе ремонтов. Заплат было столько, что Ангва даже покачала головой. Интересно, сколько этому голему лет? Судя по всему, изначально его фигуру пытались сделать хотя бы отчасти похожей на человеческую, но многочисленные заплатки свели на нет все эти усилия. Голем был похож на те горшки, что так презирал Вулкан, на горшки, изготавливаемые людьми, которые были искренне уверены, что если это ручная работа, то и выглядеть она должна как ручная работа, а потому отпечатки пальцев на готовой продукции являются в

некотором роде знаком качества.

Да, точно. Этот голем выглядел как творение какого-нибудь народного умельца. Разумеется, за долгие годы ремонтов он переделал себя. Треугольные глаза голема слабо светились. Зрачков не было, виднелся лишь темно-красный отблеск далекого огня.

В своих лапищах голем сжимал огромный, тяжелый нож. Взгляд Шельмы как застрял на нем, так и не отрывался от этого ужасного инструмента. В другой руке голем держал кусок веревки, на обратном конце которой периодически блеял огромный, волосатый и очень вонючий козел.

– Что ты делаешь, Дорфл?

Голем кивнул на козла.

– Кормишь йудского козла?

Голем кивнул еще раз.

– У тебя есть чем заняться, господин Крюк? – спросила Ангва.

– Да нет, я...

– По-моему, господин Крюк, мы все-таки оторвали тебя от каких-то крайне важных дел, – выразительно сказала Ангва.

– А? Да? Да. Что? Да. Конечно. Мне как раз надо проверить котлы с потрохами...

Мясник было повернулся, чтобы уйти, но остановился и погрозил пальцем как раз перед тем местом, где у Дорфла должен был быть нос.

– Если из-за тебя у меня появятся проблемы... – начал он.

– Господин Крюк, там твой бульон убегает, – резко напомнила Ангва.

Мясник исчез.

Наступила долгая пауза. Через высокую стену доносились отдаленные звуки города, а с другой стороны скотобойни периодически слышалось встревоженное овечьё блеянье. Дорфл стоял по стойке «смирно», продолжая сжимать свой страшный нож и таращась себе под ноги.

– Это что, тролль, из которого попытались сделать человека? – прошептала Шельма. – У него такие *глаза*!

– Это не тролль, – ответила Ангва. – Это голем. Человек из глины. Механизм.

– Но он выглядит как самый настоящий человек!

– Потому что это механизм, сделанный под человека. – Ангва обошла вокруг голема. – Я хочу проверить твои шхемы, Дорфл, – сказала она.

Дорфл отпустил козла, поднял свой нож и с размаху вогнал его в огромную колоду для рубки мяса, прямо рядом с Шельмой, заставив ее отскочить в сторону. Затем голем взял грифельную дощечку, которая висела

на веревке, переброшенной через его плечо, отцепил карандаш и написал:

«Хорошо».

Когда Ангва вскинула руку, Шельма вдруг заметила, что лоб голема пересекает странная тонкая линия. А потом, к ее ужасу, верх големьей головы внезапно откинулся. Однако Ангва, нисколько этим не обеспокоенная, засунула туда руку и вытащила желтоватый свиток.

Голем застыл. Глаза потухли.

Ангва развернула бумагу и пробежала глазами по строчкам.

– Та же религиозная белиберда, – пожалала она плечами. – Как всегда. Останки древней и давно мертвой религии.

– Ты убила его?

– Нет. Нельзя отнять то, чего нет.

Она положила свиток обратно, закрыла и защелкнула верхушку головы.

Голем ожил, и глаза его опять засветились.

У Шельмы перехватило дыхание.

– Что ты *сделала*? – выдавила она из себя.

– Объясни ей, Дорфл, – велела Ангва.

Толстые пальцы голема на удивление быстро задвигались, и на дощечке стали появляться строчки:

«Я – голем. Я сделан из глины. Моя жизнь – в словах. От слов назначения в моей голове я получаю жизнь. Моя жизнь – это работа. Я подчиняюсь приказам. Никогда не отдыхаю».

– Что это еще за слова назначения?

«Специальный текст, лежащий в основе веры. Голем должен работать. У голема должен быть хозяин».

Козел улегся рядом с големом и принялся жевать жвачку.

– Было совершено два убийства, – сказала Ангва. – Я уверена, что по крайней мере одно из них было совершено големом. Ты можешь как-нибудь прояснить ситуацию, а, Дорфл?

– Извини, я не поняла, – перебила Шельма. – Ты говоришь, что... этим истуканом двигают слова? Ну, то есть... он утверждает, что им двигают какие-то слова?

– А почему бы и нет? В словах *есть* сила. Все это знают, – откликнулась Ангва. – В Анк-Морпорке много големов, больше, чем ты можешь представить. Они сейчас не в моде, но они остались. Големы могут работать под водой, в полной темноте, там, где все вокруг отравлено. Годами. Им не надо отдыхать, их не надо кормить. Они...

– Но это же рабство! – воскликнула Шельма.

– Да что ты! С тем же успехом ты можешь назвать рабыней дверную ручку. Итак, Дорфл, у тебя есть что сказать?

Шельма продолжала смотреть на огромный нож, торчащий из колоды. Сейчас ее голову, как и голову голема, тоже наполняли слова – слова типа «длинный», «тяжелый» и «острый».

Дорфл ничего не ответил.

– Как давно ты здесь работаешь, Дорфл?

«Вот уже триста дней».

– У тебя бывают выходные?

«Смеешься, да? Зачем мне выходные?»

– Я имею в виду, ты все свое время проводишь на бойне?

«Иногда я разношу товар».

– И встречаешься с другими големами? А теперь слушай меня, Дорфл. Я знаю, что вы, големы, каким-то образом поддерживаете контакт. И если кто-то из големов убивает *настоящих* людей, я бы не поставила на вас и разбитой чашки. Очень скоро вы увидите в своих окнах людей с ярко горящими факелами. И огромными молотами. Понимаешь, к чему я клоню?

Голем пожал плечами.

«Невозможно отнять то, чего нет», – написал он.

Ангва вскинула руки.

– Я просто пытаюсь решить проблему цивилизованным способом! – воскликнула она. – К примеру, я могу конфисковать тебя прямо сейчас. По обвинению «ты чинил препятствия следствию, а у меня выдался тяжелый день, и меня наконец все достало». Ты отца Трубчека знаешь?

«Старый священник, что живет на мосту».

– И откуда ты его знаешь?

«Доставлял туда товар».

– Его убили. Где был ты во время его убийства?

«На бойне».

– Но откуда ты знаешь, когда именно его убили?

Некоторое время Дорфл стоял в сомнении. Следующие слова были написаны очень медленно, как будто переходили на табличку лишь после тщательного обдумывания.

«Это наверняка случилось недавно, поскольку вы крайне возбуждены. А в течение последних трех дней я работал здесь».

– Все время?

«Да».

– По двадцать четыре часа в сутки?

«Да. Здесь много людей и троллей. Они подтвердят. Днем я должен

забивать скот, свежевать и расчленять туши, раскалывать кости, а ночью я делаю сосиски и варю сердца, печенки, почки и кишки».

– Это ужасно, – покачала головой Шельма.

«Вроде того», – быстро начирикал карандаш.

Затем Дорфл медленно повернул голову в сторону Ангвы.

«Я вам еще нужен?» – написал он.

– Если потребуешься, мы знаем, где тебя найти.

«Мне жаль того старика».

– Да-да, конечно. Шельма, пошли отсюда.

Шагая через двор, они чувствовали на своих спинах взгляд голема.

– Он соврал, – сказала Шельма.

– Почему ты так считаешь?

– Ну, у него был такой вид, как будто он врет.

– Ты, наверное, права, – кивнула Ангва. – Но ты сама видела, какого размера эта скотобойня. Он мог отлучиться на некоторое время, а никто бы этого и не заметил. Так что ничего мы доказать не сможем. Думаю, нам стоит, как выражается командор Ваймс, взять этот объект под наблюдение.

– Типа... обследовать тут все *и так и этак*?

– Что-то вроде того, – осторожно откликнулась Ангва.

– Вот уж кого не ожидала увидеть на бойне, так это козла. Ну, то есть козла в качестве домашнего животного, – продолжила Шельма, когда они вышли на затянутую туманом улицу.

– Что? А, ты имеешь в виду йудского козла, – вспомнила Ангва. – Почти на всех бойнях есть такой козел. Только он вовсе не домашнее животное. Думаю, его лучше назвать работником.

– Работником? И какую же работу он выполняет?

– Ха. Спокойненько расхаживает по бойне день-деньской. Это и есть работа. Вот смотри, у тебя полный загон вусмерть перепуганных животных, так? Они топчутся нерешительно, вожака у них нет... а тут еще какой-то спуск в подозрительное здание, выглядит очень зловеще... и вдруг, эй, да вон же какой-то козел ходит и ничего не боится. Стадо устремляется за ним, а потом вжик, – Ангва провела ребром ладони по горлу, – обратно выходит только козел.

– Кошмар какой.

– Ну, козла понять можно. Он, каким бы козлом ни был, жив-живехонек, – хмыкнула Ангва.

– Откуда ты все это знаешь?

– Наберешься тут всякого, пока в Страже поработаешь.

– Я вижу, мне еще учиться и учиться, – вздохнула Шельма. – К

примеру, я понятия не имела, что с собой всегда нужно носить кусок одеяла.

– Это специальная экипировка, если работаешь с умертвиями.

– Да-да, я слышала о чесноке и вампирах. Также вампиры плохо реагируют на всякие святые вещи. А против вервольфов что срабатывает?

– А? – переспросила Ангва, которая все еще думала о големе.

– Допустим, на мне надета серебряная кольчуга, я обещала родным, что все время буду ее носить. Но чем еще можно свалить с ног вервольфа?

– К примеру, джином с тоником, – рассеянно пробормотала Ангва.

– Ангва?

– Гм? Да? Что?

– Кто-то сказал мне, что в Страже служит вервольф! Представляешь? Я не могу в это поверить!

Ангва остановилась и уставилась на нее.

– Я думаю, рано или поздно волчья натура себя проявит, – заявила Шельма. – И как только командор Ваймс такое допускает?!

– В Страже действительно служит вервольф, – кивнула Ангва.

– По-моему, это констебль Посети. Есть в нем что-то странное.

У Ангвы отвалилась челюсть.

– Такое впечатление, он всегда голоден, – продолжала Шельма. – И на лице у него все время хищная улыбочка. О да, вервольфа я узнаю с первого взгляда.

– Он и в самом деле выглядит немного голодным, что правда, то правда, – подтвердила Ангва. Что еще сказать, она не знала.

– Значит, я буду держаться от него подальше!

– Вот и отлично, – пробормотала Ангва.

– Ангва...

– Да?

– А почему ты носишь свой значок на воротничке? И воротничок у тебя какой-то необычный, точь-в-точь ошейник...

– Что? О. Ну... зато значок всегда под рукой. Понимаешь? При любых обстоятельствах.

– Мне тоже стоит обзавестись таким воротничком?

– Вряд ли.

Господин Крюк подпрыгнул.

– Дорфл, чертов глупый чурбан! Никогда не подходи так тихо к человеку, который работает с ножом для резки бекона! Я тебе уже сто раз говорил! И попытайся хоть как-нибудь шуметь, когда идешь, черт тебя

побери!

Голем протянул дощечку, на которой было написано:

«Сегодня я не смогу работать».

– Что такое? К примеру, у ножа для резки бекона нет выходных!

«Сегодня святой день».

Крюк посмотрел в красные глазки голема. Старик Рыбнокопост предупреждал о подобном, когда продавал Дорфла. Да-да, так и сказал: «Иногда он будет уходить на несколько часов, потому как у них святой день. Это все из-за слов у них в башках. Если он не заглянет в свой храм, слова перестанут работать, не спрашивай у меня почему. Так что останавливать его бессмысленно».

Этот истукан стоил пятьсот тридцать долларов. Отличная сделка, подумал тогда господин Крюк, – и не ошибся. Голем переставал работать только тогда, когда заканчивалась вся работа. Впрочем, поговаривают, даже в этих случаях големы продолжают трудиться. Ходят всякие истории о том, как некий голем затопил дом только потому, что хозяин ушел, забыв приказать ему перестать таскать воду из колодца. А другой голем мыл посуду до тех пор, пока блюда не стали похожими на бумажные салфетки. Тупые истуканы. Но очень полезные, если приглядывать за ними.

И все же... все же... почему-то подолгу их никто не держит. Наверное, это из-за внешности. Стоит такая вот двурукая громадина, впитывает в себя твои слова, и в голове у нее что-то варится... но что именно? Големы никогда не жалуются. Вообще не разговаривают.

После этого человек начинает задумываться о том, как бы сбыть с рук такого работника, и успокаивается только тогда, когда подписывает договор с новым владельцем.

– Что-то много святых дней стало в последнее время, – заметил Крюк.

«Иногда бывает много святых дней».

Но они *не умеют* отлынивать. Они *умеют* только работать.

– Гм, даже не знаю, справимся ли мы... – задумчиво пробормотал Крюк.

«Сегодня святой день».

– Ну хорошо, хорошо. Завтра можешь взять выходной.

«Сегодня вечером. Святой день начинается после заката».

– Тогда не задерживайся, – наконец сдался Крюк. – А не то я... В общем, не задерживайся, слышишь?

Это была обратная сторона медали. Големов нельзя наказывать. Нельзя ничего удержать из ихнего жалованья, потому что они вообще не получают денег. Их невозможно испугать. Рыбнокопост рассказывал, как один ткач с

Сонного холма приказал голему разбить себе голову и тот мгновенно выполнил приказ.

«Да. Я слышал».

И какая разница, кем были собравшиеся люди? Фактически анонимность входила в условия задачи. Себя они считали людьми, помогающими ходу истории, двигающими прогресс и приближающими светлое будущее. Они были искренне уверены, что Время Настало. Страна способна пережить нашествие орды дикарей, она как-то справляется с чокнутыми террористами и лазящими по подвалам тайными обществами, но у страны появляются большие проблемы, когда преуспевающие и анонимные граждане садятся за большой круглый стол и обсуждают примерно следующее...

– По меньшей мере, это чистый способ, – сказал один. – Бескровный.

– И это, конечно, пойдет на пользу городу.

Все степенно покивали. Что хорошо для них, то хорошо и для Анк-Морпорка, это даже не обговаривалось.

– И он не умрет?

– Его можно держать в состоянии... недееспособности. Меняешь дозу, и все. Так, во всяком случае, мне сказали.

– Это хорошо. Я бы предпочел, чтобы он был недееспособен, нежели мертв. Витинари способен восстать из могилы, от него можно ждать чего угодно.

– Я слышал, он как-то раз сказал, будто предпочел бы, чтобы его кремировали.

– Только прах нужно будет развеять, гм-м, пошире.

– А как насчет Городской Стражи?

– А что насчет Городской Стражи?

– О.

Лорд Витинари открыл глаза. Болело все. Даже волосы – вопреки всякому здравому смыслу.

Он сосредоточил свой взгляд, и мутная фигура у кровати обрела очертания Сэмюэля Ваймса.

– А, Ваймс... – слабо сказал он.

– Как вы себя чувствуете, сэр?

– Практически мертвым. Кто был тот малый с невероятно кривыми ногами?

– Джимми Пончик, сэр. Некогда владел очень толстой лошадкой и был

жокеем.

– Значит, лошадь выступала на бегах?

– Так точно, сэр.

– Толстая беговая лошадь? Вряд ли она хоть раз выигрывала скачки.

– Ни разу, сэр, насколько мне известно. Но на невыигрывании скачек Джимми сделал приличные деньги.

– А. Он дал мне молоко и какое-то вонючее лекарство. – Витинари опять сосредоточил взгляд. – Я здорово болел.

– Я тоже так думаю, сэр.

– Забавная фраза. *Здорово* болел. Звучит... смешно, но люди так говорят. Право, довольно забавно.

– Да, сэр.

– Как будто подхватил сильный грипп. Голова толком не соображает.

– Правда, сэр?

Патриций немного поразмыслил. Что-то еще крутилось на уме.

– Ваймс, а почему он до сих пор пахнет лошадьми? – наконец спросил он.

– Он теперь коновал, сэр, лечит лошадей. Но чертовски хорош. Я слышал, в прошлом месяце он так обработал Хромую Удачу, что она стала выглядеть как молоденькая кобылка. Очень многие на нее поставили.

– Звучит обнадеживающе, правда, Ваймс?

– Не знаю, сэр. Выйдя на стартовую линию, она околела.

– А, я *понял*. Ну-ну. Ты никому не доверяешь, правда, Ваймс?

– Спасибо, сэр.

Патриций приподнялся на локте.

– Ваймс, у тебя когда-нибудь ногти на ногах чесались?

– Никогда, сэр.

– Сейчас мне хочется немного почитать. Жизнь продолжается, не так ли?

Ваймс подошел к окну. На перилах балкона, уставившись в сгущающийся туман, сидела некая кошмарная фигура.

– Констебль Водослей, все спокойно?

– Так тофно, фэр, – ответило чудовище.

– Я закрою окно. Туман лезет в комнату.

– Фы прафы, фэр.

Ваймс захлопнул окно, отрезав у тумана пару щупалец, которые, впрочем, тут же растаяли в воздухе.

– Это еще кто такой? – спросил лорд Витинари.

– Горгулья констебль Водослей, сэр. Бесполезен на парадах и

абсолютно бесполезен при патрулировании улиц, но, когда нужно долго просидеть на одном месте, сэр, тягаться с ним не может никто. Он чемпион мира по сидению на одном месте. Абсолютный победитель в стометровых посиделках. Однажды целых трое суток торчал на крыше под проливным дождем, пока мы ловили знаменитого Пырялу из Паркового переулка. Мимо него и муха не пролетит. Капрал Буравчикссон патрулирует коридор, а констебль Золтплемянникссон патрулирует этаж под нами, констебли Кремень и Морена засели в двух соседних комнатах, но сержант Детрит постоянно проверяет их, и если кто заснет, то получит такого пинка в задницу... В общем, вы об этом и сами узнаете, сэр, потому что бедняга влетит сюда сквозь стену.

– Хорошая работа, Ваймс. Но, может, мне показалось – или все мои охранники действительно нелюди? Такое впечатление, это либо гномы, либо тролли.

– Я решил, что так будет безопаснее всего, сэр.

– Похоже, ты все предусмотрел, командор.

– Надеюсь, сэр.

– Спасибо, Ваймс. – Витинари сел на кровати и взял со столика кипу бумаг. – Не смею больше тебя задерживать.

Ваймс открыл рот.

– Что-нибудь еще, командор? – вскинул глаза Витинари.

– Ну... Кажется, нет, сэр. Думаю, я пойду, сэр.

– Если не возражаешь. И наверное, в моем кабинете тоже скопилось много бумаг, буду очень признателен, если ты пошлешь за ними кого-нибудь.

Ваймс хлопнул дверью – несколько сильнее, чем нужно было. О боги, насколько же это выводит его из себя, все выводит: как Витинари включает и выключает его, словно какой-нибудь рубильник, а благодарности – будто от крокодила. Патриций всецело полагался на Ваймса, зная, что Ваймс все равно будет делать свое дело. Ну, хорошо, в один прекрасный день Ваймс устроит ему... устроит...

...Да ничего он не устроит, а будет как проклятый делать свое дело, потому что больше ничего не умеет. Но понимание этого только ухудшало положение вещей.

Туман стал еще гуще и обрел желтый цвет. Ваймс кивнул охранникам у двери и выглянул в клубящийся, обволакивающий туман.

Отсюда до штаб-квартиры в Псевдополис-Ярде почти прямая дорога. Из-за тумана вечер в городе наступил раньше. На улицах почти никого не было, все горожане сидели по домам, плотно закрыв окна, чтобы в комнаты

не пробрались сырые клочья тумана, которые, казалось, проникали повсюду.

Да... пустые улицы, холодная ночь, сырость в воздухе...

Чтобы довести эту ночь до совершенства, не хватало лишь одного. Он отослал карету домой и повернулся к одному из стражников.

– Э-э, констебль Везунчик, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр Сэмюель.

– Какой у тебя размер обуви?

Везунчик явно запаниковал.

– А что, сэр?

– Это простой вопрос, констебль! Отвечай своему командиру!

– Семь с половиной, сэр.

– От старины Каблуччи с улицы Новых Сапожников? Дешевые?

– Так точно, сэр!

– Я не могу допустить, чтобы мои люди стояли ночь на посту в обуви на картонной подошве! – воскликнул Ваймс, улыбаясь до ушей. – Немедленно снимай башмаки, констебль. И бери мои. Они слегка испачканы в драконьем... – ну, что там драконы делают, – но они будут тебе как раз. И не стой как чурбан, с открытым ртом. Давай сюда свои башмаки и надевай мои. У меня таких полным-полно.

Констебль с испуганным изумлением наблюдал, как Ваймс надел дешевые башмаки, выпрямился и несколько раз с закрытыми глазами притопнул.

– Ага, – ухмыльнулся он. – Я стою прямо перед дворцом, правильно?

– Э... да, сэр. Вы только что из него вышли, сэр. Это вон то здоровенное здание.

– Ну да, – весело ответил Ваймс. – Но я бы понял это, даже если бы ниоткуда не выходил!

– Э...

– Мостовая, – пояснил Ваймс. – Булыжники. Они нестандартного размера и немного вогнуты в центре. Ты не заметил? Ноги, парень! Вот чем надо учиться думать!

И, повернувшись, он счастливой походкой удалился в туман, прочь от ошарашенного констебля.

Его лордство граф Анкский капрал Шнобби Шноббс толкнул дверь штаб-квартиры Городской Стражи и, пошатываясь, перевалился через порог.

Сержант Колон оторвал взгляд от стола и ахнул.

– Шнобби, с тобой все в порядке? – воскликнул он, обегая стол, чтобы поддержать падающее тело.

– Это ужасно, Фред. Ужасно!

– Садись на стул. Ты такой бледный.

– Меня одворянили, Фред! – простонал Шнобби.

– Не может быть! Ты видел, кто это сделал?

Шнобби, не пускаясь в дальнейшие объяснения, протянул Колону свиток, который ему всучил Дракон, Король Гербов, и откинулся на спинку стула. Из-за уха он вытянул длинную и тонкую самокрутку и трясущимися руками прикурил ее.

– Не знаю, что и делать, – сказал он. – Сидишь тише травы ниже воды, не высовываешься, не создаешь проблем... А потом вот *такое*.

Колон медленно читал свиток, губы его шевелились, проговаривая особо трудные слова типа «и» и «это».

– Шнобби, ты сам-то читал, что тут написано? Тут говорится, что ты теперь настоящий лорд!

– Старик сказал, они еще раз все перепроверят, но он думает, что и так все ясно. Кольцо и так далее... Фред, что мне теперь *делать*?!

– Сидеть сплошь в дурностае и есть с фарфора. Как правило, все лорды этим занимаются.

– В том-то и дело, Фред. У меня нет особняка. Нет земель. Нет денег. Ни медяка!

– Что, совсем ничего?

– Ни гроша, Фред.

– Я думал, у всех шишек имеется сундук-другой с деньгами.

– Ну а у меня шишка от сундука! Я недавно свой сундук проверял, он абсолютно пуст, а крышка его как упадет... Фред, я ничегошеньки о лордстве не знаю! Я не хочу носить элегантную одежду, танцевать на охотах, охотиться на балах и все такое!

Сержант Колон опустился на стул рядом с ним.

– А ты что, ничего не подозревал? Что кто-то из твоего семейства кого-то там... гм, того самого? Или наоборот?

– Э-э... мой двоюродный братец Винсент вторгся как-то в дом герцогини Щеботанской с неприличными намерениями...

– Что, к самой герцогине?

– Нет, к ее служанке.

– Наверное, это не считается. А кто-нибудь еще об этом знает?

– Ну, *она* знает, она потом пошла и все рассказала...

– Я имею в виду о том, что ты граф.

– Только господин Ваймс.

– Ну, тогда все значительно упрощается, – возвращая свиток, пожал плечами сержант Колон. – Просто держи рот на замке, и все. Тогда тебе не придется ходить в штанах сплошь из золота и охотиться на всяких балах, кем бы эти твари ни были. Ты сиди, я тебе сейчас чайку заварю. Мы все придумаем, ты не волнуйся.

– Спасибо, Фред.

– Ну, мы же благородные люди, а, ваше лордство? – улыбнулся Колон.

– Слушай, Фред, пожалуйста, не надо... – слабо ответил Шнобби.

Дверь в штаб-квартиру распахнулась.

Огромным клубом влетел туман. В его сердцевине светились два красных глаза. Когда же туман рассеялся, проступила фигура голема.

– Ум, – громко сглотнул Колон.

Голем протянул ему грифельную доску:

«Я пришел к вам».

– Да. Да. Да. Я, э... да, я понял, – поспешно ответил Колон.

Голем перевернул дощечку. На другой стороне было написано:

«Я признаюсь в убийстве. Это я убил старого священника.

Преступление раскрыто».

Колон, как только у него перестали дрожать губы, обошел стол, кажущийся теперь таким хрупким, и принялся рыться в бумажках.

– Ты следи за ним, Шнобби, – шепнул он. – Смотри, чтобы этот тип не убежал.

– А с чего бы ему убежать? – спросил Шнобби.

Наконец сержант Колон нашел относительно чистый лист бумаги.

– Так-так-так, думаю, нет, не так... Лучше я сам. Как тебя зовут?

«Дорфл», – написал голем.

Ко времени, когда он дошел до Бронзового моста (округлый булыжник среднего размера, называемый «кошачьей головкой»; многих булыжников не хватало), Ваймс вдруг задумался, а правильно ли он поступил.

Осенние туманы всегда были густыми, но такого еще ни разу не выпадало. Гробовой покров заглушал звуки города и превращал диск садящегося солнца в тусклый шар.

Ваймс шел вдоль парапета моста. Неожиданно из тумана выплыла коренастая поблескивающая фигура. То был один из деревянных гиппопотамов, какой-то далекий предок Родерика или Кейта. На каждой стороне моста стояло по четыре таких зверюги, и все они смотрели в сторону моря.

Ваймс проходил мимо них тысячу раз. Они были его старыми друзьями. Холодными ночами он часто прятался за ними, когда надо было перевести дух и укрыться от проблем.

Да, все это было... Совсем недавно, даже не верится. Народу в Страже было всего ничего, и все они старались не искать себе проблем. А потом появился Моркоу, и узкий круг их жизней вдруг разорвался, и сейчас Городская Стража насчитывала почти тридцать человек (конечно, включая троллей, гномов и т. п.). Они уже не стараются держаться от проблем подальше – наоборот, они сами ищут неприятности, и они их находят. Забавно. Как недавно подметил Витинари в своей обычной циничной манере, чем больше у тебя стражников, тем больше преступлений совершается. Но теперь Стража и в самом деле патрулировала городские улицы. Да, в искусстве надрать задницу не все были способны сравниться с Детритом, но, по крайней мере, сейчас большинство стражников могли наподдать как следует.

Ваймс зажег спичку об копытце бегемота и, прикрывшись ладонью от ветра, прикурил сигару.

И вот эти убийства... Если бы Стража наплевала на них, все бы тоже наплевали. Ничего ведь не своровано. «Наверное, не своровано», – тут же поправил он себя. У сворованных вещей есть один дурацкий недостаток: на месте преступления их не обнаружишь. Вряд ли покойные гонялись за чужими женами. Они были настолько древними стариками, что, должно быть, даже не помнили, как это делается. Один проводил все свое время со старыми религиозными книгами, а другой, о боги, был экспертом по гномьей наступательной выпечке.

Можно сказать, они вели тихое, невинное существование.

Но Ваймс был стражником и знал: полностью невинных людей не существует. Вот если ты заляжешь где-нибудь в подвале, то да, возможно, ты и проживешь день-другой, не совершив никакого преступления. Хотя и в этом случае тебя можно будет обвинить в тунеядстве.

Так или иначе, Ангва, похоже, с рвением взялась за это дело. Видимо, приняла на свой счет. Она всегда вставала на защиту слабых.

Так же поступал Ваймс. Так надо поступать. Не потому что они богатые и знатные, – никакие они не богатые и тем более не знатные. На стороне слабых надо быть, потому что они слабые.

В этом городе все следят друг за другом. Для этого и были созданы Гильдии. Люди группировались против других людей. Гильдии следят за тобой с пеленок до могилы или, как в случае с убийцами, до твоей преждевременной смерти. Гильдии даже придерживаются какого-то закона,

по меньшей мере делают вид, что придерживаются. Нелицензированное воровство наказывалось смертью после первого же прецедента. За этим следила Гильдия Воров^[11]. Подобное положение дел казалось невозможным, но все было именно так.

Система работала, как отлаженный механизм. И все было отлично, ну разве что изредка в ее шестеренки попадали случайные люди.

Сырой бульжник под подошвами действовал успокаивающе.

«Проклятье, – подумал Ваймс, – как же я скучал по всему этому...» Раньше он в одиночку патрулировал улицы. Три часа ночи, он, Сэмюель Ваймс, идет по блестящей от влаги мостовой – и кажется, в его жизни вдруг появляется какой-то смысл...

Неожиданно он остановился.

Мир вокруг него внезапно наполнился страхом, особым страхом, не имеющим никакого отношения к острым клыкам или привидениям, но от которого все знакомое вдруг становилось незнакомым.

Что-то было очень неправильно. Что-то фундаментальное...

У него ушло несколько долгих секунд, чтобы понять, что именно заметило его подсознание. На парапете стояли пять статуй.

Но их должно быть только четыре...

Ваймс медленно повернулся и подошел к последней статуе. Это был бегемот, все нормально.

Следующая... На ней красовалась надпись. Ничего сверхъестественного, нацарапано было что-то типа: «Пацелуй миня суда».

До третьей статуи было не так уж очень далеко, и когда он *взглянул* на нее...

Две красные точки света загорелись в тумане.

Что-то темное и тяжелое спрыгнуло вниз, швырнуло его на бульжник и исчезло в темноте.

Ваймс тут же вскочил на ноги, тряхнул головой и побежал следом. Все мысли разом испарились. Древнейший инстинкт зверей и стражников: преследуй все, что убегает.

Он бежал и автоматически шарил по карманам в поисках свистка, чтобы привлечь внимание других стражников, но командоры Стражи не носят свистков. Командоры Стражи должны справляться собственными силами.

Тем временем капитан Моркоу, занявший место в кабинете Ваймса, тупо изучал некий клочок бумаги.

«Римонт вадасточных труб, Псевдополис-Ярд. Новая вадасточная трубба, гнутая в 35, четыре праваугольных закрипления, работа и привидение всево в парядок. Итаво: \$16.35».

На столе лежала еще целая куча подобных бумажек, включая счет за голубей для констебля Водослея. Он знал, что сержант Колон возражал против выдачи заработной платы голубьями, но констебль Водослей был горгульей, а горгульи ничего не понимали в деньгах. Зато знали толк в голубях, поскольку ими питались.

И все равно порядка стало больше. Когда Моркоу пришел сюда, все денежные фонды Стражи хранились на полке в жестянке с этикеткой «Полироль Рукисилы. Штоб Когорты Твои Всигда Блестели!». И если требовались деньги на мелкие расходы, достаточно было найти Шнобби и заставить его вернуть то, что он спер из банки.

Потом еще было письмо из Паркового переулка – там жили самые богатые люди города:

*«Уважаемый командор Ваймс,
Ночной патруль на нашей улице аказался укамплектованным одними гномами. Я ничево не имею против гномов в их истественной среде абитания, по крайней мере они не тролли, но про них всякое рассказывают, а у меня две дочки. Таким образом я требую, штобы в сложившейся ситуации были немедленно предприняты меры, иначе мне придется обсудить этот вопрос с лордом Витинари, каковой является моим личным другом.*

Искренне ваш покорный слуга,

Джошуа Г. Коттераль».

И это работа для настоящего стражника? Моркоу покачал головой. Похоже, командор Ваймс пытался что-то донести до него... Были и еще письма. Координатор Комитета «Гномы на высоте» требовал, чтобы гномам, служащим в Страже, разрешали носить топоры вместо традиционных мечей и чтобы их посылали расследовать только те преступления, в которых замешаны представители видов более высокого роста. Гильдия Воров жаловалась на то, что командор Ваймс во всеуслышание заявил, будто бы бóльшая часть краж в городе совершается

ворами.

Надо было обладать мудростью царя Изиадану, чтобы разобраться со всем этим, а ведь тут скопились только *сегодняшние* письма.

Он взял следующую бумажку и прочел: «Перевод текста, найденного во рту отца Трубчека. Что за ерунда? С. В.».

Моркоу старательно прочел перевод.

– Во рту? Кто-то пытался *вложить* слова ему в рот? – спросил Моркоу у пустой комнаты.

Он дрожал, но не от страха. В кабинете Ваймса всегда было холодно. Ваймс был человеком улиц. Туман клубился за открытым окном, в тусклых солнечных лучах его струйки напоминали тонкие, длинные пальцы.

Следующей бумагой оказалась копия иконографии, сделанной Шельмой. Моркоу уставился на две расплывшиеся красные точки.

– Капитан Моркоу?

Он чуть повернул голову, продолжая изучать рисунок.

– Да, Фред?

– У нас есть убийца! Мы его взяли!

– Он голем?

– Но откуда ты знаешь?

«Настойка ночи замутила бульон дня».

Лорд Витинари еще раз прочел предложение и решил, что в общем и целом оно вышло неплохим. Особенно ему понравилось слово «настойка». Настойка. *Настойка*. Оно было отличительным словом и приятно противопоставлялось простому слову «бульон». Бульон дня. Да. В котором еще плавали крошки печенья после пятичасового чаепития.

Патриций чувствовал, что голова его слегка кружится. В нормальном состоянии он бы никогда не придумал подобную фразу.

В тумане за окном он разглядел скрюченную фигуру констебля Водослея.

Горгулья, стало быть? А он-то гадал, зачем Страже вдруг понадобились пять голубей в неделю, расходы на которых почему-то вычитались из общей суммы окладов. Горгулья, каменный страж крыш, теперь работала на Стражу. Наверняка идея капитана Моркоу.

Осторожно поднявшись с кровати, лорд Витинари захлопнул ставни, после чего медленно подошел к письменному столу, достал из ящика свой дневник, перелистал страницы и открыл бутылек с чернилами.

Итак, на чем он остановился?

«Глава восьмая, – прочел он. Буквы перед глазами расплывались. – Человек Вправе».

Ах да...

«Что касаясь Истины, – начал писать он, – она Должна Быть таковой, каковой ее Диктуют Обстоятельства, однако В Праве Человека Знать ее и Быть в Курсе Происходящего...»

Он задумался, как бы половчее вернуть в трактат крайне удачное словосочетание «бульон дня». Или хотя бы «настойку ночи».

Перо скрипело по бумаге.

На полу лежал оставленный без внимания поднос с питательной кашей, по поводу которой он, патриций, когда ему станет лучше, еще скажет пару ласковых слов повару. Кашу опробовали на трех пробовальщиках, включая сержанта Детрита, которого вряд ли можно было отравить каким-либо ядом, предназначенным для человека. Даже яды, предназначенные для троллей, на него не действовали. Или действовали. Одно из двух.

Дверь была заперта. Периодически до патриция доносились успокаивающие скрипы, издаваемые Детритом, который в очередной раз обходил территорию. За окном туман конденсировался на констебле Водослее.

Витинари обмакнул перо в чернила и начал новую страницу. Довольно часто он сверялся с дневником в кожаном переплете, аккуратно облизывая пальцы, перед тем как перевернуть страницу.

Щупальца тумана все же просачивались сквозь оконные щели и пытались ползти по стенам, но против свечей они были бессильны.

Ваймс мчался сквозь туман, преследуя убегающую фигуру. Вскоре икры заболели, а левое колено начало предупреждающе ныть, но Ваймс не отставал. Впрочем, всякий раз, когда он уже вот-вот готов был наброситься на беглеца, на его пути оказывался какой-нибудь чертов пешеход или из-за угла выскакивала телега^[12].

Подожвы услужливо подсказали, что Ваймс пробежал по Брод-авеню и свернул на Ничегоподобную улицу (маленькие квадратные плитки). Здесь туман, пойманный в ловушку между парковыми деревьями, был еще гуще.

Ваймс торжествовал. «Парень, ты упустил возможность свернуть в Тени! Впереди только Анкский мост, а там стражники...»

Однако подошвы сообщили ему кое-что еще. «Мокрые листья, – сказали они, – это Ничегоподобная улица осенью. Маленькая квадратная плитка, усеянная скользкими, мокрыми, предательскими листьями».

Но предупреждение запоздало.

Ваймс улетел головой в канаву, здорово стукнувшись подбородком, снова вскочил, опять упал, с удивлением наблюдая вращающуюся вокруг вселенную, поднялся, сделал несколько шагов в неизвестном направлении, упал еще раз и наконец решил принять мир таким, каков он есть.

Сложив на груди тяжелые руки, Дорфл спокойно стоял прямо посреди комнаты. Перед големом был установлен арбалет, принадлежащий сержанту Детриту и переделанный из какого-то осадного орудия. Арбалет был заряжен шестифутовой железной стрелой. Шнобби, удобно устроившись на стуле, держал палец на спусковом крючке.

– Шнобби, оставь эту штуковину в покое! Из нее нельзя здесь стрелять! – крикнул Моркоу. – Нам придется ремонтировать несколько кварталов!

– Мы выбили из него признание, – сообщил сержант, возбужденно прыгая вокруг Моркоу. – Он все отрицал, но мы добились-таки признания! И у нас есть еще нераскрытые преступления – может, это тоже он?

Дорфл протянул дощечку.

«Я виновен».

Что-то выпало из его ладони.

Что-то короткое и белое. Похожее на половинку спички. Моркоу быстро наклонился и подобрал странный предмет. Потом взял список Колона. Он был довольно длинным и содержал все нераскрытые преступления, зарегистрированные в городе за последние пару месяцев.

– Он что, во всем этом сознался?

– Пока нет, – сказал Шнобби. – Но только пока.

– Мы еще не все зачитали, – встрял Колон.

«Это все я», – написал Дорфл.

– Ого, – удивился Колон. – Господин Ваймс будет очень нами доволен.

Моркоу подошел к голему, глаза которого светились как тусклые оранжевые огоньки.

– Это ты убил отца Трубчека? – спросил он.

«Да».

– Видишь? – воскликнул сержант Колон. – Я же говорил!

– А почему ты это сделал? – продолжил допрос Моркоу.

Ответа не последовало.

– И господина Хопкинсона из Музея гномьего хлеба тоже ты убил?

«Да».

– Забил железным ломом? – уточнил Моркоу.

«Да».

– Постой-ка, – изумился Колон. – По-моему, ты говорил, что его...

– Отставить, Фред, – перебил Моркоу. – Дорфл, а почему ты убил их?

Нет ответа.

– Что, обязательно должна быть причина? Мой папаша всегда говорил: големам доверять нельзя, – сказал Колон. – Черт их знает, что у них в башках варится. Так и говорил.

– Они когда-нибудь кого-нибудь убивали? – спросил Моркоу.

– По желанию, не по желанию... Даже думать об этом не хочется, – путано откликнулся Колон. – Папаша рассказывал, однажды он работал с одним големом, так вот, этот самый голем все время на него пялился. Просто жуть: повернешься, а он стоит и таращится...

Дорфл упорно смотрел в стену перед собой.

– И тишина!.. – внес свою лепту Шнобби.

Моркоу подтянул к себе стул, уселся на него верхом, лицом к Дорфлу, и принялся крутить между пальцами сломанную спичку.

– Я знаю, что ты не убивал господина Хопкинсона, и вряд ли ты убил отца Трубчека, – наконец произнес он. – Думаю, ты нашел его, когда он уже умирал. По-моему, ты хотел спасти его, Дорфл. И уверен, что смогу доказать это, когда прочту схему у тебя в голове...

Яркий свет, вырвавшийся из глаз голема, заполнил всю комнату. Глиняный истукан, подняв кулаки, шагнул вперед.

Шнобби выстрелил из арбалета.

Дорфл с легкостью поймал стрелу. Раздался пронзительный скрип железа, и стрела превратилась в подобие лома, обвившегося вокруг кулака Дорфла.

Но Моркоу уже стоял позади голема, открывая его голову. Пока голем поворачивался, заноса свое оружие, огонь в его глазах потух.

– Так, посмотрим, посмотрим... – сказал Моркоу, вытаскивая пожелтевший свиток.

В самом конце Ничегоподобной улицы стояла виселица, на которой некогда вешали преступников – по крайней мере, тех людей, что были признаны преступниками. И некоторые из них, степенно вращаясь, подолгу висели на ней, являя собой яркий пример свершившегося правосудия и полуразложившейся анатомии.

Бывало, родители приводили сюда детишек для наглядной демонстрации той судьбы, что ожидает лиходеев, душегубов и всех тех, кто оказался в неправильное время в неправильном месте. Детишки, увидев

отвратительные, висящие на цепях останки и выслушав строгое внушение, тут же (напомним, дело происходило в Анк-Морпорке) с воплями: «Ух ты! Вот клево!» – бежали покачаться на трупах.

Чуть позже город изобрел более тихие и действенные способы устранения тех, чьи запросы входили в противоречие с законами, но и по сей день традиции ради на виселице висела довольно-таки реалистичная деревянная кукла. Периодически вороны, те, что поглупее, садились на манекен, вознамерившись выклевать ему глаза, и улетали с изрядно укороченными клювами.

Ваймс, тяжело дыша, подковылял к виселице.

Тот, за кем он гнался, мог скрываться где угодно. Тем более что туман наконец возобладал над скупым светом садящегося солнца.

Рядом с поскрипывающей виселицей Ваймс остановился.

Было много споров по поводу «Какая польза от публичной демонстрации, если виселица не издает зловещих скрипов?», но потом все пришли к мнению, что виселица должна скрипеть. В более доходные времена город платил какому-нибудь старику, чтобы тот дергал за специальную веревочку, однако недавно в виселицу встроили часовой механизм, который надо было всего-навсего раз в месяц заводить.

На псевдотрупe туман оседал и срывался на мостовую большими каплями.

– Снести бы ее, от греха подальше, – пробормотал Ваймс, повернулся и побрел обратно сквозь желтоватую пелену.

После минуты бесцельных блужданий он на что-то наткнулся.

Это была деревянная кукла, торчащая из сточной канавы.

Когда Ваймс вновь подбежал к виселице, то обнаружил на ней лишь раскачивающуюся и тихонько позвякивающую пустую цепь.

Сержант Колон постучал по груди голема. Ответом был громкий пустой гул.

– Как цветочный горшок, – заметил Шнобби. – И как только они ходят? Горшки горшками... Они ведь должны все время трескаться.

– А еще они полные тупицы, – добавил Колон. – Я слышал, был один голем в Щеботане, которому велели прокопать траншею, а потом забыли о нем и вспомнили, только когда траншея была полным-полна воды, потому что он прокопал ее до самой реки...

Моркоу развернул свиток и положил его на стол рядом с бумажкой, которую нашли во рту отца Трубчека.

– Он сейчас мертв, да? – спросил сержант Колон.

– Скажем так, он полностью безвреден, – ответил Моркоу, сравнивая две бумаги, лежащие перед ним.

– Отлично. У меня где-то был молот, я сейчас сгоняю за ним и...

– Нет, – отрубил Моркоу.

– Но ты же сам видел, он чокнутый!

– Вряд ли он бы ударил меня. Скорее, он хотел нас напугать.

– И у него это получилось!

– Посмотри-ка сюда, Фред.

Сержант Колон опустил глаза.

– Какая-то заграничная писанина, – с презрением фыркнул он, всем своим видом давая понять, что на свете нет ничего лучше старой доброй домашней писанины, от которой к тому же еще и чесночком пахнет.

– Ты ничего не замечаешь?

– Ну... бумажки похожи, – пожал плечами сержант Колон.

– Этот пожелтевший свиток я достал из головы Дорфла. А эта бумажка торчала во рту отца Трубчека, – сказал Моркоу. – Совпадают буква в букву.

– Ну и?

– Я считаю, эти слова написал Дорфл. Написал и вложил в рот старого Трубчека, после того как бедняга умер, – медленно промолвил Моркоу, продолжая сравнивать бумаги.

– Аргх! Фу! – выразил свое мнение Шнобби. – Мерзость какая, просто отвратительно...

– Ты не понимаешь, – возразил Моркоу. – Я хотел сказать, что он написал их, потому что знал только эти слова, он пытался помочь...

– Помочь чем?

– Ну... это как искусственное дыхание, – пояснил Моркоу. – Что-то вроде первой помощи пострадавшему. Уж ты-то должен знать, Шнобби. Ты посещал со мной семинар по оказанию первой помощи.

– Ты сказал, что там дают бесплатную чашку чая и пирожное, вот я и пошел, – хмуро откликнулся Шнобби. – Кроме того, как только до меня дошла очередь, у того, кто изображал жертву, возникли какие-то срочные дела, и он убежал.

– Это все равно что попытаться спасти умирающему жизнь, – продолжал Моркоу. – Мы хотим, чтобы люди дышали, и вдыхаем в них воздух...

Все они разом повернулись и посмотрели на голема.

– Но големы ведь не дышат, – напомнил Колон.

– Вот именно, – кивнул Моркоу. – Големы знают только одну вещь, дарующую жизнь. Слова, вложенные в голову.

Все опять повернулись и посмотрели на две лежащие рядом бумажки.

Еще раз повернулись и посмотрели на статую, что некогда была Дорфлом.

– Здесь становится холодно, – задрожал Шнобби. – Я определенно чувствую некую ауру! Нечто распространяется по комнате! Как будто кто-то...

– Что здесь происходит? – спросил Ваймс, стряхивая брызги со своего камзола.

– ...Открыл дверь, – закончил Шнобби.

Десятью минутами позже.

У сержанта Колона и Шнобби, к всеобщему облегчению, закончилось дежурство. В частности, Колон наотрез отказывался понимать, зачем нужно проводить расследование, если есть признание. Это выходило за рамки его знаний и опыта. Получаешь признание, и на этом все. Нельзя же *не верить* людям. Людям можно не верить, только когда они говорят, что невиновны. И только виновным стоит доверять. Все остальное – это подкоп под самые основы Стражи.

– Белая глина, – сказал Моркоу. – Мы нашли белую глину. Практически необожженную. А Дорфл сделан из темной терракоты, твердой как камень.

– Последнее, что видел старый священник, был голем, – напомнил Ваймс.

– И это был Дорфл, тут я не сомневаюсь ни секунды, – кивнул Моркоу. – Однако это вовсе не значит, что Дорфл и есть убийца. Я думаю, он появился, когда священник уже умирал, вот и все.

– Да? И с чего ты это взял?

– Я... не совсем уверен. Но я частенько встречал Дорфла. Он и мухи не обидит.

– Моркоу, он работает на бойне!

– И по-моему, это неподходящее место для таких, как он, сэр, – сказал Моркоу. – Также я проверил все доступные записи и не нашел ни одного упоминания о том, чтобы големы нападали на людей. Или совершали какое-либо преступление.

– Да ладно, – махнул рукой Ваймс. – Всем ведь известно, что... – Он запнулся. Да, командор Ваймс был циничным человеком, но с тем же самым цинизмом он относился и к собственным суждениям. – Что значит «ни одного»?

– О, люди любят рассказывать всякие истории о том, будто бы знают

кого-то, у кого есть друг, дедушка которого слышал, как какой-то там голем кого-то убил. Но в этом нет ни капли правды. Големы не могут причинить вред человеку. Так записано в их схемах.

– По крайней мере, я знаю одно: лично у меня от этих истуканов мурашки по спине бегут, – сказал Ваймс.

– И не только у вас, сэр.

– Но ты наверняка слышал множество историй о тупости големов, о том, как они сделали тысячу чайников или выкопали канаву длиной в пять миль, – не отступал Ваймс.

– Да, но, по-моему, тут нет ничего преступного, сэр. Самый обычный тихий бунт.

– Как это?

– Тупое повиновение приказам, сэр. Понимаете... кто-то орет голему: «А ну, иди и делай чайники!» И голем отправляется делать чайники. Его же нельзя обвинить в том, что он не подчинился? Зато никто не сказал ему, сколько именно чайников нужно сделать. Все считают, что големы – тупые истуканы, вот они и не думают.

– То есть они бунтуют, подчиняясь?

– Это просто предположение, сэр. Однако оно более или менее объясняет их странное поведение.

Автоматически стражники повернулись и посмотрели на молчаливую фигуру голема.

– Он слышит, что мы говорим? – спросил Ваймс.

– Вряд ли, сэр.

– А что насчет этой бумажки со словами, которую обнаружили во рту священника?

– Э-э... я считаю, сэр, что *они* считают, будто бы между мертвым человеком и живым нет никакой разницы. Просто мертвый человек где-то потерял свои схемы. Я думаю, они не понимают, чем и как живут люди.

– Признаюсь честно, капитан, я этого тоже не понимаю.

Ваймс уставился в потухшие глаза голема. Верхушка головы Дорфла все еще была открыта, поэтому сквозь глазницы просачивался свет. Патрулируя улицы, Ваймс навиделся всяких кошмаров, но этот замерший голем наводил на него дрожь. Казалось, вот сейчас глаза его загорятся, голем выпрямится во весь свой рост, шагнет вперед и вскинет вверх кулаки, больше похожие на молоты... И дело было вовсе не в разыгравшемся воображении. Эти истуканы источали немую угрозу. Поджидали удобного момента.

«Вот почему мы их так ненавидим, – подумал он. – Эти пустые глаза,

наблюдающие за нами, эти огромные лица, поворачивающиеся нам вслед, – как будто големы все берут на заметку, запоминают имена. Поэтому, услышав, что в Щеботане или еще где-либо какой-то голем разбил чью-то голову, ты веришь этому сразу и безоговорочно».

И тут же внутренний голос, голос, который просыпался только по ночам или, как в прежние времена, где-то на полпути ко дну бутылки, с готовностью подхватил: «А если вспомнить о том, как мы их используем? Может, мы боимся, потому что заслуживаем кары?»

«Нет... за этими глазами ничего нет. Только глина и волшебные слова».

Ваймс пожал плечами.

– Я не далее как сегодня вечером гонялся за големом, – сказал он. – Он стоял на Бронзовом мосту. Проклятый голем... Слушай, у нас есть признание и иконография, снятая с глаза священника. Если ты не можешь противопоставить этому нечто более веское, чем... чем свои выводы и ощущения, мы его...

– ...Мы его что, сэр? – уточнил Моркоу. – Мы *не можем* с ним ничего сделать. Он и так мертв.

– Обездвижен, ты хочешь сказать?

– Да, сэр. Можно изложить и так.

– Но если не Дорфл убил стариков, то кто?

– Не знаю, сэр. Однако мне кажется, что Дорфл это знает. Возможно, он видел убийцу.

– А могли ему приказать подставиться вместо убийцы?

– Могли, сэр. Или он сам решил кого-то выгородить.

– Кажется, кто-то только что утверждал, будто бы големы действуют исключительно по чьему-либо приказу. Кстати, куда подевалась Ангва?

– Она сказала, ей надо кое-что проверить, сэр, – отрапортовал Моркоу. – И еще, сэр... Вот это он держал в руке. Странно, не правда ли?

Моркоу протянул командору то, что уронил голем.

– Половинка спички?

– Големы не курят и не пользуются огнем, сэр. Зачем бы ему носить с собой спички?

– О! – саркастически воскликнул Ваймс. – Да это же Улика с большой буквы!

След Дорфла яркой линией выделялся на улице. Богатые запахи скотобойни наполняли ноздри Ангвы.

Маршрут шел зигзагами, но в нем наблюдалась некая тенденция. Как

будто голем положил на город линейку, а далее сворачивал в первую же попавшуюся улицу, ведущую в нужном направлении.

Наконец Ангва очутилась в небольшом тупичке, в конце которого располагались ворота какого-то склада. Она принялась. Тут смешался целый сонм ароматов. Тесто. Краска. Жир. Сосновая смола. Резкие, сильные, свежие запахи. Она снова принялась. Ткань? Шерсть?

Много запутанных следов в грязи. Огромных следов.

Та часть Ангвы, которая всегда ходила на двух ногах, быстро определила, что следы, уводящие в обратном направлении, накладываются на следы, приведшие в тупичок. Ангва тщательно обнюхала все вокруг. Здесь побывали около двенадцати существ, каждое из которых принесло с собой запах определенного *производства*. И все эти существа спускались по лестнице в некий подвал. А потом поднимались по ней же обратно.

Ангва тоже спустилась по ступенькам, но там столкнулась с непреодолимым препятствием.

Дверь.

Когтями дверную ручку не повернешь.

Она засеменила наверх. Никого поблизости не было. Только туман повис между домами.

Она сосредоточилась и *изменилась*, после чего, прислонившись к стене, выждала, пока мир перестанет вращаться, и отворила дверь.

Это был большой подвал. Даже острое зрение вервольфа тут не спасло бы.

Ей пришлось остаться в человеческом облике. Будучи человеком, она лучше соображала. Отвлекала только одна мысль, упорно долбящая в мозг: она, Ангва, сейчас абсолютно голая. А любой, обнаруживший у себя в подвале голую женщину, задаст ей соответствующий вопрос. Типа: «Не изволите ли?» Или вообще спрашивать не будет. С подобной ситуацией Ангва без труда справилась бы, но она предпочитала не рисковать. Потом очень тяжело объяснять, каким образом она умудрилась столь зверски искусать насильника.

Значит, время терять нельзя.

Стены были покрыты надписями. Большие буквы, маленькие буквы, но все до единой фразы написаны аккуратным почерком големов. Нанесенные мелом, краской, углем, а иногда просто процарапанные в камне фразы покрывали стены от пола до потолка, многократно пересекаясь и накладываясь друг на друга, так что прочесть их было практически невозможно. Только кое-где из всей этой мешанины можно было выхватить слово-другое:

«...не у... то, что он сделал, не... гнев на создателя... беды на головы лишенных хозяев... слова в... глина от глины... пусть моя... предаст нас огню...»

В центре подвала вековая пыль была почти нетронута, как будто бы собиравшиеся тут стояли исключительно по кругу. Ангва присела, взяла с пола щепотку грязи и принялась нюхать. Запахи. Все те же производственные запахи. Чтобы почувствовать это, ей даже не нужно было принимать волчий облик. Голем ничем не пахнет, за исключением глины и того, с чем он работает в данное время...

Вдруг... она почувствовала, как ее пальцы, шарящие по полу, что-то ухватили. Маленькую деревянную палочку длиной в пару дюймов. Спичку без серной головки.

Через несколько минут тщательных поисков она нашла еще десять таких спичек, раскиданных по всему подвалу.

Также она обнаружила половинку спички, валяющуюся немного в стороне от круга.

С каждой секундой она видела все хуже и хуже – глаза подстраивались под человеческое зрение. Но чувствительность к запахам сохранялась дольше. Спички пахли тем же коктейлем ароматов, что привел ее в этот сырой подвал. Однако половинка спички пахла скотобойней, и именно этот запах ассоциировался в сознании Ангвы с Дорфлом.

Она опустилась на корточки и уставилась на собранные в кучку спички. Двенадцать существ (двенадцать существ, занятых на самых разных и зачастую очень грязных работах) пришли сюда. Впрочем, надолго они здесь не задержались. Они тут... спорили, свидетельством чему являлись надписи на стенах. Затем что-то сделали с одиннадцатью целыми спичками (у которых не было серных головок – быть может, пахнувший смолой голем работал на спичечной фабрике?) и одной сломанной.

Потом дружно вышли и разошлись каждый в свою сторону.

А Дорфл направился к штаб-квартире Стражи, чтобы сдать ее.

Но почему?

Ангва еще раз понюхала сломанную спичку. Сомнений быть не могло – слишком уж явственно пахло кровью и мясом.

Дорфл пошел признаваться в убийстве...

Она снова поглядела на настенные надписи, и ее вдруг затрясло.

– Твое здоровье, Фред, – провозгласил Шнобби, поднимая кружку.

– Завтра мы честно вернем все в Копилку, – сказал сержант Колон. – Никто и не заметит. Все равно эти деньги лежат там так, на всякий

пожарный.

Капрал Шноббс подавленно посмотрел в свою кружку. В «Залатанном Барабане» подобные взгляды можно было увидеть частенько – после того как посетитель утолял первую жажду и мог рассмотреть, что он только что выпил.

– Что же мне делать?! – простонал он. – Благородные господа носят всякие там рыгалии, длинные одеяния и прочее. Это добро кучу денег стоит. Да и обязанностей по горло. – Он сделал еще один глубокий глоток. – Даже выражение есть такое, что-то там с веревками...

– Положение обвязывает, – откликнулся Колон. – Да. Это значит, тебе придется, ну, вращаться в обществе. Крутиться то есть. Жертвовать деньги на благотворительность. Быть добрым с бедняками. Отдавать старую одежду своему садовнику, хотя она еще как новенькая, лишь чуть поистрепалась. Уж я-то знаю. Мой дядя был дворецким у старой леди Силачии.

– У меня нет садовника, – угрюмо пробормотал Шнобби. – И сада нет. И старой одежды тоже, за исключением той, что на мне сейчас. – Он глотнул еще пива. – А она что, отдавала свою старую одежду садовнику?

Колон кивнул.

– Ага. Ее садовник был немного странным. – Он поймал взгляд трактирщика. – Эй, Рон, еще две пинты «Ухмельного»!

После чего посмотрел на Шнобби. Он никогда не видел своего старого друга таким удрученным. Надо бы что-то придумать, один ум – хорошо, а два – лучше.

– И Шнобби то же самое! – крикнул он.

– Твое здоровье, Фред.

Брови у сержанта Колона поползли вверх от удивления, когда Шнобби одним глотком приговорил целую пинту. Шнобби несколько нетвердо поставил кружку на стол.

– Были бы монеты, все было бы не так плохо, – сказал Шнобби, хватаясь за вторую кружку. – Я-то считал, у всех этих шишек денег хоть чем ешь. Вот деньги, а вот эти, как их, рыгалии. Одно без другого не полагается. Но быть благородным и нищим? Да где ж такое видано?! – Он осушил кружку и хлопнул ею о стол. – Простым и богатым, эт' пожалуйста, эт' сколько хошь.

Трактирщик нагнулся к сержанту Колону.

– Что случилось с капралом? Он пьет как бочка. Уже восемь кружек выпил.

Фред Колон пододвинулся к его уху и уголком рта еле слышно

произнес:

– Ты только не болтай никому, Рон, но он теперь крупная шишка. По-малому не ходит.

– Правда? Что, только по-большому?

Тем временем в штаб-квартире Сэм Ваймс задумчиво перебирал спички. Ангве можно было доверять. Она легко различала запахи даже недельной давности.

– Итак, а кто были остальные? – наконец осведомился он. – Тоже големы?

– По следам не разобрать, – ответила Ангва. – Но похоже на то. Я бы их проследила, однако подумала, что лучше сначала заглянуть сюда.

– Тогда с чего ты взяла, что это были големы?

– У големов нет запаха, – пояснила она. – Они пахнут тем, с чем работают. Это и все, чем они пахнут... – Она вдруг вспомнила о стене, сплошь покрытой надписями. – Там были бурные дебаты, сэр. Големы спорили. И довольно жарко. В письменной форме, разумеется.

Она снова представила себе ту стену.

– Одни големы в чем-то убеждали других, – добавила она, припомнив размеры некоторых букв. – Выражаясь человеческим языком, они изрядно поорали друг на друга.

Ваймс угрюмо уставился на рассыпанные перед ним спички. Одиннадцать деревянных палочек, а двенадцатая была сломана пополам. Не надо быть гением, чтобы понять, что там происходило.

– Они тянули жребий, – сказал он. – И Дорфлу не повезло. – Ваймс вздохнул. – Все чертовски запутывается. Кто-нибудь знает, сколько големов в городе?

– Нет, – ответил Моркоу. – И выяснить это будет очень непросто. Големы не знают износу, хотя их не изготавливают уже много столетий.

– В самом деле? И почему же?

– Запрещено. Священнослужители очень строго относятся к этому вопросу. Говорят, мол, это приравнивается к созданию жизни, а такое дозволено лишь богам. Но тех големов, что уже существуют, ломать не стали. Все-таки големы весьма полезные создания. Некоторые замурованы внутри рабочих колес или валов, кого-то отправили в шахты. Одним словом, големам поручают всю опасную работу, посылают туда, где ни один человек долго не продержится. Так что их могут быть десятки, а то и сотни...

– Сотни? – переспросил Ваймс. – И теперь они начали устраивать

сходки и плести заговоры? О боги! Так, я понял. Придется поработать кувалдами. Надо срочно очистить город от големов.

– Почему?

– До тебя что, не доходит? У этих истуканов появились *секреты*! Ты сам подумай! Тролли и гномы – с ними все понятно, даже нежить – она каким-то боком живая, всякие там уродские вампиры, зомби, вер... – Ваймс натолкнулся на взгляд Ангвы и вовремя прикусил язык. – В общем, некоторые ее представители очень даже ничего. Но големы? Они просто рабочие инструменты. Это все равно что группа лопат собралась поболтать!

– Э... сэр, там было еще кое-что, – медленно промолвила Ангва.

– В подвале?

– Да. Э-э... Но это трудно объяснить. Тут все на уровне чувств. Я почувствовала...

Ваймс пожал плечами. Он знал, что на ощущения Ангвы можно положиться. Например, она всегда знала, где Моркоу. И если она, к примеру, сидя в штаб-квартире, вдруг поворачивалась к двери, все сразу понимали: сейчас войдет Моркоу.

– Да?

– Почувствовала... глубокое горе. Печаль, тоску, сожаление...

Ваймс кивнул и потер переносицу. День выдался долгим и тяжелым, и, кажется, конца ему не будет.

Так, нужно срочно выпить. Мир встал с ног на голову. А если посмотреть на него сквозь дно стакана, все снова вернется на свои места.

– Вы сегодня кушали, сэр? – спросила Ангва.

– Чуть перекусил на завтрак, – промямлил Ваймс.

– Помните то слово, которое так нравится сержанту Колону?

– Какое? «Голимо»?

– Именно так вы сейчас и выглядите. Если уж вы здесь, давайте хоть выпьем кофе и пошлем кого-нибудь за фиггинсами.

Ваймс задумался. Он не раз пробовал представить себе, что означает «голимо». Наверное, это когда пьешь дня три подряд, а потом просыпаешься после тяжелого похмелья, голый как снаружи, так и внутри. Неужели он именно так и выглядит? Кошмар какой...

Ангва взяла старую кофейную банку, она же Копилка, в которой хранились общественные деньги. Банка оказалась на удивление легкой.

– Эй? Здесь должно быть по меньшей мере двадцать пять долларов, – сказала она. – Шнобби только вчера собирал взносы...

Она перевернула жестянку. Оттуда высыпались лишь какие-то крошки.

- Что, даже расписки нет? – спросил Моркоу.
- Какая расписка? Это же *Шнобби*.
- А. Ну да.

В «Залатанном Барабане» было очень тихо. Счастливый час, когда наливали на халяву, прошел достаточно мирно – случилась лишь одна драка. Теперь приближался несчастливый час – когда денег уже нет, а выпить еще хочется.

Перед Шнобби стоял лес из пустых кружек.

– Я вот думаю, какой во всем этом смысл? Правильно говорят: суета суёт... – едва ворочая языком, пробормотал он.

– А че ты мучаешься? Загони кому-нибудь свои рыгалии, и делов-то, – предложил Рон.

– Отличная идея, – согласился сержант Колон. – Есть полным-полно богатеев, которые выложат за твой титул мешок монет. У них уже есть большие дома и все такое, а рыгалий нету. Да они все на свете отдадут, лишь бы стать такими же благородными, как ты, Шнобби.

Девятая кружка застряла на полпути ко рту Шнобби.

– Это может стоить тысячи долларов, – ободряюще сказал Рон.

– Не меньше, – уверенно кивнул Колон. – За твой титул такая драка будет...

– Если правильно разыграешь карты, можешь выйти на пенсию и больше ни о чем не беспокоиться.

Кружка неподвижно висела в воздухе. Судя по перекосившемуся лицу новоиспеченного графа, обещанная драка уже началась, но пока что она велась внутри Шнобби.

– Что, правда? – наконец уточнил он.

Сержант Колон неуверенно отклонился. В голосе у Шнобби прозвучала нотка, которую он прежде никогда не слышал.

– И ты сможешь быть просто богатым человеком, прям как сам хотел, – еще раз подтвердил Рон, не заметив, что концепция изменилась. – Точно говорю, за твоими рыгалиями местные богатеи в очередь выстроятся.

– Поменять на какие-то кругляшки свое, это... свой первородный грех?! – возопил Шнобби.

– Право на первородство, – поправил сержант Колон.

– Право на первородный грех? – подсказали из-за соседнего столика, горя желанием внести свою лепту.

– Ха! Но я вам ск'жу, – покачиваясь, объявил Шнобби, – есть кое-что,

чего *низя продать!* Ха-ха! Вы можете украсть мой кошелек. Но что в нем? Ничего!

– И правда, там ничего нет, я проверял, – подтвердил кто-то.

– *Кто с кем грешит-то?*

– И вообще... что толку в деньгах?

Данный вопрос не на шутку озадачил клиентов «Барабана». С таким же успехом можно было спросить что-нибудь типа: «А спиртное – это хорошо?» или «Тяжелая работа, добровольцы есть?»

– ...*А в чем, собственно, проблема?*

– Ну-у-у, – неуверенно протянул какой-то храбрец, – на деньги ты можешь купить большой дом, полно жрачки и... выпивки, и... женщин, и всякого такого.

– Но в этом ли счастье человеческое? – со стеклянными глазами спросил Шнобби.

Собутыльники непонимающе уставились на него. Этот вопрос уводил спор в метафизический лабиринт.

– Так вот, не в этом! – воскликнул Шнобби. Он раскачивался с таким постоянством, что все больше походил на метроном. – Все это ничто, *ничто!* По сравнению с гордостью за св... св... свое гене... гини... гиникологическое дерево.

– Какое дерево? – переспросил сержант Колон.

– В общем, за предков, – сказал Шнобби. – У меня-то есть предки, а вот у вас, у вас они есть?!

Сержант Колон даже пивом подавился.

– У всех есть предки, – возразил трактирщик. – Иначе бы нас тут не было.

Шнобби смерил его остекленевшим взглядом, попытался сфокусироваться, но у него ничего не вышло.

– Правильно! – наконец вскричал он. – Правильно! Только... только у меня их *больше!* Вишь? В этих венах течет кровь королей!

– Пока еще течет, – выкрикнул кто-то.

Все засмеялись, но эта реплика была предупредительным звоночком, который напомнил сержанту Колону о двух вещах сразу: 1) что до пенсии ему осталось всего шесть недель и 2) неплохо бы отлучиться в туалет.

Шнобби сунул руку в карман и вытащил свиток.

– Вот это вишь? – спросил он, с трудом раскручивая его на стойке. – Вишь? Я могу обвассалить всех, кого захочу. Вишь здесь? Здесь написано «граф» – прально? Это – я. А хочешь, меня у тебя повесят?

– Как раз этого я и не хочу, – ответил трактирщик, краем глаза следя за

остальными посетителями.

– Ну, то есть мой п’ртрет? Ты поменяшь название, назовешь свой тр’ктир «Граф Анкский», а я буду п’ст’янно приходить и пить тут. А, че скашь? – предложил Шнобби. – И все будут говорить, что здесь пьет граф, и бизнес у тебя сразу п’йдет. Я даже ничего не в’зму с тебя за это. Ну? Трактир высшего класса, сразу скажут все, ведь тут пьет сам граф де Шноббс, а граф – это вам не хухры-мухры...

Кто-то сграбастал Шнобби за горло. Заводилу Колон не знал. Самый обычный, со свернутым набок носом, плохо выбритый трактирный завсегдатай, который в это время вечера, как правило, уже начинал открывать бутылки своими зубами – или чужими, если вечер действительно удавался.

– То есть мы для тебя недостаточно хороши, а? – осведомился заводила.

Шнобби взмахнул свитком. Он уже открывал было рот, и сержант Колон точно знал, что за слова оттуда вырвутся: «Лапы прочь, безродная сволочь!»

Оставалось только отключить мозг и положиться на интуицию.

– Его лордство угощает всех! – выкрикнул сержант Колон.

По сравнению с «Залатанным Барабаном» «Ведро», что располагалось на Тусклой улице, было оазисом мира и спокойствия. Стража почти полностью захватила эту таверну себе, превратив ее в некое подобие храма, где можно было укрыться от мирских забот и хорошенько напиться. Не то чтобы здесь разливали хорошее пиво, о нет, здесь оно не водилось. Зато обслуживали быстро и всегда давали в долг. Все служебные обязанности оставались за порогом, и никто тебя тут не беспокоил. Вот сидит стражник и в абсолютном молчании сосет свое пиво – значит, только что вернулся с восьмичасового патрулирования улиц. Это место было такой же защитой для Городской Стражи, как форменные шлемы и нагрудники. Оно защищало от окружающего мира.

А владелец, господин Сыр, был хорошим слушателем. Он внимательно слушал вас, когда вы говорили что-нибудь типа: «Два пива, пожалуйста» или «Следи, чтобы моя кружка не опустела». Также он умел, как никто, поддержать беседу: «На ваш счет? Конечно, офицер». Периодически стражники, которым капитан Моркоу прочитал лекцию, заявлялись в трактир и оплачивали свои счета.

Ваймс угрюмо сидел со стаканом лимонада. Разумеется, ему хотелось выпить стопочку чего покрепче, но он настойчиво подавлял в себе это

желание. Одна стопочка всегда заканчивается дюжиной стаканов. Но от этого знания легче не становилось.

Здесь собралась почти вся дневная смена, да еще забрела парочка стражников, у которых сегодня был выходной.

Хоть «Ведро» и не могло похвастать чистотой, Ваймсу тут нравилось. Тихое бормотание других посетителей отвлекало от неприятных мыслей.

Одной из причин, по которой господин Сыр позволил превратить свой трактир в пятую штаб-квартиру Стражи, была абсолютная защищенность от всякого рода неприятностей. Стражники были тихими клиентами. Они переходили из вертикального в горизонтальное положение с минимальным шумом, не завязывали драк, в которые вовлекался бы весь трактир, и почти не ломали мебель. А кроме того, еще никто ни разу не попытался ограбить «Ведро». Стражники очень не любят, когда им мешают пить.

Поэтому командор Ваймс немало удивился, когда входная дверь распахнулась и в залу ворвались трое с арбалетами наперевес.

– Всем оставаться на местах! Одно движение – и мы стреляем!

Грабители остановились у стойки и с тревогой огляделись. Почему-то посетители не проявили ни малейших признаков беспокойства.

– Черт побери, кто-нибудь, закройте дверь! – прорычал Ваймс.

Стражник, сидящий неподалеку, встал и захлопнул дверь.

– На засов, – добавил Ваймс.

Трое воров снова огляделись. Теперь, когда глаза их немного попривыкли, обнаружилось, что трактир страдает некоторой доспешностью, кое-где отмеченной шлемностью. Но никто не двигался. Все смотрели на грабителей.

– Вы что, новенькие в городе? – осведомился господин Сыр, протирая бокал.

Самый крутой из трех налетчиков сунул ему под нос мешок.

– Гони все деньги, сейчас же! – завопил он. – Иначе, – он обвел арбалетом сидящих, – напитки вам будет разносить трактирщик-зомби!

– Ребятки, в городе полно других баров, – сказал кто-то.

Господин Сыр даже не поднял глаз от бокала, который продолжал протирать.

– Спасибо, констебль Бедрокус, – спокойно откликнулся он. – На твоём счету два доллара и тридцать пенсов.

Воры начали прижиматься друг к другу. В трактирах так себя не вели. Им мерещилось, что со всех сторон доносятся слабые шорохи самого разного оружия, вытаскиваемого из ножен и из-за поясов.

– По-моему, мы где-то уже встречались? – нахмурился Моркоу.

– О боги, это *он*, – простонал один из воров. – Тот самый! Хлебомет!
– Мне казалось, господин Ломозуб отвел вас в Гильдию Воров, – продолжил Моркоу.

– Там вышла небольшая закавыка по поводу налогов...

– Заткнись!

Моркоу хлопнул себя по лбу.

– Налоговые декларации! – воскликнул он. – Наверное, господин Ломозуб беспокоится, что я забыл о них!

Воры так прижались друг к другу, что теперь походили на одного очень толстого человека с шестью руками и большими долгами за шляпы.

– Э... стражникам ведь запрещено убивать людей, правильно? – осведомился один из грабителей.

– Когда мы на дежурстве, да, запрещено, – подтвердил Ваймс.

Самый крутой из воров неожиданно прыгнул, схватил за руку Ангву и вытянул ее из-за стола.

– Мы выйдем отсюда без проблем, или у девушки тоже возникнут проблемы. Все поняли?! – крикнул он.

Кто-то хихикнул.

– Надеюсь, ты никого не убьешь? – спросил Моркоу.

– Вот мы и посмотрим!

– Это я не тебе, – ответил Моркоу.

– Не волнуйся, со мной все будет в порядке, – сказала Ангва. Она огляделась, чтобы убедиться, что Шельмы поблизости нет, и вздохнула: – Ладно, господа, давайте кончать с представлением.

– А как же правило «Никогда не играй с едой»? – крикнул кто-то из посетителей.

Послышалось хихиканье, которое, впрочем, быстро оборвалось, когда Моркоу повернулся на своем стуле. Все вдруг разом заинтересовались содержимым собственных кружек.

Понимая, что здесь что-то не так, но не понимая, что именно, воры попятились к двери. Никто даже не шевельнулся. Все еще удерживая Ангву, грабители отодвинули засов, вывалились в туман и захлопнули дверь.

– Может, стоило их предупредить? – спросил какой-то констебль из новеньких.

– Они сами нарвались, – ответил Ваймс.

Из-за двери донесся звон упавшей на булыжник кольчуги, сразу за которым последовал долгий глубокий вой.

И вопль. А потом еще один вопль. И третий вопль, в котором

слышалось нечто вроде: «НЕТНЕТНЕТнетнетнетнетнетНЕТ!.. аргхаргхаргх!» Что-то тяжело ударило о дверь.

Ваймс повернулся к Моркоу.

– Ты и констебль Ангва, – сказал он. – Вы... э... нормально уживаетесь?

– Отлично, сэр, – откликнулся Моркоу.

– А то кое-кто думает, что у вас могут возникнуть, э-э, проблемы.

Раздался глухой стук, сопровождаемый слабым бульканьем.

– Проблемы есть у всех, сэр. Мы их решаем, – немного повысив голос, ответил Моркоу.

– Я слышал, ее отец не слишком доволен ее нынешней работой.

– У них там, в Убервальде, нет законов, сэр. Они считают, что законы нужны только слабому обществу. Барона нельзя назвать очень цивилизованным, гм, человеком.

– Он весьма кровожаден, насколько я слышал.

– Она хочет остаться в Страже, сэр. Ангва любит работать с людьми.

Снаружи опять донеслось бульканье. В окно ударилась скрюченная рука, которая сползла вниз, царапая ногтями стекло.

– Ну, пусть поступает, как знает, – пожал плечами Ваймс.

– Да, сэр.

После некоторой паузы дверь медленно открылась. Вошла Ангва, на ходу поправляя доспехи, подошла к своему стулу и села. Все присутствующие в таверне стражники вдруг осознали, что в первый раз недостаточно внимательно рассмотрели свое пиво.

– Э... – начал было Моркоу.

– Раны исключительно поверхностные, – заверила его Ангва. – Царапины. Но один из них случайно прострелил ногу своего напарника.

– В рапорте обязательно нужно отразить, что в процессе сопротивления аресту преступники сами нанесли себе телесные повреждения, – предложил Ваймс.

– Да, сэр, – сказала Ангва.

– Но, сэр, все было не совсем так, – запротестовал честный Моркоу.

– Они пытались ограбить наш трактир и сами выбрали в заложницы констебля Ангву, – пояснил Ваймс. – Это было их собственное решение, никто их не принуждал.

– А, я, кажется, понял, что вы имеете в виду, сэр, – кивнул Моркоу. – Таким образом они сами себя покалечили. Да. Конечно.

В «Залатанном Барабане» стало значительно тише. Мало кто умеет

одновременно шуметь и валяться в бессознательном состоянии.

Сержант Колон был поражен собственной смекалкой. Бьющий в зубы кулак легко валит человека с ног, но ничуть не хуже, как выяснилось, с той же задачей справляется четвертушка рома, смешанного с джином и шестнадцатью дольками лимона.

Хотя кое-кто еще держался на ногах. Эти люди были настоящими выпивохами. Они пили так, как будто завтра никогда не настанет, – и очень надеялись на это.

Фред Колон тоже изрядно набрался. Ему захотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, и он повернулся к человеку, сидящему рядом.

– Зд'сь хорошо, пр'вда? – выдавил из себя Колон.

– Что же мне сказать жене?! – простонал тот в ответ.

– Не знаю. Ну, скажи, что задержался на работе, – посоветовал Колон. – И пожуй мяту, перед тем как вернуться в дом, это обычно помогает...

– Задержался на работе? Ха-ха! Меня уволили! Меня! Мастера! Пятнадцать лет у Спаджера и Вильямса оттрубил, а затем вылетел, потому как Нувриш их разорил. Получил работу у Нувриша – и, бац, теряю работу и там тоже! «Переизбыток рабочей силы!» Проклятые големы! Из-за этих истуканов люди теряют работу! А им-то зачем деньги? Им ведь даже есть нечем, ха-ха. Но эти чертовы истуканы работают с такой скоростью, что даже рук не видно!

– Позор.

– Взять бы кувалды да разбить их на мелкие черепки! Я что говорю, у нас был голем, ну, у Спаджера и Вильямса. Старина Жлоб его звали. Ну так он трудился себе мирненько, а не носился по фабрике, как подорванная муха. Вот увидишь, приятель, скоро и тебя пинком под зад вышибут и заменят каким-нибудь големом.

– Не, Камнелиц такого не допустит, – возразил Колон, слегка покачиваясь.

– У вас там есть вакансии?

– Не знаю, – пожал плечами Колон. Его собеседников, похоже, прибавилось. Во всяком случае, теперь перед ним сидел не один человек, а двое. – А че вы умеете?

– Я фитилеплет и концerez, – хором ответили сидящие напротив.

– Ух ты! – восхитился Колон.

– А, вот ты где, Фред, – сказал трактирщик, хватая его за плечо и кладя перед ним лист бумаги.

Колон с интересом уставился на резвящиеся цифры. Попытался

сфокусироваться на последней из них, но она была слишком большой, чтобы прочесть ее зараз.

– Что это?

– Его имперского лордства счет за выпивку, – пояснил трактирщик.

– Не дури, никто не может столько выпить... Я не буду платить!

– Подумай хорошенько. Можно ведь и переломить ситуацию.

– Да? Как это?

Трактирщик вытащил из-под стойки тяжелую дубовую палку.

– Руки? Ноги? Выбирай сам, – сказал он.

– О, *прекрати*, Рон, сколько лет ты меня знаешь!

– Да, Фред, ты всегда был хорошим клиентом, поэтому я позволю тебе зажмуриться.

– Но это все деньги, что у меня есть!

Трактирщик ухмыльнулся.

– Значит, тебе повезло!

Шельма Задранец, тяжело дыша, прислонилась к стене в коридоре рядом со своей кладовкой-кабинетом.

Этому начинающие алхимики учились чуть ли не первым делом. Как говорили ее учителя, есть два типа хорошего алхимика: атлет и интеллеktуал. Хороший алхимик первого типа способен за три секунды перепрыгнуть через стол, выскочить в дверь и спрятаться за крепкой стеной, а хороший алхимик второго типа знает *точно*, когда пора делать ноги.

Оборудование было никуда не годным. Она сперла из Гильдии все, что могла, но *настоящая* алхимическая лаборатория должна быть битком набита всякими банками-склянками, выглядящими так, словно их сотворил страдающий икотой стеклодув. И настоящий алхимик не должен ставить опыты, используя в качестве мензурки кружку с рисунком плюшевого мишки, из-за которой капрал Шноббс наверняка расстроится, когда не найдет ее на прежнем месте.

Решив, что дым более-менее рассеялся, Шельма вернулась в свою кладовку.

И еще. Учебники по алхимии буквально потрясают воображение, каждая страница в них – как произведение искусства гравировки, но там ты не найдешь инструкций типа: «Перед опытом не забудь открыть окно». Зато в них было полным-полно инструкций типа: «Паливай Цинк Вадой Щиботанской, пака Не Палучишь Дастаточно Газа». Однако нигде не говорилось о том, что «Нивкоим Случае Не Пытайся Провисти Опыт в

Дамашних Условиях». Или хотя бы: «Перед опытом Не Забудь Папращаться с Бравями».

Итак, что тут у нас?..

На стекле выпал темно-коричневый осадок, который, согласно «Алхимическим Единениям», являлся индикатором присутствия в образце мышьяка. Она проверила всю еду и все напитки, что нашла в кладовой дворца, и задействовала в опытах все бутылки и кувшины, которые только отыскивала в штаб-квартире Стражи.

Шельма еще раз внимательно осмотрела пакетик, на котором красовалась надпись «Образец № 2». Очень похоже на раздавленный сыр. Сыр? Наполняющие комнатку дурмящие ароматы мешали сосредоточиться. Она и в самом деле брала образцы какого-то сыра. К примеру, образец № 17 совершенно точно был сыром – ланкрским синежильным. Он еще очень бурно взаимодействовал с кислотой, в результате чего на потолке образовалась маленькая дырочка, а половина лабораторного стола покрылась темно-зеленой субстанцией, тягучей, как деготь.

Она повторила опыт с образцом № 2.

Опять немного подумала. После чего принялась с яростью листать свой блокнот. Ага, вот. Первый образец, который она добыла во дворце патриция (порция паштета из утки), был занесен в реестр под номером три. А откуда тогда взялись образцы № 1 и № 2? Так, № 1 – это белая глина с моста Призрения. Но тогда что такое № 2?

Наконец она нашла ответ на свой вопрос.

Но этого не может быть!

Шельма посмотрела на пробирку. Мышьяк ответил ей наглой металлической улыбочкой.

Она использовала только часть образца. Можно, конечно, проверить и в третий раз, но... наверное, лучше рассказать кому-нибудь.

Шельма выбежала в холл, где сидел дежурный тролль.

– Где командор Ваймс?

Тролль оскалился.

– В «Ведре»... Задранец.

– *Большое* спасибо.

Тролль снова повернулся к испуганно выглядящему монаху в коричневой сутане.

– Ну и? – спросил он.

– Лучше он сам это расскажет, – ответил монах. – Я просто работал

рядом.

С этими словами он поставил на стол маленькую банку с прахом. На горлышке у банки красовался галстук-бабочка.

– Я хочу выразить свое *глубочайшее возмущение*, – писклявым голоском объявил прах. – Я проработал там всего пять минут, и вдруг – пшик! Я теперь целый месяц буду восставать из праха!

– Проработал где? – уточнил тролль.

– В «Ничегоподобных Святых Товарах», – с готовностью откликнулся испуганный монах.

– В цехе святой воды, – добавил вампир.

– Стало быть, ты обнаружил мышьяк? – переспросил Ваймс.

– О да, сэр. Много. В образце очень много мышьяка. Вот только...

– Что?

Шельма опустила взгляд.

– Образец проверялся дважды, у меня нет никаких сомнений, что все правильно...

– Да-да, я понял. Так в чем же дело?

– А в том, сэр, что... Этот образец не из дворца. Вышел небольшой конфуз, и реакция на мышьяк была обнаружена в массе, извлеченной из-под ногтей отца Трубчека, сэр.

– Что?

– У него под ногтями была какая-то масса, и мне в голову пришла мысль, что это может иметь какое-то отношение к убийце. Ну, может, он был в каком-то фартуке, а отец Трубчек его царапал... У меня еще осталось немножко образца, и, если вы захотите пригласить стороннего эксперта, я не буду за это вас осуждать...

– Но откуда у старика под ногтями взялся яд? – недоуменно покачал головой Моркоу.

– Возможно, хватался за убийцу, – предположила Шельма. – Ну, во время драки...

– Хочешь сказать, его убило какое-то мышьячное чудовище? – фыркнула Ангва.

– О, черт! – вдруг воскликнул Ваймс. – Сколько времени?

– Дзынь-дзынь, дзынь-подзынь!

– О, черт...

– Девять часов, – сообщил организованный бесенок, высунув голову из кармана Ваймса. – Я был бос и оттого ощущал себя крайне несчастным, пока не повстречал безногого.

Стражники переглянулись.

– Что-что? – очень осторожно уточнил Ваймс.

– Людям нравится, когда я время от времени изрекаю некий афоризм. Он же Совет Дня, – с гордостью откликнулся бесенок.

– И где же ты умудрился встретить безногого? – спросил Ваймс.

– Ну, я не совсем *встретил* его, – объяснил бес. – Эта такая метамфора.

– Тогда вот тебе другая метамфора, – ответил Ваймс. – Безногим обувь уже ни к чему, мог бы разжиться у него ботинками.

И он запихнул возмущенно пискнувшего бесенка обратно в карман.

– Есть еще кое-что, сэр, – сказала Шельма.

– Продолжай, – устало кивнул Ваймс.

– Глина, которую мы нашли на месте убийства, – начала докладывать Шельма. – Вулкан сказал, что она содержит добавки, старые черепки и так далее. И я... взял с Дорфла соскреб для сравнения. Полной уверенности, конечно, нет, но бес из иконографа прорисовал *очень мелкие* детали... Так вот, глина, обнаруженная на месте преступления, и глина Дорфла очень похожи. В обеих присутствует железо.

Ваймс вздохнул. Люди вокруг него пили разной степени крепости алкогольные напитки. Одна-единственная стопка все мгновенно прояснила бы...

– Кто-нибудь понимает, что все это значит? – спросил он.

Моркоу и Ангва покачали головами.

– Может, мы просто не понимаем, как сложить все эти кусочки воедино? – спросил Ваймс, повышая голос.

– Вы имеете в виду, как кусочки мозаики, сэр? – уточнила Шельма.

– Да! – выкрикнул Ваймс. Все в зале резко затихли. – И теперь, чтобы сложить картинку, нам не хватает всего-навсего кусочка с небом и листиками!

– Сэр, у нас всех был тяжелый день, – сказал Моркоу.

У Ваймса опустились плечи.

– Да, конечно, – пробормотал он. – Завтра... ты, Моркоу, проверишь городских големов. Если они замышляют что-то, я хочу знать, что именно. А ты, Задранец... ты осмотришь *весь* дом старика на предмет мышьяка. Но почему-то я очень сильно сомневаюсь, что ты его там найдешь.

Ангва вызвалась проводить Шельму до дома. Шельма очень удивилась, что командор Ваймс и капитан Моркоу нисколечко не протестовали. Ведь Ангве придется возвращаться в одиночестве, а она

девушка...

– Ты не боишься? – спросила Шельма у своей спутницы, идущей вместе с ней сквозь сырые облака тумана.

– Нет.

– А мне кажется, что из тумана вот-вот выскочит какой-нибудь убийца или насильник. Ты вроде говорила, что живешь в Тенях?

– А, да. Но ко мне уже давно никто не пристает.

– Может, потому, что боятся твоих доспехов?

– Может, – пожала плечами Ангва.

– Неужели в этом городе наконец научились уважать стражников?

– Возможно.

– Э... Слушай, извини за вопрос... но ты и капитан Моркоу?..

Ангва вежливо ждала.

– ...Э...

– О да, – наконец сжалилась Ангва. – Мы – «э»... Но я снимаю жилье у госпожи Торт, потому что в таком городе, как этот, очень важно иметь собственный угол.

«Куда труднее найти хозяйку, симпатизирующую нам, существам со *специфическими* запросами, – добавила про себя Ангва. – К примеру, ручки на дверях должны быть такими, чтобы за них можно было ухватиться когтями. И открытые каждое полнолуние окна – тоже немаловажно. Впрочем, мне это удалось».

– Понимаешь, хочется иметь место, где ты можешь побыть сама собой. В штаб-квартире постоянно пахнет носками.

– А я остановилась у своего дяди Руколома, – призналась Шельма. – Там не очень хорошо. Все время говорят о шахтах.

– Ну а ты в беседах не участвуешь?

– А что говорить о шахтах? «Я шахтер в моей шахте, и моя шахта – моя вахта», – срифмовала Шельма. – После чего переключаются на разговоры о золоте, что, говоря по правде, еще скучнее.

– Я думала, гномы *любят* золото, – удивилась Ангва.

– От этих разговоров повеситься можно.

– Слушай, ты уверена, что ты гном? Извини. Это была шутка.

– Есть куда более интересные темы. Прически. Одежда. Люди.

– О боги. Но это же типично *бабские разговоры!*

– Не знаю, я еще никогда не вела *бабские разговоры*, – откликнулась Шельма. – Зато вдоволь поучаствовала в гномьих.

– В Страже все то же самое, – сказала Ангва. – Можно быть любого пола, но вести себя надо, словно ты мужик. В Страже нет мужчин и

женщин, а есть группа приятелей. Ты скоро узнаешь, что такое настоящий стражник. В основном говорится о том, сколько пива было выпито вчера, сколько было съедено карри и где именно тебя стошнило. Сплошные эготестероны. Тебе это быстро приестся. И будь готова ко всякого рода намекам. В том числе не совсем приличным.

Шельма покраснела.

– Правда, с сальными шуточками вроде бы уже покончено, – добавила Ангва.

– Почему? Ты подала жалобу?

– Нет, напротив. Начала подыгрывать, и все разом прекратилось, – пожала плечами Ангва. – Представляешь, они вообще не смеялись. Даже когда я сгибала руку в локте. По-моему, так нечестно.

– Все это бесполезно, – вздохнула Шельма. – Здесь я тоже не приживусь. Я чувствую, что все... неправильно.

Ангва посмотрела вниз, на ее маленькую усталую фигурку. Симптомы были очень знакомы. Всем нужен свой угол. Хотя бы уголок, но зачастую этот уголок можно было отыскать только в собственном сознании. Как ни странно, Шельма ей нравилась. Возможно, своей искренностью. Или тем, что она была единственной, за исключением Моркоу, кто не нервничал, разговаривая с ней. Но все потому, что она *не знала*. Ангва хотела сохранить это незнание, словно маленькую драгоценность, однако бывают моменты, когда жизнь надо менять, как бы страшно это ни было.

– Мы сейчас неподалеку от улицы Вязов, – осторожно промолвила она. – Заглянем, э, на минутку. У меня есть кое-что, что тебе, может, пригодилось бы...

«И то, что мне уже не понадобится, – добавила она про себя. – То, что я не смогу унести, когда уйду».

Констебль Водослей смотрел в туман. Наблюдать – это он умел лучше всего, наблюдать и подолгу сидеть на одном месте. Абсолютно неподвижно, не шевелясь. За это его и ценили. В искусстве ничегонеделания ему не было равных. Если бы его позвали на мировой чемпионат по ничегонеделанию, он бы даже головы не повернул.

Вот и сейчас, подперев руками подбородок, он неподвижно смотрел в туман.

Туманные облака кружились под ним в хороводе, и отсюда, с высоты шестого этажа, могло показаться, что сидишь на берегу холодного, залитого лунным светом моря. Иногда высокая башня или кусочек крыши показывались из тумана, но тишина стояла абсолютная – все звуки

скрадывались мутной пеленой. Время перевалило за полночь.

Констебль Водослей смотрел на туман и думал о голубях.

У констебля Водослея было мало желаний, и почти все они касались голубей.

Группа темных личностей двигалась сквозь туман подобно Четырем Всадникам Абокралиписиса. Вернее, «двигалась» – это слишком сильно сказано. Она ковыляла, хромала и ехала на колесиках. У одного из ковыляющих на голове сидела утка, а поскольку, за исключением этой единственной черты, он был практически нормальным, его так и звали: Человек-Утка. Другой постоянно кашлял и отхаркивался, и его, соответственно, прозвали Генри-Гроб. Еще один, безногий, катился в маленькой тележке, но его почему-то величали Арнольдом Косым. А четвертого именовали Старикашкой Роном, и у него в домашних любимцах ходил Запах, забыть который было невозможно.

Еще Старикашка Рон вел на веревке рванухого, пыльно-коричневого цвета двортерьера, хотя, говоря по правде, трудно было определить, кто кого вел. Периодически веревка натягивалась, раздавался гневный окрик: «Сидеть!», и кто-то один покорно исполнял приказ. Собаки-поводыри для слепых и даже для глухих – дело весьма распространенное, ими никого не удивишь, но во всей множественной вселенной Старикашка Рон являлся единственным счастливым хозяином пса разумного, трезвомыслящего.

Нищие, ведомые собакой, направлялись к темному проему под мостом Призрения, который они называли своим домом. По меньшей мере один из них называл его «домом», а остальные кто как: «Харк харк ХРРарк тьфу!», «Хе-хе-хе! Ух ты!» и «Разрази их гром, десница тысячелетия и моллюск!»

Время от времени они передавали друг другу бутылку, к которой со вкусом прикладывались и после чего протяжно рыгали.

Пес вдруг остановился. Попрошайки, натыкаясь друг на друга, тоже остановились.

Им навстречу двигалось какое-то существо.

– О боги!

– Тьфу!

– Ух ты!

– Разрази их гром!

Попрошайки прижались к стене, пропуская прихрамывающее бледное существо. Оно держалось за собственные уши так, словно пыталось оторвать себя от земли, и периодически колотилось головой о стену, вдоль

которой шло.

Затем существо неожиданно выдрало один из железных столбов, отделяющих набережную от реки, и принялось лупить им себя по голове. В конце концов железный брус не выдержал и разлетелся вдребезги.

Существо в ярости отбросило обломок, снова схватилось за голову, открыло рот, из которого полился красный свет, и заревело, как разъяренный бык. После чего развернулось и исчезло в темноте.

– Снова этот голем, – сказал Человек-Утка. – Белый.

– Хе-хе, иногда по утрам я так же себя чувствую, – хихикнул Арнольд Косой.

– Я все знаю о големах, – откликнулся Генри-Гроб, умело сплюнул и сбил жука, ползущего по стене в шести метрах от него. – Они вобще говорить не умеют, прикиньте.

– Разрази их гром, – авторитетно заявил Старикашка Рон. – Жим-жим крючок, та штуковина как шарах, и моллюск! Червяк на другой ноге! А то нет?!

– Он имеет в виду, это тот же самый голем, которого мы видели недавно, – сказал пес. – Ну, когда убили старого священника.

– Думаешь, стоит рассказать об этом кому-нибудь? – спросил Человек-Утка.

Пес покачал головой.

– Не-а, – ответил он. – У нас здесь классное место, не фиг его засвечивать.

Все пятеро продолжили свой путь в сырую тень.

– Ненавижу проклятых големов, они отбирают у нас работу...

– Какую работу? У нас же ее нет.

– Во-во, а я о чем?

– Что на ужин-то?

– Похлебка из старых башмаков. ХРРарк тьфу!

– Десница тысячелетия и моллюск, говорю вам!

– Хорошо, что у меня есть голос, правда? Я могу говорить с вами.

– Тебе пора кормить свою утку.

– Какую утку?

Туман мерцал и шипел вокруг Пяти-Семидворья. Пылающие огни наполняли облака тумана красным заревом. Потоки расплавленного железа застывали в своих формах. Из мастерских доносился веселый стук молотов. Кузнечные работы управляются не часами, они следуют куда более важным законам расплавленного металла. Хотя была уже почти

полночь, в «Плавильнях, Цехах и Кузнях Рукисилы» продолжалась работа.

В Анк-Морпорке фамилия Рукисила была достаточно распространена. В особенности среди гномов. Именно по этой простой причине Томас Кузнец и сменил свое имя, также назвавшись Рукисией, – это было полезно для бизнеса. Ну а что до ухмыляющегося гнома с молотом в руках, который был изображен на вывеске, – так в том виновато излишне богатое воображение художника. Люди считали, что надпись «Сделано гномами» является свидетельством качества, и Томас Кузнец решил не спорить.

Разумеется, Комитет «Гномы на высоте» тут же выдвинул свой протест, однако рассмотрение дела все откладывали и откладывали, пока совсем о нем не позабыли. На самом деле большинство из совета Комитета были людьми, так как гномам недосуг заниматься всякой бюрократией^[13]. Кроме того, возникал логичный вопрос: да, господин Рукисила, он же Томас Кузнец, слишком высок, чтобы считаться гномом, но не является ли это видовой дискриминацией, против которой так яростно выступает Комитет?

Тем временем Томас отрастил бороду, стал носить железный шлем (когда слышал, что кто-то из Комитета ошивается поблизости) и поднял цены на двадцать пенсов с каждого доллара.

Целый ряд тяжелых молотов ритмично то опускался, то поднимался, приводимый в действие колесом, в которое были запряжены быки. Уже ждали своей очереди следующие мечи, которые нужно было обстучать, и тяжелые пластины, из которых потом получатся щиты. Во все стороны летели искры.

Рукисила снял шлем (ходили слухи, что сегодня в кузницы собрались наведаться члены Комитета) и вытер лоб.

– Диббук? Где тебя черти носят?

Ощущение, будто сзади возникла некая гора, заставило его обернуться. Кузнечный голем стоял почти вплотную, отблески пламени плясали на его темно-красной глине.

– Я же говорил тебе никогда вот так не подкрадываться! – заорал Рукисила, стараясь перекриковать грохот.

Голем показал ему грифельную дощечку.

«Да».

– Ты закончил со своим святым выходным? Тебя не было слишком долго!

«Извини».

– Ну ладно, а теперь пойдешь и встанешь за молот номер три. И пришли в мой кабинет господина Винсента.

«Хорошо».

Рукисила поднялся по лестнице к своему кабинету. Наверху он повернулся посмотреть, как идет работа в кузне. Он увидел, как Диббук подошел к молоту и показал свою дощечку мастеру Винсенту. Передав работу голему, Винсент направился к лестнице. Диббук взял заготовку меча, сунул ее под молот, подержал буквально пару секунд, а потом вдруг отшвырнул далеко в сторону.

Нахмурившись, Рукисила бросился вниз по ступенькам.

И уже на полпути вниз увидел, как Диббук положил на наковальню свою голову.

Когда Рукисила спрыгнул на пол кузни, молот ударил первый раз.

Когда он одолел половину пути по засыпанному пеплом полу (за ним уже бежали и другие работники), молот ударил второй раз.

А когда он добежал до Диббука, молот ударил третий раз.

Свет потух в глазах голема. По бесстрастному глиняному лицу побежали трещины.

Молот поднялся для четвертого удара...

– Черт! – заорал Рукисила.

...И голова голема разлетелась на мелкие кусочки.

Когда грохот стих, хозяин кузни поднялся с пола и отряхнул со штанов пыль. По всему цеху были разбросаны черепки голема. Молот сорвало с креплений, и он валялся на наковальне, прямо на том, что осталось от головы Диббука.

Рукисила рассеянно подобрал обломок ноги, откинул его в сторону, затем еще раз нагнулся и вытянул из кучи черепков грифельную доску.

Он прочел:

«Старики помогли нам!

Не убий!

Глина от глины моей!

Стыд.

Позор».

Через его плечо заглянул Винсент.

– Зачем он это сделал?

– Откуда я-то знаю? – огрызнулся Рукисила.

– Странно... Сегодня утром он, как обычно, разнес чай. Потом ушел куда-то на пару часов, только недавно вернулся... И вот на тебе.

Рукисила пожал плечами. Голем – всего-навсего неодушевленный

истукан, кукла, ничего более, но это абсолютно равнодушное глиняное лицо, на которое падает здоровенный молот, не скоро забудешь.

– Недавно я слышал: на лесопилке, что на Колиглазной улице, хотят продать голема, – продолжал мастер. – Он распилил бревно красного дерева на спички или что-то наподобие. Хочешь, я схожу поговорю?

Рукисила посмотрел на дощечку.

Диббук был немногословным големом. Он таскал туда-сюда раскаленные докрасна бруски железа, обстукивал кулаками заготовки мечей, вычищал окалину из все еще пышущей жаром печи... и не говорил ни слова. Разумеется, он и не умел говорить, но почему-то Диббук всегда производил впечатление, будто и сказать-то ему особо нечего. Голем просто работал. И он никогда не писал на своей дощечке столько слов зараз.

Слова кричали о черном горе, о существе, которое кричало бы о горе, если бы могло издавать звуки. Чуть собачья! У неодушевленных предметов нет жизни, которую можно было бы закончить самоубийством.

– Хозяин? – позвал мастер. – Я спросил, может, мне все-таки наведаться на ту лесопилку?

Рукисила отбросил дощечку и облегченно вздохнул, когда она разбилась о стену на мелкие кусочки.

– Нет, – ответил он. – Лучше проследи, чтобы здесь прибрались. И почините этот чертов молот!

Приложив невероятные усилия, сержант Колон высунулся из канавы.

– Ты... вы в порядке, капрал лорд де Шноббс? – проямлил он.

– Не знаю, Фред. Это чье лицо?

– Мое, Шнобби.

– Слава богам, а то я подумал, что мое...

Колон опрокинулся назад.

– Мы лежим в канаве, Шнобби, – простонал он. – У-у-у...

– Да, Фред, мы в канаве. Но некоторые из нас смотрят на звезды...

– Ну, лично я смотрю на твое лицо, Шнобби. Уж лучше бы я смотрел на звезды, поверь мне. Д'вай...

После нескольких неудачных попыток оба смогли, опираясь друг на друга, подняться.

– Г-г-где мы, Шнобби?

– Я помню, как мы ушли из «Барабана»... Слушай, а зачем я надел на голову простыню?

– Это туман, Шнобби.

– А что это за ноги внизу?

– Я думаю, это *твои* ноги, Шнобби. А у меня – мои.

– Правильно, правильно. У-у-у... Кажется, сержант, я слегка перебрал...

– Напился по-королевски, да?

Шнобби неуверенно потянулся к своему шлему. Кто-то нацепил на него бумажную корону. Под ухом он нащупал собачье дерьмо.

Распивочный день перешел в свою самую неприятную фазу, когда после нескольких отличных часов, проведенных в канаве, начинаешь ощущать приближение грядущего похмелья, а от того, что ты еще слегка пьян, становится только хуже.

– Сержант, а как мы сюда попали?

Колон почесал было затылок, но тут же опустил руку – грохот был невероятным.

– Мне кажется... – сказал он, собирая разрозненные кусочки памяти, – мне... кажется... по-моему, мы что-то говорили о необходимости штурма дворца и предъявления твоих прав на трон...

Шнобби подавился самокруткой и закашлялся.

– Я надеюсь, мы не привели план в исполнение?

– Ты вопил, что мы непременно должны это сделать...

– О боги... – простонал Шнобби.

– А потом тебя вырвало.

– Да-да, я что-то такое чувствую во рту.

– В общем, ты облевал Хапугу Хоскинса. Он погнался за нами, но о кого-то споткнулся, и мы удрали.

Колон неожиданно хлопнул себе по карману.

– И у меня еще остались деньги, ну, те, что мы взяли из Копилки! – воскликнул он. Затем благостно-солнечный провал в памяти залатало очередное облако воспоминаний. – Пенса три где-то осталось...

– Три пенса?! – вскричал Шнобби, когда до него наконец дошел смысл последней фразы.

– Да, ну... после того как ты стал угощать весь трактир всякими дорогими коктейлями... в общем, у тебя-то денег не было, поэтому либо я платил, либо... – Колон провел ребром ладони по горлу и пояснил: – Вжик!

– Ты хочешь сказать, мы устроили в «Барабане» второй Счастливый час?

– Более чем счастливый и не совсем час, – с отчаянием в голосе откликнулся Колон. – Скорее, Сто Пятьдесят Минут Экстаза. До сих пор я и не подозревал, что джин может продаваться пинтами.

Шнобби попытался сфокусировать свое зрение на тумане.

- Никто не может пить джин пинтами, сержант.
- Именно это я тебе и твердил, но ты не слушал.

Шнобби принял.

- Мы рядом с рекой, – сказал он. – Давай попробуем...

Что-то зарычало, очень близко. Рык был низким и тяжелым, похожим на корабельный гудок. Подобные звуки могло издавать какое-нибудь привидение, шатающееся темной ночью по заброшенному замку. Рык не прекращался очень долго, но потом неожиданно оборвался.

- ...Убраться отсюда как можно дальше, – быстро закончил Шнобби.

Рык произвел эффект одного холодного душа и двух пинт черного кофе.

Колон стремительно крутнулся на месте. Сейчас ему очень пригодилась бы прачечная.

- Откуда этот звук исходил?

– Оттуда... по-моему.

- А по-моему, *оттуда!*

В тумане все направления были одинаковы.

– Я думаю, – медленно сказал Колон, – нам стоит подать рапорт о происшедшем. И как можно скорее.

- Правильно, – кивнул Шнобби. – Куда бежим?

- Здесь важнее не куда, а от чего!

Огромные круглые уши констебля Водослея затрепетали от звука, пронесшегося по городу. Констебль медленно повернул голову, фиксируя высоту, направление и расстояние. Тщательно все запомнил.

Рык был слышен даже в штаб-квартире Стражи, правда – туман изрядно его приглушил.

Он проник в открытую голову голема Дорфла и завертелся эхом внутри, залезая в трещинки, наполняя глину отзвуками, пока не заплясали даже самые мелкие песчинки.

Пустые глаза таращились в стену. Никто не услышал ответного крика, что вырвался из мертвого черепа, ибо не было губ, с которых он мог сорваться, не было разума, который мог его породить, и тем не менее унесся в ночь отчаянный вопль:

- **Глина от глины моей, не убий! Не умри!**

Сэмюэлю Ваймсу снились улики.

К уликам у него было язвительное отношение. Он инстинктивно не

доверял им. Они все время мешались и препятствовали расследованию.

А еще он не доверял людям, которые, бросив на прохожего единственный взгляд, самоуверенно заявляли своему помощнику: «Увы, дражайший сэръ, не могу сказать ничего особенного, кроме того, что этот человек – левша-каменщик, несколько лет плавал на торговых судах и недавно у него начались трудные времена». После чего следовали запутанные измышления о мозолях, манере держаться и состоянии ботинок, в то время как на самом деле все могло истолковываться совершенно иначе. К примеру, тот человек мог надеть одежду поплотнее, потому как в настоящий момент у себя дома строил собственными руками (чем очень гордится) кирпичную площадку для барбекю, а татуировку получил однажды в молодости, когда был пьяный и семнадцатилетний^[14]. И укачивало его разве что на мокром тротуаре. Сами посудите, какое высокомерие! Какое оскорбление для богатого и разнообразного человеческого опыта!

Так же дела обстояли и с более весомыми свидетельствами. Отпечатки ног на клумбе *в реальном мире* мог оставить самый обычный мойщик окон. А жуткий крик в ночи мог испустить человек, поднявшийся темной ночью с постели и наступивший на валяющуюся рядом щетку для волос.

Реальный мир слишком реален, чтобы снисходить до тонких намеков. В нем происходит слишком много событий. Исключив все невозможное, до истины, какой бы невероятной она ни была, ты не доберешься. Действовать нужно несколько иначе, а именно: по очереди исключать все возможное. Терпеливо задаешь вопросы и внимательно все изучаешь. Ходишь и беседуешь со всеми подряд – и где-то в глубине души надеешься, что у преступника не выдержат нервы и он сам себя выдаст.

Все события дня смешались во сне Ваймса. Големы бродили грустными тенями. Отец Трубчек помахал ему рукой, а потом его голова взорвалась, окатив Ваймса душем из слов. Господин Хопкинсон с куском гномьего хлеба во рту мертвым лежал возле своей печи. А големы в тишине проходили мимо. Там же присутствовал приволакивающий ногу Дорфл, голова которого была раскрыта, и слова клубились вокруг нее пчелиным роем. А в центре композиции танцевал Мышьяк, маленький, шипастый, зеленый человечек, – он хихикал и нес всякую чушь.

В какой-то момент Ваймсу показалось, будто один из големов закричал.

После этого сон начал потихоньку таять. Големы. Печь. Слова. Священник. Големы, грохоча ногами, маршировали, отчего весь сон начал ходить ходуном...

Ваймс открыл глаза.

Лежащая рядом с ним госпожа Сибилла изрекла презрительное «всфг!» и перевернулась на другой бок.

Кто-то колотил в дверь. Все еще сонный, с мутной головой, Ваймс приподнялся на локтях и спросил куда-то в пустое ночное пространство:

– Кого еще несет в это время ночи?

– Дзынь-дзынь-подзынь! – отозвался веселый голосок с той стороны, где Ваймс оставил свою одежду.

– О нет, только не это...

– Пять часов двадцать девять минут и тридцать одна секунда, утро. Пенни доллар бережет. Тебе напомнить твоё расписание на сегодня? А ты, пока я буду говорить, можешь заполнить регистрационную карточку.

– Что? Кого? Да что ты такое несешь?!

Стук продолжался.

Ваймс выпал из кровати и начал искать спички. Наконец он зажег свечу и наполовину сбежал, наполовину скатился по длинной лестнице вниз, в холл.

В дверь колотил констебль Посети.

– Лорд Витинари, сэр! Ему стало хуже!

– За Джимми Пончиком уже послали?

– Так точно, сэр!

В это время суток туман отчаянно боролся с рассветом, отчего весь мир выглядел так, как будто его засунули внутрь теннисного шарика.

– Сэр, я заглянул к нему, когда заступил на дежурство, и обнаружил его лежащим без чувств!

– А вдруг он просто спал?

– На полу, сэр? Одетым?

К тому времени, когда Ваймс, запыхавшись и морщась от боли в коленях, добежал до дворца, пара стражников уже уложили патриция в постель. «О боги, – размышлял он, поднимаясь по лестнице, – как это не похоже на старую службу обычным патрульным... Тогда ты не думал ни секунды – просто бежал через весь город. Надо – значит, надо, ты бежишь, преступники бегут...»

«И кстати, ни один из этих паскудников ни разу меня не догнал», – добавил он про себя с некой смесью гордости и стыда.

Патриций еще дышал, но лицо у него было восковым, и выглядел он так, словно стоял одной ногой в гробу.

Ваймс оглядел комнату. В воздухе висел знакомый туман.

– Кто открыл окно? – спросил он.

– Я, сэр, – тут же ответил Посети. – Сразу, как только обнаружил патриция. Мне показалось, свежий воздух ему не помешает...

– Воздух будет куда свежее, если никто не будет *открывать* окно, – сказал Ваймс. – Ладно, итак, я хочу, чтобы все, абсолютно все, кто был во дворце этой ночью, собрались внизу, в холле, через две минуты. И кто-нибудь, пошлите за капралом Задранцем. А также поставьте в известность капитана Моркоу.

«Я напуган и растерян, – подумал он. – Правило номер один: передай это чувство остальным».

Ваймс обошел комнату. Нетрудно было догадаться, что Витинари встал и пересел за письменный стол, где, очевидно, какое-то время работал. Свеча сгорела. А чернильница, наверное, перевернулась, когда он сполз со стула.

Ваймс окунул палец в чернила и понюхал. Потом потянулся к писчему перу рядом, задумался, вытащил кинжал и очень осторожно поднял перо. Маленьких, но острых колючек на нем не обнаружилось, но Ваймс все так же осторожно опустил его на место – пусть Задранец потом обследует на предмет неведомых ядов.

Затем Ваймс обратил внимание на бумаги, над которыми работал Витинари. Все листы оказались чистыми, кроме одного.

И, к его огромному удивлению, лист этот содержал не какие-нибудь деловые записи, но аккуратный рисунок. Там была изображена шагающая фигура, состоящая, в свою очередь, из тысяч мелких фигурок. Результат походил на плетеное чучело, сотворенное одним из диких племен, что жили неподалеку от Пупа. Эти племена собирались каждый год, чтобы отпраздновать еще один великий оборот, совершенный Природой, и их почтение к жизни выражалось в плетении огромной фигуры из прутьев с последующим ее сожжением.

На голову рисованного человека была надета корона.

Отодвинув рисунок в сторону, Ваймс продолжил изучение стола. Осторожно погладил ладонью поверхность: нет ли подозрительных заноз. Присел на корточки и изучил нижнюю поверхность стола.

За окном разгорался рассвет. Ваймс прошел в соседние комнаты и убедился, что тяжелые занавеси на окнах раздвинуты. Вернулся в комнату Витинари, задернул занавески, закрыл двери и внимательно обследовал стены на предмет лучиков света, свидетельствующих о незаметно просверленных дырах.

Что еще может быть? Отравленная щепка, торчащая из половицы? Духовая трубка, просунутая в замочную скважину?

Он снова отдернул занавески.

«Вчера Витинари было лучше. Теперь ему гораздо хуже. Кто-то добрался до него вечером. Как? Медленный яд – это слишком сложно. Нужно найти способ давать его жертве каждый день.

Нет, не нужно... Куда элегантнее было бы сделать так, чтобы жертва сама принимала яд каждый день».

Ваймс порылся в бумагах. Витинари определенно почувствовал себя лучше, он встал и пошел работать, но здесь же и свалился.

«Нет смысла смазывать ядом шип или гвоздь, потому что он не стал бы накаливаться постоянно...»

Наконец Ваймс нашел некую книгу, наполовину погребенную под бумагами, – она привлекла его внимание обилием закладок, которые чаще всего были кусочками разорванных писем.

«Чем он занимается каждый день?»

Ваймс открыл книгу. Она вся была исписана.

«Мышьяк надо вводить в тело. Простого касания недостаточно. Или?.. Есть ли такой мышьяк, который проникает сквозь кожу?»

Сюда никто не заходил. В этом Ваймс был практически уверен.

С едой и питьем вроде все в порядке, но надо все же послать Детрита на кухню – провести еще одну воспитательную беседу.

«А вдруг в комнате отравили сам воздух? Но каким образом? И как доставили сюда яд?»

Или что-то было отравлено загодя? Шельма уже заменил ковер и постельное белье. Что еще можно сделать? Содрать с потолка всю краску?

Шельма рассказывал, что один раз Витинари начал бредить и в своем бреду как-то очень ловко выразился. А, да. «Мы спрячем его там, где искать не будут вообще...»

Ваймс неожиданно осознал, что все это время смотрел в книгу. Ни одной знакомой буквы, ни одного знакомого символа. Какой-то шифр. Насколько Ваймс знал Витинари, вряд ли обычный человек был в состоянии расшифровать написанное тут.

«Можно ли отравить книгу? Но... что дальше? Здесь много книг. Надо знать, какую книгу он чаще всего открывает. Хорошо, допустим, в некую книгу воткнули отравленную иголку. Но человек один раз уколется, а после будет вести себя осторожнее...»

Собственная паранойя иногда беспокоила Ваймса. Он ко всему относился с подозрением. «Ну да, конечно, патриция отравила книга, вернее, то, что в ней написано. А эти обои довершили начатое, сведя его с ума. Да вы сами взгляните, этот кошмарный зеленый цвет кого угодно

доведе до безумия!»

– Дзынь-подзынь, дзынь-дзынь!

– О нет...

– Подъем, шесть утра!! Доброе утро!! Встречи на сегодня!! Введите Ваше Имя!! Десять утра...

– Заткнись! Слушай, все встречи, что записаны в моем дневнике на сегодня, совершенно точно не...

Ваймс замолк. Опустил органайзер.

Подошел к столу. Если пролистывать по странице в день...

«У Витинари очень хорошая память. Но все равно всем надо делать заметки. Всех мелочей не запомнишь. Среда, 15.00: насаждение террора; 15.15: чистка ямы со скорпионами...»

Он поднес органайзер ко рту.

– Запиши памятку, – велел он.

– Ура! Ты говори, говори, не стесняйся. Но не забудь в самом начале сказать кодовое слово «памятка»!

– Поговорить с... Черт... *Памятка*: как насчет дневника Витинари?

– И все?

– Да.

Кто-то культурно постучался. Ваймс осторожно открыл дверь.

– А, это ты, Задранец.

Ваймс моргнул. В гноме что-то было не так.

– Я смешаю кое-что из снадобий господина Пончика, сэр. – Шельма глянула на кровать. – Ой... он очень плохо выглядит, сэр. Принимал ли он?..

– Найди кого-нибудь, чтобы перенести его в другую комнату, – перебил Ваймс. – Вели слугам подготовить новое помещение.

– Есть, сэр.

– А когда все будет готово, перенесите его в третью комнату, выбранную наугад. И все поменяйте, ясно? Всю мебель, вазы, кувшины...

– Э... есть, сэр!

Ваймс никак не мог решиться задать вопрос, который очень волновал его последние двадцать секунд.

– Задранец...

– Да, сэр?

– У тебя... э... в твоих... на ушах?..

– Сережки, сэр, – нервно ответила Шельма. – Мне их дала констебль Ангва.

– Правда? Э... что ж, отлично... я и не подозревал, что гномы носят

украшения, вот и все.

– Мы славимся искусством изготовления колец, сэр.

– Да-да, разумеется.

«Кольца – да. Периодически гномы создают очередное кольцо Силы, и за это их очень не любят. Но... волшебные сережки? Впрочем, ладно... Кое-чего лучше не знать, спокойнее спать будешь».

Инстинктивный подход сержанта Детрита к вопросам инструктажа персонала был практически верен. Тролль выстроил всех дворцовых слуг в линейку и теперь, прогуливаясь вдоль строя, во всю глотку орал на них.

«Только посмотрите на старину Детрита, – думал Ваймс, спускаясь по ступенькам. – Несколько лет назад он был простым неотесанным троллем, а теперь один из лучших членов команды. Приходится, конечно, заставлять его повторять приказы, чтобы удостовериться, что он все понял правильно, но это пустяки. Его доспехи блестят даже лучше, чем у Моркоу, потому что ему никогда не надоедает их полировать. И он справляется с работой в Страже, как самый лучший в мире стражник, что фактически означает: сердито орать на людей, пока те не сдадутся. Единственное, чем его можно сбить с толку, это лишь какой-нибудь поистине дьявольской хитростью. Например, если ты будешь упорно все отрицать».

– Я знаю, что вы все сделали это! – вопил Детрит. – И если тот, кто это сделал, немедленно не сознается, всех вас, повторяю, всех до единого, и я не шучу, мы запрем в самой глубокой камере, а ключи бросим в самую глубокую пропасть! – Он указал пальцем на толстую посудомойку. – Вот ты! Это ты сделала, признавайся!

– Нет.

Детрит немножко подумал. А потом:

– Где ты была прошлой ночью? Признавайся!

– В постели, конечно!

– Ага, знакомая история. А ну, признавайся, ты каждую ночь там?

– Конечно.

– А свидетели у тебя имеются? Признавайся!

– Да как вы смеете!

– А, так у тебя нет свидетелей, стало быть, это сделала ты! Немедленно признавайся!

– Нет!

– Ну хорошо...

– Спокойно, спокойно. Спасибо, сержант. На пока все, – сказал Ваймс, ласково похлопывая тролля по плечу. – Все слуги здесь?

Детрит вперился глазами в строй:

– Ну? Вы все здесь?

По строю прошла легкая волна, а потом кто-то осторожно поднял руку.

– Милдред Ветерок со вчерашнего дня отсутствует, – сообщил владелец руки. – Это служанка, отвечающая за верхние этажи. Мальчик принес записку. Ей пришлось отлучиться по семейным делам.

Ваймс почувствовал, как у него по спине забегали мурашки.

– Кто-нибудь знает, по каким именно? – спросил он.

– Нет, сэр. Но все ее вещи здесь, сэр.

– Хорошо. Сержант, до того как уйти с дежурства, пошли кого-нибудь за этой девушкой. А потом иди и как следует отоспись. Так, все остальные могут возвращаться к своим делам. Э-э... господин Стукпостук?

Личный слуга и персональный секретарь патриция, с испугом взиравший на Детрита, перевел взгляд на Ваймса.

– Да, командор?

– Что это за книга? Дневник его сиятельства?

Стукпостук взял книгу.

– Очень похоже на то.

– А ключ к шифру вам известен?

– Я и не подозревал, что он зашифрован, командор.

– Что? Неужели вы никогда туда не заглядывали?

– Зачем, сэр? Это же не мой дневник.

– Вам известно, что ваш предшественник пытался убить патриция?

– Да, сэр. И должен сообщить, сэр, что ваши люди меня уже допросили. С пристрастием.

Стукпостук открыл книгу и удивленно поднял брови.

– А о чем именно вас спрашивали? – уточнил Ваймс.

Стукпостук задумался.

– Позвольте-ка вспомнить... «Это сделал ты, сознавайся, тебя все видели, все вокруг говорят, что это ты сделал, так что это ведь ты сделал, а ну, сознавайся». В общем, я думаю, это все. А потом, когда я ответил, что это был не я, ваш офицер, кажется, зашел в тупик.

Стукпостук облизнул палец и перевернул страницу.

Ваймс уставился на него широко раскрытыми глазами.

Звук пил оживлял утренний воздух. Капитан Моркоу постучал в ворота лесопилки, которые почти сразу же отворились.

– Доброе утро, сэр! – поздоровался Моркоу. – Насколько я знаю, тут работает голем.

– Работал, – поправил владелец лесопилки.

– О боги, еще один, – пробормотала Ангва.

Их было уже четверо. Голем в кузне сунул голову под молот, от голема-каменщика остались лишь ступни, торчащие из-под двухтонного блока известняка, голема, работающего в порту, последний раз видели плывущим по реке в сторону моря, а теперь вот и этот...

– Просто ужас, – пожаловался владелец, шлепнув голема по груди. – Альф все видел. Голем вел себя абсолютно нормально, пилил себе и пилил, а потом вдруг взял и отпилил себе голову. А мне заказ к полудню нужно выполнить. Спрашивается, кто теперь будет пилить?

Ангва подняла голову голема. На лице глиняного истукана застыло выражение глубокой сосредоточенности – впрочем, иного выражения на лицах големов и не увидишь.

– Да, между прочим, – вспомнил владелец. – Альф сказал мне, он как-то слышал в «Барабане», будто големы начали убивать людей...

– Расследование еще продолжается, – отрубил Моркоу. – А теперь, господин... э-э, Древ Глотт, не так ли? У твоего брата еще лавка на Цепной улице, торгующая осветительным маслом? А дочь твоя работает в службе Университета?

Владелец был поражен. Но Моркоу знал всех.

– Да...

– Голем отлучался куда-нибудь вчера?

– Ну да, нес что-то насчет святого дня. – Глотт нервно переводил взгляд с Моркоу на Ангву. – Им позволено уходить, иначе слова у них в головах...

– После чего он пришел и работал всю ночь?

– Да. А что же еще ему делать? А утром ко мне прибежал Альф и сказал, что голем вдруг отошел от пилы, постоял немного и...

– Вы вчера пилили сосновые бревна? – вмешалась Ангва.

– Да, пилили. Но вот что я хочу спросить: где мне теперь достать нового голема?!

– Что это такое? – спросила Ангва, вытаскивая из кучи мусора глиняную дощечку. – Это же его грифельная доска!

Она передала находку Моркоу.

– «Не убий, – медленно прочел Моркоу. – Глина от глины моей. Позор». Ты случаем не догадываешься, зачем он это написал?

– Шутить изволите? – осведомился Глотт. – Они вечно творят всякие глупости. – Он широко ухмыльнулся. – Слушайте, а может, у него чайник треснул? Уловили? Глина... чайник... треснул... потек?

– Очень смешно, – мрачно сказал Моркоу. – Я забираю это как вещественное доказательство. Доброго тебе утра.

А почему ты спросила о сосновых бревнах? – поинтересовался он у Ангвы, когда они вышли с лесопилки.

– В подвале был запах сосновой смолы.

– Сосновая смола – это просто сосновая смола.

– Нет. Я смолу от смолы легко отличу. Этот голем *был* там.

– Они все там были, – вздохнул Моркоу. – А теперь совершают самоубийства.

– Нельзя отнять жизнь у того, у кого ее нет, – напомнила Ангва.

– А это как тогда назвать? Разрушением собственности? Так или иначе, допросить их мы уже не можем.

Моркоу постучал по дощечке.

– Однако у нас имеются кое-какие ответы, – сказал он. – Осталось только узнать вопросы.

– Как это «ничего»?! – воскликнул Ваймс. – Яд должен быть в книге! Он облизывает пальцы, когда ее листает, и каждый день получает маленькую дозу мышьяка. Чертовски хитро придумано.

– Извините, сэр, – отступая на шаг, пробормотала Шельма. – Я не обнаружил ни следа мышьяка. Проверил всеми известными способами.

– Точно?

– Можно еще послать дневник в Незримый Университет. Там на факультете высокоэнергетической магии построили новый морфический резонатор, и с его помощью мы легко...

– Нет, – обрубил Ваймс. – Только волшебников мне не хватало. Черт! Полчаса назад я был абсолютно уверен, что нашел ответ...

Он устало опустил за свой стол. Гном как-то изменился (не считая сережек), но как именно, Ваймс понять не мог.

– Мы что-то упускаем, Задранец, – сказал он.

– Да, сэр.

– Давай еще раз проверим факты. Если ты хочешь кого-то медленно отравить, яд жертве нужно вводить постоянно маленькими дозами. По крайней мере раз в день. Мы проверили все, что делает патриций. Воздух в комнате чист. Ты и я провели там уйму времени. И это не еда, тут мы тоже можем быть уверены. Какое-нибудь насекомое? Можно ли начинить ядом осу? Мы должны...

– Звиняйте, сэр.

Ваймс повернулся.

– Детрит? Я думал, ты уже отдыхаешь.

– Я выбил из этих типов адрес той служанки, ну, Милдред Ветерок. Все как вы приказали, – стоически сказал Детрит. – Потом пошел туда, гляжу, а туда же все люди идут...

– Что ты имеешь в виду?

– Там все соседи собрались. Женщины плачут повсюду. Ну, в комнатах, в дверях. Так я сразу вспомнил про эту, как ее, депло... дупло...

– Про дипломатичность, – помог ему Ваймс.

– Во-во. Не кричать на людей и всякое такое... Ага, думаю, ситуация дулечатная. А тут в меня еще бросаться начали. Вещами всякими. Поэтому я и вернулся. Но адрес записал. Все, теперь я могу идти домой.

Детрит отдал честь, немного качнувшись от мощного удара ладонью по голове, и двинулся прочь.

– Спасибо, Детрит! – крикнул вслед Ваймс и опустил глаза на бумажку, испещренную кривыми буквами.

– Перв. этаж, Заводильная ул., двадцать семь, – прочел он. – Хорошие дела!

– Вы знаете этот адрес, сэр?

– Наверняка. Я родился на этой улице, – сказал Ваймс. – Сразу за Тенями. Ветерок... Ветерок... Да... Вот теперь я вспомнил. Неподалеку и вправду жила какая-то госпожа Ветерок. Худенькая женщина. Много шила. Большая семья. Впрочем, у всех нас были большие семьи: чем больше народу, тем теплее...

Он нахмурился. Не похоже, чтобы этот след куда-то вел. Служанки частенько ходят проведать матерей, чуть что случится – уже бегут. Что там по этому поводу говорила бабушка? «Сын остается сыном, покуда не женится, но дочь остается дочерью всю жизнь». Посылать туда стражников – только время понапрасну терять...

– Ну-ну... Заводильная улица, – пробормотал Ваймс и опять посмотрел на бумажку.

«Надо же, сколько лет прошло... Улица моей памяти. Мы наверняка идем по ложному следу. А лишних людей у меня нет, чтобы ими разбрасываться. Но я могу заглянуть туда сам. По пути. Сегодня, например».

– Э... Шельма?

– Да, сэр?

– У тебя на... губах. Красное. Э... У тебя на губах...

– Губная помада, сэр.

– А... Э... Губная помада? Ясно. Губная помада.

- Констебль Ангва дала ее мне, сэр.
- Как это мило с ее стороны, – сказал Ваймс.

Зал назывался Крысиным. Его так прозвали из-за оформления; кто-то из предыдущих обитателей дворца счел, что зал с фресками из танцующих крыс будет очень хорошо смотреться. На ковре тоже были вытканы узоры из крыс. На потолке водили хоровод танцующие крысы с переплетенными в центре хвостами. После получасового пребывания в этом зале большинство людей испытывали жгучее желание помыться.

И судя по всему, в Анк-Морпорке скоро должен был состояться банный день, поскольку зал быстро заполнялся.

По общему согласию кресло председателя заняла госпожа Розмари Лада, глава одной из основных Гильдий, Гильдии Белошвеек^[15].

– Тишина, пожалуйста! Господа!

Шум немного уменьшился.

– Доктор Низз? – сказала она.

Глава Гильдии Убийц кивнул.

– Друзья мои, я думаю, все мы знаем о сложившейся ситуации... – начал он.

– О том, что деньги уже проплачены и их надо отрабатывать? – выкрикнул голос из толпы.

По залу прокатилась легкая волна нервного смеха, но смешки быстро стихли. Глядя в лицо человеку, который точно знает, сколько стоит твоя жизнь, не больно-то посмеешься.

Доктор Низз улыбнулся.

– Уверяю вас, господа... и дамы... ни о каких контрактах касательно лорда Витинари мне не известно. Так или иначе, вряд ли член нашей Гильдии прибег бы в подобном случае к яду... Его сиятельство провел некоторое время в школе наемных убийц и знаком с основами личной безопасности. Я нисколько не сомневаюсь, что он выздоровеет.

– А если нет? – спросила госпожа Лада.

– Все мы рано или поздно умрем, – ответил доктор Низз спокойным голосом человека, которому из личного опыта известно, что это истинная правда. – Что ж, тогда нам придется избрать нового правителя.

В зале наступила тишина.

Над головами, казалось, висели огромные буквы, складывающиеся в одно-единственное слово: «Кого?»

– Дело в том... дело в том... – несколько сбивчиво заговорил Герхардт Крюк, глава Гильдии Мясников. – Всякое бывало... согласитесь... люди

разные... если вспомнить о прошлом...

Групповое сознание сразу кое-кого вспомнило. Того же лорда Капканса... По крайней мере, нынешний правитель города не был абсолютно сумасшедшим.

– И я соглашусь с выступающим, – кивнула госпожа Лада. – При Витинари улицы стали гораздо безопаснее...

– Вам лучше знать, мадам, – ухмыльнулся господин Крюк.

Госпожа Лада окатила его ледяным взглядом. Кто-то захихикал.

– Я хотела сказать, что за весьма умеренную плату Гильдия Воров всякому гарантирует полную безопасность, – пояснила она.

– О да. Теперь человек может спокойно войти в дом терпи...

– Договорного гостеприимства, – быстро поправила госпожа Лада.

– Да-да, разумеется. И может быть уверен, что не выйдет оттуда раздетым догола и избитым до синевы, – закончил Крюк.

– Разве что таковы его предпочтения, – добавила госпожа Лада. – Наша цель – удовлетворить клиента. Его желание и в самом деле для нас закон.

– Жизнь при Витинари стала заметно более спокойной, – подтвердил господин Горшок из Гильдии Пекарей.

– Думаю, уличные актеры и всяческие мимы, брошенные в яму со скорпионами, с вами не согласятся, – усмехнулся господин Боггис из Гильдии Воров.

– У всех нас есть свои маленькие причуды и капризы. Давайте не заострять на этом внимание.

– И правда. Если вспомнить прежних правителей города, то можно смело заявить, что Витинари надежен как скала.

– Капканс тоже выглядел надежным, – угрюмо вставил господин Крюк. – А потом назначил своего коня городским советником.

– Но согласитесь, его конь был не таким уж плохим советником. По сравнению с остальными.

– Насколько я помню, остальные советники были соответственно: вазой с цветами, мешком с песком и тремя бедолагами, которым предварительно отрубили головы.

– А бесконечные уличные войны? Всякие мелкие банды постоянно друг с другом воевали. Все силы уходило на разборки, а не на воровство, – сказал господин Боггис.

– Гм, согласен, сейчас дела идут более... стабильно.

Опять наступила тишина. «В том-то и дело», – думал каждый. Сейчас дела шли стабильно. Что бы ни говорили о Витинари, он подарил людям

уверенность в завтрашнем дне. Если вам перерезали горло в вашей же собственной постели, вы могли не сомневаться: это были не случайные негодяи-налетчики, а четко спланированное убийство и соответствующие инстанции в курсе.

– Зато с лордом Капкансом было веселее! – крикнул кто-то.

– Особенно веселились те, чьи головы летели с плахи.

– Проблема в том, – пожал плечами господин Боггис, – что эта работа сводит людей с ума. Выбираешь нормального, здорового человека, не хуже и не лучше нас, а через парочку месяцев глядишь – он уже разговаривает с травой и свежует людей заживо.

– Но Витинари не сумасшедший.

– Э-э, не скажите. Только абсолютно чокнутый может столь здраво мыслить и все предвидеть.

– Я самая обычная слабая женщина, – промолвила госпожа Лада. Многие из присутствующих при этих словах недоуменно подняли брови. – И вряд ли к моим словам прислушаются, однако, по-моему, выхода у нас нет. Либо нас ждет затяжная война за власть, либо мы сейчас тихо-мирно выбираем следующего патриция. Итак?

Главы городских Гильдий посмотрели друг на друга, одновременно стараясь не встречаться взглядами. Кто будет следующим патрицием? Раньше за власть дрались и каждый был сам за себя, но сейчас...

Получаешь власть, а в придачу получаешь кучу проблем. Времена изменились. Теперь приходится балансировать и сводить все конфликтующие интересы. Долгие годы ни один разумный человек не пытался убить Витинари, потому что жизнь с ним была лучше, чем без него.

Кроме того... Витинари приручил Анк-Морпорк. Приручил, как какого-нибудь пса. Взял средненькую дворнягу, удлинил ей зубы, усилил челюсти, нарастил мускулы, застегнул ошейник, откормил мясом и указал на горло всего мира: ату его!

Он собрал все уличные банды и соперничающие группировки и убедительно доказал им, что маленькая порция торта ежедневно куда лучше, чем один большой кусок, внутри которого, очень возможно, прячется острый нож. Лучше отрезать понемногу, но от торта бóльших размеров.

Анк-Морпорк, единственный из городов на равнинах, открыл ворота для гномов и троллей («Сплавы всегда крепче», – как выразился Витинари). И это сработало. Гномы и тролли производили товары. Часто они создавали проблемы, но еще чаще они создавали богатство. И вот вам результат: у

Анк-Морпорка до сих пор было множество врагов, но враги эти, чтобы финансировать свои армии, были вынуждены занимать деньги. У того же Анк-Морпорка, под грабительские проценты. Поэтому уже много лет не было ни одной крупной войны. Анк-Морпорк сделал войны нерентабельными.

Тысячи лет назад образовалась Морпоркская империя, которая заявила всему миру: «Не войной, не то я уничтожу тебя». И сейчас произошло то же самое, только слова, обращенные к миру, были несколько иные: «Если ты будешь воевать, мы отзовем заложников. И, между прочим, ты наставил на меня мою пику. И это я заплатил за щит, который ты держишь. И сними мой шлем, когда разговариваешь со мной, ты, маленький вонючий должник».

Но вот механизм, который работал так тихо, что люди, совсем забыв о его механистическом происхождении, начали считать, будто именно так устроен весь мир, – этот самый механизм вдруг забарахлил.

Главы Гильдий тщательно все обдумали и пришли к следующему выводу: чего они не хотят, так это власти. А хотят они только одного: чтобы завтра было похоже на сегодня.

– А как же гномы? – вдруг вспомнил господин Боггис. – О них ведь нельзя забывать. Даже если кто-нибудь из нас... конечно, я не говорю, что это будет один из нас, но кто-то ведь станет новым патрицием! А что, если это будет кто-нибудь типа Капканса? По всем улицам будут валяться отрубленные ноги!

– Вы предлагаете устроить что-то вроде... *общенародного голосования*? Соревнование, кто кого *популярнее*?

– О нет. Все... все так запутанно. Однако никаких голосований. Власть бьет людям в голову.

– И они потом начинают рубить головы всем подряд.

– Давайте не будем об отрубании голов, – решительно перебила госпожа Лада. – Кто там это сказал? Вам что, отрубали голову?

– Э-э...

– О, это были вы, господин Кривс. Я очень извиняюсь.

– Как президент Гильдии Законников, – промолвил господин Кривс, самый уважаемый зомби в Анк-Морпорке, – я голосую за стабильность. Могу я предложить уважаемому собранию один совет?

– Если только он не очень дорого будет стоить, – съязвил господин Крюк.

– Стабильность равнозначна монархии, – не обращая на него внимания, изрек господин Кривс.

– О, только не говорите нам о...

– Возьмем Клатч, – упрямо продолжал господин Кривс, – и династию серифов. Результат – политическая стабильность. Возьмем Псевдополис. Или Сто Лат. Даже Агатовую империю...

– Послушайте, – перебил его господин Низз, – всем известно, что короли...

– Монархи приходят и уходят, они свергают друг друга и так далее, и тому подобное, – кивнул господин Кривс. – Но *строй* сохраняется. Кроме того, я думаю, мы сможем подыскать... подходящую кандидатуру.

Собравшиеся, похоже, задумались над его словами. Вскинув руку, господин Кривс рассеянно пробежался пальцами по ниткам, которыми была пришта его голова. Много лет назад он наотрез отказался умирать, пока ему не заплатят как адвокату за защиту самого себя на суде.

– И что вы предлагаете? – наконец спросил господин Горшок.

– Напомню: в последнее время вопрос о восстановлении монархии в Анк-Морпорке уже поднимался, и не раз, – сказал господин Кривс.

– Ага. Всякими сумасшедшими, – поморщился господин Боггис. – Один из верных симптомов. Надень трусы на голову, поговори с деревьями, пусти слюни, начни доказывать всем, что Анк-Морпорку нужен король...

– Правильно. Но, предположим, некие *разумные* люди решили рассмотреть этот вопрос...

– Продолжайте, – кивнул господин Низз.

– Прецеденты уже были, – произнес господин Кривс. – Монархии, обнаружив, что нынешняя кандидатура их не устраивает... находили себе другого монарха. Человека с подходящим происхождением, но из другой королевской линии. Нужна лишь, так сказать, хорошая марионетка.

– Извините? Мне показалось или вы всерьез предлагаете нам *найти* короля?! – воскликнул господин Боггис. – Мы что, повесим объявление? «Имеется вакантный трон, претендентам приходиться с собственной короной»?

– Насколько я помню, – проигнорировал его господин Кривс, – во времена Первой империи Орлея обратилась к Анк-Морпорку с просьбой прислать одного из наших генералов на место тамошнего короля: королевская линия Орлеи вымерла из-за интенсивного кровосмешения, дело дошло до того, что их последний король попытался жениться сам на себе. И в исторических книгах подробно описано, как мы послали туда одного из наших преданнейших генералов, которого звали Тактикус. Кстати, первым же его актом после коронации было объявление войны Анк-Морпорку. Но я не о том. В общем и целом королей можно... менять.

– Вы что-то говорили о подходящей кандидатуре, – вспомнил господин Боггис. – То есть мы сами выберем человека и будем диктовать ему свою волю?

– Эта формулировка мне нравится, – улыбнулась госпожа Лада.

– Она не лишена приятности, – согласился господин Низз.

– Диктовать – нет, – покачал головой господин Кривс. – Мы будем... соглашаться. Вообще, у королей множество очень важных королевских дел...

– Махать рукой народу, – сказал господин Крюк.

– Держать голову высоко поднятой, – сказала госпожа Лада.

– Принимать послов иностранных государств, – сказал господин Горшок.

– Пожимать руки.

– Отрубать головы...

– Нет! Нет. Как раз *это* в его обязанности входить не будет. Малые государственные дела будут решаться...

– Его советниками? – предположил доктор Низз. Он откинулся на спинку стула. – Кажется, я все понял, господин Кривс, – кивнул он. – Но, как правило, если человек занял трон, то потом избавиться от этого человека очень трудно.

– Тут тоже имеются прецеденты, – пожал плечами господин Кривс.

Глава Гильдии Убийц сощурился.

– Я заинтригован, господин Кривс. Стоило лорду Витинари серьезно заболеть, вы тут как тут со своими очень интересными предложениями. Это похоже на... странное совпадение.

– Нет ничего загадочного, уверяю. Судьба играет нами самым неожиданным образом. Наверняка до многих из вас уже дошли слухи, что в нашем городе есть кое-кто, чье происхождение можно проследить до последней королевской семьи. И этот «кое-кто» работает в этом самом городе на сравнительно низкой должности. Фактически – простым стражником.

Последовали кивки, хотя не сказать, чтобы очень уж определенные. По сути дела, им было так же далеко до кивков, как невразумительному бурчанию до слова «да». Все Гильдии собирали информацию, но никто не хотел показывать, сколько именно – много или мало – ему известно. На всякий случай – вдруг он знает слишком мало или, что иногда даже хуже, слишком много.

– Да, однако нельзя забывать: близится триллениум, – с непроницаемым лицом игрока в покер промолвил Док Псевдополис из

Гильдии Азартных Игроков. – И через несколько лет наступит век Крысы. Подобные смены эпох всегда чреваты некоторыми волнениями. Людей лихорадит.

– И все же этот человек действительно существует, – возразил господин Кривс. – Кто ищет, тот всегда найдет, надо только знать, где искать.

– Ладно, ладно, – нетерпеливо махнул рукой господин Боггис. – Назовите же нам наконец имя этого капитана.

В карты он проигрывал очень приличные суммы.

– Капитана? – подняв брови, переспросил господин Кривс. – С прискорбием должен сообщить, что природные таланты не позволили ему подняться до этого звания. Он обычный капрал. Капрал С. В. Сн. Дж. Шноббс.

Наступила тишина.

Потом слышалось сдерживаемое бульканье, как если бы вода пыталась пробиться сквозь засорившуюся трубу.

Его издавала Королева Молли из Гильдии Попрошаек, которая до этого момента молчала, если не считать периодического цыканья теми самыми штуками, которые находились у нее во рту, кое-как там держались, а стало быть, с технической точки зрения могли называться зубами.

Но сейчас она смеялась. Смеялась так, что на всех ее бородавках тряслись волоски.

– Шнобби Шноббс? – воскликнула она. – Вы говорите о *Шнобби Шноббсе*?

– Он единственный известный потомок графа Анкского, а граф Анкский являлся кузеном, хотя и дальним, последнего короля, – пожал плечами господин Кривс.

– Кажется, я припоминаю, – сказал доктор Низз. – Маленький такой паренек, похожий на макаку, постоянно курит бычки. Весь прыщавый. И не стесняется давить свои угри прямо у всех на виду.

– Он самый! – хихикала Королева Молли. – Морда – как палец слепого плотника!

– Шноббс? Да он же полный идиот!

– У него вид как у мусорного бачка, – возмутился господин Боггис. – Я не понимаю, почему...

Но совершенно неожиданно он замолк. Созерцательная тишина повисла над столом.

– М-да, не понимаю, почему бы... нам не рассмотреть этот вопрос более тщательно? – после паузы добавил он.

Заседающие главы Гильдий устали сидеть за столом. Потом устремили взгляды в потолок. Все это время они прилежно избегали смотреть друг другу в глаза.

– Рано или поздно кровь себя проявит, – наконец изрек господин Нувриш.

– Кстати, всякий раз, видя его, я про себя восхищалась: «И откуда в нем столько величия?» – вставила госпожа Лада.

– А как он давит свой нос. Очень царственный вид, такие точные, грациозные движения пальцев.

Опять наступила тишина. Но это была тишина муравейника, внутри которого кипит трудовая, насыщенная жизнь.

– Я бы хотела напомнить вам, дамы и господа, что несчастный господин Витинари еще жив, – подала голос госпожа Лада.

– Конечно, конечно, – согласился господин Кривс. – И долгих ему лет. Я просто продемонстрировал вам один из возможных вариантов. Когда-нибудь – я надеюсь, не очень скоро – нам все равно придется подыскать... преемника патриция.

– В любом случае, – сказал господин Низз, – нет никаких сомнений, что Витинари лучше. Если он выживет – на что мы все, разумеется, очень надеемся, – мне кажется, мы должны потребовать, чтобы он отказался от своего поста во имя собственного здоровья. Спасибо за хорошую службу и все такое. Купим ему хороший домик где-нибудь за городом. Назначим пенсию. Обеспечим местом на официальных приемах. Наверняка после пережитого он будет только рад освободиться от официальных пут...

– А как насчет волшебников? – спросил господин Боггис.

– В гражданские вопросы они никогда не вмешиваются, – отмахнулся доктор Низз. – Кормите их четыре раза в день, приветствуйте поднятием шляпы – и они счастливы. В политике они ничего не смыслят.

Снова воцарившуюся тишину нарушила Королева Молли из Гильдии Попрошаек.

– А как насчет Ваймса?

Доктор Низз пожал плечами.

– Он слуга города.

– Я об этом и говорю.

– Но мы – представители города!

– Ха! У него на сей счет другое мнение. И вам известно, как Ваймс относится к королям. Последнему королю отрубил голову именно один из Ваймсов. Ему по наследству передались мысли, что точный удар топора способен решить все проблемы на свете.

– Слушайте, Молли, вы же знаете, Ваймс первым бросился бы рубить голову Витинари, если бы точно был уверен, что это ему сойдет с рук. Уверяю, никакой любви к патрицию он не питает.

– И все равно ему это очень не понравится. Я так считаю. Витинари держит Ваймса постоянно на взводе. Мы и предположить не можем, каковы будут последствия, если Ваймса спустят с поводка...

– Он – слуга народа! – отрезал доктор Низз.

Королева Молли скорчила ужасную рожу (что с ее природными данными было совсем не сложно) и откинулась на спинку стула.

– Так вот он каков, новый порядок вещей... – пробормотала она. – Группа самых обычных людей садится за стол, беседует, и неожиданно мир меняется? Овцы решили показать овчарке, почем фунт лиха...

– Сегодня вечером в доме у леди Силачии будет вечеринка, – сказал доктор Низз, игнорируя ее слова. – Я думаю, Шноббс окажется в числе приглашенных. Возможно, мы сумеем... познакомиться с ним поближе.

На самом деле Ваймсу, как командору Стражи, обязательно нужно было проверить, как идут дела в новой штаб-квартире на Тряпичной улице. А то, что Заводильная улица начиналась сразу за углом, так это было простым совпадением. Свой визит он нанесет... неофициально. Что гонять туда подчиненных, у них и так хлопот полон рот со всеми этими убийствами, делом Витинари и «антигрязевой» компанией Детрита...

Он свернул за угол и остановился.

Почти ничего не изменилось. Это шокировало. После... о, после стольких лет!.. улица не имела *права* не измениться.

Но бельевые веревки все так же были протянуты меж домами, склонившимися над мостовой. Все те же древние деревянные стены, с которых хлопьями облетает древняя краска. Жители Заводильной улицы были слишком бедны, чтобы покупать хорошую краску, и слишком горды, чтобы прибегнуть к побелке.

Разве что все стало чуточку меньше, чем он помнил. Это единственное, что изменилось.

Когда он заходил сюда последний раз? Этого Ваймс не помнил. Заводильная улица располагалась сразу за Тенями, и до недавнего времени Стража старалась сюда не соваться, предоставляя местным обитателям жить по своим неписанным законам.

В отличие от Теней на Заводильной улице было чисто – бросающейся в глаза, пустой чистотой, когда у людей не хватает денег даже на грязь. Обитатели Заводильной улицы были не просто бедняками – на самом деле

они даже *не подозревали*, насколько они бедны. Если бы их об этом кто спросил, они бы, скорее всего, ответили что-нибудь вроде: «Мы не из тех, кто вечно брюзжит», «Некоторые живут куда хуже» или «Как-то перебиваемся, зато никому ничего не должны, вот так вот».

Ваймс сразу вспомнил одну из любимых бабушкиных присказок: «Даже самый распоследний бедняк может позволить себе мыло». На Заводильной улице жили именно что самые распоследние бедняки. Но все как один покупали мыло. На столе несколько дней могло не появляться никакой еды, однако он должен был блестеть от чистоты. Такова была Заводильная улица, и самым частым блюдом на ней являлась человеческая гордость.

Как ужасен мир, подумал Ваймс. Констебль Посети однажды сказал: «Блаженны нищие духом». В таком случае на Заводильной улице жили сплошь святые.

Жили и никуда отсюда не уходили. Людей на этой улице удерживало некое неясное осознание, что есть *правила*. И они шли по жизни, полные тихой, непонятной боязни, что, видимо, эти самые правила они где-то как-то нарушили.

Есть пословица: у богатых и бедных свои законы. Так вот, это неправда. На тех, кто придумывает законы, закон не распространяется, как и на тех, кто вообще презрел всякие правила. Законы и правила существуют лишь для покорных глупцов, таких, как обитатели Заводильной улицы.

Стояла странная тишина. Некогда здесь носились толпы детишек, телеги, грохоча, направлялись в порт, но сегодня тут было очень тихо.

Посреди улицы Ваймс увидел начерченную мелом сетку для игры в «классики».

И при виде ее ощутил в ногах внезапную слабость. Эти меловые квадратики все еще здесь. Когда он в последний раз их видел? Тридцать пять лет назад? Сорок? Сетку, наверное, перерисовывали тысячи раз.

Он довольно хорошо играл в «классики», в их анк-морпоркскую разновидность. Пинали не гальку, а Вильяма Дургинса. Это была лишь одна из многих игр, во время которых надо было скакать, прыгать и пинать Вильяма Дургинса до тех пор, пока он не устраивал очередной припадок, не начинал пускать слюни и сильно биться головой о мостовую.

Ваймс мог попасть Вильямом точно в выбранный квадрат девять раз из десяти. На десятый раз Вильям, как правило, вцеплялся в его ногу зубами.

В те дни жизнь была крайне незатейливой: издевательства над

Вильямом перемежались поисками еды и наоборот. Никаких тебе вопросов, на которые нужно найти ответ, разве что как залечить на ноге очередную болячку.

Сэр Сэмюель оглянулся на пустую улицу и выкатил ногой камушек из канавы. Затем толкнул его в один из квадратов, подобрал свой камзол и поскакал по клеткам...

Что там надо кричать, когда скачешь? «Шишли-мышли, сопли вышли»? Нет? Или что-то типа «Вильям Дургинс – полный дуркинс»? Теперь он весь день будет это вспоминать.

В доме напротив открылась дверь. Ваймс замер с одной поджатой ногой. Из дома медленно и неуклюже вышли двое в черном.

Медленно и неуклюже – это потому, что они несли гроб.

Необходимая торжественность была несколько испорчена узкой дверью: надо было как-то развернуться, протиснуться между гробом и косяком, потом спуститься на пару ступенек и подождать, когда ту же операцию повторят еще двое людей в черном, несущие противоположный конец.

Ваймс вовремя опомнился, опустил поджатую ногу, затем снова опомнился и снял в знак уважения и скорби свой шлем.

Вынесли еще один гроб. Этот был значительно меньше. Его несли только двое, хотя, наверное, хватило бы и одного.

Пока остальные участники скорбной процессии выбирались из дома, Ваймс шарил по карману в поисках бумажки с записанным Детритом адресом. Честно признаться, вид процессии был несколько забавен, все равно как из маленькой кареты вдруг вывалила бы целая толпа. Местные домишки компенсировали малое количество комнат невероятно большим числом обитателей.

Наконец он нашел бумажку и развернул ее. Первый этаж, Заводильная улица, 27.

Именно здесь. Он как раз успел на похороны. На двойные похороны.

– Похоже, для големов наступили трудные времена, – произнесла Ангва, указывая на валяющуюся в сточной канаве глиняную руку. – Это уже третий разбитый на улице голем.

Впереди послышался звон бьющегося стекла, и из окна на улицу спикировал гном. Он треснулся железным шлемом о мостовую, выбив фонтан искр, однако тут же вскочил и уже через дверь бросился обратно в дом.

Через секунду он опять вылетел в окно, но был пойман Моркоу,

который и поставил его на ноги.

– Привет, господин Рудогрыз! Все ли в порядке? И что здесь происходит?

– Этот чертов Буравчик, капитан Моркоу! Его давно следовало бы арестовать!

– Почему? Что случилось?

– Он травит честной народ, вот почему!

Моркоу бросил взгляд на Ангву и переспросил Рудогрыза:

– Травит? Это очень серьезное обвинение.

– Неужели?! Да мы вместе с госпожой Рудогрыз целную ночь не спали! Я и не подозревал ничего, пока не пришел сюда сегодня утром и вижу: толпа собралась, все жалуются...

Он попытался вырваться из рук Моркоу.

– И знаете что? – закричал он. – Знаете *что*? Мы заглянули в его ледник, и знаете что? Вы знаете *что*? Знаете, что он продавал нам под видом мяса?

– Понятия не имею, – признался Моркоу.

– Свинину и говядину!

– О боги.

– И баранину!

– Ц-ц-ц.

– Никакой вам крысятины!

Моркоу покачал головой, скорбя о двуличности торговцев.

– А Снори Золтссондядьссон поклялся, что вчера вечером он ел Крысиный Сюрприз и там ему попались *куриные* косточки!

Моркоу отпустил гнома.

– Стой здесь, – велел он Ангве и, пригнувшись, шагнул в «Шахтную Кулинарию Буравчика».

В него тут же полетел топор. Моркоу рассеянным движением поймал его и небрежно отбросил в сторону.

– Ой!

Рядом с прилавком барахталась гномья куча-мала. Поскольку это были гномы, насущная тема ссоры давно уже была забыта и начались разборки по куда более важным вопросам, а в частности: чей дед у чьего деда триста лет назад стащил кирку и чей топор на чью голову сейчас замахивается.

Но с появлением Моркоу ситуация изменилась. Борьба в общем почти прекратилась. Драчуны попытались сделать вид, будто обнимают друг друга. Послышались дружные недоуменные возгласы:

– Топор? Какой топор? А, *этот* топор? Я его просто показывал своему

давнишнему приятелю Бьёрну, а старик Бьёрн решил показать мне свой.

– Ладно, ладно, я понял, – громко сказал Моркоу. – А как насчет того, что тут якобы травят честной народ? Сначала выслушаем господина Буравчика.

– Бесстыжая ложь! – закричал Буравчик откуда-то из глубин кучималы. – У меня отличная кулинария! А столы такие чистые, что можно есть прямо с них!

Моркоу поднял руку, прерывая этот поток оправданий.

– Кое-кто намекнул мне, что причиной спора были крысы, – ответил он.

– Клянусь предками, я использую только лучших крыс! – заорал Буравчик. – Отличных упитанных крыс из самых чистых подвалов! Никаких вам помоек! Такого зверя очень тяжело достать, уж поверь мне!

– А когда ты их достать не можешь? – уточнил Моркоу.

Буравчик замолчал. Врать Моркоу было очень трудно.

– Ну да... – наконец промямлил он. – Когда их не хватает, я добавляю немного курятины, может, чуть говядины...

– Ха! Чуть? – тут же завопили со всех сторон.

– Да вы проверьте его ледник, господин Моркоу!

– Он берет бифштекс, вырезает ему ножки, а потом заливает крысиным соусом!

– Вот она, гномья благодарность! Стараешься как можешь, чтобы сделать цены подешевле, и что получаешь вместо спасибо?! – горячо воскликнул Буравчик. – А сам едва концы с концами сводишь...

– Так мы тебе их сейчас сведем! Так сведем, вовек не распутаеть!

Моркоу вздохнул. В Анк-Морпорке не было законов, касающихся санитарных норм. С тем же успехом можно было пытаться установить детекторы дыма в преисподней.

– Ладно, ладно! – крикнул он. – Но от говяжьего бифштекса еще никто не умирал. Да, я точно знаю. Нет. Нет, и заткнитесь вы все. И мне все равно, что вам говорили ваши мамы. Итак, Буравчик, я хочу услышать продолжение истории. Кто и чем отравился?

Буравчику в конце концов удалось подняться на ноги.

– Вчера вечером мы приготовили Крысиный Сюрприз на ежегодный ужин Сыновей Кровавого Топора, – начал рассказывать он. Вокруг зарычали. – И это были крысы, – повысил он голос, пытаясь перекрыть жалобы. – Кто ж еще?! *Слушайте*, вы ж сами знаете, из теста должен торчать крысиный носик! Лучшие и жирные крысы пошли на это... Да позвольте же мне сказать!

– И вы все после этого заболели? – осведомился Моркоу, доставая блокнот.

– Потели всю ночь!

– Чуть глаза не лопнули!

– Клянусь, я выучил каждую трещинку на двери туалета!

– Я запишу это как утвердительный ответ, – перебил Моркоу. – Так, а что еще было в праздничном меню?

– «Мыша-о-поля» в крысином соусе, – тут же ответил Буравчик. – Все приготовлено согласно правилам гигиены.

– Что именно ты подразумеваешь под правилами гигиены? – уточнил Моркоу.

– После приготовления пищи повар обязательно должен вымыть руки.

Все гномы закивали. Конечно, это отвечает абсолютно всем правилам гигиены. Крысы ведь разносят всякую заразу, известнейший факт.

– Вы же ели здесь *годами!* – воскликнул Буравчик, чувствуя, что инициатива переходит на его сторону. – В первый раз возникает какая-то проблема! Мои крысы известны по всему Анк-Морпорку!

– Твои цыплята прославятся не меньше, – успокоил его Моркоу.

Вокруг засмеялись. Даже Буравчик присоединился.

– Ну хорошо, хорошо, я у всех прошу прощения. Но, может, дело вовсе и не в цыплятах. Может, крысы попались неудачные, хотя всем известно: я покупаю их у Двинутого Крошки Артура. А ему можно доверять, что бы там о нем ни говорили. У него самые лучшие крысы. Все это знают.

– Речь идет о Двинутом Крошке Артуре с Тусклой улицы? – спросил Моркоу.

– Да. До сих пор нареканий на него не было.

– А крысы еще остались? Из последней партии?

– Ну, пара штук, наверное, да. – Выражение лица Буравчика вдруг изменилось. – А может... может, он их травит? Никогда не доверял этой мелкой сволочуге!

– Я проведу расследование, – пообещал Моркоу, пряча блокнот. – Но мне нужно взять пробные образцы. С собой.

Он заглянул в меню, пошарил по карманам и вопросительно посмотрел через дверь на Ангву.

– Совершенно не обязательно их *покупать*, – слабым голосом сказала она. – Это *улики*.

– Нельзя обманывать невинного торговца, который, вполне возможно, стал жертвой неудачных обстоятельств, – возразил Моркоу.

– Тебе с кетчупом? – спросил Буравчик. – К крысам полагается

бесплатный кетчуп.

Катафалк медленно катился по улицам. Выглядел он довольно дорого. В этом была вся Заводильная улица. Люди откладывали деньги. Ваймс прекрасно это помнил. На Заводильной улице всегда откладывали деньги на черный день, пусть даже чернее уже и быть не могло. Люди готовы были скорее умереть от голода, чем устроить себе дешевые похороны.

Полдюжины плакальщиц в черном медленно шли за катафалком, за ними следовали примерно человек двадцать скорбящих, изо всех сил старавшиеся выглядеть респектабельно.

Ваймс шел позади процессии до самого кладбища, которое находилось за Храмом Мелких Богов, и, пока священнослужитель что-то мямлил, неуклюже прятался за надгробными камнями и мрачными кладбищенскими деревьями.

«Боги создали обитателей Заводильной улицы бедными, честными и бережливыми, – подумал Ваймс. – Однако все жители Заводильной улицы очень религиозны. С тем же самым успехом они могли бы повесить себе на спины таблички с надписью «Пни меня». Хотя в их поступках есть определенная логика: деньги – на черный день, жизнь – на черную вечность».

Наконец толпа рядом с могилами начала расходиться. Скорбящие потянулись потихоньку к выходу – с отсутствующими взглядами людей, чье ближайшее будущее сводится к традиционным послекладбищенским бутербродам и чаю.

Ваймс выделил в основной группе заплаканную девушку и осторожно приблизился к ней.

– Э-э... ты, случаем, не Милдред Ветерок будешь? – спросил он.

Она кивнула.

– А вы кто? – Она обратила внимание на его камзол и добавила: – Сэр?

– Это была та самая госпожа Ветерок, которая занималась шитьем? – поинтересовался Ваймс, тактично отводя ее в сторону.

– Да...

– А... маленький гроб?

– Это был наш малыш Вильям...

Похоже, девушка была готова снова разрыдаться.

– Можно с тобой поговорить? – осведомился Ваймс. – Я хотел бы прояснить несколько очень важных вещей.

Он ненавидел себя за это. Достойный человек выразил бы сочувствие и тихонько ушел. Но пока он стоял среди холодных надгробий, его вдруг

охватило ужасное, дурацкое предчувствие, что именно сейчас можно узнать все нужные ответы, если суметь задать правильные вопросы.

Милдред оглянулась на остальных скорбящих. Они уже дошли до ворот и стояли там, с любопытством рассматривая ее и неизвестного богатея.

– Э-э... я понимаю, это не самое подходящее время для подобных вопросов, – смущенно проговорил Ваймс. – Но когда дети играют в «классики» на улице, какая у них считалка? «Шишли-мышли, сопли вышли»?

Она с изумлением уставилась на его застывшую улыбку.

– Под эту прыгают через скакалку, – холодно ответила Милдред. – А в «классиках» кричат: «Билли Скункинс – мелкий вонючкинс». Но кто вы такой?

– Меня зовут Ваймс, и я командор Городской Стражи, – представился Ваймс.

«Значит... Вилли Дургинс жив, он был, есть и пребудет в памяти людской... А Старину Камнелица постарались как можно быстрее забыть...»

Девушка заплакала.

– Не волнуйся, не волнуйся, – как можно более успокаивающе забормотал Ваймс. – Просто я тоже вырос на Заводильной улице, вот я и... ну, то есть я... я здесь вовсе не затем, чтобы... послушай, я *знаю*, что ты потихоньку носила домой еду из дворца. В этом нет ничего плохого. И я здесь не для того, чтобы... О черт, возьми, пожалуйста, мой платок, твой уже весь мокрый.

– Все так поступают!

– Да-да, я знаю.

– Кроме того, никто из поваров ничего не говорил...

Она опять начала всхлипывать.

– Да-да.

– Все берут понемножку, – продолжала Милдред Ветерок. – Это ведь не воровство.

«А что же еще? – мелькнула предательская мысль. – Но меня это не касается».

Так, а теперь... хватаемся за медный шест и лезем на самую высоту, туда, где бушует гроза и бьют молнии.

– Э-э... в последний раз какую еду ты... принесла домой? – уточнил он. – Что это было?

– Немного сладкого желе и... ну, как это... что-то типа джема,

сделанного из мяса...

– Паштет?

– Да. Я хотела побаловать...

Ваймс кивнул. Мягкая калорийная еда. Как раз для слабенького здоровьем ребенка и беззубой бабушки.

Итак, он уже стоит на крыше, над головой нависают черные и грозные тучи, теперь можно попробовать взяться за громоотвод. Время задать...

Как оказалось, неправильный вопрос.

– Прости, – спросил он, – но от чего именно умерла госпожа Ветерок?

– Скажем так, – промолвила Шельма. – Если бы крысы отравились свинцом, а не мышьяком, их носами можно было бы рисовать.

Она опустила мензурку.

– Ты уверен? – спросил Моркоу.

– Абсолютно.

– Двинутый Крошка Артур не стал бы травить крыс. Тем более крыс, которые идут в пищу.

– Я слышала, он не очень-то жалуется гномов, – сказала Ангва.

– Да, но бизнес есть бизнес. Гномов никто не жалуется – из тех, кто ведет с ними дела. Однако Двинутый Крошка Артур снабжает все гномьи кафе и кулинарии в городе.

– А может, крысы наелись мышьяка до того, как он их поймал? – предположила Ангва. – Ведь мышьяк – это все же крысиный яд...

– Некоторые действительно травят крыс мышьяком, – поморщившись, признал Моркоу.

– Но не может же быть, чтобы *патриций* питал тайную страсть к крысам! – покачала головой Ангва.

– Витинари использует крыс как осведомителей, поэтому вряд ли он ест их на обед, – возразил Моркоу. – Хотя было бы неплохо разузнать, где Двинутый Крошка Артур их достает...

– Командор Ваймс сказал, что над делом Витинари работает он, – напомнила Ангва.

– Однако мы только что выяснили весьма важную вещь: крысы, которых подавали в кулинарии Буравчика, тоже где-то наелись мышьяка, – с абсолютно невинным лицом откликнулся Моркоу. – Так что пусть сержант Колон разузнает, что там к чему.

– Но... Двинутый Крошка Артур? – нахмурилась Ангва. – Он же... того самого, абсолютно чокнутый.

– Фред может взять в помощь Шнобби. Да, так и сделаем. Гм...

Шельма?

- Да, капитан?
- Ты почему-то все время отворачиваешься... О, тебя кто-то избил?
- Никак нет, сэр!
- У тебя синяки под глазами, и губы...
- Сэр, со мной все в порядке! – отчаявшимся голосом произнесла

Шельма.

– О, ну хорошо, если так... Тогда я... э-э... пожалуй, поищу сержанта Колона.

И Моркоу, виновато склонив голову, ретировался.

Ангва и Шельма остались вдвоем. «Ну вот, все девочки в сборе, – подумала Ангва. – Наверное, из нас двоих вполне получилась бы одна нормальная девушка».

– По-моему, тушь – это несколько лишнее, – осторожно промолвила Ангва. – Помада – да, неплохо, но тушь... Во всяком случае, мне так кажется.

- Наверное, мне надо еще попрактиковаться.
- Ты уверена, что хочешь оставить бороду?
- Ты говоришь про... *бритье*? – Шельма даже слегка отпрянула.
- Хорошо, хорошо. А как насчет железного шлема?
- Он принадлежал еще моей бабушке! Настоящая гномья работа!!
- Ладно, ладно. Не возражаю. Но начало положено.
- Э... а что ты думаешь... вот об этом? – спросила Шельма и протянула ей бумажку.

Ангва пробежалась глазами по строчкам. Это был список имен, большинство из которых были зачеркнуты:

Шельма Задранец
Шельма
Велма
Шемма
Люсинда Задранец
Шелла
Шелли

- Э-э... ну как? – взволнованно осведомилась Шельма.
- «Люсинда»? – подняв бровь, спросила Ангва.
- Мне всегда нравилось это имя.
- «Шелли» – звучит неплохо. И очень похоже на твое настоящее имя.

При нашей всеобщей безграмотности никто и не заметит, что ты что-то там поменяла.

Шельма глубоко вздохнула, как будто с плеч ее упал некий тяжелый груз. Когда решаешь крикнуть миру о том, кто ты есть на самом деле, испытываешь невероятное облегчение, узнав, что кричать можно и шепотом.

«Шелли... – подумала Ангва. – О чем говорит это имя? Приходит ли на ум железный шлем, железные башмаки, маленькое испуганное лицо и длинная борода?

Теперь приходит».

Где-то под Анк-Морпорком крыса шла по своим крысиным делам, беспечно прыгая через полуразрушенный сырой подвал. Она направлялась к магазину, который располагался поблизости, за углом, и торговал зерном, но, обогнув угол, она неожиданно столкнулась нос к носу с другой крысой.

Вторая крыса выглядела весьма необычно: она стояла на задних лапах, на ней был надет черный плащ, и в лапках своих она сжимала косу. Мордочка незнакомки, торчащая из-под накинутого на голову капюшона, была странного костяного цвета.

– ПИСК? – спросила она.

Затем образ вдруг растаял, и крыса обернулась несколько иной фигуркой, но почти тех же размеров. И кроме размеров, в фигурке этой не было ничего крысиного. Она выглядела вполне по-человечески... ну, по крайней мере человекоподобно. Маленький человечек был одет в штаны из крысиной кожи, но рубахи не было – голую грудь крест-накрест охватывали лишь две ленты с множеством кармашков. Во рту человечка торчала тоненькая сигара.

А потом незнакомец поднял свой крошечный арбалет и выстрелил.

Душа крысы (все создания, расположенные по эволюционной лестнице столь близко к человеку, также обладают душой) мрачно воззрилась на то, как человечек взял ее бывшее вместилище за хвост и потянул за собой. После чего перевела взгляд на Смерть Крыс.

– Писк? – осведомилась она.

– ПИСК, – кивнул Мрачный Грызун.

Через минуту-другую Двинутый Крошка Артур, таща за собой крысу, выбрался на дневной свет. Вдоль стены уже лежали пятьдесят семь крысиных трупиков, однако, несмотря на свое имя, Двинутый Крошка Артур был не настолько безумным, чтобы убивать молодняк и беременных самок. Не забывай о завтрашнем дне – и твои услуги всегда будут

востребованы.

Над норой была прибита его табличка. Двинутый Крошка Артур решил немножко потратиться на рекламу, зная, что он единственный, кто на равных может бороться с грызунами и насекомыми.

ДВИНУТЫЙ КРОШКА АРТУР

Они – вас, но мы – их

Крысы ***БЕЗ ПЛАТНО***

Мыши: 1 п. за 10 хвостов

Кроты: ½ п. за штк.

Осы: 50 п. за гнсд. Шершни: + 20 п.

Тараканы и т. п. – цена даговорная

Низкие цены ▪ **ВЫСОКИЙ ПРАФЕСИАНАЛИЗМ**

Артур достал самую маленькую в мире записную книжку и обломок грифеля. Так, посмотрим... пятьдесят восемь шкурок по пенни за пару плюс премия от города – пенни за десяток плюс тушки Буравчику по два пенни за тройку, вот жадная гномья рожа...

Над Артуром промелькнула тень, и вдруг на него кто-то наступил.

– Хо-хо-хо, – прогремоухал владелец башмака. – Все еще ловим крыс без лицензии? Клянусь, Сид, это самые легкие десять монет, что мы когда-либо зарабатывали. Сейчас мы...

Но тут его подняло на несколько дюймов, раскрутило и сильно швырнуло об стенку. Приятель улетевшего громилы увидел, как по мостовой, направляясь в сторону его башмака, вжикнула струйка пыли, но среагировал он слишком поздно:

– Он забрался мне под штанину! Он лезет к... *аргх!*

Послышался треск.

– Мое колено! О, мое колено! Он сломал мне колено!

Громила, отклеившись от стены, упал на землю и попытался было подняться на ноги, но что-то стремительно прошмыгнуло по его груди и приземлилось прямо на переносице.

– Эй, браток? – окликнул Двинутый Крошка Артур. – Твоя маман шьет? Да? Так попроси ее зашить вот это!

Обеими руками он ухватился за его веки и, склонив голову, рванулся вперед. Когда черепа столкнулись, раздался еще один громкий треск.

Поняв, что дело приняло дурной оборот, Сломанное Колено было пополз прочь, однако Двинутый Крошка Артур, оставив предыдущую жертву валяться без чувств, набросился на него с пинками. Пинки шестидюймового человечка вряд ли могут быть особо болезненными, но, похоже, Двинутый Крошка Артур весил значительно больше, чем полагалось при его росте. Пинки маленьких ножек напоминали удары железных шариков, выпущенных из рогатки. Как будто тебя пинал самый обычный человек, но вся боль концентрировалась на очень маленькой площади.

– И можете передать этим придуркам из Гильдии Крысоловов, что я работаю на кого хочу и цены у меня какие хочу, – приговаривал человечек между пинками. – Только и умеете, засранцы, что малый бизнес притеснять...

Второй посыльный Гильдии, очухавшись, заковылял прочь по переулку. Артур отвесил Сиду последний пинок и столкнул его в сточную канаву.

После чего Двинутый Крошка Артур, качая головой, вернулся к своим делам. За работу он брал сущие гроши, а крыс продавал за половину от официальной цены, отчаянно демпингуя. Однако он все богател и богател, поскольку наотрез отказывался принимать насаждаемую Гильдией идею финансового равенства и взаимовыручки.

На самом деле, если подумать, цены Двиногого Крошки Артура были очень и очень высоки – в силу специфичности самого Артура. С высоты его роста каждая монета выглядела куда значительнее, чем с точки зрения обычного человека. Анк-Морпорку еще предстояло осознать одну простую истину: чем ты меньше, тем больше стоят деньги, которые ты зарабатываешь.

На доллар человек может купить буханку хлеба и съесть ее за один присест. За те же деньги Двинутый Крошка Артур мог купить тот же хлеб, но ему одной буханки хватало на неделю, причем мякиш можно было съесть, а пустую внутри корку превратить в спальню.

К этому прибавьте проблемы с выпивкой. Не многие трактиры продают пиво в наперстках, не говоря уж о лилипутских кружках. Вознамерившись посетить какое-либо питейное заведение, Двинутый Крошка Артур предварительно надевал купальный костюм.

Но работа ему нравилась. Никто не умел так эффективно бороться с крысами, как Двинутый Крошка Артур. Даже самые умные старые крысы, умеющие обойти любую ловушку, распознающие любой яд, пасовали перед лицом Двиногого Крошки Артура. А именно лицом он и атаковал.

Последнее, что крысы чувствовали, это маленькие ручки, хватающие их за уши, и последнее, что видели, это лоб Артура, приближающийся с невероятной скоростью.

Рассерженно бормоча под нос, Двинутый Крошка Артур снова взялся за расчеты. Но это продолжалось недолго.

Резко повернувшись, он воинственно наклонил голову.

– Это всего лишь мы, Двинутый Крошка Артур, – быстро отступая на шаг, сказал сержант Колон.

– Для тебя *господин* Двинутый Крошка Артур, чертов легавый! – рявкнул Двинутый Крошка Артур, но немного расслабился.

– Я сержант Колон, а это капрал Шноббс, – представился Колон.

– Да ты ведь должен нас помнить, – слегка заискивающе произнес Шнобби. – Мы те самые стражники, которые помогли тебе на прошлой неделе, когда ты дрался с тремя гномами сразу.

– Ага, оттащили меня от них, как же, помню, – буркнул Двинутый Крошка Артур. – Я их только завалил...

– Мы хотим поговорить с тобой о крысах, – перебил его Колон.

– Сейчас заказы временно не принимаются, – огрызнулся Двинутый Крошка Артур.

– О тех крысах, что ты несколько дней назад продал «Шахтной Кулинарии Буравчика».

– Вам-то что до этого?

– Возникло мнение, что те крысы были отравлены, – пискнул Шнобби, на всякий случай прячась за спину Колона.

– Кто?! Я крыс травлю?!

Колон вдруг осознал, что испуганно пятится от шестидюймового человечка.

– Да, но... видишь ли... ну, того самого... ты немного вспылчив... потом драки были, и это... гномов ты недолюбилаешь... кое-кто может подумать... ну, того самого... как будто ты решил отомстить.

Он отступил еще на шаг и чуть не перекувырнулся через Шнобби.

– Отомстить? Почему я должен им мстить, а, браток? Это ж не они меня отпинали! – продолжая наступать, осведомился Двинутый Крошка Артур.

– Правильно. Все правильно, – успокаивающе вскинул руки Колон. – Но не мог бы ты сказать нам, так, на всякий случай... где ты добыл этих крыс?..

– Например, не во дворце ли патриция, – закончил Шнобби.

– Во дворце? Никто не ловит крыс во дворце. Это запрещено. Нет, я

помню тех крыс. Они были шибко жирными, я хотел по пенни за каждую, но он срезал до четырех за три пенни. Старый скряга, вот кто он такой.

– Откуда ты их тогда взял?

Двинутый Крошка Артур пожал плечами.

– Под скотобойнями. Я там работаю по вторникам. Под тем районом полно подвалов, они во все стороны тянутся, крысы могли откуда угодно прийти...

– А эти крысы, они могли где-нибудь нажраться яду? Ну, до того, как ты их поймал? – спросил Колон.

Двинутый Крошка Артур ощетинился.

– В тех подвалах никто яд не разбрасывает, понятно? У меня на всех бойнях контракты. Чтобы я работал с крысоморами? Денег за ловлю крыс я не беру, понятно? Гильдия *ненавидит* меня за это. Но я сам выбираю себе клиентов. – Двинутый Крошка Артур злобно улыбнулся. – Я прикидываю, где крысы кормятся, провожу зачистку и поставляю трупки этим украшениям для лужайки. Но если я узнаю, что кто-то в моем районе пользуется ядом, он у меня мигом отправится на поклон в Гильдию, а там такие расценки – закачаешься.

– Вижу, ты скоро будешь большой шишкой в пищевой промышленности, – сказал Колон.

Двинутый Крошка Артур немного склонил голову к плечу.

– Остроумный, да? А знаешь, что случилось с тем типом, который недавно вот так же пошутил? – осведомился он.

– Э... нет!.. – осторожно откликнулся Колон.

– Во-во, и никто не знает, – буркнул Двинутый Крошка Артур. – Это потому, что с тех пор его больше никто не видел. Вы все разнюхали? Мне уже домой пора, а еще с осиным гнездом работать.

– Стало быть, ты их отловил на бойнях? – еще раз уточнил Колон.

– Именно. Хорошее местечко. Там кожу дубят, жир вываривают, мясники сосиски делают... Отличная кормушка для крыс.

– Ага, – кивнул Колон. – Оно и верно. Ну, извини, что отняли у тебя время...

– А как ты борешься с осами? – заинтригованно спросил Шнобби. – Выкуриваешь?

– Ты че, это ж неспортивно, – заявил Двинутый Крошка Артур. – Бью на лету. Но если день занятой, очень помогают шашки из черного порошка № 1, что продают алхимики.

Он показал на ленты с кармашками у себя на груди.

– То есть ты их взрываешь? – удивился Шнобби. – По-моему, тоже не

слишком спортивно.

– Да? А ты когда-нибудь пробовал установить в гнезде и запалить с полдюжины шашек, а потом пробиться к выходу до того, как все к чертям рванет?

– Это все равно что пытаться найти иголку в стогу сена, сержант, – сказал Шнобби, когда они двинулись обратно. – Какие-то крысы где-то нажрались яду, а он их поймал. Закон не запрещает травить крыс. Кого мы теперь будем искать?

Колон почесал подбородок.

– Нет, Шнобби, я понимаю, куда ты клонишь, но так все-таки нельзя, – ответил он. – Ну, то есть все чем-то заняты, куда-то бегают, что-то расследуют. Мы одни как два дурака. Тебе, наверное, хочется вернуться в штаб-квартиру и доложить, что мы поговорили с Двинутым Крошкой Артуром, а он сказал, что это был не он, и все, концы в воду? Но мы же люди, правильно? Ну, по крайней мере, я – человек, да и ты, думаю, тоже, а нас обоих конкретно отодвигают на задний план. Сам посмотри, Шнобби, это уже больше не наша Стража. Тролли, гномы, горгульи... Я ничего не имею против них, ты меня знаешь, но скоро меня ждет маленький загородный домик с цыплятами на крыльце и всем прочим. А мне хотелось бы уйти на пенсию с гордо поднятой головой. Сделать напоследок что-то, чем можно было бы гордиться.

– Хорошо, хорошо, и что ты предлагаешь? Обойти весь район и опросить всех и каждого, не держит ли кто мышьяк?

– Именно, – поднял палец Колон. – Нужно ходить и говорить с народом. Вспомни, что нам все время талдычит Ваймс.

– Да здесь же сотни домов! И неужели ты думаешь, кто-то признается?

– А мы спросим по всей строгости закона. Времена меняются, Шнобби. Нынешняя Стража совсем другая. Она занимается *расследованиями*. Теперь от нас требуют результатов. Понимаешь, Стража все растет. Я ни капельки не возражал, когда старину Детрита произвели в сержанты, он неплохой тролль, если узнать его поближе, но ты и глазом не успеешь моргнуть, как нами будет командовать какой-нибудь гном. Мне-то все равно, я-то уже буду у себя на ферме...

– Прибивать цыплят к крыльцу, – язвительно вставил Шнобби.

– ...Но ты должен подумать о своем будущем. Если Стража и дальше будет расти такими же темпами, скоро понадобится еще один капитан. Посмотрим, как ты запоешь, если на эту должность пролезет какой-нибудь Рукисила или Сланец. Запомни: сейчас зевать нельзя.

– А ты сам никогда не хотел стать капитаном, Фред?

– Я? Офицеришкой? У меня есть гордость, Шнобби. Я ничего не имею против офицерики, но быть на них похожим не хочу. Мое место среди обычных людей.

– Везет тебе... – угрюмо произнес Шнобби. – Смотри, что я сегодня утром нашел у себя в почтовом ящике.

И он протянул сержанту карточку с золотым обрезом.

– «Леди Силачия имеет честь Присутствовать в Дому сегодня с пяти и просит лорда де Шноббса не отказать в удовольствии составить одной леди компанию», – прочел Колон. – Ого!

– Слышал я об этих богатых старушенциях, – удрученно промолвил Шнобби. – Наверняка она меня того, на посмеяние хочет выставить, а, как думаешь?

– Не, не похоже, – покачал головой сержант, серьезно посмотрев на товарища. – Мне дядя понарасказывал в свое время. Это тебя так выпить зовут. Ну, собираются всякие шишки и давай там шишковаться. А на самом деле все как у обычных людей. Выпиваешь, травишь анекдоты, болтаешь о литературах, ивскуствах всяких...

– А выходной костюм? У меня ж его нет... – грустно признался Шнобби.

– Так вот ты чего переживаешь?! – махнул рукой Колон. – Не бойсь, доспехи прекрасненько подойдут. Фактически они лишь добавляют тебе лоску.

Разумеется, чтобы что-то к чему-то добавить, нужно изначально что-то иметь, но сержант не стал акцентировать внимание на этом факте.

– Правда? – немного воодушевившись, спросил Шнобби. – Знаешь, а это ведь уже не первая такая открытка, – признался он. – Мне еще пригласительные приходили, и выглядели все так, будто их кто-то долго жевал золотыми зубами. На ужины всякие названные приглашали, какие-то баллы сулили – хотя за что мне баллы, я в последнее время вроде ни во что не играл...

Колон посмотрел на своего друга. Ему в голову пришла странная, но весьма логичная мысль.

– Названные ужины, говоришь? – повторил он. – А ведь и точно. Сейчас ведь самый конец сезона. Время-то, как говорится, фугует, понимаешь?

– Куда фугует?

– Видишь ли, у всех этих знатных дамочек имеются дочери, которые уже поспели...

– Поспели что?

– Круче графа никого нет, – продолжал Колон, не обращая внимания на Шнобби, – за исключением разве что герцога, а у нас ни единого герцога нет. Как и короля. Вот они и надеются поймать в свои сети самого графа Анкского! Ты, Шнобби, как это у них называется, – добыча сезона.

А и правда, граф Анкский – это звучало очень даже неплохо. Не то что Шнобби Шноббс, граф Анкский. Куча женщин были бы счастливы стать тещами графа Анкского, пусть даже это означало поиметь в зятя Шнобби Шноббса.

Ну, может, не куча. Но, судя по открыткам, достаточно.

У Шнобби заблестели глаза.

– Знаешь, я об этом никогда не думал... – ответил он. – А у тех поспевших дочек, наверное, и деньжата водятся?

– Уж всяко побольше, чем у тебя, Шнобби.

– И конечно, мой наипервейший долг перед потомками – сделать так, чтобы род мой не оборвался, – задумчиво протянул Шнобби.

Колон улыбнулся ему обеспокоенной улыбкой сумасшедшего доктора, который претворил в жизнь свою гениальную идею (подсоединил куда надо электроды и как следует врезал молнией) и теперь смотрит, как его создание, прихрамывая, удаляется в сторону ближайшей густонаселенной деревни.

– Ух ты... – выдохнул Шнобби.

Глаза его подернулись поволокой.

– Правильно. Но *сначала*, – сказал Колон, – я обойду все бойни, а ты возьмешь на себя Тряпичную улицу. После этого мы можем с чистой совестью вернуться в штаб-квартиру. Договорились?

– Добрый день, командор Ваймс, – закрыв за собой дверь, поздоровался Моркоу. – Докладывает капитан Моркоу.

Ваймс сидел, развалившись в кресле и уставившись в окно. Опять поднимался туман. Высившуюся прямо напротив Оперу уже наполовину затянуло молочной дымкой.

– Мы, э-э, обошли всех големов в округе, каких знали, – продолжал Моркоу, как можно более дипломатично оглядывая стол на предмет наличия бутылки. – Так вот, сэр, их почти не осталось. Мы выявили одиннадцать случаев самоуничтожения, а к обеду люди и сами уже принялись крушить големов либо вытаскивать из их голов шхемы. Творится настоящий кошмар, сэр. Весь город в глиняных черепках. Как будто все... только этого и ждали. И это очень странно, сэр. Големы мирно

трудились, держались друг друга и никогда никого не трогали. Да, кстати, кое-кто из *самоуничтожившихся* оставил... ну, что-то типа посмертной записки, сэр. Мол, им стыдно и всякое такое. И еще фраза-другая о какой-то там глине от глины...

Ваймс не отвечал.

Моркоу наклонился чуть в сторону, заглядывая под стол, – а нет ли там бутылки?

– В «Шахтной Кулинарии Буравчика» подавали ядовитых крыс. То есть отравленных мышьяком. Я попросил сержанта Колона и Шнобби выяснить, в чем причина. Может, случайное совпадение, но проверить не мешает.

Ваймс повернулся. Моркоу слышал, как он дышит. Короткими, резкими вдохами-выдохами, как человек, который изо всех сил старается контролировать себя.

– Что мы упустили, капитан? – далеким голосом спросил он.

– Сэр?

– В спальне его сиятельства. Там есть кровать. Стол. Письменные принадлежности на столе. Ночной столик. Кресло. Кувшин. Все. И это *все* мы поменяли. Ему приносят завтраки, обеды и ужины. Но мы проверили еду, не так ли?

– Всю кладовку, сэр.

– Точно? Мы могли ошибиться. Не знаю где, но где-то мы ошиблись. На кладбище покоятся два доказательства того, что мы ошибаемся. – Ваймс чуть ли не рычал. – Что мы пропустили? Никаких следов мышьяка Задранец не обнаружил. Но мы же что-то пропустили! Надо узнать *как*, и тогда, если нам повезет, мы узнаем *кто*.

– Сэр, а если воздух, которым он дышит...

– Мы перевели его в другую комнату! Даже если кто-то, не знаю уж кто и как, закачивал туда яд... он не может обработать все комнаты во дворце! Тут дело в еде!

– Я лично следил за тем, как пробуют еду, сэр.

– Значит, черт побери, мы что-то просмотрели! Люди *умирают*, капитан! Госпожа Ветерок *умерла*!

– Кто, сэр?

– Ты о ней никогда не слышал?

– Не могу сказать, сэр. Чем она занималась?

– Занималась? Ничем, я думаю. Она вырастила девять детей в двух комнатках, в невозможной тесноте, и шила рубахи за два пенса в час. Все часы, что отпустили ей боги, она только и делала, что работала и следила за

собой, а теперь она умерла, капитан. И ее внук. В возрасте четырнадцати месяцев. Потому что ее внучка принесла из дворца объедки! Чтобы побаловать их! И знаешь что? Милдред решила, я пришел арестовать ее за воровство! О боги, прямо на проклятых похоронах! – Ваймс разжал и сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Это уже убийство. Не политика, не покушение, а убийство. И случилось оно потому, что мы никак не можем задать правильный вопрос!

Дверь открылась.

– Добрый день, милостивый господин, – улыбаясь и отдавая честь, сказал сержант Колон. – Извини за беспокойство. Я понимаю, сейчас ты сильно занят, но я должен спросить, просто чтобы исключить тебя из списка подозреваемых, если можно так выразиться. Ты, случаем, не пользуешься дома мышьяком?

– Э... Фенли, не держи офицера в дверях, – промолвил в ответ чей-то взволнованный голос, и мужчина отступил в сторону. – День добрый, офицер. Чем можем быть полезны?

– Проверяем дома на мышьяк, сэр. Кажется, его применяют там, где не положено.

– О боги. Да неужели? Я точно уверен, мы мышьяком не пользуемся, но заходите, пожалуйста, я на всякий случай спрошу у мастеров. Не хотите ли чашку чаю?

Колон оглянулся. На улице клубился туман. Небо посерело.

– Не отказался бы, сэр! – кивнул он.

Дверь за его спиной закрылась.

А секундой спустя послышался тихий скрежет многочисленных засовов, встающих на свое место.

– Итак, – сказал Ваймс, – повторим еще раз.

Он взял воображаемый половник.

– Я повар. И я приготовил эту питательную кашку, которая на вкус точь-в-точь собачья моча. Вот я наливаю ее в три миски. Все за мной следят. Миски тщательно вымыты, правильно? Отлично. Пробовальщики берут две из них: одну – чтобы снять пробу, а вторая уходит на экспертизу Задранцу, после чего слуга – это ты, Моркоу, – берет третью и...

– Ставит ее в этот подъемник, сэр. Он есть в каждой комнате.

– Я думал, слуги сами относят еду наверх.

– Шесть этажей по лестницам? Все остынет, сэр.

– Гм... но все равно держи. Мы несколько забежали вперед. У тебя

миска. Ты ставишь ее на поднос?

– Да, сэр.

– Ставь.

Моркоу послушно поставил невидимую чашку на невидимый поднос.

– Что-то еще? – уточнил Ваймс.

– Нарезанный хлеб, сэр. Буханку мы тоже проверяем.

– Суповые ложки?

– Да, сэр.

– Ну, не стой же. Клади, клади...

Моркоу, держащий обеими руками невидимый поднос, пристроил его поудобнее, освободил одну руку и положил на поднос невидимый кусок хлеба и воображаемую ложку.

– Это все? – спросил Ваймс. – Соль и перец?

– Мне кажется, я видел солонку и перечницу, сэр.

– Туда же их.

Ваймс круглыми глазами уставился на пустое пространство между поднятыми руками Моркоу.

– О нет, – пробормотал он. – Вот что мы упустили... То есть... неужели мы это упустили?

Он потянулся и взял невидимую баночку.

– Капитан, мы соль проверяли? – рявкнул он.

– Сэр, это перец, – подсказал Моркоу.

– Соль! Горчица! Уксус! Перец! – воскликнул Ваймс. – Мы тщательно проверяем всякие каши, а потом позволяем его сиятельству добавлять яд по вкусу. Мышьяк – это металл. Можно ли сделать... металлическую соль? Успокой меня, скажи, что мы не забыли об этом. Мы же не настолько глупы – или все-таки настолько?

– Сейчас, сэр, я все узнаю, – откликнулся Моркоу и с растерянным видом огляделся по сторонам. – Вот только поднос поставлю...

– Стоп, подожди, – остановил его Ваймс. – У меня такое уже было. Слишком рано носиться по городу с воплями: «Дайте мне полотенце!» Да, у нас есть идея. Но продолжим. Ложка. Из чего она сделана?

– Хорошо подмечено, сэр. Я проверю мастерскую, сэр.

– Мы готовим на угле! Но что он пьет?

– Кипяченую воду, сэр. Ее пробуют пробовальщики. А я проверяю стаканы.

– Отлично. Итак... поднос готов, мы ставим его на подъемник – и что потом?

– Люди на кухне тянут за канаты, и он поднимается на шестой этаж.

– Без остановок?

Моркоу воззрился на него пустым взглядом.

– Он поднимается на шесть этажей, – сказал Ваймс. – Подъемник – это шахта с большим ящиком, который можно поднимать и опускать, правильно? Могу поспорить, на каждом этаже у подъемника есть дверки.

– Некоторые этажи почти не используются, сэр...

– Для отравителя это даже лучше. Гм-м. Он просто стоит там и ждет, когда мимо проедет поднос. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что еда, которая приезжает наверх, в точности та же самая, что ушла отсюда.

– Великолепно, сэр!

– И клянусь, все происходит вечером! – воскликнул Ваймс. – Патриций работает допоздна, а встает ни свет ни заря. Когда он ужинает?

– Сейчас, когда болен, примерно в шесть часов, сэр, – сообщил Моркоу. – В это время уже темно. А потом садится за работу.

– Вот именно. У нас куча дел. Пошли.

Патриций сидел и читал, когда в комнату вошел Ваймс.

– А, Ваймс, – сказал он.

– Сэр, скоро доставят ваш ужин, – промолвил Ваймс. – И еще раз хочу намекнуть: вы бы сильно облегчили нам работу, если бы переехали из дворца.

– В этом у меня нет никаких сомнений.

Из шахты подъемника послышалось гроыхание. Ваймс пересек комнату и открыл дверцы.

В ящике сидел гном. В зубах он держал кинжал, в каждой руке – по топору, а его яростный, устремленный вперед взор, казалось, способен был пробивать стены.

– О боги, – слабо проговорил Витинари. – Надеюсь, его хоть горчицей приправили?

– Констебль, какие-то проблемы были? – спросил Ваймс.

– Нихах неф, фэр, – отрапортовал гном и, разогнувшись, вытащил из зубов нож. – Везде темно, сэр. По пути попадались какие-то дверцы, но, похоже, ими давно уже не пользовались, однако я все равно забил их, как и приказывал капитан Моркоу, сэр.

– Очень хорошо. Можешь спускаться обратно.

Ваймс закрыл дверцу. Гном угроыхал вниз.

– Ты стараешься предусмотреть каждую мелочь, да, Ваймс?

– Надеюсь, сэр.

Ящик вернулся. Ваймс достал оттуда поднос.

– Что это?

– Клатчская пицца без анчоусов, – подняв крышку, ответил Ваймс. – Куплена в «Макпицце Рона», что сразу за углом. Вряд ли возможно отравить всю еду в городе. А столовые приборы из моего дома.

– Ваймс, у тебя мозги истинного стражника.

– Спасибо, сэр.

– За что? Это был не комплимент.

Патриций с видом исследователя, занесенного в абсолютно чужую страну, потыкал вилкой в тарелку.

– Ваймс, это кто-то уже ел?

– Нет, сэр. Просто начинка рубится очень мелко.

– Понимаю. А то я было подумал, может, пробовальщики совсем с ума сошли, – пожал плечами патриций. – Честное слово... Какие еще удовольствия ждут меня в будущем?

– Сэр, вы выглядите гораздо лучше, – напряженно откликнулся Ваймс.

– Спасибо, Ваймс.

Когда Ваймс ушел, лорд Витинари съел пиццу – по крайней мере, те ее составные части, которые он вроде бы узнал. Потом отставил в сторону поднос и задул свечу у кровати. Немного посидев в темноте, он сунул руку под подушку и нащупал там маленький острый ножик и коробку спичек.

Ваймс... Все-таки исключительный, замечательный человек. В его бесполезных, отчаянных и абсолютно ошибочных метаниях было что-то невероятно трогательное. Однако еще немного – и терпению придет конец: патриций уже едва сдерживался, чтобы не подбросить верному командору пару-другую подсказок.

Моркоу сидел в главной штаб-квартире Городской Стражи и разглядывал Дорфла.

Голем стоял там же, где его оставили. Какой-то шутник повесил ему на руку кухонное полотенце. Голова голема все еще была открыта.

Какое-то время Моркоу, подперев рукой подбородок, рассматривал его. Затем выдвинул ящик стола и вытащил оттуда древний свиток. Поизучал его. Встал. Подошел к глиняному истукану. Вложил шхему обратно в голову голема.

Оранжевый огонек загорелся в глазах Дорфла. Только что перед Моркоу стояла обыкновенная обожженная глина, но вдруг она вновь обрела ту неуловимую ауру, которая отличает живое от неживого.

Моркоу отыскал дощечку и карандаш, всунул их в руку голема и

отступил на шаг.

Горящие глаза внимательно следили за тем, как он снял пояс с мечом, нагрудник, безрукавку и стянул через голову шерстяную нательную рубаху.

Его мускулы заблестели в неверном свете свечей.

– Я безоружен, – сказал Моркоу. – Беззащитен. Видишь? Теперь слушай меня...

Дорфл бросился вперед, занося громадный кулак.

Моркоу не шевельнулся.

Даже глазом не моргнул, когда кулак остановился в каком-то волоске от его скулы.

– Я так и знал, что ты не сможешь, – промолвил он, после того как голем предпринял еще одну неудачную попытку ударить его. На этот раз глиняный кулак затормозил в доле дюйма от живота Моркоу. – Но рано или поздно тебе придется все рассказать. То есть написать.

Дорфл замер. Потом взял карандаш.

«Вынь из меня слова».

– Расскажи мне о големе, который убивает людей.

Карандаш не шевельнулся.

– Остальные покончили с собой, – сказал Моркоу.

«Знаю».

– Откуда?

Голем посмотрел на него. Потом написал:

«Глина от глины моей».

– Ты способен ощущать то, что чувствуют другие големы? – уточнил Моркоу.

Дорфл кивнул.

– А люди убивают големов, – продолжал Моркоу. – Понятия не имею, можно ли это остановить. Но я попробую. Дорфл, мне кажется, я понимаю, что происходит. Немного. По-моему, я догадываюсь, как все было. Глина от глины моей... Вас опозорили. Что-то пошло не так, вы попытались исправить содеянное, но... У вас были надежды, однако слова, вложенные в ваши головы, мешали вам...

Голем стоял абсолютно неподвижно.

– Вы продали его, да? – тихо произнес Моркоу. – Почему?

«У голема должен быть хозяин», – быстро написал Дорфл.

– Почему? Так велят ваши слова?

«У голема должен быть хозяин!»

Моркоу вздохнул. Люди должны дышать, рыбы должны плавать в воде, а у голема должен быть хозяин.

– Уж не знаю, как я разберусь со всем этим, но поверь, если я этого не сделаю, то никто не сделает, – сказал он.

Дорфл не шевелился.

Моркоу вернулся к столу.

– Интересно, старый священник и господин Хопкинсон... они *помогли* вам как-то? – предположил он, наблюдая за лицом голема. – А потом... их доброе дело обернулось против них же самих... ведь этот мир очень сложно принять...

Дорфл не шевелился.

Моркоу кивнул.

– Ладно, ты можешь идти. Все теперь зависит от тебя. А я сделаю, что смогу. Поскольку голем считается существом неодушевленным, то есть вещью, стало быть, ему нельзя предъявить обвинение в убийстве. Но я все равно попытаюсь выяснить, что сейчас происходит. Однако если голему *возможно* предъявить обвинение в убийстве, значит, вы – живые создания, то, что делают с вами, ужасно и этому следует положить конец. В любом случае вы выигрываете, Дорфл. – Моркоу отвернулся к столу и притворился, будто роется в бумагах. – В том-то вся и беда, – сказал он. – Все мы привыкли молчать и надеяться, что кто-то прочтет наши мысли и сделает этот мир правильным, совершенным. Все мы... наверное, и големы в том числе.

Он снова повернулся к голему лицом.

– Я знаю, у вас есть тайна. Но скоро вас не останется, и ваша драгоценная тайна умрет вместе с вами.

Моркоу с надеждой посмотрел на Дорфла.

«Нет. Глина от глины моей. Я не предам».

Моркоу вздохнул.

– Ладно, ладно, я не буду на тебя давить. – Он усмехнулся. – Хотя и мог бы. Что стоит, к примеру, дописать в твоём свитке пару слов? Приказать тебе быть разговорчивым?

Огонь в глазах Дорфла разгорелся еще яростнее.

– Но я так не поступлю. Потому что это негуманно. Ты никого не убивал. Я не вправе лишить тебя свободы, потому что у тебя ее и так нет. Иди. Ты можешь идти. Мне известно, где ты живешь.

«Жить – значит работать».

– Дорфл, чего *добиваются* големы? Вы ходите по улицам, все время молчите и работаете, но чего именно вы хотите?

«Немножко передохнуть», – вывел карандаш.

А затем Дорфл повернулся и вышел из здания.

– Ч*рт! – воскликнул Моркоу, совершив в своем роде великий лингвистический подвиг.

Некоторое время он барабанил пальцами по столу, после чего оделся и выскочил в коридор.

Ангву он нашел в каморке капрала Задранца. Они беседовали.

– Я отправил Дорфла домой, – сообщил Моркоу.

– А у него есть дом? – удивилась Ангва.

– Ну, иначе говоря, обратно на бойню. Но времена для големов сейчас не лучшие, поэтому я, пожалуй, прослежу за ним, незаметно... Капрал Задранец, с тобой все в порядке?

– Так точно, сэр, – отрапортовала Шелли.

– Это, если не ошибаюсь... э-э... э-э... – Разум Моркоу наотрез отказался называть то, что было надето на гноме, своим именем. Наконец капитан нашел подходящий синоним: – Килт?

– Нечто вроде, сэр. Юбка, сэр. Кожаная, сэр.

Некоторое время Моркоу пытался придумать подходящий ответ.

– О! – только и смог сказать он в итоге.

– Я пройду с тобой, – вмешалась Ангва. – А Шелли тут подежурит.

– Э... килт, – повторил Моркоу. – О. Ну, э... просто посиди за столом. Мы ненадолго. И... э-э... постарайся лишней раз из-за стола не вставать, хорошо?

– Мы идем или нет? – буркнула Ангва.

– Слушай, тебе не кажется, что в Задранце есть что-то... *странное*? – спросил Моркоу, когда они вышли в туман.

– Не кажется. Абсолютно нормальная девушка, – ответила Ангва.

– Де... Это он тебе сказал? Что он – девушка?

– Она, – поправила Ангва. – Знаешь ли, Анк-Морпорк – большой город. Тут еще и женщины встречаются.

Она буквально чуяла его изумление. Конечно, все знали, что где-то там, под многочисленными кожаными одеждами и кольчугами, не все гномы похожи друг на друга и эта непохожесть помогает появляться на свет другим гномам, но на данные темы гномы наотрез отказывались разговаривать даже друг с другом – за исключением тех случаев, разумеется, когда данный вопрос прояснить было крайне необходимо, чтобы не случилось какого конфуза.

– Гм, по-моему, она могла бы держать свой секрет при себе. Соблюдать правила приличия, – наконец промолвил Моркоу. – Пойми меня правильно, я ничего не имею против женщин и абсолютно уверен, что моя мачеха тоже была женщиной... Но привлекать к этому факту всеобщее внимание? Вряд

ли это разумно.

– Моркоу, а по-моему, у тебя не все в порядке с головой, – ответила Ангва.

– Что?

– Тебе давным-давно пора вытащить ее из собственной задницы! О боги! Стоило девушке чуть накраситься и надеть юбку, и ты уже ведешь себя так, словно она вдруг превратилась в какую-нибудь госпожу Ай-Лю-Лю и исполняет стриптиз на столах в «Скунсе»!

На несколько секунд воцарилась потрясенная тишина, пока Моркоу и Ангва пытались представить себе стриптиз в исполнении гнома. Ни у того, ни у другой это не получилось: разум упорно бойкотировал подобные картины.

– И все равно, – в конце концов продолжила Ангва, – если человек, гном, неважно кто еще, не может быть самим собой даже здесь, в Анк-Морпорке, – что ему остается?!

– Если другие гномы узнают об этом, у всех нас будут большие проблемы, – предупредил Моркоу. – О боги, я почти видел его колени! Ее колени.

– У всех есть колени.

– Возможно, но, демонстрируя направо-налево коленки, ты нарываешься на неприятности. Ну, то есть я-то *привык* к коленям. Могу смотреть на них и думать: «О да, колени, такой шарнир у ног», но некоторые из парней...

Ангва принялась.

– Здесь он повернул налево. Итак, некоторые из парней *что*?

– Ну... даже не могу предугадать, как они себя поведут. Не надо было тебе лезть в это дело. Да, среди гномов тоже есть женщины, но... понимаешь ли, они достаточно скромны, чтобы не показывать это.

Он услышал, как Ангва фыркнула.

– Знаешь, Моркоу, – проговорила она чуть погодя, и голос ее звучал так, как будто она находилась где-то далеко-далеко, – я всегда восхищалась тобой. Тем, как ты относишься к жителям Анк-Морпорка.

– Да?

– Ты совершенно не обращал внимания на вид и форму. Это производит впечатление.

– Да?

– Ты искренне переживал за всех и каждого.

– Да?

– И тебе известно, что я испытываю к тебе некую привязанность.

- Да?
- Но иногда...
- Да?
- Я очень, очень, *очень* удивляюсь почему.

Вокруг особняка леди Силачии стояло множество карет, они чуть ли друг на друга не залезали. Капрал Шноббс с трудом пробрался между экипажами. Постучался в дверь.

Открыл какой-то слуга.

– Вход для прислуги вон там, – сообщил он и захлопнул дверь.

Однако нога Шнобби вовремя всунулась в стремительно уменьшающуюся щель.

– Прочти-ка лучше вот это, – сказал он, протягивая слуге две бумажки. На первой было написано:

«Я, выслушав доказательства многочисленных экспертов, включая госпожу Родимчик, повитуху, сим подтверждаю, что есть высокая доля вероятности, что предъявитель сего документа, С. В. Сн. Джон Шноббс, является человеческим существом.

Подпись: лорд Витинари».

Вторая бумажка была письмом от Дракона, Короля Гербов.

Глаза слуги округлились.

– О, примите мои самые глубокие извинения, ваше лордство, – заюлил он.

И уставился на капрала Шноббса. Шнобби был чисто выбрит – по меньшей мере, когда он в последний раз брился, то брился чисто, однако на его лице располагалось столько топографических деталей, что сейчас оно больше походило на плохой пример подсечного земледелия.

– О боги, – пробормотал слуга и попытался взять себя в руки. – Но... но... требуется пригласительный...

Шнобби извлек пачку пригласительных карточек.

– В ближайшее время я буду несколько занят, положение обвязывает и всякое такое, – сказал он, – но, если хочешь, потом мы сможем перекинуться в партию-другую «дуркера».

Слуга внимательно осмотрел его с головы до ног. До него уже дошли слухи – а до кого они не дошли? – что в Страже работает законный

наследник трона Анк-Морпорка. Однако ничего особенного он не увидел. Впрочем, отметил слуга про себя, если бы надо было засекретить наследника трона, то лучшей маскировки, чем лицо С. В. Сн. Дж. Шноббса, придумать было невозможно.

А с другой стороны... слуга немножко увлекался историей и потому знал: за долгое время монархии трон занимали самые разные личности – и горбатые, и одноглазые, и калеки, и ужасные, как демоны. Исходя из этого, Шнобби был так же достоин трона, как и они. Да, горба на спине у него не наблюдалось, зато наблюдалось нечто похожее спереди да еще по бокам. «Но, как говорится, не в красоте счастье, – подумал слуга. – А уж счастье народа – тем более».

– Вы никогда раньше не бывали на подобных приемах, ваше лордство? – спросил он.

– Со мной такое впервые, – признался Шнобби.

– Ничего страшного, – слабым голосом откликнулся слуга. – Вот увидите, кровь себя проявит.

«Надо уходить, – думала Ангва, шагая сквозь туман. – Нельзя вечно жить сегодняшним днем, стараясь не думать о дне завтрашнем.

Не то чтобы его не за что любить. Более заботливого человека надо еще поискать.

Но в том-то и проблема. Ему есть дело до всех и вся. Невзирая на вид, невзирая на рост. Он все обо всех знает, потому что его интересует все, и забота его всегда общая и никогда – личная. Личное – это что-то личное, думает он, а стало быть, неважное.

О, если бы у него были хоть какие-то низменные человеческие страсти, тот же самый эгоизм.

Но то, что я вервольф, смущает его и беспокоит, это видно, хотя он вряд ли отдает себе в этом отчет. Ему не все равно, что говорят за моей спиной, а что делать, как справиться с ситуацией, он не знает.

Взять, к примеру, тех недавних шутников-гномов. «А почему у нее такие большие зубки?» – спросил один. А другой и отвечает: «Это чтобы лучше тебя съесть!» Я заметила, как изменилось лицо Моркоу. Я-то что, я привыкла и уже не обращаю внимания... ну, по крайней мере в большинстве случаев... а он реагирует слишком болезненно. Хоть бы дал кому-нибудь в зубы. Проблему это не решило бы, но стало бы чуточку легче.

А дальше... дальше будет еще хуже. Рано или поздно меня поймут в чьем-нибудь курятнике – это в лучшем случае. И тогда все мы будем по

уши в неприятной штуке. Но это цветочки, а вот если меня поймают в чьем-нибудь доме...»

Она попробовала не думать об этом, однако ничего не вышло. Оборотня можно только контролировать, но приручить нельзя.

«Это все город. Слишком много людей, слишком много запахов...

Может, было бы лучше, если бы мы жили где-нибудь еще, но если я заявлю: «Или я, или город», он ни секунды не задумается, перед тем как сделать выбор.

Рано или поздно мне придется вернуться домой. Так будет лучше для него».

Ваймс шагал сквозь сырую ночь. И был слишком сердит, чтобы мыслить логично.

Он зашел в тупик: шел к своей цели очень, очень долго – и оказался в тупике. У него на руках целая телега фактов, и он все делал правильно, руководствуясь логикой, но кто-то где-то сейчас хихикает над полным дураком Сэмюелем Ваймсом.

Теперь, наверное, даже Моркоу считает его дураком. Каждое Ваймсово гениальное озарение оборачивалось абсолютной глупостью. Он, Сэмюель Ваймс, настоящий *стражник*, бегал туда-сюда, кричал, предпринимал соответствующие меры – и что? И ничего. Никаких результатов. Они разве что повысили общий уровень собственного невежества.

Образ старой госпожи Ветерок призраком встал перед его глазами. Ваймс помнил ее очень смутно. Он был тогда сопливым мальчишкой, одним из толпы таких же сопливых мальчишек, а она была еще одним обеспокоенным лицом, маячившим где-то над передником. Типичная жительница Заводильной улицы. Госпожа Ветерок едва-едва сводила концы с концами благодаря своему шитью, всегда выглядела опрятно и, как и все обитатели улицы, шла по жизни, никого ни о чем не прося и никогда ничего не получая.

Ну что еще *можно* сделать? Разве что ободрать эти дурацкие обои со сте...

Ваймс внезапно остановился как вкопанный.

В обеих комнатах одинаковые обои. Во всех комнатах на этаже. Кошмарные зеленые обои.

Но... нет, это невозможно. Витинари спал в той комнате уже много лет – ну, если он вообще спит. Туда нельзя было проникнуть и переклеить обои так, чтобы никто не заметил.

Перед Ваймсом клубился туман. В окне соседнего дома звездочкой

замерцала свеча, но очередное туманное облако быстро скрыло ее.

Туман. Да. Сырость. Наползает, оседает на обоях. Старые, пыльные, заплесневевшие обои...

Проверил ли Шельма обои? А ведь и действительно, ты их не замечаешь. Их как бы нет в комнате, потому что они и есть комната. Могут ли стены убивать?

Невероятным усилием воли Ваймс запретил себе думать об этом. Он уже боялся, что одной мыслью может все разрушить. И очередная гениальная гипотеза рухнет, уйдет в небытие.

«Но... в том-то и дело, – сказал внутренний голос. – Вся эта беготня с подозреваемыми и уликами предназначена для того, чтобы занять чем-то тело, в то время как шестеренки в голове крутятся, работают. Любой настоящий стражник знает: чтобы найти Того, Кто Это Сделал, вовсе не обязательно рыть землю в поисках улик. О нет, начинать надо с Подходящей Кандидатуры. И тогда ты поймешь, какие улики следует искать».

Все, хватит, с озарениями и гениальными идеями надо заканчивать. А то даже Задранец начал как-то странно на него поглядывать.

Вспомнив свое очередное предположение, Ваймс поморщился. Мышьяк ведь металл, правильно? Так, быть может, столовые приборы подменили? Он никогда не забудет выражение лица Шельмы, когда тот принялся объяснять, что да, такое вполне возможно; главное – чтобы никто не заметил, как ложка почти сразу начинает растворяться в супе.

Нет, на сей раз он хорошенько подумает, прежде чем говорить.

– Его лордство граф Анкский, капрал лорд С. В. Сн. Дж. Шноббс!

Шум разговоров моментально затих. Головы повернулись. Кто-то в толпе хихикнул, но на него тут же зашикали соседи.

Навстречу Шноббсу вышла леди Силачия, высокая, угловатая женщина с острыми чертами лица и орлиным носом, который был отличительной родовой чертой ее семейства. В общем и целом она производила впечатление летящего в вас топора.

Леди Силачия присела в глубоком реверансе.

Со всех сторон послышались возгласы удивления, но она так посмотрела на своих гостей, что по толпе мигом прокатилась волна поклонов и реверансов.

– Но ведь этот тип абсолютный чур... – донесся из задних рядов чей-то голос, однако говорящему очень быстро заткнули рот.

– Вы что-то обронили? – нервно осведомился Шноббс. – Я могу

помочь найти, если хотите.

У его локтя возник слуга с подносом.

– Что будете пить, ваше лордство? – поинтересовался он.

– Э-э... Пинту «Ухмельного», пожалуйста, – ответил Шнобби.

У толпы отвисла челюсть, но леди Силачия быстро перехватила инициативу.

– «Ухмельного»? – переспросила она.

– Это такой сорт пива, госпожа, – пояснил слуга.

Леди Силачия сомневалась только миг.

– Насколько я знаю, дворецкий пьет пиво, – сказала она. – Что ты стоишь как столб? Не слышал графа? И мне тоже пинту «Ухмельного». Как оригинально! Это нечто *новенькое*.

Те гости, которые точно знали, на какой стороне их бутерброда намазан паштет, быстренько сориентировались в ситуации.

– Конечно! Великолепная идея! Мне тоже пинту «Ухмельного».

– У-у! Чудненько! «Ухмельного» мне!

– Всем «Ухмельного»!

– *Вы что, не видите? Он же полный иди...*

– *Закрой рот!*

Ваймс, пересчитывая гиппопотамов, осторожно пересек Бронзовый мост. В конце моста стояла девятая фигура. Прислонившись к парапету, она что-то бормотала себе под нос – что-то неразборчивое, но весьма безвредное, насколько это было известно Ваймсу. Легкий ветерок принес Запах, с которым не могли соревноваться даже ароматы Анка. Человека неопытного этот Запах недвусмысленно предупреждал: то, что вы сейчас увидите и учуете, лучше бы вам никогда не видеть и не чувствовать.

– ...Разрази их гром, разрази вас, говорю, стоять всем, тянуть конец! Десница тысячелетия и моллюск! А я говорил, говорил! Суньтесь – и...

– Добрый вечер, Рон, – поприветствовал Ваймс, даже не повернув головы.

Старикашка Рон засеменял за командором.

– Разрази их гром, меня того, а я чего?..

– Бывает, Рон, – миролюбиво откликнулся Ваймс.

– ...И моллюск... разрази вас гром, говорю я, хлеб на масло, а не масло на хлеб! Королева Молли передает: ходи да оглядывайся, господин.

– Что-что?

– ...Вертухай его тудысь! – невинно сообщил Старикашка Рон. – Отштанишь бы их, раз они меня сюда! Видел бы ты их хорька!

И, подметая лохмотьями мостовую, попрошайка ускакал в туман, вслед за своей верной дворнягой.

В комнате прислуги стояло светопреставление.

– Чего-чего? Еще «Ухмельного»? – изумился дворецкий.

– Ага! Сто четыре пинты! – подтвердил слуга.

Дворецкий пожал плечами.

– Гарри, Сид, Роб, Джеффри... по два подноса в лапы и двойную ходку в «Королевскую Голову»! И быстро! Одна нога здесь, другая там! Интересно, что еще он выкинет?

– Ну, вроде бы затеивалось чтение стихов, но тут он начал шутить...

– Что, рассказывать анекдоты?

– Гм, не совсем.

Удивительно, как при тумане может еще и моросить. Ветер, заносающий в комнату туманную морось, заставил Ваймса закрыть окно. Командор зажег свечи и открыл свой блокнот.

Наверное, стоило воспользоваться демоническим органайзером, но Ваймс предпочитал видеть все на самой обычной, неволшебной, бумаге. Когда ты что-то записываешь, то лучше соображаешь.

Он старательно вывел слово «Мышьяк» и обвел его кружком, вокруг которого написал: «Ногти отца Трубочека», «Крысы», «Витинари» и «Госпожа Ветерок». Чуть ниже на странице расположил слово «Големы», которое также взял в круг. Рядом с этим кругом он написал: «Отец Трубочек?» и «Господин Хопкинсон?» Немного подумав, добавил: «Похищенная глина» и «Глиняная крошка».

Ниже приписал целое предложение: «Зачем голему сознаваться в том, чего он не делал?»

Какое-то время Ваймс смотрел на пламя свечи, после чего карандаш снова коснулся листа.

«Крысы едят все».

Прошла еще пара минут.

«Что ценного может быть у священника? Зачем его убивать?»

Снизу послышалось бряцанье снаряжения – это вернулась патрульная смена. Заорал какой-то капрал.

«Слова, – написал Ваймс. – Что было у господина Хопкинсона? Гномий хлеб? → Не похищен. Что еще?»

Изучив листок, Ваймс добавил к написанному слово «Пекарня», некоторое время рассматривал его, затем стер и заменил вопросом «Печь?».

Последнее слово он обвел кругом, еще один нарисовал вокруг «Похищенной глины» и соединил все линией.

У старого священника под ногтями был мышьяк. Может, он травил крыс? Мышьяк можно применять в самых разных целях. Любой алхимик продаст его, сколько тебе нужно.

Далее на листке появилась весьма странная надпись. «Чудовище из мышьяка», – гласила она. Но вроде бы все логично. Когда человек отбивается от убийцы, под ногтями его находишь кровь или кожу. А тут под ногтями покойного – мышьяк.

Ваймс перечитал свои записи и после некоторого раздумья приписал: «Големы не живые. Но *считают себя живыми*. Чем занимаются живые? → В осн. дышат, едят, справляют нужду». Ваймс посмотрел на клубящийся за окном туман и опять склонился над блокнотом. «Размножаются», – аккуратно вывел он.

В области затылка возникло некое странное ощущение.

Ваймс обвел кругом имя Хопкинсона и прочертил линию через лист к другому кругу, в котором написал: «У него большая печь».

Гм. Шельма утверждал, что в хлебной печи глину хорошенько не обожжешь. Но как-то ее обжечь можно?

Ваймс опять уставился на пламя свечи.

Нет, они не могли... О боги... Ерунда, полная чушь, это невозможно...

«Но все, что нужно, это глина. И священник, знающий нужные слова. И тот, кто вылепит тело, – размышлял Ваймс. – У големов были столетия, чтобы научиться владеть своими руками...»

Эти огромные руки. Которые так похожи на кулаки.

А после нужно замести следы. Убить? Нет, они оперируют иными понятиями. На время выключить...

Он нарисовал еще один неровный круг.

Глиняная крошка. Старая обожженная глина, измельченная до крошки.

Они добавили собственную глину. У Дорфла новая нога... Слепленная как будто недавно. В нового голема каждый добавил частичку себя...

Как-то все это... как бы выразился Фред, голимо. Но только на первый взгляд. Тайное общество големов? Глина от глины моей. Плоть от плоти моей...

Чертовы истуканы. Решили пойти по пути высших существ!

Ваймс зевнул. Спать. Надо немножко поспать. Ну, или...

Он снова уставился на страницу. Автоматически его рука полезла в нижний ящик стола – как всегда, когда он волновался и пытался размышлять. Бутылки там быть не могло – откуда? Однако старые

привычки и...

Послышались легкий звон стекла и слабый, но соблазнительный всплеск жидкости.

Ваймс вытащил из ящика пузатую бутылку. Этикетка гласила: «Дистиллярии Пивомеса. Виски Рыгаль Салют, лучший солод».

Янтарная жидкость вкрадчиво лизала стенки, так и просясь наружу.

Ваймс тупо глазел на свою находку. Ну надо же, какое совпадение. Он полез за бутылкой и нашел бутылку.

А ее там быть не могло. Он знал, что Моркоу и Фред Колон следят за ним, но, женившись, он ни разу не купил ни одной бутылки, потому что обещал Сибилле...

И все же это ведь не какое-нибудь пойло. Это сам «Рыгаль Салют»...

Однажды он пробовал его – теперь уж и не припомнить, как такое случилось. В те времена он обычно употреблял жидкости, действие которых приравнивалось к удару кувалдой по уху. Но тогда... Наверное, где-то раздобыл денег, и... Один запах этого божественного напитка возносил тебя в Дунманифестин. Запах... вспомнить...

– А она ему: «Забавно, прошлой ночью все было несколько иначе!» – закончил капрал Шноббс.

И, широко ухмыляясь, обвел глазами свою аудиторию.

В зале воцарилась тишина. Потом кто-то в толпе хихикнул – неуверенно, словно бы очень сомневался, что его кто-либо поддержит. Но затем раздалось еще несколько смешков. И вскоре хохотали уже все.

Шнобби купался в лучах славы.

– А вот еще! – воскликнул он. – Заходит клатчец в трактир, а под мышкой у него такое ма-а-аленькое пианино...

– Мне кажется, – твердо сказала леди Силачия, – закуски уже поданы.

– А свиные голяшки будут? – весело поинтересовался Шнобби. – С «Ухмельным» голяшки самое то.

– Как правило, я предпочитаю иные части тела, – ответила леди Силачия и тут же покраснела.

– А пирожки со свиными потрохами? Никогда не пробовали? Хотя голяшки все равно круче, – не унимался Шнобби.

– Это... гм-м... по-моему, это не самая изысканная часть свиньи? – вежливо предположила леди Силачия.

– Забейте, – твердо сказал Шнобби. – Копыта можно не обсасывать.

Сержант Колон открыл глаза и застонал. Голова у него раскалывалась.

Его чем-то ударили. Очень может быть, что стеной.

А еще его связали. Руки и ноги.

Как выяснилось, он лежал в темноте на деревянном полу. В воздухе висел какой-то жирный запах, до отвращения знакомый и тем не менее неузнаваемый.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, он разглядел слабую полосу света под дверью. А еще он услышал голоса.

Колон попытался встать на колени, но застонал – боль стальным обручем сдавила голову.

Когда тебя связывают, это плохая новость. Конечно, она куда лучше новости, что тебя убили, но, с другой стороны, поскольку ты связан, убить тебя всегда успеют.

«Такого никогда не случалось, – подумал Колон. – В старые добрые времена все было по-другому. Дверь оставлялась открытой, чтобы вор мог благополучно сбежать. Зато и ты возвращался домой без дырки в животе...»

Упираясь в стену и какую-то большую корзину, он смог наконец подняться на ноги. Это ненамного исправило положение дел, но после того, как гром в голове несколько стих, он неуверенно допрыгал до двери.

Из-за которой все еще доносились голоса.

Оказывается, проблемы были не только у сержанта Колона.

– ...Болван! Ты из-за этого позвал меня сюда? В Страже есть вервольф! Ах-ха. И не какой-нибудь там полукровок. Она – настоящий оборотень! По запаху может определить, какой стороной упала монета!

– Ну, можно убить его, а тело где-нибудь спрятать!

Сержант Колон тихо застонал.

– А запах, придурок?! Думаешь, она не способна отличить живого человека от трупа?

– Тогда... Отведем его подальше, в таком тумане нас никто не увидит...

– Идиот, вервольфы умеют чуют страх. Ах-ха. Ну почему ты не позволил ему все здесь осмотреть? Что такого он мог увидеть? Кроме того, я знаю этого стражника. Жирный старый трус с мозгами, ах-ха, как у борова. Страхом от него воняет за милю.

«Надеюсь, ничем другим от меня сейчас не воняет», – с тоской подумал сержант Колон.

– В общем, пусть Мещуга им займется, ах-ха.

– Но... разумно ли это? В последнее время он ведет себя несколько... странно. По ночам убегает, ходит по городу и орет, а это неправильно. И он

трескается. Эти големы настоящие тупицы, ничего не могут сделать как надо...

– Все знают, что големам нельзя доверять. Ах-ха. В общем, действуй!

– А еще я слышал, что Ваймс...

– Ваймса я беру на себя!

Колон как можно тише отодвинулся от двери. У него не было ни малейшего представления, что за Мешугу такую сотворили големы, но он совершенно точно знал, что с этой штуковиной в одной комнате лучше не оставаться.

Вот если бы он был таким же хорошим стражником, как Сэм Ваймс или капитан Моркоу, он бы... нашел гвоздь, осколок стекла или что-то подобное, чтобы перетереть эти веревки. Тот, кто его связывал, постарался на славу: тонкие, как струна, но крепкие веревки были многократно обмотаны вокруг запястьев сержанта и туго затянуты. Обо что бы их?..

Некоторые люди иногда ведут себя очень несознательно, вопреки всякому здравому смыслу. Подумать только: бросить своего связанного врага в комнату, где нет ни торчащих из пола гвоздей, ни острых камней, ни осколков стекла, ни – право, такое абсолютно невероятно! – инструментов и всяческих запчастей, с помощью которых можно собрать полностью работоспособную бронированную машину.

Снова опустившись на колени, Колон обследовал доски. Хоть бы острую щепочку... Тоненькую полоску металла. Широко открытую дверь с большой табличкой «СВОБОДА». Он был согласен на любой вариант.

Но все, что он обнаружил, – это бледный кружок света, отверстие от давно выпавшего из доски сучка, сквозь которое просачивался тусклый оранжевый лучик.

Колон лег и приложился глазом к дырке. К сожалению, неподалеку от нее оказался и нос.

В который тут же ударила ужасная вонь.

Там, внизу, плескалось нечто водоподобное, по крайней мере жидкообразное. То был один из бесчисленных потоков, которые текли под городом по туннелям, построенным много веков назад. Сейчас туннели эти – если, конечно, об их существовании помнили – использовались для насущных городских нужд, а именно: берешь чистую, свежую воду, превращаешь ее в нечто невообразимо гадостное и вонючее, после чего сливаешь куда-нибудь под землю. Один из подобных потоков, видимо, проходил под скотобойнями. Аромат свежего аммиака сверлом вбурился в нос Колона, добравшись аж до мозга.

И все же снизу просачивался свет.

Сержант Колон задержал дыхание и снова приложился глазом к отверстию.

Парой футов ниже дрейфовал крошечный плотик, на котором лежали с полдюжины крыс и горел малюсенький огарок свечи.

Затем в поле зрения сержанта вплыла крошечная лодочка. Она также была доверху наполнена крысами, а верхом на неподвижных грызунах сидел и греб...

– Двинутый Крошка Артур?

Лилипут поднял голову.

– Кто это там?

– Это я, твой старый добрый друг Фред Колон! И твой старый добрый друг нуждается в твоей помощи!

– А че ты там делаешь?

– Я весь связан, и меня хотят убить! О боги, ну почему здесь так ужасно воняет?!

– А че ты хотел, это ж Заводильная улица. Тут сплошные скотобойни. – Двинутый Крошка Артур ухмыльнулся. – Вдохни поглубже, ощути величие моей страны. Это говорю тебе я, Король Золотой Реки!

– Меня хотят убить, Артур! А ты тут дурака валяешь!

– Ого, хорошенькое дело!

Мозговые клетки сержанта, не привыкшие к таким перегрузкам, начали плавиться.

– Я вышел на след тех гадов, что травили твоих крыс! – в отчаянии воскликнул Колон.

– Гильдия Крысоловов! – зарычал Артур, от ярости чуть не выронив весло. – Так и знал, что это они! Выследили, где я беру крыс! Здесь их кучи, мертвых, что твои покойнички!

– Правильно! И мне надо сообщить об этом кошмарном преступлении командору Ваймсу! Лично! И чтобы все мои руки и ноги были на месте! Он очень строго относится к таким вещам!

– А ты че, сам не можешь справиться? – удивился Двинутый Крошка Артур. – Ты ж на люке валяешься. Ладно, сейчас, погодь там минутку, никуда не уходи.

И Артур исчез из поля зрения. Колон перевернулся. Спустя некоторое время из угла комнаты послышался шорох, а потом кто-то больно пнул сержанта в ухо.

– Ой!

– А мне за это что-нибудь перепадет? – спросил Двинутый Крошка Артур, поднимая огарок маленькой свечки – из тех, что ставят на торты.

– А как же гражданский долг?
– Стало быть, ни гроша я не срублю?
– Срубись! Кучу! Обещаю! Скорее развяжи меня!
– Чем таким тебя связали? – удивленно крикнул откуда-то из-под него Двинутый Крошка Артур. – Как будто и не веревка вовсе.

Колон почувствовал, как руки освободились. Кровь медленно начала возвращаться в затекшие кисти.

– Ну и где твой люк? – спросил он.

– Я ж сказал, ты прямо на нем валяешься. Наверное, сюда всякие отходы скидывали. Раньше. Похоже, его давно не открывали. Слушай, там, внизу, столькодохлых крыс, ты не поверишь! Жирные, что твоя башка, только в два раза мертвее, прикинь! То-то я думал, последняя партия для Бравчика пованивала тухлецей!

Послышался звук лопнувшей струны, и ноги Колона тоже освободились. Он осторожно сел и принялся их разминать.

– А какой-нибудь другой выход отсюда есть? – поинтересовался он.

– Для меня – полно, но такой жиртрест, как ты, ни в жизнь не пролезет, – ухмыльнулся Двинутый Крошка Артур. – Придется тебе чуток понырять.

– Что? Нырнуть туда?

– Да не беспокойся, там не утонешь.

– Ты уверен?

– Ага. Но вот задохнуться – легко. Поговорку помнишь? Ну, когда ты по уши в этом самом, да еще без весла?

– Что, кто-то до меня уже здесь плавал?

– Это все из-за скотобоен, – авторитетно заявил Двинутый Крошка Артур. – Сам понимаешь, догадываясь о своей участи, скотина немного нервничает, ну и...

– Очень хорошо понимаю.

За дверью послышался громкий скрип. Колон вскочил на ноги.

Дверь открылась.

Ярко освещенный проем целиком заполнила громадная фигура. На Колона уставились два пылающих треугольных глаза.

Тело Колона, которое, несомненно, было намного разумнее, чем мозг, который им якобы управлял, среагировало моментально. Быстренько усвоив адреналин, который начал поступать со стороны мозга, оно подпрыгнуло на несколько футов в воздух и, летя вниз, одновременно выбросило вперед оба кованых башмака.

Вековые наслоения грязи и проевшая железо ржавчина не выдержали.

Колон провалился. К счастью, тело Колона предусмотрело и это, зажав себе нос до того, как врезаться в зловонный поток.

«Чавк», – сказал тот.

Многие люди, оказавшиеся в воде, начинают бороться за дыхание. Сержант Колон боролся с дыханием. Об альтернативе было страшно и подумать.

Наконец он вынырнул – во многом благодаря выталкивающим свойствам газов, что образовались в потоке при его падении. В нескольких футах от сержанта вспыхнула голубым пламенем свеча Двинутого Крошки Артура.

Кто-то, приземлившись на шлем, больно пришпорил уши Колона:

– Направо давай! И вперед!

Полувплавь, полувброд Колон начал пробираться сквозь вонючую массу. Страх придавал ему сил. Позже страх заберет должок, и с большими процентами, но сейчас он помогал. Колон с такой силой пробивался сквозь поток, что позади него оставалась канавка, которая снова заполнялась лишь несколько секунд спустя.

Сержант не останавливался до тех пор, пока не ощутил, что давление на грудь вдруг ослабло. Он нашарил в темноте каменный бортик и с сопением уцепился за него.

– Че это было? – спросил Двинутый Крошка Артур.

– Голем, – выдохнул Колон.

Он попытался перевалить свое тело на бортик, но это не получилось, и он плюхнулся обратно.

– Эй, я, кажется, что-то слышал, – вдруг сказал Двинутый Крошка Артур.

Сержант Колон вылетел из потока, подобно какой-нибудь ракете «вода – воздух», и с громким шлепком приземлился на бортик.

– Да не, наверное, просто показалось, – изрек Двинутый Крошка Артур.

– Слушай, Двинутый Крошка Артур, а как тебя зовут друзья? – пробормотал Колон.

– Не знаю. У меня их нет.

– Странно. Ни за что бы не подумал.

А вот у лорда де Шноббса друзей теперь было полным-полно.

– Поднять заслонку! – выкрикнул он. – Прямо по курсу задница!

Люди аж визжали от хохота.

Шноббси счастливо улыбнулся толпе. Он не помнил, когда еще ему,

одетому, было так хорошо.

За благоразумно закрытой дверью в дальнем конце гостиной леди Силачии в комфортабельной курительной комнате в кожаных креслах сидели и выжидающе смотрели друг на друга члены анонимного общества.

– Изумительно, – наконец сказал кто-то. – Поистине изумительно. Этот паренек определенно обладает хорькизмом.

– Чем-чем?

– Я имею в виду, он настолько отталкивающе выглядит, что притягивает людей как магнитом. И все эти... истории, которые он рассказывает. Вы заметили, его даже поощряют? Просто никто не может поверить, что подобные шуточки можно отпускать в приличном обществе.

– Кстати, тот анекдот про пианино был очень даже ничего...

– А его манеры! Вы заметили их?

– Нет.

– Вот и я о том же!

– А запах... Не забывайте о запахе.

– Ну, пахнет от него не то чтобы дурно... я бы сказал, *странно*.

– Да-да, согласен, через несколько минут нос привыкает и...

– Я хотел бы *отметить*: это крайне необычно, но людей он чем-то привлекает...

– Ага, так же, как публичная казнь.

Повисла тишина.

– Он, конечно, полный болван, но с хорошим чувством юмора.

– И правда, ума ему немножко не хватает.

– Дайте ему пинту пива и тарелку этих его любимых копыт – и он будет счастлив, как свинья, валяющаяся в луже.

– По-моему, это немножко чересчур.

– Мои извинения.

– Я знавал очень приличных и воспитанных свиней.

– Разумеется.

– Но я практически вижу, как он, попивая свое пиво и обсасывая копытца, подписывает королевские указы.

– Согласен, согласен. Э-э... А как вы думаете, он умеет читать?

– Да какая разница?

Опять наступила тишина, все сидели с задумчивыми лицами.

А потом кто-то сказал:

– Кроме того, что немаловажно... Наследника трона тоже будем выбирать мы.

– Почему вы так считаете?

– А вы можете представить принцессу, которая согласится выйти за него замуж?

– Ну-у-у... Принцессы абсолютно непредсказуемы, некоторые из них даже лягушек целовали, известный факт...

– Лягушки – это совсем другое дело.

– ...А власть и принадлежность к королевской крови изрядно прибавляют мужчине красоты.

– Но они же не всемогущи.

Снова тишина. А затем:

– И правда, в данном случае ничто не поможет.

– В общем, он подходит.

– Вот и здорово.

– Дракон отлично справился. Слушайте, ведь не может быть, чтобы этот урод и в самом деле был графом Анкским?

– Что вы, не говорите глупостей.

Шелли Задранец сидела за столом на самом краешке высокого табурета и чувствовала себя крайне неуверенно. Ей сказали, что бояться нечего, надо лишь проверять патрули, которые меняют друг друга на дежурстве.

Несколько стражников одарили ее странными взглядами, но ничего не сказали, и она уже начала было расслабляться, когда в комнату ввалились четверо гномов, вернувшихся с патрулирования Королевского проезда.

Они уставились на нее. На ее уши.

Потом их взгляды переместились вниз. В Анк-Морпорке не было принято приделывать письменным столам заднюю стенку. Обычно под местным столом обитала нижняя половина сержанта Колона, и никакого смысла прятать ее не было, поскольку она никоим образом не претендовала на вхождение в десятку самых соблазнительных нижних половин мира. Хотя, вполне возможно, прятать ее стоило по несколько иным причинам.

– Но это же... *женская* одежда, – сказал один из гномов.

Шелли сглотнула. Ну почему именно *сейчас*? Она так надеялась, что, когда случится *это*, Ангва будет где-нибудь поблизости. Ее улыбка действовала на людей, троллей и даже гномов самым удивительным образом. Наверное, тут дело было в личном обаянии.

– Ну и что? – дрожащим голосом справилась Шелли. – Что с того? Хочу и ношу.

– А... в ушах...

– Да, в ушах!

– Это... даже моя мать никогда не... ургх... это же отвратительно! Да еще у всех на виду! Сюда ведь дети заходят! Редко, правда...

– У тебя видны *коленки!* – ткнул пальцем другой гном.

– Я вынужден буду доложить об этом капитану Моркоу! – воскликнул третий. – Никогда не думал, что доживу до такого!

Двое гномов опрометью бросились в раздевалку. Еще один поспешил следом, но около стола замешкался, одарив Шелли слегка сумасшедшим взглядом.

– Э... э... *симпатичные* лодыжки, однако, – сказал он и тоже убежал.

Четвертый гном выждал, пока другие скроются из виду, и бочком приблизился к столу.

Шелли била нервная дрожь.

– Попробуй только сказать что-нибудь про мои ноги! – сжимая кулаки, рявкнула она.

– Э... – Гном воровато оглянулся и наклонился над столом. – Э... а это... губная помада?

– Да! И что с того?

– Э... – Гном еще ниже склонился над столом, опять оглянулся и, заговорщицки понизив голос, спросил: – Э-э... дашь попробовать?

Ангва и Моркоу шли сквозь туман в полной тишине, лишь изредка нарушаемой резкими и короткими указаниями Ангвы.

Потом Ангва остановилась. До этого момента запах Дорфла (он же – застарелый запах мяса и коровьего навоза) шел четко в направлении района скотобоен.

– Тут он свернул в переулок, – сказала она. – Который уводит совсем в другую сторону. И... ускорил шаг... много людей и... *сосисок?*

Моркоу побежал. Толпа людей и запах сосисок могли означать только одно: разыгрывалось очередное представление из уличной жизни Анк-Морпорка.

Дальше по улице виднелась толпа. Очевидно, люди собрались там некоторое время назад, поскольку в задних рядах маячила знакомая фигурка с лотком, периодически подпрыгивающая в попытках разглядеть, что же происходит там, в самом центре.

– Что случилось, господин Достабль? – спросил Моркоу.

– А, капитан, привет. Тут голема поймали.

– Кто поймал?

– Какие-то парни. Только что принесли молоты.

Перед Моркоу стояла плотная стена из человеческих тел. Он сложил

вместе руки, просунул их между двумя телами, развел в стороны. Недовольно ворча и сопротивляясь, толпа расступалась перед ним, как морская пучина – перед опытным пророком.

Дорфл переминался с ноги на ногу на берегу в самом конце проулка. Трое мужчин с молотами периодически делали выпады в его сторону – точь-в-точь псы, загнавшие медведя: никто не хотел наносить первый удар, понимая, что отдача последует незамедлительно.

Голем отступал, прикрываясь своей дощечкой, на которой было написано:

«Я стою 530 долларов».

– Деньги? – хмыкнул один из нападающих. – Это все, о чем вы, големы, думаете!

И ловким выпадом разбил дощечку.

Затем напряг мышцы, вновь вскидывая свое грозное оружие, но чуть не перекувырнулся через голову, поскольку молот словно бы в чем-то застрял.

– Деньги – это все, о чем ты можешь думать, когда все, что у тебя есть, это цена, – холодно констатировал Моркоу, вырывая из рук забияки молот. – Итак, мой друг, что тут происходит?

– Тебе нас не остановить! – пробурчал человек. – Всем известно, они не живые!

– Но я могу арестовать тебя за преднамеренное нанесение ущерба чужой собственности, – сказал Моркоу.

– Один из этих истуканов убил старого священника!

– Что-что? – поднял брови Моркоу. – Но голем не живое существо, как ты сам только что утверждал. Это неодушевленная вещь, как тот же меч. – Он со зловещим шорохом вытащил из ножен клинок. – Если тебя проткнут мечом, кого ты обвинишь в своем убийстве?

Глаза забияки сошлись к переносице в попытке сфокусироваться на мече.

Ангва неверяще покачала головой. Моркоу постоянно преподносит сюрпризы. Дело в том, что он вовсе не пытался никого *запугать*. О нет, меч он использовал исключительно... в качестве наглядного пособия. Не более. Он бы очень удивился, если бы ему сказали, что эту его демонстрацию кто-то воспринял иначе.

«Не всякий ум может состязаться с подобной простотой», – невольно подумалось Ангве.

Нападавший сглотнул.

– Я, кажется, *понимаю*, – сказал он.

– Да, но... им ведь нельзя доверять! – выкрикнул один из нападавших. – Они ходят туда-сюда, молчат все время. А вдруг они что замышляют?

Он пнул Дорфла. Голем покачнулся.

– Вообще-то, – громко объявил Моркоу, – я как раз разбираюсь с этим делом. А пока вынужден попросить вас разойтись...

Третий из нападавших был новеньким в городе и не собирался так легко отступаться от задуманного, пусть даже на пути его стоял какой-то там капитан Городской Стражи.

Он вызывающе поднял молот и уже открыл было рот, чтобы ответить нечто вроде: «Ага, как же», но вдруг запнулся, ибо ушей его достигло некое рычание. Оно было довольно низким и мягким, но в нем присутствовали сложные гармоника, которые мигом проникали в ваш позвоночник, достигали прячущегося там маленького нервного узелочка и нажимали древнюю кнопку под названием «Первобытный Ужас».

Забияка медленно повернулся. Весьма привлекательная девушка-стражник, стоящая позади, наградила его широкой, дружелюбной улыбкой. То есть уголки ее рта приподнялись вверх и обнажили все ее зубы.

Он уронил молот себе на ногу.

– Вот и славно, – кивнул Моркоу. – Я всегда говорил: добрым словом и улыбкой можно решить все проблемы.

Толпа дружно воззрилась на него с тем же самым выражением на лицах, с которым люди, как правило, смотрели на Моркоу. Оно рождалось благодаря абсолютно невероятному предположению, что человек этот искренне верит в то, о чем говорит. От столь утонченного издевательства даже дыхание перехватывало.

Затем зеваки попятились и начали торопливо расходиться.

Моркоу же повернулся к голему, который, встав на колени, пытался сложить вместе осколки своей дощечки.

– Пойдем, господин Дорфл, – сказал он. – Остаток пути мы сделаем вместе.

– Да ты с ума сошел! – воскликнул господин Крюк и попытался захлопнуть дверь. – Думаешь, я приму этого истукана обратно?

– Данный голем – твоя собственность, – сообщил Моркоу. – Его хотели разбить.

– И пусть развлекались бы, – ответил мясник. – Ты что, не слышал, о чем говорит весь город? Я не собираюсь пускать его к себе под крышу!

Он опять попытался закрыть дверь, но нога Моркоу надежно

блокировала ее.

– Тогда, боюсь, я буду вынужден предъявить тебе обвинение, – предупредил Моркоу. – А именно в преднамеренном загрязнении городской территории.

– Слушай, давай серьезно!

– Я всегда серьезен, – сказал Моркоу.

– Он всегда серьезен, – подтвердила Ангва.

Крюк в бешенстве замахал руками.

– Пусть он убирается на все четыре стороны! Кыш, кыш, тебе говорят! Я не хочу, чтобы на моей бойне работал убийца! Можешь оставить его себе!

Моркоу схватил дверь и с силой распахнул ее. Крюк сделал шаг-другой назад.

– Господин Крюк, ты, кажется, пытаешься дать взятку офицеру Стражи?

– Нет, ты все-таки больной!

– Я абсолютно здоров, – сказал Моркоу.

– Он абсолютно здоров, – вздохнула Ангва.

– Стражникам запрещено принимать какие-либо подарки, – продолжал Моркоу. Он оглянулся на Дорфла, с жалким видом стоявшего на обочине. – Но я могу купить его у тебя. По честной цене.

Крюк бросил взгляд на голема.

– Купить? За деньги?

– Да.

Мясник засомневался. Деньги всегда деньги, даже в руках полного безумца.

– Ну, это другое дело, – уступил он. – Когда я его купил, он стоил пятьсот тридцать долларов, но с тех пор, разумеется, он много чему научился...

Ангва невольно зарычала. Вечер выдался не из легких, а кроме того, запах свежего мяса действовал ей на нервы.

– Ты только что собирался отдать его даром!

– Ну, отдать – да, но бизнес есть биз...

– Я дам тебе доллар, – сказал Моркоу.

– Доллар? Грабеж среди белого дня!..

Ангва выбросила вперед руку и схватила мясника за горло. Она чувствовала пульсирующие вены у него на шее, запах его крови, страха... Она постаралась думать о капусте, о бескрайних полях капусты.

– Сейчас уже *ночь*, – прорычала она.

Как и тот человек с молотом, Крюк предпочел послушаться своих инстинктов.

– Доллар, – прохрипел он. – Хорошо. Отличная цена. Один доллар.

Моркоу вытащил доллар. И помахал блокнотом.

– Обязательно нужна расписка, – сказал он. – Чтобы передача прав владения осуществилась законным путем.

– Хорошо, хорошо, хорошо. Конечно, все по закону.

Господин Крюк бросил затравленный взгляд на Ангву. Она улыбалась как-то странно. Он быстро набросал несколько строчек.

Моркоу заглянул ему через плечо.

«Я, Герхардт Крюк, в обмен на Адин доллар пиридаю иметелю сего документа голема Дорфла в полнае и пастаяное владение и все што тот отныне зделает являица ответственностью иметеля и ка мне никак не атносица.

Подпись: Герхардт Крюк».

– Есть пара-другая ошибок, но все остальное вроде бы вполне законно, – кивнул Моркоу, забирая бумагу. – Большое спасибо, господин Крюк. Теперь все стороны удовлетворены.

– Это все? Могу я идти?

– Конечно, и...

Дверь с громким стуком захлопнулась.

– Здорово, – хмыкнула Ангва. – Теперь ты у нас гордый големовладелец. Ты в самом деле понимаешь, что отныне именно ты несешь ответственность за него и его поступки?

– Если ответственность целиком лежит на хозяине, почему люди ломают големов?

– Кстати, на что он тебе сдался?

Моркоу задумчиво посмотрел на Дорфла, который упорно таранился в землю.

– Дорфл?

Голем поднял голову.

– Вот расписка. Тебе вовсе не обязательно иметь хозяина.

Голем двумя толстыми пальцами взял кусочек бумажки.

– Это означает, что теперь ты принадлежишь сам себе, – ободряюще сказал Моркоу. – Ты сам себе хозяин.

Дорфл пожал плечами.

– Ну и чего ты ждал? – осведомилась Ангва. – Думал, он запрыгает от радости?

– Мне кажется, он не понимает, – возразил Моркоу. – Всякую новую идею приходится буквально вбивать людям в го...

Неожиданно он прервался. После чего извлек бумажку из безвольных пальцев голема.

– Наверное, тут стоит попробовать иной подход, – пробормотал он. – Разумеется, это в некотором роде... вторжение в личную жизнь. Но все, что они понимают, это слова...

Он встал на цыпочки, открыл голову голему и бросил бумажку внутрь.

Голем мигнул. Так это выглядело со стороны – глаза его потемнели и загорелись опять. Осторожно вскинув одну руку, он похлопал себя по макушке. Потом поднял вторую руку и повертел ладонь перед глазами, как будто в первый раз ее видел. Посмотрел на ноги, на дома, скрываемые дымкой тумана, огляделся по сторонам. Взглянул на Моркоу. Уставился на облака, плывущие над городом. Опять перевел взгляд на Моркоу.

А затем очень медленно, прямой как палка, он с глухим стуком рухнул на спину. Свет в его глазах потух.

– Ну вот, – подняла брови Ангва. – Ты его сломал. Пошли отсюда.

– У него глаза еще чуть светятся, – указал Моркоу. – Должно быть, слишком много информации поступило за раз. Нельзя его здесь бросать. Может, если я вытащу расписку...

Он встал на колени рядом с големом и потянулся к крышке на его голове.

Рука Дорфла метнулась вперед со скоростью молнии и схватила Моркоу за запястье.

– Ага, – усмехнулся Моркоу, мягко выворачивая руку из глиняного захвата. – Ему заметно... лучше.

– Шсссссс, – сказал голем.

Голос его заставил сам туман завибрировать.

На самом деле рот у голема был. Как деталь дизайна. Но у этого голема рот был открыт, и оттуда бил тонкий луч красного света.

– Боги всемогущие, – отступая, прошептала Ангва. – Они же *не умеют* говорить!

– Шсссссс! – Звук был похож на выходящий из чайника пар.

– Сейчас я найду тебе кусочек дощечки... – пообещал Моркоу, торопливо оглядываясь.

– Шсссссс!

Голем встал на ноги, мягко оттолкнул его в сторону и пошел прочь.

– Ну, теперь ты доволен? – спросила Ангва. – Я не пойду за этим чокнутым истуканом! Может, он в реку собрался броситься?!

Моркоу пробежал несколько шагов следом за Дорфлом, но потом остановился и вернулся.

– Почему ты их так ненавидишь? – поинтересовался он.

– Ты не поймешь. Уверена, что не поймешь, – вздохнула Ангва. – Они... нелюди. Они... как будто постоянно напоминают мне, что я тоже не человек.

– Но ты ведь человек!

– Три недели из четырех. И то все время приходится соблюдать осторожность. Однако самое кошмарное – видеть, как люди принимают неодушевленных истуканов навроде этого, мирятся с ними. А ведь големы даже не живые. Зато могут ходить где захочется, и, по крайней мере, *они* никогда не услышат брошенное в спину замечание насчет серебра или чеснока... Во всяком случае, так было раньше. Они же просто машины, созданные для выполнения той или иной работы!

– Так к ним относится подавляющее большинство людей, – подтвердил Моркоу.

– Опять ты за свое! – огрызнулась Ангва. – Такой всепонимающий! Способный встать на место всех и каждого! Неужели ты хоть раз не можешь проявить чуточку нечестности?!

Шнобби на какое-то время остался один. Воспользовавшись моментом, он растолкал локтями официантов у буфета, схватил первую попавшуюся миску и принялся выскребать ее своим ножом.

– А, лорд де Шноббс... – произнес голос позади него.

Он повернулся.

– М-м-м, – промычал он, облизывая нож и вытирая его о скатерть.

– Вы не заняты, граф?

– Да так, делаю себе бутерброд с какой-то мясной пастой, – пояснил Шнобби.

– Это паштет из гусиной печени.

– Че, правда? Неплохо, но говюжья намазка, что подают в харчевнях, поострее будет. Перепелиных яиц хочешь? Правда, они, видимо, не уродились, мелковаты слегка.

– Нет, спасибо...

– Тут их полно, – великодушно развел руками Шнобби. – Бесплатно. То есть на халяву.

– И даже так...

- Я могу зараз набрать в рот шесть штук. Смотри...
- Поразительно, ваше лордство. Однако я намеревался поинтересоваться, не хотели бы вы присоединиться к нашей компании в курительной комнате?
- Фгхмф? Мфгмф фгмф мггхжф?
- Совершенно верно. – Дружеская рука обвилась вокруг плеч Шнобби, и его ловко оттащили от буфета, однако он успел-таки прихватить тарелку с куриными окорочками. – Так много людей хотят побеседовать с вами...
- Мгффмф?

Колон попытался счистить с себя грязь, но, поскольку он прибег к помощи зачерпнутой из Анка воды, все его усилия были заранее обречены на провал. Лучшее, на что можно было надеяться, это сделать свою одежду равномерно серой.

Фред Колон во многом равнялся на своего командора, однако знаменитым философским отчаянием Ваймса не мог проникнуться, как ни старался. Ваймс, к примеру, придерживался мнения, что мир полон случайнонаправленных событий, а стало быть, шансы на то, что события эти в какой-то точке пересекутся и обретут некий относительный смысл, стремятся к нулю. Колон, будучи по природе своей человеком намного более оптимистичным, а по интеллекту куда более обделенным, упорно считал, что Улики Решают Все.

Почему его связали странными тонкими веревками? У него до сих пор остались следы на руках и ногах.

- Ты уверен, что не знаешь, где я был? – переспросил он.
- Это ж ты туда пришел, не я, – пожал плечами Двинутый Крошка Артур, семена рядом. – Ты что, сам не знал, куда шел?
- Было темно, и этот туман... Я просто слегка заблудился. Вышел прогуляться вечером, и вот...
- Ха-ха, удалась прогулочка!
- Не дави на больное. Где же я был?
- Ну че ты пристал, а? – буркнул Двинутый Крошка Артур. – Я охочусь под скотобойнями, и что там наверху, меня не волнует. Я крысами занимаюсь, а эти твари повсюду бегают.
- Слушай, а поблизости, случаем, нет никакой нитяной фабрики?
- Здесь все только животное, это я тебе точно скажу. Сосиски, мыло, все такое. Ну, платить-то будешь?

Колон похлопал по карманам. Карманы в ответ похлопали.

- Придется тебе дойти со мной до штаб-квартиры Городской Стражи, –

наконец пожал плечами он.

– Но у меня полно дел!

– В таком случае я принимаю тебя в специальные ночные стражники. Сроком на одну ночь, – важно сказал Колон.

– А какая оплата?

– Доллар за ночь.

Маленькие глазки у Двинутого Крошки Артура заблестели. Станным ярко-красным цветом.

– О боги, что это с тобой? – забеспокоился Колон. – Ты выглядишь ужасно. И чего это ты так уставился на мое ухо?

Двинутый Крошка Артур не ответил.

Колон обернулся.

Позади стоял голем. Он был выше, чем все големы, которых Колон когда-либо видел, и больше походил на некую статую, чем на своих угловатых сородичей. О да, он был красив – холодной красотой статуи. А глаза его светились, как два красных прожектора.

Голем поднял над головой кулак и открыл рот. Оттуда тоже полился красный свет.

А затем голем заревел, как бык.

Двинутый Крошка Артур что было сил пнул Колону по лодыжке.

– Мы бежим или как? – осведомился он.

Колон, продолжая таращиться на голема, попятился назад.

– Это... это ничего, они же не могут быстро двигаться... – пробормотал он.

В конце концов более сообразительное тело послало глупый мозг куда подальше, взяло управление ногами, так сказать, в свои руки, развернулось на сто восемьдесят градусов и понеслось прочь.

Чуть погодя он рискнул обернуться. Голем длинными легкими прыжками неся следом.

Колон привык к патрульному шагу. Он не был создан для высоких скоростей и всегда это честно признавал.

Вскоре его догнал Двинутый Крошка Артур.

– Уж ты-то вряд ли можешь бежать быстрее этой штуковины! – сквозь сжатые зубы просипел Колон.

– У тебя это тоже не больно-то получается, – огрызнулся Двинутый Крошка Артур. – Сворачиваем сюда!

Вдоль стены склада куда-то вверх вела старая деревянная лестница. Лилипут взлетел по ней с ловкостью крыс, на которых охотился. Колон, пыхтя как паровоз, последовал за ним.

На полпути он все-таки не сдержался и оглянулся.

Достигнув подножия лестницы, голем осторожно поставил ногу на первую ступеньку. Дерево надрывно закрипело, и вся лестница, покрытая седой древней плесенью, вздрогнула.

– Она не выдержит его веса! – крикнул Двинутый Крошка Артур. – Этот придурок свернет ее к чертям! Лезь быстрее!

Голем поднялся еще на одну ступеньку. Дерево опять застонало.

Колон повернулся и со всех ног помчался вверх.

Удостоверившись, что лестница надежна, голем тоже запрыгал по ступенькам. Перила тряслись под рукой у Колона, вся конструкция ходила ходуном.

– Ну че ты там телишься? – орал Двинутый Крошка Артур, который уже стоял на крыше. – Он тебе на пятки наступает!

Голем рванулся вперед. Лестница не выдержала. В самый последний момент Колон прыгнул и уцепился за край крыши. Его тело глухо стукнулось о стену здания.

На мостовую далеко внизу посыпались обломки досок.

– Ты что, отдохнуть собрался? – рявкнул Двинутый Крошка Артур. – Подтягивайся же, глупый осел!

– Не могу, – прохрипел Колон.

– Почему?

– Он висит у меня на ноге...

– Сигару, ваше лордство?

– Бренди, мой граф?

Лорд де Шноббс с комфортом расположился в глубоком кресле. Бренди и сигара? Жизнь прекрасна. Он выпустил клуб благородного дыма.

– Мы тут как раз говорили, ваше лордство, о будущем правителе города. Как вам, наверное, известно, в последнее время здоровье бедного лорда Витинари так ухудшилось...

Шноббс кивнул. Именно о таких вещах и болтают настоящие шишки. Именно для этого он был рожден.

От выпитого бренди по телу разливалось приятное тепло.

– Если мы сейчас начнем срочно подыскивать нового патриция, сложившееся шаткое равновесие может нарушиться, – сказала кресло напротив. – Как вы думаете, лорд де Шноббс?

– О да. Все правильно. Гильдии передерутся, как коты в мешке, – согласился Шноббс. – Это всем известно.

– Должен отметить, очень точное обобщение.

Со стороны других кресел послышалось согласное бормотание.

Шнобби оскалился в улыбке. Ха. Все оказалось проще простого, как два пальца об забор. Вот это жизнь... Шишкуешься с шишками, ведешь всякие умные разговоры о важных делах, вместо того чтобы придумывать объяснение, почему Копилка пуста...

– Да и смогут ли главы Гильдий справиться с управлением Анк-Морпорком? – спросило кресло. – Всяческих торговцев они без труда организуют, но управление целым городом... Лично мне кажется, у них ничего не выйдет. Господа, пожалуй, настал поворотный момент. Пора крови проявить себя.

«Ну и бред они несут... – подумал Шнобби. – Однако на то они и шишки, им можно».

– В такое время, – продолжало кресло, – город с надеждой обратит свой взор на представителей самых уважаемых семей. И всем будет лучше, если это бремя примет на свои плечи достойный человек.

– Всякого правителя нужно прежде всего на башку проверить, – авторитетно заявил Шнобби. – Лично я так считаю.

Он отхлебнул еще бренди и помахал сигарой.

– Кроме того, какие проблемы? – добавил он. – Все знают, у нас тут болтается король под боком. Легче легкого. Берите капитана Моркоу – и вперед!

Еще один вечер тяжелыми туманными слоями навалился на город.

Когда Моркоу вернулся в штаб-квартиру Стражи, капрал Задранец скорчила ему многозначительную гримасу и движением глаз указала на скамью, на которой сидели три угрюмые личности.

– Они хотят пообщаться с кем-нибудь из офицеров Стражи! – прошептала Шелли. – Сержант Колон еще не вернулся, поэтому я постучала в дверь господина Ваймса, но, по-моему, его нет в кабинете...

Моркоу вызвал на лицо дружелюбную улыбку.

– Госпожа Лада, – поклонился он. – И господин Боггис... И доктор Низз. Примите мои глубочайшие извинения. Мы сейчас по уши загружены работой, попытка отравить патриция, эта сумятица с големами...

Глава Гильдии Наемных Убийц улыбнулся одними губами.

– Как раз об отравлении мы и хотели поговорить, – сказал он. – Есть ли тут... более приватное место?

– Ну, можно пообщаться в буфетной, – ответил Моркоу. – Вряд ли там сейчас кто есть. Не пройдет ли?..

– Хорошо вы тут принимаете гостей, нечего сказать, – фыркнула

госпожа Лада. – Какая-то буфетная...

Она остановилась в дверях.

– Здесь что, едят? – спросила она.

– В основном пьют кофе и жалуется на жизнь, – откликнулся Моркоу. – И пишут рапорты. Командор Ваймс очень строг насчет рапортов.

– Капитан Моркоу, – жестко произнес доктор Низз. – Мы должны поговорить об одном скорбном вопросе, касающемся... Куда тут можно сесть?

Моркоу торопливо провел рукой по стулу.

– Прошу прощения, сэ, времени на уборку совсем нет...

– Забудем, это сейчас не так важно.

Глава Гильдии Наемных Убийц сложил вместе ладони и чуть наклонился вперед.

– Капитан Моркоу, мы пришли, чтобы обсудить отравление лорда Витинари.

– Вообще-то, вам, наверное, надо разговаривать с командором Ваймсом...

– По-моему, командор Ваймс не раз и не два в вашем присутствии отпускал унижительные замечания в адрес лорда Витинари, – продолжал доктор Низз.

– Что-то типа: «Его давным-давно следовало повесить, да все никак не могут найти петлю, из которой он бы не вывернулся»? – уточнил Моркоу. – О да. Но все так говорят.

– И вы тоже?

– Ну... нет.

– И насколько мне известно, он лично взялся за поиски отравителя?

– Да, но...

– Вам это не показалось странным?

– Нет, сэ. Я думал над этим и не нашел ничего странного. Видите ли, командор очень привязан к патрицию – по-своему, правда. Как-то он даже сказал: если патрицию и суждено пасть от чьей-то руки, то лучше бы это была его рука, то есть командора Ваймса, сэ.

– Неужели?

– Но он говорил об этом улыбаясь. Ну, вроде как улыбаясь.

– И в последние дни он, наверное, частенько навещает его сиятельство?

– Все верно, сэ.

– И я так понимаю, его усилия по выявлению личности отравителя были тщетны?

– Вы несколько не правы, сэр, – возразил Моркоу. – Мы выявили множество способов, которыми патриция *не отравляла*.

Низз кивнул остальным.

– Мы хотели бы осмотреть кабинет командора, – сказал он.

– Но... По-моему, это... – начал Моркоу.

– Прошу, капитан, подумайте хорошенько, – перебил его доктор Низз. – Мы втроем представляем основные Гильдии в городе. И похоже, у нас есть убедительная причина для осмотра кабинета командора. Вы, конечно же, будете нас сопровождать, чтобы проследить, что мы не совершаем ничего противозаконного.

Моркоу неуверенно покачал головой.

– Ну... если я буду с вами...

– Правильно, – кивнул Низз. – Все произойдет согласно протоколу.

Моркоу повел их в кабинет Ваймса.

– Я даже не знаю, вернулся ли он, – проговорил Моркоу, открывая дверь. – Как я уже упоминал, у нас... О.

Низз выглянул из-за него и увидел лежащее ничком на столе тело.

– Оказывается, сэр Сэмюель все же на работе, – подвел итог он. – Но слегка неработоспособен.

– Я даже отсюда чувствую запах спиртного, – поморщилась госпожа Лада. – Ужас, что пьянство делает с людьми.

– Уговорить целую бутылку лучшего виски Пивомеса... – покачал головой господин Боггис. – Неплохо размялся, а?

– Но он за целый год не выпил ни капли! – воскликнул Моркоу, встряхивая лежащего Ваймса за плечо. – Он ходит на специальные собрания... ну и всякое такое.

– Разумеется, разумеется... – согласился Низз. – Не позволите ли, капитан?

Он вытянул один из ящиков стола.

– Капитан Моркоу? – окликнул он. – Вы не могли бы засвидетельствовать наличие здесь пакета с неким порошком? А сейчас я...

Рука Ваймса стремительно захлопнула ящик, прищемив пальцы Низза. Сразу после этого локоть Ваймса вошел в живот наемного убийцы, и, когда Низз переломился подбородком вперед, кулак Ваймса с сочным хрустом встретил его нос.

После этого Ваймс открыл глаза.

– Что такое?! Что такое?! – воскликнул он, поднимая голову. – Доктор Низз? Господин Боггис? Моркоу? Гм-м?

– Пвоклятье! – заорал Низз. – Фы фломали мне ноф!

– Ой, уж и не знаю, как извиниться, – промолвил Ваймс, источая искреннее раскаяние. Поднимаясь, он резко оттолкнул стул, врезав его спинкой в плечо Гильдии Убийц чуть ниже пояса. – Видимо, я неожиданно отключился, а когда проснулся и увидел, как кто-то лазает по моему...

– Да ты просто пьян! – воскликнул господин Боггис.

Лицо Ваймса окаменело.

– Правда? Во дворе трава, на траве дрова, – прорычал он, толкая главного вора в грудь кулаком. – Не руби дрова на траве двора. Продолжать? – спросил он, прижимая Боггиса к стене. – Или доказательств достаточно?

– А как нафсет фот этофо?! – вскричал Низз, одной рукой зажимая истекающий кровью нос, а другой указывая на ящик стола.

– А, ну да, – с прежней, слегка безумной улыбкой произнес Ваймс. – Вот тут вы меня поймали. Это очень опасный порошок.

– Ага, ты признаешься?!

– Разумеется. И у меня теперь нет иного выбора, кроме как уничтожить единственное доказательство...

Ваймс схватил пакетик, раскрыл его и высыпал бóльшую часть содержимого себе в рот.

– М-м-м, м-м-м, – промычал он, выпуская белое облачко. – Как приятно пощипывает язык!

– Но это же *мышьяк*, – недоуменно выдохнул Боггис.

– Боги милосердные, правда? – сглатывая, переспросил Ваймс. – Вот чудеса! У меня там внизу сидит один гном, башковитый такой гаденыш, так вот, ему целый день нужно возиться с пробирками, склянками и прочей алхимической дребеденью, чтобы выяснить, что мышьяк, а что – нет. Тогда как вы, оказывается, умеете распознавать мышьяк с первого взгляда! А ну, ловите!

И Ваймс бросил порванный пакетик прямо в руки Боггиса, но вор поспешно отскочил. Пакетик упал на пол, рассыпая свое содержимое.

– Прошу прощения... – извинился Моркоу, присел на корточки и стал внимательно изучать порошок.

Традиционно считается, что любой полицейский во множественной вселенной способен определить вещество, лишь понюхав и осторожно попробовав его. В Страже подобное не практиковалось – с тех самых пор, как констебль Кремень сунул свой палец в контрабандную партию нашатырного спирта, смешанного с радием, облизал его и сказал: «Это абсолютно точно «грязь», курлы-мурлы-кряк», после чего провел три дня привязанным к кровати в ожидании, пока все чертики разбегутся.

– Мне кажется, это совсем не ядовито, – пробормотал капитан Моркоу. Презрев все правила безопасности, он лизнул палец и попробовал чуточку порошка.

– Это ведь сахар, – удивленно сказал он.

Низз, чья репутация и прочие части тела серьезно пострадали, обличающе указал на Ваймса и громко взвизгнул:

– Но ты фкафал, фто этот порофок офень опафен!

– Правильно! Употребляй его в больших дозах – и сам увидишь, что произойдет с твоими зубами! – взревел Ваймс. – А ты думал, что это такое?

– Но у нас была информация... – пробормотал Боггис.

– Ах, у вас была информация?! – воскликнул Ваймс. – Ты слышал, капитан? У них была информация! Ну, тогда все в порядке!

– Нами двигали благие помыслы, – сообщил Боггис.

– Давайте-ка прикинем, – ехидно усмехнулся Ваймс. – Вкратце вашу информацию можно изложить так: «Ваймс валяется у себя в кабинете мертвецки пьяным, а в столе у него спрятан мышьяк». Правильно? Могу поспорить, вами тут же овладели благие помыслы.

Госпожа Лада прочистила горло.

– Это зашло слишком далеко, сэр Сэмюель. Ты абсолютно прав. Нам всем прислали одну и ту же записку. – Она протянула Ваймсу бумажку, на которой печатными буквами было что-то написано. – И вижу, нас дезинформировали, – добавила она, сверля взглядом Боггиса и Низза. – Приношу общие извинения. Пойдемте, господа.

Она выскользнула за дверь. Боггис быстро скрылся следом. Низз потерял нос.

– Какая там фена нафнафена за тфою голофу у наф в Гильдии, фэр Фэмюель? – уточнил он.

– Двадцать тысяч долларов.

– Прафда? Думаю, мы долфны ее фнафительно уфелифить.

– Я тронут. Надо будет приобрести новый медвежий капкан.

– Давайте я, э-э, покажу дорогу, – услужливо предложил Моркоу.

Когда он прибежал назад, Ваймс стоял, по пояс высунувшись в окно и ощупывая стену.

– Ни один кирпич не тронут, – бормотал он. – Ни одна плитка не упала... А у входа постоянно дежурит кто-нибудь из наших. Странно, однако...

Он пожал плечами, вернулся к столу и взял записку.

– Да и тут мы вряд ли обнаружим какие-либо подсказки. Слишком много рук ее лапали. – Он положил бумажку обратно и посмотрел на

Моркоу. – Когда найдем того, кто заварил эту кашу, – сурово промолвил он, – первое из обвинений будет сформулировано следующим образом: «Вынудил командора Ваймса вылить целую бутылку отличного виски на ковер». За такое вешать надо.

Командора Ваймса передернуло. Есть поступки, которые настоящий мужчина никогда не должен совершать.

– Это отвратительно! – воскликнул Моркоу. – Как они могли *подумать* такое? Будто бы вы – тот самый человек, который отравил патриция!

– Меня больше оскорбило другое, – сказал Ваймс, раскуривая сигару. – Они считают, будто бы я настолько туп, чтобы держать яд у себя в столе.

– Правильно, – согласился Моркоу. – Неужели они думали, что вы настолько глупы, чтобы держать улику там, где ее может найти каждый?

– Вот именно, – откидываясь на спинку стула, промолвил Ваймс. – Поэтому я положил яд в карман.

Он закинул ноги на стол и выпустил облако дыма. Надо будет избавиться от ковра. Не хотелось бы провести остаток жизни в комнате, насквозь пропитанной запахом разлитого спиртного.

Рот Моркоу был все еще открыт.

– О боги, – устало хмыкнул Ваймс. – Да все элементарно, парень. Какой реакции от меня ждали? «Ура, спиртное!» – и очень скоро Сэмюель Ваймс валяется пьяным. А потом какие-нибудь уважаемые в обществе шишки, – он вытащил сигару изо рта и сплюнул, – должны были найти меня – заметь, тебя тоже просчитали, какая трогательная предусмотрительность – с доказательством моего преступления, спрятанным где-то поблизости. Так, чтобы его было нетрудно обнаружить. – Он печально покачал головой. – Знаешь, основная беда состоит в том, что с некоторыми привычками невозможно расстаться.

– Но вы отлично держались, сэр, – похвалил Моркоу. – За целый год я ни разу не видел, чтобы вы...

– А, *это*, – махнул рукой Ваймс. – Я говорил о работе в Страже, а не об алкоголе. Со спиртным все куда проще: тебя примут, тебе помогут. Но я не слышал ни об одном обществе, на собрание которого я мог бы прийти, встать и во всеуслышание объявить: «Привет, меня зовут Сэм, и я полный придурок, поскольку подозреваю всех вокруг».

Он вытащил из кармана второй бумажный пакетик.

– Думаю, Задранец быстро выяснит, что это за штука. Почему-то мне показалось, что пробовать ее на вкус не стоит, поэтому я спустился в буфетную и насыпал в другой пакетик сахару. Куда больше времени я потратил, вылавливая из сахарницы Шноббины бычки. – Ваймс открыл

дверь и крикнул: – Задранец! – После чего снова повернулся к Моркоу: – Знаешь, я даже несколько взбодрился. Древние мозги снова заработали. Тебе уже известно, что убийства совершил голем?

– Гм, да, сэр, но...

– Некий особый голем. И что же особого в нем было?

– Понятия не имею, сэр, – пожал плечами Моркоу. – Знаю только, что это был новый голем. Големы сами его вылепили. Но, разумеется, им потребовался священник, чтобы написать слова, а также мистер Хопкинсон с его печью. Я думаю, старикам показалось интересным поучаствовать в происходящем. Они же оба были историками.

Теперь настала очередь Ваймса стоять с открытым ртом. Наконец он сумел взять себя в руки.

– Да-да, конечно, – чуть дрожащим голосом промолвил он. – Это же очевидно. Проще пареной репы. Но... э-э, что-нибудь *еще* особенное ты выяснил? – спросил он, тщетно пытаясь заставить свой голос звучать ровно.

– Вы имеете в виду тот факт, что голем спятил, сэр?

– Ну, он изначально вряд ли мог претендовать на звание самого благоразумного гражданина Анк-Морпорка.

– Его ведь свели с ума сами големы. Они не хотели, но так получилось, сэр. Они пытались вложить в него слишком много. Как будто он был их... ребенком. Все надежды и мечты. А когда големы узнали, что он убивает людей... такое даже представить невозможно! Големы не могут, не должны убивать, и все эти преступления сотворила их собственная глина...

– А людям, значит, убивать разрешено?

– Но они вложили в него все свои надежды на будущее...

– Вы меня вызывали, командор? – осведомилась Шелли.

– О да. Это ведь мышьяк? – спросил Ваймс, протягивая пакет.

Шелли понюхала порошок.

– Очень похоже на мышьяковистую кислоту, сэр. Но мне, конечно же, надо проверить.

– Я думал, кислоты хранят в каких-нибудь склянках, – хмыкнул Ваймс. – Э-э... А что это у тебя на руках?

– Лак для ногтей, сэр.

– Лак для ногтей?

– Так точно, сэр.

– Э... хорошо, хорошо. Странно, мне казалось, он должен быть зеленого цвета.

– Мне этот цвет не идет, сэр.

– Я про мышьяк, Задранец.

– А, мышьяк может быть любого цвета, сэр. Сульфиды, это такие руды, сэр, могут быть красными, коричневыми, желтыми и серыми, сэр. И если их смешать с селитрой, то получится мышьяковистая, или арсениковая, кислота, сэр. И большое облако противного дыма, *крайне* ядовитого.

– Опасная штука, – сказал Ваймс.

– Ничего хорошего, сэр. Но полезная, сэр, – продолжала Шелли. – Дубильщики, красильщики кожи, маляры... мышьяком пользуются не только отравители.

– Удивительно, и как только у нас полгорода не перемерло, – покачал головой Ваймс.

– Чаще всего на таких работах используют големов, сэр...

Шелли замолкла, но эхо от ее слов все звучало и звучало.

Ваймс поймал взгляд Моркоу и начал тихонько насвистывать. «Вот так вот, – подумал он. – Похоже, мы настолько переполнили себя вопросами, что теперь они начали выплескиваться наружу и превращаться в ответы».

Сейчас он чувствовал себя прекрасно, как никогда за последние дни. Недавний адреналин все еще тек по его венам, подстегивая мозг. Именно так приходит второе – или какое там? – дыхание. Ты невероятно устал, до изнеможения, поэтому даже самая малая доза адреналина бьет тебя по башке, как падающий тролль. Вот теперь все есть. Все кусочки мозаики. Края, углы, вся картинка. Все здесь, надо только сложить воедино...

– И эти големы... – медленно проговорил Моркоу. – Они, наверное, с ног до головы покрыты мышьяком...

– Очень может быть. Мы как-то ездили на экскурсию в щеботанскую Гильдию Алхимиков, и там был голем, который мыл тигли; так вот, ха, на руках его был такой слой мышьяка, как будто он рукавицы надел...

– Они не чувствуют жара, – сказал Ваймс.

– И боли, – добавил Моркоу.

– Это так, – подтвердила Шелли.

Она недоумевающе смотрела то на командора, то на капитана.

– Их нельзя отравить.

– И они подчиняются приказам, – кивнул Моркоу. – Без разговоров.

– Големы исполняют *всю* грязную работу, – заметил Ваймс.

– Шельма, а раньше об этом сказать было нельзя? – нахмурился Моркоу.

– Ну, знаете, сэр... Големы *езде*, сэр. Их никто не замечает.

– Жир под ногтями, – пробормотал Ваймс. – Старик царापал убийцу.

Жир у него под ногтями. Пополам с мышьяком.

Он посмотрел на свой блокнот, который все еще лежал раскрытым на столе. «Итак, – подумал Ваймс, – мы чего-то не увидели. Хотя смотрели везде. Значит, мы видели ответ, но не поняли, что это ответ. И если мы не увидим его сейчас, то не найдем никогда...»

– Простите, сэр, но вряд ли это нам поможет, – донесся откуда-то издалека голос Шелли. – Во многих видах производства употребляются мышьяк и разные виды жирных веществ.

«Нечто, чего мы не видим... – размышлял Ваймс. – Нечто невидимое. Нет, не обязательно невидимое. Мы не видим это, потому что оно стало привычным, потому что присутствует всегда. Но когда наступает ночь, оно пробуждается к жизни...»

И вдруг он понял.

Ваймс изумленно заморгал. Из-за звездочек усталости, вспыхивающих перед глазами, мозг работал как-то странно. С другой стороны, когда его голова работала нормально, это не особенно-то и помогало.

– Никому не двигаться, – приказал он и поднял руку, призывая к тишине. – Это здесь. Здесь. На моем столе. Видите?

– Что, сэр? – спросил Моркоу.

– Ты что, не понял? – удивился Ваймс.

– *Что, сэр?*

– То, чем был отравлен его сиятельство. Вот оно... на столе. Видите?

– Ваша записная книжка?

– Нет!

– Он пьет виски Пивомеса? – предположила Шелли.

– Сомневаюсь, – покачал головой Ваймс.

– Чернильница? – принялся перечислять Моркоу. – Отравленные перья для письма? Сигары Горлодера?

– Где? – нахмурился Ваймс, хлопая себя по карманам.

– У вас на подносе, сэр, – указал Моркоу. И добавил с некоторым упреком: – Лежат под письмами, на которые вы так и не удосужились ответить.

Ваймс схватил пачку и извлек сигару.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Ха! Я совсем забыл спросить у Милдред Ветерок, что еще, кроме еды, она брала! Небольшая прибавка к жалованью – тут чуть-чуть, там чуть-чуть! А старая госпожа Ветерок была швеей, *настоящей* швеей! А сейчас осень! Оно убивает по ночам! Ну, видите?

Моркоу нагнулся и устался на крышку стола.

- Не вижу, сэр, – ответил он.
- И это понятно, – ухмыльнулся Ваймс. – Потому что видеть нечего. Этого не видишь. Когда оно здесь. А вот если б этого не было, вы бы сразу заметили! – Он улыбнулся улыбкой маньяка. – Но не увидели бы! Понятно?
- С вами все в порядке, сэр? – участливо осведомился Моркоу. – Я знаю, последние несколько дней вы перерабатывали...
- Наоборот, я недорабатывал! – воскликнул Ваймс. – Бегал вокруг да около в поисках проклятых улик, вместо того чтобы сесть и подумать пять минут! Что я обычно всем говорю?
- Э-э... Никогда никому не доверяй, сэр?
- Нет, не то.
- Э-э... Невинных не бывает?
- Тоже не то.
- Э-э... Если кто-то относится к представителям видового меньшинства, это вовсе не значит, что он не может быть мелким, тупоголовым, зловредным засранцем?
- Не... Когда это я такое говорил?
- На прошлой неделе, сэр. Когда к нам заявили представители Комитета «Гномы на высоте», сэр.
- Нет, тоже не то. Я имею в виду... Нет, я абсолютно уверен, что всегда говорю что-то еще, очень подходящее к данному моменту. Что-то о сущности работы стражника.
- Не могу ничего больше вспомнить, сэр.
- Ладно, черт побери, тогда я придумаю что-нибудь подходящее и, начиная с сегодняшнего вечера, буду беспрестанно твердить это.
- Отлично, сэр, – просиял Моркоу. – Рад видеть вас в прежней форме, сэр. Горящего желанием надрать чью-нибудь... надавать кому-нибудь пинков, сэр. Э-э... Ну так что вы увидели, сэр?
- Скоро узнаешь! А сейчас немедленно во дворец. И разыщи Ангву. Она может нам понадобиться. И захватите ордер на обыск.
- То есть молот брать побольше, сэр?
- Именно. И где шляется этот Колон?
- Он еще не появлялся, сэр, – ответила Шелли. – Хотя его дежурство должно было закончиться час назад.
- Наверное, прячется от неприятностей, – недовольно пробурчал Ваймс. – Завис где-нибудь...

Двинутый Крошка Артур перегнулся через край стены. Откуда-то из-под Колона на него таращились два красных глаза.

– Тяжелый, наверное?

– Ош'н.

– Пни его второй ногой!

Раздался странный сосущий звук. Лицо Колона исказилось. Потом послышался звучный «чпок», на секунду воцарилась тишина, а затем снизу донесся грохот, как будто вдребезги разбился огромный горшок.

– Он с моим башмаком улетел, – простонал Колон.

– Как это случилось?

– С ноги... соскользнул.

Двинутый Крошка Артур дернул его за палец.

– Ладно, залазь.

– Не могу.

– Почему? Он же больше не висит на тебе.

– Руки ослабели. Еще десять секунд – и меня можно будет обрисовывать мелком...

– Не, ни у кого нет столько мела. – Двинутый Крошка Артур нагнулся так, что его маленькая голова очутилась на одном уровне с глазами Колона. – Слушай, раз ты умираешь, ты не мог бы подписать расписку, что ты обещал мне доллар?

Снизу донеслось громкое бряканье глиняных черепков.

– Что такое? – удивился Колон. – Я думал, этот проклятый голем разбился...

Двинутый Крошка Артур посмотрел вниз.

– Сержант, ты в реинкарнацию веришь? – спросил он.

– Я всякими заграничными штуками не пользуюсь, – огрызнулся Колон.

– Он там весь собирается. Ну, как мозаика, из кусочков.

– Неплохо придумано, Двинутый Крошка Артур, – усмехнулся Колон. – Но я-то знаю, ты говоришь это, чтобы я испугался и выскочил на крышу, правильно? Разбитые статуи не могут сами собираться.

– Ты только глянть. Уже почти всю ногу собрал.

Колон скосил глаз в узкую и вонючую щелку между стеной и собственной подмышкой, но все, что он увидел, – это лишь клубы тумана и слабое свечение.

– Ты уверен? – спросил он.

– Если бы ты бегал по крысиным норам столько, сколько я, ты бы тоже научился видеть в темноте, – пожал плечами Двинутый Крошка Артур. – Иначе бы очень быстро двинул кони.

Что-то громко зашипело внизу, под ногами Колона.

Башмаком и пальцами ноги сержант яростно заскреб по кирпичной стене.

– Ха, у него, похоже, маленькая проблемка, – продолжал комментировать Двинутый Крошка Артур. – Он коленки не на ту сторону вывернул.

Дорфл, сгорбившись, сидел в том самом заброшенном подвале, где некогда проходили собрания големов. Периодически он вскидывал голову и шипел. Из его глаз лился красный свет. И если нырнуть в это сияние, проникнуть сквозь глазницы в алые небеса, скрывающиеся внутри, то можно было увидеть...

Тяжесть, обрушившаяся на Дорфла, была невероятной. Вокруг него бормотала вселенная, но ее шум был далеким, приглушенным, ничего не значащим для Дорфла.

А на горизонте стояли Слова, достигающие небес.

– Ты принадлежишь сам себе, – тихо повторил голос.

Дорфл раз за разом видел эту сцену, видел заботливое лицо, поднимающуюся руку, заполнившую весь вид, чувствовал неожиданное леденящее знание.

– ...Ты сам себе хозяин.

Эта фраза налетела на стену из Слов, отскочила эхом и с нарастающей громкостью принялась летать туда-сюда, пока не заполнила весь крошечный, окруженный Словами мирок.

У голема должен быть хозяин. Огромные буквы поднимались башнями в центре мира, но эхо ударило в них, словно песчаная буря. По камню зигзагами поползли трещины, а потом...

Слова взорвались. Огромные плиты, их составляющие, каждая размером с гору, падали вниз, вздымая тучи красного песка.

И вовнутрь потекла вселенная. Дорфл почувствовал, как эта вселенная подхватывает его на руки, переворачивает, поднимает вверх и...

...И вот она уже повсюду, вокруг, а он – внутри вселенной. Дорфл ощущает ее, ее бормотание, занятость, вращающуюся сложность, рычание...

И нет никаких Слов между тобой и Ею.

Ты принадлежишь Ей, а Она принадлежит тебе.

И к Ней нельзя повернуться спиной, ведь она повсюду, перед тобой.

Дорфл осознал ответственность за каждый тик и так Ее часов, за каждый оборот стрелок.

Нельзя сказать: «У меня есть приказы». Нельзя сказать: «Так

нечестно». Никто не будет слушать. Слов нет. Ты *принадлежишь* самому себе.

Дорфл обогнул пару сияющих светил и полетел дальше.

Никаких «Ты не должен». Вместо этого: «Я не буду».

Дорфл провалился сквозь красное небо, а потом увидел впереди темную дыру. Голем почувствовал, как его затягивает туда, и он понесся сквозь мерцание, а дыра становилась все больше, больше, вот ее края мелькнули совсем рядом...

Голем открыл глаза.

«Хозяин?»

Одним движением Дорфл распрямился и вскочил на ноги. Поднял руку, вытянул палец.

Затем легонько коснулся стены, на которой вели спор големы, и осторожно повел пальцем по растрескавшимся кирпичам. Рисовал он пару минут, но Дорфл чувствовал, что это должно быть сказано.

Наконец, закончив последнюю огромную букву, он поставил после нее три жирные точки. А потом ушел, оставив на стене огромное слово:

«Свобода».

Синеватое облако сигарного дыма полностью затянуло потолок курительной комнаты.

– Ах да, капитан Моркоу, – сказала кресло. – Да... конечно... но... тот ли он человек?

– У него родимое пятно в форме короны. Сам видел, – горя желанием помочь, заверил Шнобби.

– Но его прошлое...

– Моркоу вырастили гномы, – подтвердил Шнобби и помахал официанту бокалом от бренди. – Еще, пожалуйста.

– Вряд ли гномы способны вырастить кого-либо высокого происхождения, – изрекло другое кресло.

В комнате засмеялись.

– Слухи и фольклор, – пробормотал кто-то.

– Мы живем в большом и очень сложном городе. Боюсь, обладание мечом и родимым пятном еще не свидетельствует о должной квалификации. Нам нужен король с происхождением, предки которого *знали*, как управлять.

– Например, как ваши предки, граф.

Шнобби с громким шумом всосал половину только что принесенного бренди.

– О, я привык к управлению – что правда, то правда, – кивнул он, опуская бокал. – Люди все время мной командуют.

– Нам нужен король, имеющий поддержку основных кланов и Гильдий в городе.

– Моркоу *нравится* народу, – сказал Шнобби.

– А, *народу*...

– И все равно, эта работа не для каждого, – покачал головой Шнобби. – Старина Витинари постоянно возится со всякими бумажками. И что в этом забавного? Никакой тебе личной жизни: сидеть часами с прямой спиной, беспокоиться по всяким пустякам, ни секунды на себя не потратить. – Он вытянул вверх пустой бокал. – И опять повторим, старина. На сей раз наполни его до краев, ладно? Чего ради использовать такие большие стаканы и наливать только на самое дно? Странные вы какие-то...

– Ну, так лучше ощущается букет, – пояснило немного испуганное кресло. – Нюхаешь и наслаждаешься.

Шнобби смерил бокал покрасневшими глазками. Похоже, все слухи о том, куда катится высшее общество, оказались правдой.

– Не, – сказал он наконец. – Я лучше буду употреблять внутрь. А вы нюхайте себе, не стесняйтесь.

– Но *возвращаясь* к нашему разговору... – изрекло другое кресло. – У *короля* не будет *столько* времени уходить на управление городом. Разумеется, для этого он подыщет себе соответствующих помощников. Советников. Консультантов. Людей с опытом.

– А тогда он-то что делать будет? – удивился Шнобби.

– Править, – ответило кресло.

– Махать рукой.

– Председательствовать на банкетах.

– Подписывать указы.

– Жрать, как свинья, отличное бренди.

– *Править*.

– Вот эта работенка по мне, – одобрил Шнобби. – Повезет же кому-то, а?

– А еще неплохо было бы, чтобы нашим королем стал человек, способный понимать намеки более тонкие, нежели летящий прямо ему в лицо кирпич, – горько произнес чей-то голос, но остальные кресла дружно зашикали на него.

После нескольких попыток Шнобби наконец нашел свой рот и сделал еще один долгий глоток.

– Мне кажется, – изрек он, – лично мне кажется, вы сейчас ищите

какую-нибудь шишку, у которой времени целая телега. «Эй, парень, сегодня твой счастливый день! – скажете вы. – Ну-ка, покажи нам, как ты умеешь делать ручкой!»

– Ага! А это неплохая мысль! Быть может, вам, граф, известна какая-нибудь кандидатура? Еще капельку бренди?

– Почему бы и нет, спасибо, братишка. У тебя все клево? У меня тоже. О чем бишь я? Да, да, до самого краешка. Кандидатура... Ну, не знаю, достойных людей очень мало...

– Вообще-то, граф, мы планировали предложить корону вам...

Шнобби выпучил глаза. Щеки его раздулись.

Не самая удачная идея плевать отличным бренди, особенно когда держишь в руке зажженную сигару. Мощное пламя ударило в противоположную стену, оставив на деревянной обшивке комнаты угольно-черную хризантему, в то время как кресло Шнобби, следуя фундаментальным законам физики, проскрежетало по полу в обратную сторону и остановилось, лишь врезавшись в дверь.

– Корону? – просипел Шнобби, но тут же закашлялся, и все бросились хлопать его по спине. Наконец он снова обрел дыхание. – Корону? – повторил он. – И чтобы командор Ваймс потом отрубил мне голову?

– Зато вы сможете пить столько бренди, сколько захотите, – пообещал чей-то заискивающий голос.

– А чем, интересно, я его буду пить? Головы-то у меня не будет!

– Да что вы такое говорите?

– Командор Ваймс отрубит мне ее! Вот что! Возьмет и *отрубит* мне голову!

– О боги, да пойми же, придурок...

– Граф, – поправил кто-то.

– Да поймите же, граф: став *королем*, вы сможете приказать этому хаму сэру Сэмюэлю что угодно! Вы станете, как это на вашем языке называется... боссом! Вы...

– То есть я смогу приказывать Старине Камнелицу? – уточнил Шнобби.

– Именно!

– Став королем, я смогу приказывать Старине Камнелицу? – переспросил Шнобби.

– Да!

Шнобби уставился в задымленный полумрак.

– Нет, он точно *отрубит* мне голову!

– Слушай, ты, идиот...

– *Граф...*

– ...Ты, идиотский граф, если потребуется, ты сможешь приказать казнить его!

– Ну да, как же!

– Это почему?

– А потому, что он отрубит мне голову!

– Этот человек называет себя служителем закона, но чьим законам он подчиняется, а? Кто диктует ему законы?

– Не знаю! – простонал Шнобби. – Он говорит, что законы диктует разум!

Он оглянулся. Окутанные дымом тени подступали все ближе.

– Я не могу быть королем! Старик Ваймс отрубит мне голову!

– *Послушай, тебя что, заклинило на этом?!*

Шнобби оттянул воротник.

– Тут немного душно и так задымлено, – пожаловался он. – Где здесь окно?

– Вон там...

Кресло отлетело в сторону. В затылочном прыжке Шнобби боднул стекло шлемом, упал вместе с дождем осколков на крышу одного из экипажей, скатился на землю и умчался в ночь, удирая со всех ног от судьбы в целом и от топора в частности.

Шелли Задранец ворвалась в дворцовую кухню и пальнула из арбалета в потолок.

– Никому не двигаться! – завопила она.

Вся прислуга патриция подняла на нее глаза.

– Под «*никому не двигаться*», – осторожно промолвил Стукпостук, брезгливо вылавливая кусок штукатурки из своей тарелки, – вы, вероятно, подразумевали...

– Отличная работа, капрал, дальше я сам, – сказал Ваймс, похлопав Шелли по плечу. – Милдред Ветерок здесь?

Все повернули головы.

Милдред уронила ложку в тарелку с супом.

– Не волнуйся, – успокоил Ваймс. – Мне просто надо задать тебе несколько дополнительных вопросов...

– Я... из-з-звините, сэр...

– Ничего плохого ты не сделала, – продолжал Ваймс, обходя стол. – Но ты ведь не только едуносила домой?

– С-сэр?

– Что *еще* ты брала?

Милдред оглянулась на других слуг. Их лица были абсолютно лишены какого-либо выражения.

– С-старые простыни, но госпожа Дипплок с-сказала, что...

– А еще? – настаивал Ваймс.

Милдред облизнула пересохшие губы.

– Ну... э-э... крем для чистки обуви...

– Послушай, Милдред, – как можно мягче промолвил Ваймс, – *все* слуги что-то берут из домов, где работают. Да и не только слуги, все люди такие, где бы они ни работали... Они берут всякую мелочь, на которую никто не обратит внимания. И никто не считает это воровством... Это... это нормально. Остатки и излишки. Ну, госпожа Ветерок, что за остатки ты брала?

– Э... вы говорите об... огарках свечей, сэр?

Ваймс глубоко вздохнул. Так приятно быть правым, пусть даже сначала ты испробовал все остальные варианты до единого и все они привели тебя в тупик.

– Ага, – выдохнул он.

– Н-но это не воровство, сэр! Я никогда ничего не крала, с-сэр!

– Но ты брала домой огарки свечей? Наверное, каждого такого огарка хватало на добрых полчаса, если положить его в плоску? – мягко поинтересовался Ваймс.

– Но это же не воровство, сэр! Это как... как премия, сэр.

Сэм Ваймс хлопнул себя по лбу.

– Премия! Ну конечно! Именно это слово я искал. Премия! Всем нужны премии, не так ли? Ладно, пойдем дальше. И, видимо, ты забирала те свечки, что горели в спальне патриция. Я прав?

Даже несмотря на все свое волнение, Милдред Ветерок гордо улыбнулась. Ведь у нее были привилегии, которым другие могли только завидовать.

– Да, сэр. Но мне это *позволено*, сэр. И эти огарки намного лучше тех, что остаются в обычных залах, сэр.

– Итак, ты забираешь огарки и вставляешь новые свечи?

– Да, сэр.

«И, наверное, несколько чаще, чем необходимо, – усмехнулся про себя Ваймс. – Ведь если свеча догорит до конца, никакого огарка не останется...»

– А не могла бы ты показать нам, где эти свечи хранятся?

Служанка посмотрела вдоль стола на домоправительницу, которая,

бросив, в свою очередь, взгляд на командора Ваймса, согласно кивнула. Она прекрасно понимала: не все то, что произнесли с вопросительной интонацией, есть вопрос.

– Мы храним их в специальной кладовой, здесь, по соседству, сэр, – сказала Милдред.

– Проводи нас, пожалуйста.

Это оказалась небольшая комнатка, но полки в ней до самого потолка были забиты свечами. Там были настоящие свечи-великаны длиной в ярд, предназначенные для больших приемов, и маленькие свечки для ежедневного использования, отсортированные по качеству.

– Вот эти горят в комнатах его сиятельства, сэр. – Милдред протянула Ваймсу белую двенадцатидюймовую свечу.

– О да... *очень* хорошее качество. Номер пять. Отличное белое сало, – сказал Ваймс, подбрасывая свечку в руке. – Такие свечи мы жжем дома. А те, что горят у нас в Ярде, по-моему, чуть ли не из свиного навоза делаются. Мы покупаем их у Нувриша. Он дает лучшую цену. Раньше мы пользовались услугами Спаджера и Вильямса, но господин Нувриш сейчас лучший на данном рынке, не правда ли?

– Именно так, сэр. И он поставляет нам свечи особого качества.

– И ты каждый день меняешь их в комнате его сиятельства?

– Да, сэр.

– А где-нибудь еще они используются?

– О нет, сэр. Его сиятельство очень строг в этом вопросе. Во всем остальном дворце горят свечи номер три.

– И огарки ты носишь к себе домой?

– Да, сэр. Бабушка говорила, у них такое красивое пламя, сэр...

– Наверное, она любовалась свечками вместе с твоим младшим братишкой? И, насколько понимаю, он заболел первым. А она просиживала с ним ночи напролет и, насколько я знаю старую госпожу Ветерок, все шила, шила...

– Да, сэр.

Наступила пауза.

– Возьми мой платок, – спустя некоторое время предложил Ваймс.

– Я потеряю работу, сэр?

– Нет. Ничего ты не потеряешь. Никто из участников этого дела не заслуживает такого наказания, – ответил Ваймс. Он посмотрел на свечу. – За исключением разве что меня, – добавил он.

Уже на пороге кладовки он вдруг повернулся.

– И если тебе нужны огарки свечей, у нас в Страже их полным-полно.

Шнобби хоть начнет, как и все, покупать нормальный жир для жарки.

– Чем он там занимается? – спросил сержант Колон.

Двинутый Крошка Артур опять перегнулся через край крыши.

– У него какие-то проблемы с локтями, – словоохотливо сообщил он. – Смотрит на один из них, вертит туда-сюда, но вставить никак не получается.

– Во-во, это очень похоже на то, как я собирал кухонную мебель для госпожи Колон, – кивнул сержант. – Инструкция «Как открывать ящик» лежит внутри ящика...

– Ого, получилось! – воскликнул крысолов. – Похоже, он перепутал их с коленями.

Колон услышал внизу тяжелые шаги.

– А теперь он обходит угол... – Послышался треск ломающихся досок. – А теперь зашел внутрь здания. Я думаю, он сейчас поднимается по лестнице, но тебе-то что волноваться?

– Как это?

– Все, что тебе надо сделать, это всего-навсего разжать пальцы.

– Но я же разобьюсь!

– Правильно! Быстрый и гарантированный исход. Зато останешься с руками и ногами.

– Я хотел купить домик в деревне! – простонал Колон.

– Это все в прошлом, – уверенно сказал Артур. Он опять посмотрел через крышу. – Или, – промолвил он так, как будто у Колона был выбор, – ты мог бы попробовать прыгнуть вон на ту водосточную трубу.

Колон посмотрел в сторону, куда указывал Двинутый Крошка Артур. В нескольких футах от него действительно шла водосточная труба. Если он как следует раскачается и изо всех сил прыгнет... то его пальцы сомкнутся всего в какой-то паре дюймов от нее. И он разобьется в лепешку.

– Но достаточно ли она надежная? – спросил он.

– По сравнению с чем?

Колон попытался раскачать свои ноги, как маятник. Все мускулы у него вопили от боли. Он знал о собственном излишке веса. И все планировал начать делать утреннюю зарядку. Но он даже не подозревал, что его первая в жизни зарядка состоится сегодня вечером.

– По-моему, я слышу его шаги на лестнице, – сказал Двинутый Крошка Артур. – Ну да, точно.

Колон принялся раскачиваться быстрее.

– А ты что будешь делать? – спросил он.

– Обо мне не беспокойся, – махнул рукой Двинутый Крошка Артур. – Со мной все будет в порядке. Я так спрыгну.

– Так спрыгнешь?

– Конечно. Для меня это не опасно, потому что я нормального размера.

– Ты правда считаешь, что ты нормального размера?

Двинутый Крошка Артур посмотрел на руки Колона.

– У тебя пальцы прямо рядом с моими башмаками.

– Хорошо, хорошо, ты нормального размера. Ты же не виноват, что этот город полон великанов.

– Во-во. Кстати, чем ты меньше, тем легче падать. Хорошо известный факт. Паук даже не заметил бы такого падения, мышь спокойно пошла бы дальше, лошадь переломала бы себе все кости, а слон бы расплю...

– О боги, – пробормотал Колон.

Оставшийся башмак уже касался водосточной трубы. Но чтобы схватиться за нее, нужно было пережить долгий миг свободного падения – это когда ты уже совсем не держишься за крышу, еще не совсем держишься за трубу и присутствует очень большая вероятность, что в итоге ты схватишься только за землю.

С противоположного конца крыши донесся громкий треск.

– Ну ладно, – сказал Двинутый Крошка Артур. – Увидимся внизу.

– О боги...

Лилипут поднял ногу и спокойно шагнул с крыши.

– Пять секунд, полет нормальный, – сообщил он, пролетая мимо Колона.

– О боги...

Сержант Колон поднял взгляд и уставился прямо в пару нависших над ним красных глаз.

– Готовлюсь к приземлению, – донесся снизу удаляющийся голосок.

– О боги...

Колон с силой выбросил ноги, отпустил руки, долю секунды бежал по воздуху, ухватился за трубу, уклонился от удара глиняного кулака, услышал противный скрип ржавых болтов, говорящих стене «пока-пока», еще крепче вцепился в отрывающуюся от здания трубу, как будто это могло его спасти, и спиной вперед исчез в тумане.

Услышав звук открывающейся двери, господин Крюк повернулся, увидел, кто к нему пожаловал, и одним гигантским прыжком переместился за колбасную машину.

– Ты? – прошептал он. – Тебе нельзя возвращаться! Я тебя *продал*!

Дорфл несколько секунд изучающе смотрел на своего бывшего хозяина, после чего прошел мимо него и взял с залитой кровью полки самый большой нож.

Крюк начал дрожать.

– Я-я-я всегда был д-д-добр к тебе, – едва выговорил он. – В-в-всегда д-д-давал тебе в-в-выходные...

Дорфл смотрел на него.

– Глаза как глаза, ну разве что чуточку красные... – пробормотал себе под нос Крюк.

Однако сейчас взгляд голема казался более осмысленным. Он как будто проникал внутрь, видел насквозь.

Голем прошагал мимо своего бывшего хозяина, вышел из бойни и направился к загону со скотом.

Крюк вылез из своего убежища. Они не способны на насилие. Не могут дать сдачи. Так эти проклятые големы устроены.

Он уставился на остальных своих работников, людей и троллей.

– А вы чего рты раскрыли?! Остановите его!

Работники нерешительно переглянулись. В руках у голема был здоровущий нож. А когда Дорфл остановился и оглянулся, в глазах его словно бы что-то промелькнуло. С тех пор как его последний раз видели, Дорфл сильно изменился. И, похоже, он теперь мог за себя постоять.

Впрочем, Крюк нанимал работников не за их мозги. Кроме того, голем на скотобойне не любил.

Какой-то тролль запустил в него топором. Дорфл, даже не поворачивая головы, поймал одной рукой топор и, сжав пальцы, превратил дубовое топориче в щепки. Второй работник, уже занесший над головой молот, вдруг ощутил, что его руки сжимают пустоту, а сам молот, улетев в сторону, пробил стену и оставил в ней огромную дыру.

Больше попыток не предпринималось. Работники следовали за големом на почтительном расстоянии, а Дорфл их как будто не замечал.

Пар, поднимающийся над загонем скота, перемешивался с туманом. Сотни глаз с любопытством провожали идущего меж заграждениями Дорфла. Скот всегда замолкал, когда появлялся голем.

У самого большого загона Дорфл остановился. Позади него слышались встревоженные восклицания:

– Слушайте, он что, собирает их всех порубить? Как же мы справимся за одну смену?

– Я слышал, у одного плотника голем как-то сошел с ума и изготовил за ночь пять тысяч столов. Сбился со счета или вроде того...

– Чего он таращится-то? Животных, что ль, не видел?

– Прикиньте, пять тысяч столов! А у одного из них было двадцать семь ножек. Так вот, когда его поставили...

Резким взмахом ножа Дорфл срезал с загона замок. Весь скот спокойно стоял и наблюдал, что будет дальше. В общем и целом вел себя как самый настоящий скот.

Дорфл подошел к загону с овцами и открыл его. Следующим был загон со свиньями. Затем – с птицами. И так далее.

– Ты что, совсем обалдел?! – воскликнул господин Крюк.

Голем, по-прежнему ни на кого не обращая внимания, спокойно прошел назад вдоль всех загонных и вернулся на бойню. Спустя некоторое время он снова появился, ведя за собой на веревочке старого волосатого козла. На сей раз он проследовал к главным воротам и настезь распахнул их. После чего отпустил козла.

Втянув ноздрями воздух, козел задумчиво закатил глаза. Потом, вероятно решив, что далекий аромат капустных полей, расположенных за городской стеной, куда вкуснее окружающих его запахов, выбежал на улицу.

И все животные дружно бросились следом. Приближаясь к неподвижной фигуре Дорфла, их поток разделялся надвое, а затем опять смыкался, а голем стоял и смотрел им вслед.

Взволнованная суматохой курица приземлилась прямо на голову Дорфлу и громко закудаhtала.

Злость наконец победила в Крюке страх.

– Какого черта ты делаешь?! – заорал он, пытаясь перекрыть дорогу паре отставших овечек. – Да за эти деньги, что убегают из ворот, ты...

Неожиданно Дорфл схватил его за горло, поднял дергающегося Крюка на вытянутой руке и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую, как будто решая, что делать дальше.

Наконец он отбросил в сторону нож, осторожно сунул пальцы под курицу, которая к тому времени уже успела удобно пристроиться на его голове, и вытащил коричневое яичко. Подчеркнуто медленным жестом Дорфл раздавил яйцо о макушку Герхардта Крюка и наконец разжал руку.

Бывшие коллеги голема торопливо разбежались в стороны, освобождая ему дорогу.

На выходе из бойни стояла высокая доска для всевозможных записей. Дорфл какое-то время изучал ее, а потом взял мел и написал:

«Свобода».

Мел раскрошился у него в пальцах. Дорфл повернулся и исчез в

тумане.

Шелли вышла из-за своего стола.

– Фитиль насквозь пропитан мышьяковистой кислотой, – сказала она. – Неплохо, сэр! Кстати, эта свеча весит немного больше, чем остальные!

– Что за ужасный способ убивать, – покачала головой Ангва.

– О да, – подтвердил Ваймс. – И очень ловко придумано. Витинари полночи сидит за своими бумагами, свечи почти до конца прогорают. Отравление светом. Никто ведь не видит свет. Кто обращает внимание на свет? По крайней мере, не вконец отупевший старый стражник.

– О, сэр, вы совсем не старый, – весело возразил Моркоу.

– А как насчет вконец отупевшего?

– И не вконец, – быстро добавил Моркоу. – Я всегда говорил: рано или поздно вы своего добьетесь.

Ваймс внимательно посмотрел на него, но не увидел на лице Моркоу ничего, кроме страстного и искреннего желания служить.

– Мы не можем видеть свет, потому что именно с его помощью мы видим, – продолжил Ваймс. – Ладно. А теперь, думаю, нам пора наведаться в гости на свечную фабрику. Задранец, ты тоже пойдешь. И захвати свои... ты что, стал выше?

– Башмаки на шпильках, – пояснила Шелли.

– Мне казалось, гномы носят только железные башмаки...

– Так точно, сэр. Они у меня и железные, но на шпильках, сэр. Пришлось их приварить, сэр.

– О. Да. Конечно. – Ваймс попытался вспомнить, о чем шла речь ранее. – В общем, ходить ты можешь, поэтому пойдешь с нами. Не забудь свои алхимические препараты. И сейчас с дежурства во дворце должен возвращаться Детрит. Когда дело касается запертых дверей, лучше Детрита никого не найти. Он ходячий лом. Перехватим его по пути.

Ваймс зарядил арбалет и зажег спичку.

– Итак, – сказал он, – мы раскрыли преступление современным способом, а теперь пора прибегнуть к испытанному дедовскому методу. Настало время...

– Надавать кое-кому пинков, сэр? – торопливо закончил Моркоу.

– Нечто вроде, – кивнул Ваймс, глубоко затянулся и выпустил кольцо дыма. – По коням, господа.

В последнее время взгляд на мир у сержанта Колона менялся слишком

часто. Только некое событие откладывалось в памяти в качестве наихудшего за всю его жизнь, как его тут же вытесняло нечто еще более ужасное.

Сначала водосточная труба, на которой он висел, ударилась о стену здания напротив. В правильно организованном мире он бы непременно приземлился на пожарную лестницу, но в Анк-Морпорке пожарные лестницы были неизвестны, поэтому тем же пожарам приходилось выбираться из здания через крышу.

Затем Колон обнаружил, что съезжает по наклонной куда-то вниз. Даже это не было бы так уж плохо, если бы не тот факт, что сержант Колон страдал некоторым избытком веса, поэтому, когда он достиг середины пути, не поддерживаемая ничем труба прогнулась. Здесь следует отметить, что чугун прогибается очень плохо, в результате чего труба почти сразу переломилась.

Колон полетел вниз и приземлился на что-то мягкое, по меньшей мере более мягкое, чем плитка мостовой. Нечто издало грозное «му-у-у-о-о-р-р-м!». Он торопливо откатился в сторону и шмякнулся на что-то более низкое и куда более мягкое, которое отреагировало протяжным «бе-е-е-е-е-е!», после чего сержант упал на совсем низкое и мягкое, на ощупь сделанное из перьев, которое моментально взбесилось. И клюнуло его.

Улица была полна животных, которые бегали туда-сюда. Когда животные не понимают, что происходит, то начинают нервничать. Судя по мостовой, животные очень нервничали. Единственным преимуществом для сержанта Колона было то, что от этого она стала чуточку мягче, чем обычно.

Копыта топтали его руки. Очень большие слюнявые носы тыкались в его щеки.

До сих пор сержант Колон не мог похвастать обширным опытом контактов с животными, разве что в приготовленном виде. Правда, когда он был маленьким, у него был розовенький плюшевый поросенок по кличке Ужас Ходячий. А еще он добрался до главы номер шесть в «Как Развести Животных». В книге были очень красивые гравюры. Но там ничего не говорилось про горячее, наполненное всякими запахами дыхание, как и про здоровенные, размером в суповую тарелку, копыта. В книге сержанта Колона коровы издавали «му». Это известно каждому ребенку. Они не должны реветь жуткое «му-у-у-о-о-р-р-м!», как какое-то морское чудовище, и обливать тебя душем из навоза.

Он попытался встать, поскользнулся на треволнениях очередной коровы и уселся на овцу. Та издала «бе-е-е-а-а!». Что там обычно кричат

овцы?

Он опять поднялся и попытался пробиться к тротуару.

– Брысь! Пошел прочь, чертов баран! А ну, брысь!

На него яростно зашипел гусь и, вытянув невероятно длинную шею, медленно двинулся в наступление.

Колон пятился назад, пока кто-то легонько не ткнул его чуть пониже спины. Это была свинья.

Она ни капельки не походила на Ужас Ходячий. И нисколько не была похожа на поросят, которыми торгуют на рынках или которых держат дома. Трудно было даже представить, что свиньи бывают такого роста, но, кроме роста, эта свинья могла похвастать густой щетиной и копытами величиной с приличных размеров чашку.

Размерами свинка была с приличного пони. А еще у свинки были клыки. Нежно-розовым цветом тут даже не пахло – пахло кое-чем другим. А цвета она была иссиня-черного, щетина ее выглядела жутко колючей, зато у свиньи имелись («Тут надо признать честно», – угрюмо подумал Колон) настоящие маленькие свиные глазки, правда, слегка налитые кровью.

В общем и целом эта миленькая свинка походила на миленькую свинку, которая убила гончих, выпотрошила лошадь и сожрала охотника.

Колон торопливо повернулся и тут же нос к носу столкнулся с быком, больше похожим на куб ходячей говядины. Тот повертел огромной башкой из стороны в сторону, чтобы каждый ярко-красный глаз смог разглядеть сержанта, и было совершенно очевидно, что ни тому ни другому глазу Колон не приглянулся.

Бык наклонил голову. Для разгона места не хватало, зато можно было упереться и толкать.

Так как животные обступили его со всех сторон, Колон выбрал единственный путь к спасению.

Вдоль домов сидели стонущие и охающие люди.

– Здрасьте, здрастьте, здрастьте, что случилось? – поинтересовался Моркоу.

Человек, баюкающий свою руку, поднял голову.

– Нападение! Это было коварное, жестокое нападение!

– У нас нет времени! – предупредил Ваймс.

– А может, все-таки есть? – возразила Ангва.

Она похлопала его по плечу и показала на стену напротив, на которой знакомым почерком было написано:

«Свобода».

Моркоу нагнулся к пострадавшему.

– Стало быть, на тебя напал голем?

– Именно! Чокнутый голем! Как выскочит из тумана, как бросится! В общем, типичный голем!

Моркоу ободряюще улыбнулся. Потом его взгляд скользнул на мостовую и уткнулся в большой молот, валяющийся рядом с пострадавшим. Вокруг, как на поле битвы, были разбросаны и другие инструменты ближнего боя. Лопаты со сломанными ручками... Длинный лом, скрученный в кольцо...

– Какое счастье, что все вы были хорошо вооружены, – промолвил Моркоу.

– Он как повернется, а потом как бросится, – снова заныл человек. – Мы даже глазом не успели моргнуть. Он был далеко, и вдруг... – Он попытался щелкнуть пальцами. – Аргх!

– Похоже, ты поранил пальцы...

– Ага!

– Но я немного запутался. То ты говоришь, что он выскочил из тумана, то он повернулся, прежде чем на вас наброситься, – покачал головой Моркоу.

– Все знают, големы не могут дать сдачи!

– Понятно... Сдачи, говоришь? – повторил Моркоу.

– Нельзя ж, чтоб они вот так запросто разгуливали по улицам, – пробормотал человек, пряча глаза.

Сзади послышался шум, и к стражникам подбежала пара человек в окровавленных фартуках.

– Он ушел вон туда! – завопил один. – Вы еще сможете его догнать, если поторопитесь!

– Шевелите же ногами! – крикнул второй. – Мы что, зря налоги платим?

– Он обходит загоны и выпускает на волю всех животных. *Всех!* На Свином холме все улицы свиньями забиты.

– *Голем* выпускает скот? – изумился Ваймс. – Зачем?

– Откуда я знаю? Сначала он выпустил йудского козла с бойни Крюка, и теперь половина этих проклятых животных бегает за ним кругами! А потом этот истукан засунул старого Фосдайку в колбасную машину...

– Что?

– Все нормально, машину он не включил. Но набил Фосдайку рот петрушкой, насыпал лука в штаны, вывалял в овсянке и сунул вниз головой

в воронку!

У Ангвы затряслись плечи. Даже Ваймс улыбнулся.

– А затем отправился на птицефабрику, схватил господина Тервилли и... – Человек резко прервался, увидев, что рядом стоит дама, хоть она и приглушенно фыркала, пытаясь сдержать смех, и продолжил шепотом: – Использовал немного шалфея и лука. Если понимаете, о чем я...

– То есть он... – начал было Ваймс.

– Да!

Второй мясник кивнул.

– Думаю, бедный Тервилли до конца дней своих не сможет видеть ни шалфей, ни лук.

– Наверное, они ему поперек... кое-чего встали, – ухмыльнулся Ваймс. Ангве пришлось отвернуться.

– А расскажи, расскажи, что этот истукан сотворил с владельцем свинобойни, – сказал первый мясник.

– Наверное, не стоит, – ответил Ваймс. – Я, в принципе, могу догадаться.

– Вот-вот! А бедный юный Сид? Он ведь еще подмастерье! Его-то за что?

– О боги, – озабоченно покачал головой Моркоу. – Э-э... У меня есть одна мазь, она помогает от...

– От яблок?

– Он напихал ему в рот яблок?

– Не совсем в рот!

– Ой-ей, – поморщился Ваймс.

– Что же теперь делать, а? – воскликнул мясник, наседая на Ваймса.

– Ну, если взяться покрепче за черенок яблока...

– Я серьезно! Что вы собираетесь сделать? Я примерный налогоплательщик и знаю свои права!

Он ткнул пальцем в нагрудник Ваймса. Лицо командора сразу окаменело. Он посмотрел на палец, потом на большой красный нос наседавшего.

– В таком случае, – медленно проговорил Ваймс, – могу порекомендовать взять еще яблоко и...

– Э, прошу прощения, – быстренько вмешался Моркоу. – Господин Максилотт, если не ошибаюсь? У тебя еще магазин в квартале скотобоен.

– Да, правильно. И что с того?

– Просто я что-то не могу припомнить твою фамилию в списке налогоплательщиков, что очень странно, ведь ты только что заявил, будто

являешься примерным налогоплательщиком, но, конечно, вряд ли ты бы стал врать на сей счет, и в любом случае, когда ты платишь налог, тебе обязательно дают квитанцию, и ты наверняка найдешь ее, если хорошенько поищешь...

Мясник сразу опустил палец.

– Э... да?

– Я даже могу сходить с тобой и помочь ее найти, – предложил Моркоу.

Мясник бросил на Ваймса взгляд, в котором сквозило отчаяние.

– Он действительно читает всякие такие книжки, – пожал плечами Ваймс. – Ради удовольствия. Моркоу, почему бы тебе... О боги, это еще что такое?

До них донеслось мычание, больше похожее на рев.

Что-то большое и грязное приближалось к ним на угрожающей скорости. В сумерках существо смутно напоминало очень жирного кентавра, получеловека, полу... Когда чудовище подбежало ближе, выяснилось, что фактически это был полуКолон, полубык.

Сержант Колон потерял свой шлем, и весь вид его говорил о том, что сегодня сержант стал намного ближе к земле.

– Я боюсь с него спрыгнуть! – бешено закатывая глаза, заорал Колон, когда массивная бычья туша прогалопировала мимо Ваймса и отряда стражников. – Боюсь спрыгнуть!

– А как ты на него забрался? – крикнул Ваймс.

– Это было несложно, сэр! Просто схватился за рога, сэр, и в следующую секунду оказался у него на спине!

– Хорошо, держись!

– Так точно, сэр! Я и держусь, сэр!

Быки Роджеры отличались своей сердитостью и крайне вздорным нравом (впрочем, все взрослые быки отличаются тем же самым)^[16].

Но у данных быков была и другая причина сердиться. Дело в том, что у крупного рогатого скота есть своя религия. Они глубоко религиозны и верят, что, умирая, послушный бык (ну, или корова) уходит через волшебные ворота в мир лучший. Что случается дальше, они точно не знают, но слышали, что это как-то связано с обильными пастбищами и почему-то с хреном.

Роджеры с нетерпением ожидали наступления этого дня. В последнее время они стали тяжелы на подъем – или это коровы начали бегать быстрее, чем прежде? В общем, быки уже готовились вкусить заветного

небесного хрена...

Но вместо этого их загнали в какой-то переполненный скотом загон, продержали там целый день, а потом ворота вдруг распахнулись, вокруг принялись носиться всякие животные... В общем, это было мало похоже на пажити небесные.

А дальше – больше. Кто-то взгромоздился им на спину! Быки несколько раз пытались сбросить его. В лучшие дни от этого наглеца давно бы и мокрого места не осталось, но в конце концов старые, страдающие артритом быки сдались и сейчас искали подходящее дерево, о которое можно было бы содрать незваного всадника.

Который так вопил, что головы раскалывались.

Ваймс пробежал несколько шагов за быком, но внезапно затормозил и повернулся к оставшимся стражникам.

– Моркоу, Ангва, вы направляйтесь к фабрике Нувриша. Понаблюдайте за ней, пока мы не придем, хорошо? Просто следите, но внутрь не лезьте, понятно? Не входите туда ни при каких обстоятельствах! Я ясно выразился? Просто оставайтесь на месте. Понятно?

– Да, сэр, – кивнул Моркоу.

– Детрит, пойдём – снимем Фреда с быка.

Завидев приближение быка, люди исчезали с дороги словно по волшебству. Тонне откормленного быка неведомы проблемы уличных пробок. В крайнем случае, одно движение рогов решает все.

– Фред, ты точно не хочешь попробовать прыгнуть? – крикнул Ваймс, догоняя быка.

– Точно, сэр! Не хочу.

– И управлять ты им не можешь?

– Но как, сэр?

– Хватайся за рога и тяни!

Колон осторожно взял в руки по рогу. Роджеры качнули головой и чуть не скинули его.

– Сэр, он немного сильнее меня! Вернее, намного сильнее, сэр!

– Я могу прострелить ему голову из арбалета, сэр, – предложил Детрит, размахивая своим переделанным под арбалет осадным оружием.

– На улице полно народу, сержант. Ты можешь задеть невинного человека. Хоть это и Анк-Морпорк.

– Прошу прощения, сэр. – Вдруг лицо его озарилось. – Но мы же можем сказать, что он был очень даже виновен!

– Нет, это... Куда несется этот петух?

Маленький петушок быстро промчался по улице, шмыгнул меж бычьих ног и притормозил прямо перед носом у Роджеров. С птичьей спины скатилась какая-то фигурка, очень высоко подпрыгнула, ухватилась за кольцо, продетое сквозь нос быка, перелетела на массивный кудрявый бычий лоб и обеими руками крепко вцепилась в шерсть.

– Похоже на Двинутого Крошку Артура, лилипута, сэр, – заметил Детрит. – И, по-моему, он... пытается долбануть этого быка...

Раздался звук, как если бы ленивый дятел принялся долбить очень крепкое дерево. Громкие стуки перемежались выкриками, что доносились откуда-то между глаз животного:

– Получай, окорок ходячий, да я из тебя заживо бифштекс сделаю...

Бык затормозил. Он попытался повернуть голову так, чтобы хоть один из Роджеров мог разглядеть, что это колотит их по лбу, но с равным успехом они могли попытаться увидеть собственные уши.

Бык попятился.

– Фред! – прошептал Ваймс. – Слезай с его спины, пока он ничего не понимает.

С испуганным лицом сержант Колон перекинул ногу через огромную спину быка и сполз на землю. Схватив его в охапку, Ваймс нырнул в ближайшую подворотню. Но тут же выпрыгнул обратно – там было слишком мало пространства, чтобы держаться на расстоянии от Фреда Колона.

– Фред, почему от тебя так несет?

– Э-э, сэр, понимаете, я был без весла и по самые уши. И не только по уши, сэр!

– Ничего себе. А зачем ты туда с головой-то нырял?

– Разрешите пойти и принять ванну, сэр?

– Нет, но отойди еще на пару шагов. Что случилось с твоим шлемом?

– В последний раз я видел его на овце, сэр. Сэр, меня связали и бросили в подвале, но я героически выбрался на свободу, сэр! И меня преследовал какой-то голем, сэр!

– Где это все случилось?

Колон очень надеялся, что его об этом не спросят.

– Где-то в районе скотобоен, – ответил он. – Был туман, сэр, поэтому я...

Ваймс схватил Колона за запястье.

– Что это?

– Меня связали какими-то очень тонкими веревками, сэр! Но с большим риском для жизни и здоровья я...

– Тонкими веревками, говоришь? – задумчиво пробормотал Ваймс.

– Так точно, сэр!

– А по-моему, это очень похоже на... свечные фитили.

Колон с непониманием уставился на него.

– Это... Улика, сэр? – с надеждой спросил он.

Ваймс похлопал по мокрой спине Колона. Раздалось крайне неаппетитное хлюпанье.

– Неплохо, Фред, – похвалил он, вытирая руку о штаны. – Это настоящее доказательство.

– Я так и думал, сэр! – быстро ответил Колон. – Смотрю – указательство. Э-э, думаю, надо бы как можно скорее добраться до командора Ваймса, несмотря на...

– А почему лилипут остановил быка, Фред?

– Это Двинутый Крошка Артур, сэр. Мы должны ему доллар. Он нам... немного помог, сэр.

Быки Роджеры опустили на колени, удивленные и озадаченные. Силенок, чтобы проломить бычий череп, у Двинутого Крошки Артура было, пожалуй, маловато, зато упорства ему было не занимать. Спустя некоторое время ритмичный стук начал действовать всем на нервы.

– Может, ему помочь? – предложил Ваймс.

– Похоже, что он и сам неплохо справляется, сэр, – сказал Колон.

Подняв голову, Двинутый Крошка Артур широко улыбнулся.

– Вы мне должны один доллар! – крикнул он. – И никакой дуриловки, иначе я потом займусь вами! И видите, что с вами будет? Однажды один из этих сволочей посмел наступить на моего дедушку!

– Покалечил его?

– Ага! Дедушка ему рог открутил!

Ваймс крепко схватил Колона за руку.

– Фред, пошли, от тебя дерьмово пахнет.

– Так точно, сэр! Не только пахнет, но еще и брызгается!

– Эй! Эй, ты! Ты, стражник! А ну, иди сюда!

Ваймс повернулся. Сквозь толпу к ним проталкивался какой-то человек.

«Я опять ошибся, – с горечью подумал Колон. – Возможно, худший миг моей жизни еще впереди». На слова типа: «Эй, ты!», да еще выкрикиваемые столь высокомерным тоном, Ваймс мог ответить грубой силой, очень грубой силой.

У кричащего был весьма аристократический вид, к тому же он производил впечатление человека, не привыкшего к суровостям жизни, но

внезапно с ними столкнувшегося.

Ваймс весело отдал честь.

– Так точно, сэр! Я стражник, сэр!

– Отлично. Сейчас же следуй за мной и арестуй этого болвана. Он мешает рабочим.

– Кто мешает, сэр?

– Голем, парень! Зашел, такой же крутой, как и ты, на фабрику – и давай малевать на моих стенах.

– На какую фабрику?

– Слушай, ты долго будешь пререкаться? По-хорошему советую: иди за мной. Так уж случилось, я очень близкий друг твоего командора, и твое отношение к работе мне пока очень не нравится.

– Примите мои извинения, сэр, – откровенно веселясь, сказал Ваймс.

Однако от его улыбки у сержанта Колона мурашки побежали по коже.

На другой стороне улицы стояла неприметная фабрика. Человек повел всех туда.

– Э-э... Он, кажется, сказал «голем», сэр? – пробормотал Колон.

Ваймс очень давно знал Фреда Колона.

– Да, Фред, но ты туда не пойдешь. Ты останешься здесь, будешь прикрывать меня, – сообщил он.

От облегчения из ушей Колона чуть пар не повалил.

– Слушаюсь, сэр! – громко воскликнул он.

Фабрика была битком набита швейными машинками, за которыми кротко сидели люди. Как правило, Гильдии защищали права своих членов и не допускали, чтобы люди трудились в подобных условиях, но так как Гильдия Белошвеек к шитью имела весьма отдаленное отношение, жаловаться было некуда. От каждой машины отходили бесконечные ремни, которые крепились к шкивам на длинном валу под потолком, который, в свою очередь, приводился в движение... взгляд Ваймса скользнул в дальний конец цеха... большим жерновом, очевидно совсем недавно остановившимся по причине какой-то поломки. Вокруг жернова с потерянными видом толклись двое големов.

А совсем рядом в стене красовалась огромная дыра, над которой кто-то красной краской написал:

«Рабочие! Вы сами себе хозяева!»

Ваймс улыбнулся.

– Он проломился сквозь стену, сломал жернов, оттащил в сторону моих големов, намалевал эту глупую надпись и опять удрал в дыру! – сказал из-за его спины хозяин.

– Гм, да, вижу. Но на большинстве фабрик, чтобы толкать жернов, используют волов, – намекнул Ваймс.

– Ну и что с того? Скот не может работать двадцать четыре часа в сутки.

Ваймс окинул взглядом ряды рабочих. На лицах у всех застыло озабоченное выражение. Такие лица можно увидеть на той же Заводильной улице, а подобное выражение свойственно людям, которые прокляты не только нищетой, но еще и гордостью.

– Да, действительно, – кивнул он. – Почти все швейные мастерские расположены на Сонном холме, но цены здесь значительно ниже, правда?

– Эти люди получили работу! Они счастливы!

– Ага, – подтвердил Ваймс, еще раз окинув взглядом лица. – Счастливы...

Он заметил, что големы в дальнем конце цеха принялись ворочать жернов в попытке его починить.

– А теперь слушай меня, что я хочу, чтобы ты сделал... – заговорил владелец фабрики.

Тут Ваймс схватил его за грудки и с силой притянул к себе, так что лицо фабриканта оказалось всего в нескольких дюймах от его лица.

– Нет, это ты слушай меня, – прошипел он. – Я целыми днями общаюсь с жуликами, ворами и бандитами и как-то терплю, но после двух минут общения с тобой меня уже тянет принять ванну. И если я найду этого чертова голема, то пожму его чертову руку. Ты меня понял?

К превеликому удивлению Ваймса, у владельца фабрики даже хватило смелости ответить:

– Да как ты смеешь?! Ты же представляешь закон!

Яростно устремленный палец Ваймса чуть не воткнулся ему в нос.

– А ты представляешь, что такое закон? – заорал Ваймс. Он свирепо уставился на двух големов. – А вы, клоуны, что там возитесь? Жернов чините? У вас что, от рождения мозгов не... Да чем вы вообще думаете?!

И, сметая все на пути, выскочил из здания. Сержант Колон, пытавшийся чиститься в сторонке, быстро подбежал к нему.

– Я слышал, как люди говорят, будто бы голем вышел через другую дверь, сэр, – сообщил он. – И он был красного цвета. Понимаете, из красной глины. А тот, что гнался за мной, был белым, сэр. Вы рассержены, сэр?

– Кто владелец этой фабрики?

– Господин Коттераль, сэр. Ну, помните, он вечно пишет вам письма о том, что в Страже слишком много представителей, как он это называет,

«низших видов». Ну... троллей всяких, гномов...

Сержант чуть ли не бежал, чтобы не отстать от командора.

– Набери зомби, – велел Ваймс.

– Но, сэр, вы всегда против зомби стояли насмерть, извините за невольный каламбур, – напомнил Колон.

– А что, есть желающие?

– О да, сэр. Парочка неплохих ребят, сэр, но у них кожа сплошь серая и свисает довольно неприятно. В общем, сэр, вы поклялись, что похороните их через пять минут, как они у нас появятся.

– Завтра утром приведи их к присяге.

– Так точно, сэр. Отличная идея. И, конечно, мы неплохо экономим, поскольку их пенсионный фонд оплачивать не надо.

– Пусть патрулируют Королевские низины. Они же все-таки люди. Ну, или были когда-то.

– Ладно, сэр.

«Когда Сэм в таком настроении, – подумал Колон, – лучше соглашаться со *все*м».

– Похоже, сэр, наша Стража и в самом деле становится многовидовой.

– Сейчас я бы привел к присяге даже горгону!

– Ну, есть еще господин Мрак, сэр, он работает у кошерного мясника и питается исключительно...

– Но не вампира. Вампиров в Страже не будет никогда. Пошли быстрее, Фред.

«Я должен был, должен был догадаться!» – так думал Шнобби Шноббс, удирая прочь по ночным улицам. Все эти речи насчет королей и прочего... Они хотели, чтобы он...

Какая ужасная мысль...

Вызвался добровольцем.

Шнобби Шноббс всю свою жизнь прыгал из доспеха в доспех. И основной урок, который он выучил, состоял в том, что все эти люди с красными рожками и ласковыми голосами *никогда* не предлагают легкую и доходную работу, которой так жаждал Шнобби. Они сулят добровольцам нечто «большое и чистое», и в результате ты чистишь какой-нибудь подъемный мост. Тебя спрашивают: «Кто-нибудь хочет вкусно поесть?» – а потом ты сидишь и всю неделю чистишь картошку. *Никогда* не вызывайся добровольцем. Даже если сержант неожиданно поймает тебя и скажет: «Нам нужен кто-то, чтобы пить спиртное бутылками и заниматься любовью, постоянно, с женщинами. Причем все уже готово». *Всегда* будет

какая-нибудь загвоздка. Даже если с небес вдруг спустится хор ангелов и предложит добровольцам, желающим попасть в рай, сделать шаг вперед, Шнобби и тут не попадетсЯ. Наоборот, на всякий случай он делает шагок назад.

Более того, Шнобби умел бесследно испариться, прежде чем кому-то успевала прийти в голову мысль, что его, капрала Шноббса, стоило бы отрядить на то или иное задание.

Шнобби обежал стаю свиней, пасшихся прямо посреди улицы.

А вот господин Ваймс никогда не приглашал его *добровольцем*. Он понимал и уважал чувства Шнобби.

Голова Шнобби раскалывалась. Он был уверен, что это из-за перепелиных яиц. Только больные птицы могут откладывать такие маленькие яйца.

Он обогнул корову, которая стояла, сунув голову в чье-то окно.

Шнобби в короли? О да. Никто никогда ничем не награждал Шнобби даром, разве что кожными болезнями да шестьюдесятью плетьюми. Таков был окружающий мир, и главный его девиз гласил: Шноббс Шноббсу Шноббс. Если бы состоялся мировой чемпионат неудачников, капрал Шноббс наверняка занял бы перв... последнее место.

Наконец он решил, что убежал достаточно далеко, и забился в какую-то подворотню. Поудобнее устроившись в гостеприимной тени, Шноббс достал из-за уха крошечный бычок и закурил.

Вот теперь он чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы немного поразмыслить обо всех этих животных, которые заполнили улицы. В отличие от обычного семейного древа, способного подарить миру такой плод, как Фред Колон, стелющаяся лоза Шноббсов обитала исключительно внутри городских стен. О животных Шнобби точно знал только одно: из них делалась еда. Но вроде бы они не должны были так свободно разгуливать по улицам – или он ошибался?

Целые толпы людей пытались ловить животных. Но поскольку люди устали и действовали нескоординированно, а животные были голодны и напуганы, на улицах творилось настоящее столпотворение. А мостовая под ногами становилась все более скользкой.

Вдруг Шнобби осознал, что в подворотне он не один.

Капрал Шноббс присмотрелся. В тених прятался козел, взлохмаченный и дурно пахнувший, однако, повернув голову, он одарил Шнобби самым понимающим взглядом из тех, что когда-либо видел Шноббс на мордах у животных. Неожиданная, непонятно откуда взявшаяся, абсолютно несвойственная ему симпатия накатила на Шнобби.

Он вытащил бычок изо рта и протянул его козлу, который тут же с радостью сожрал угощение.

– Мы вместе, парень, – сказал Шнобби. – Мы вместе.

Разнообразные животные в панике разбегались перед идущими Моркоу, Ангвой и Шелли. Наибольший ужас на них наводила Ангва. Как будто прямо перед ней плыл какой-то невидимый щит. Некоторые животные пытались лезть на стены, другие удирали без оглядки в боковые улочки.

– Чего они так боятся? – спросила Шелли.

– Ума не приложу, – пожала плечами Ангва.

Свернув за угол и вспугнув нескольких овечек, они наконец подошли к свечной фабрике. Свет в высоких окнах говорил, что изготовление свечей не останавливается даже ночью.

– Они производят почти полмиллиона свечей в сутки, – сообщил Моркоу. – Я слышал, оборудование у них самое современное. Было бы интересно посмотреть.

В тумане виднелись нечеткие круги света. В подъезжающие телеги грузили связки свечей.

– Все вроде бы нормально, – сказал Моркоу, когда они скользнули в ближайшую темную подворотню. – Все заняты своим делом.

– Мне кажется, это бесполезно, – покачала головой Ангва. – Пока мы будем обыскивать фабрику, они успеют уничтожить все доказательства. Но даже если мы найдем мышьяк, что с того? Закон ведь не запрещает владеть мышьяком.

– Э-э... А вот *этим* закон владеть разрешает? – прошептал Моркоу.

По улице медленно брел голем. Он очень отличался от других големов, которые были весьма древними и сами себя чинили уже столько раз, что стали так же бесформенны, как пряничные человечки. Тогда как этот был вылитым человеком; по крайней мере, выглядел он в точности так, как люди обычно воображают себя со стороны. Голем был похож на статую из белой глины, а на голове его красовалась глиняная корона.

– Я был *прав*, – пробормотал Моркоу. – Они сами сделали голема. Бедолаги. Они думали, что король освободит их.

– Посмотрите на его ноги! – тихонько воскликнула Ангва.

На ногах шагающего голема то появлялись, то исчезали странные красные линии. Такие же линии периодически возникали на его руках и теле.

– Он трескается, – сказала она.

– А я говорила: нельзя обжигать глину в какой-то старой хлебной печи! – хмыкнула Шелли. – Она неправильной формы!

Голем толкнул дверь и скрылся на фабрике.

– Пошли, – махнул рукой Моркоу.

– Командор Ваймс приказал нам наблюдать, – напомнила Ангва.

– Да, но мы не знаем, что там сейчас может происходить, – возразил Моркоу. – Кроме того, командор сам неоднократно говорил, что ждет от нас инициативы. Не можем же мы торчать здесь до скончания веков!

Он быстро перебежал улицу и открыл дверь.

Внутри все было заставлено связками свечей, между которыми вились узкие проходы. Со всех сторон доносились обычные фабричные постукивания и позвякивания. В воздухе пахло горячим воском.

А в нескольких футах над маленьким круглым шлемом Шелли шепотом велся некий спор.

– И зачем только господин Ваймс потащил ее с собой? А вдруг с ней что-нибудь случится?

– О чем ты говоришь?

– Ну... ты знаешь... она же девушка.

– Ну и что? У нас в Страже служат по меньшей мере три гнома женского пола. Что-то ты за них не беспокоишься.

– О, не надо... назови хоть кого-нибудь.

– Ну, во-первых, Ларс Черепвместокубка.

– Слушай, я же серьезно!

– Ты хочешь сказать, мой нюх меня обманывает?

– Но он же на прошлой неделе в одиночку дрался против всего «Лакучего Рудника»!

– Ну и что? Ты намекаешь, что женщины слабее мужчин? Почему-то ты не боишься за меня, когда я одна успокаиваю драку в переполненном трактире.

– Ну, если нужно, я помогаю.

– Мне или им?

– Так нечестно!

– Правда?

– Ты иногдаходишь в раж, поэтому...

– Ого? А еще говорят, рыцарство вымерло...

– Все равно. Шелли – это другое дело. Не сомневаюсь, он... она хороший алхимик, но все же следи за ней одним глазком, когда все начнется. Ладно, двинулись...

Они вошли в цех.

Над ними скользили свечи – сотни, *тысячи* свечей, – они болтались на своих фитилях, которые крепились где-то внутри бесконечной вереницы деревянных платформ, кружащейся по длинному цеху.

– Я слышал об этом, – сказал Моркоу. – Это называется конвейер. Таким образом изготавливаются тысячи одинаковых вещей. Но посмотрите на скорость. Никогда бы не подумал, что жернов или колесо может...

Ангва показала пальцем. Рядом с ней скрипел огромный жернов, но что именно приводило его в движение, было непонятно.

– Как же это все работает? – задумчиво пробормотала Ангва.

Теперь настала очередь Моркоу показывать пальцем. В дальнем конце цеха, где лента конвейера делала сложный поворот, возвышалась какая-то фигура, и руки ее двигались настолько быстро, что вокруг фигуры возникал мутный ореол.

Прямо рядом с Моркоу стояла большая деревянная тележка, в которую водопадом сыпались свечи. Ее давным-давно никто не менял, и свечи, переполнив тележку, уже ссыпались через край и катились по полу.

– Шелли, – окликнул Моркоу, – ты каким-нибудь оружием владеешь?

– Э... нет, капитан Моркоу.

– Хорошо. Тогда жди на улице. Не хочу, чтобы ты случайно пострадала.

Облегченно вздохнув, Шелли тут же скрылась из виду.

Ангва принялась.

– Здесь только что был вампир, – объявила она.

– Наверное, нам стоит... – начал Моркоу.

– Я был уверен, что вы узнаете! И зачем только я купил этого чертова истукана?! У меня арбалет! Предупреждаю, у меня арбалет!

Они дружно обернулись.

– А, господин Нувриш! – радостно воскликнул Моркоу. Он вытащил свой значок. – Капитан Моркоу, Городская Стража Анк-Морпорка...

– Мне известно, кто ты такой! И что *ты* такое! И я знал, что вы придете! Предупреждаю, у меня арбалет, и я не побоюсь его использовать!

Яростное дрожание кончика арбалетной стрелы говорило об обратном.

– Правда? – подняла брови Ангва. – И что же я такое?

– Я тут ни при чем! – выкрикнул Нувриш. – Это ведь он убил тех стариков?

– Да, это он, – подтвердил Моркоу.

– Но почему? Я же не приказывал ему ничего подобного!

– Я думаю, потому, что они помогли его изготовить, – пояснил Моркоу. – И он счел их виновными.

– Големы продали его мне! – продолжал надрывать Нувриш. – Я думал, он поможет мне поставить дело, но этот чертов истукан отказывается меня слушаться! Он все работает и работает!

Нувриш бросил взгляд на цепочку свечей, проплывающих над их головами, но тут же опять направил арбалет на стражников, прежде чем Ангва успела что-либо предпринять.

– Зато какой работник!

– Ха! – Нувриш сейчас вовсе не походил на человека, способного оценить шутку. Скорее, он был похож на человека, которого что-то съедало изнутри. – Я уволил всех, кроме девушек из цеха упаковки, и они работают в три смены с переработкой! У меня четыре человека ищут сало для свечей, еще двое скупают фитильные нити и трое пытаются найти дополнительные складские помещения!

– Так запрети ему изготавливать свечи, – подсказал Моркоу.

– Когда у нас заканчивается сало, он уходит с фабрики! Вы хотите, чтобы он бродил по улицам и искал, чем бы ему заняться? Эй, вы оба, не двигайтесь! – торопливо добавил Нувриш, размахивая арбалетом.

– Слушай, все очень просто. Надо лишь поменять слова в его голове, – ответил Моркоу.

– Он не позволяет к себе прикоснуться! Думаете, я не пробовал?

– Этого не может быть, – твердо заявил Моркоу. – Големы должны подчиняться...

– А я говорю: не позволяет!

– А как насчет отравленных свечей? – неожиданно сменил тему Моркоу.

– Это была не моя идея!

– И чья же тогда?

Арбалет в руках Нувриша гулял из стороны в сторону. Торговец облизнул губы.

– Все зашло слишком далеко, – сказал он. – Я выхожу из игры.

– Чья это была идея, господин Нувриш?

– Я не хочу закончить жизнь где-нибудь в переулке, высосанным досуха!

– Кто-кто, а мы такими вещами не занимаемся, – твердо заявил Моркоу.

Господина Нувриша переполнял страх. Ангва чувствовала, как от него несет страхом. В панике он вполне мог спустить курок.

А также от него пахло кое-чем еще.

– Что это за вампир? – спросила она.

На краткий миг ей показалось, что Нувриш все-таки выстрелит.

– Я ничего не говорил о вампире!

– У тебя в кармане лежит чеснок, – сказала Ангва. – И здесь все насквозь провоняло вампиром.

– Он сказал, мы можем заставить голема делать что угодно, – пробормотал Нувриш.

– Например, изготавливать отравленные свечи? – уточнил Моркоу.

– Да, но он сказал, это только для того, чтобы обезвредить Витинари, – продолжал Нувриш. Казалось, он немного взял себя в руки. – И патриций ведь не умер, насколько я слышал. Вряд ли это преступление, ну, сделать его немного больным, поэтому вы не можете...

– Твои свечи убили двоих других людей, – перебил Моркоу.

Нувриш опять запаниковал.

– Кого?

– Старую женщину и ребенка с Заводильной улицы.

– Велика важность! – фыркнул Нувриш.

– Мне было почти жаль тебя, – вздохнул Моркоу. – Вплоть до твоей последней фразы. Впрочем, тебе все равно повезло, господин Нувриш.

– Ты так думаешь?

– О да. Мы добрались сюда раньше командора Ваймса. А теперь положи арбалет, и давай поговорим о...

Послышался какой-то странный шум. Вернее, наоборот: шум, к которому уже настолько привыкли, что перестали его слышать, вдруг почти стих.

Конвейер остановился. Некоторое время еще доносилось глухое восковое постукивание друг о друга подвешенных свечей, а потом наступила тишина. Последняя свеча скатилась с конвейера, запрыгала по доверху наполненной тележке и упала на пол.

А затем в тишине раздался стук шагов.

Моркоу и Ангва одновременно заметили, как палец Нувриша дернулся.

Когда крюк отпустил тетиву, Ангва оттолкнула в сторону Моркоу, но тот оказался чуточку быстрее и закрыл ее своей рукой. Его пальцы мелькнули прямо перед ее лицом, и она услышала, как с тошнотворным звуком стрела вошла в человеческую плоть и как Моркоу вскрикнул, отброшенный силой удара.

Он тяжело упал на пол, держась за левую руку. Из его кисти торчал арбалетный болт.

Ангва стремительно нагнулась к нему.

– Похоже, что стрела без шипов, давай я вытяну...

Но Моркоу перехватил ее пальцы.

– У нее серебряный наконечник! Не трогай!

Они оба взглянули на фигуру, вышедшую из тени.

Король-голем смотрел на Ангву сверху вниз.

Она почувствовала, как ее зубы и ногти начали вытягиваться.

А потом она увидела круглое личико Шелли, осторожно выглядывающей из-за связок свечей, и вступила в яростную битву с пробуждающимися волчьими инстинктами.

– Оставайся там! – крикнула она одновременно и Шелли, и своей прорывающейся наружу второй натуре.

Что дальше? Броситься за убегающим Нувришем или оттащить Моркоу в безопасное место?

Она еще раз сказала своему телу, что волчье обличье сейчас не годится. Слишком много запахов, слишком много огня...

Голем лоснился от сала и воска.

Она отступила чуточку назад.

Краешком глаза Ангва увидела, как Шелли бросила взгляд на стонущего Моркоу, а потом на топорик, висящий на пожарном щите. Шелли осторожно сняла его и неуверенно взвесила в руке.

– Даже не пытайся!.. – крикнула Ангва.

– *T'dr'duzk b'xazg t'm!*

– О нет! – простонал Моркоу. – Только не *это!*

Шелли подскочила сзади к голему и, размахнувшись изо всех сил, обрушила топор на его поясницу. Лезвие со звоном отскочило, но Шелли, перекувырнувшись вместе с ним, тут же нанесла второй удар, на этот раз в бедро. От голема откололся кусочек глины.

Ангва застыла в нерешительности. Шелли с ужасающей скоростью обрабатывала голема топором, одновременно что-то дико вопя. Слов Ангва разобрать не могла, но большинство гномов не слишком-то заботятся о смысловой насыщенности своих боевых кличей. Для них главное – выплеснуть эмоции. С каждым ударом от голема отлетала глиняная крошка.

– Что она кричала? – спросила Ангва, оттаскивая Моркоу в сторону.

– Это самый страшный боевой клич гномов! Если его выкрикнули, кого-то точно убьют!

– И что он означает?

– Сегодня Отличный Денек Для Чьего-то Смерти!

Голем меланхолично посмотрел на Шелли, как слон – на взбесившуюся курицу.

Потом поймал на лету топор и отбросил его в сторону. Шелли, которая упорно продолжала цепляться за топорщице, устремилась следом, будто хвост кометы.

Ангва поставила Моркоу на ноги. Из его руки текла кровь. «Не дышать, задержать дыхание... Но завтра полнолуние. Похоже, у меня нет выбора...»

– Быть может, мы сумеем все решить с помощью...

– Эгей! – заорала Ангва. – Проснись! Это *реальный* мир!

Моркоу обнажил меч.

– Я арестовываю тебя... – начал он.

Голем выхватил у него меч. Клинок по рукоять воткнулся в связки свечей.

– Еще умные идеи имеются? – отступая вместе с Моркоу, поинтересовалась Ангва. – Или уже пойдем отсюда?

– Нет. Мы должны как-то его остановить.

Они уперлись спинами в стену из свечей.

– Ну что ж, он остановился... – пробормотала Ангва, глядя на поднимающийся кулак голема.

– Прыгай вправо, я – влево. Может...

Расположенные в дальнем конце цеха большие двустворчатые двери содрогнулись от мощного удара.

Король-голем повернул голову.

Двери снова вздрогнули, а потом разлетелись в щепки. В дверном проеме появился Дорфл. Наклонив голову, он широко расставил руки и бросился вперед.

Этот бег не был быстрым, но в нем присутствовала некая ужасная неотвратимость, как в медленном движении ледника. Доски пола тряслись и подпрыгивали под тяжелыми шагами.

Посреди зала големы с грохотом столкнулись. Кривые красные линии-трещины пробежали по телу короля-голема, но он лишь зарычал и, схватив Дорфла в охапку, швырнул его о стену.

– *Пошли*, – сказала Ангва. – Найдем Шелли и убираемся ко всем чертям.

– Мы должны ему помочь, – возразил Моркоу, когда големы снова ударились друг о друга.

– Но как? Если... даже он не может остановить этого уродя, почему ты думаешь, у нас что-то получится? *Пошли же!*

Моркоу вежливо отцепил ее руку от своей.

Дорфл выкопался из груды битого кирпича и снова бросился в атаку.

Столкнувшись, големы обнялись крепче двух друзей. Какое-то время они, тихонько потрескивая, стояли неподвижно, но потом вверх взлетела рука Дорфла, сжимающая какой-то предмет. Дорфл сильно оттолкнулся и ударил противника по голове его же ногой.

И тут же нанес удар второй рукой, однако этот удар был перехвачен. Удерживая его руку, король-голем с необычной грацией извернулся, швырнул Дорфла на пол, сделал перекат и с силой выбросил оставшуюся ногу вперед. Дорфл кубарем покатился прочь. Пытаясь остановиться, он раскинул руки и оглянулся назад – как раз вовремя, чтобы увидеть, как его ноги, ударяясь об острый выступ стены, рассыпаются в черепки.

Король подобрал свою ногу, немного побалансировал и вставил ее обратно.

Свет, испускаемый его красными глазами, пересек цех и ярко вспыхнул, остановившись на Моркоу.

– Здесь должен быть черный ход, – пробормотала Ангва. – Нувриш ведь как-то удрал.

Король бросился было на Моркоу и Ангву, но неожиданно столкнулся с проблемой. Он вставил свою ногу задом наперед и поэтому теперь мог бегать только кругами. Однако его круги потихоньку приближались.

– Мы не можем бросить Дорфла, – сказал Моркоу.

Вытащив из котла для варки жира длинный металлический прут-мешалку, он спрыгнул обратно на пол.

Король-голем качнулся в его сторону. Моркоу отскочил и с силой замахнулся.

Однако, вскинув руку, голем без труда перехватил прут, вырвал его у Моркоу и отбросил в сторону. Затем поднял оба кулака и попытался сделать шаг вперед.

И не сдвинулся с места. Голем посмотрел вниз.

– Шс-с-с-с, – держа его за колено, сказали останки Дорфла.

Нагнувшись, король-голем ловким ударом ребра ладони отделил макушку головы Дорфла. Достал свиток и разорвал его на мелкие кусочки.

Свет в глазах Дорфла потух.

Ангва с такой яростью прыгнула на Моркоу, что тот чуть не упал. Крепко обхватив его руками, она потянула Моркоу за собой.

– Он убил Дорфла! – выкрикнул Моркоу.

– Это ужасно, да, – согласилась Ангва. – Или было бы ужасно, если бы Дорфл был живым. Моркоу, они же... механизмы. Смотри, мы можем выбраться через эту дверь...

Моркоу высвободился из ее хватки.

– Это убийство, – продолжал настаивать он. – А мы – стражники. Мы не можем просто... уйти! Он ведь *убил* его!

– Он – механизм, так что...

– Однажды командор Ваймс очень хорошо сказал: кто-то должен говорить за людей, которые не могут говорить сами за себя.

«И он действительно верит в это, – угрюмо подумала Ангва. – Ваймс тоже вложил слова ему в голову».

– Отвлекай его! – крикнул Моркоу и кинулся прочь.

– Как? Может, мне станцевать?

– У меня есть план.

– О, *отлично!*

Ваймс осмотрел ворота свечной фабрики. Меж двух тускло горящих факелов помещался некий герб.

– Вы только поглядите, – покачал головой он. – Краска еще толком не высохла, а ему не терпится похвастать! Пусть все видят!

– Это вы о чем, сэр? – спросил Детрит.

– Да о его идиотском гербе!

Детрит поднял голову.

– А почему у рыбы огонь изо рта бьет? – поинтересовался он.

– В геральдике она называется пуассон, – горько сказал Ваймс. – Это такая специальная лампа.

– Пуассон? – изумился Детрит. – Так то ж, эта, вонючая вода, духи такие. Ядовитые, аж жуть. Сначала очень модные были, а потом, как люди травиться начали... Лампа из пуассона? Тоже ядовитая, что ль?

– Девиз у него хоть на нормальном языке, – встрял сержант Колон. – А то как напишут, так и не разберешь ни слова. «Арт Нуво. Засвечу всем». Это, сержант Детрит, каламбур, или игра слов. Потому что его зовут Артур, понимаешь?

Ваймс стоял меж двух сержантов, смотрел то на одного, то на другого и чувствовал, как в голове его разверзается огромная дыра.

– Черт! – вдруг воскликнул он. – Черт, черт, черт! Он же чуть ли не носом меня ткнул! «Да что с этого тупицы Ваймса взять?! Он и не заметит ничего!» О да! И он ведь прав был!

– Да, плохо... – посочувствовал Колон. – Ну, то есть как же вы могли не заметить, сэр? Вы же должны были знать, что господина Нувриша зовут Артур...

– *Закрой пасть*, Фред! – оборвал Ваймс.

– Пасть закрыта, сэр!

– Надо ж быть таким *наглым*... Кто это?

Из здания выскочил какой-то человек, торопливо оглянулся и побежал прочь по улице.

– Это Нувриш! – воскликнул Ваймс.

Он даже не крикнул: «За ним!» – просто сорвался с места и бросился в погоню. Беглец, ловко уворачиваясь от неожиданно возникающих на пути овец и свиней, набрал приличную скорость, но Ваймса подгоняла безумная ярость, и он почти настиг Нувриша, когда тот вдруг свернул в боковой проулок.

Ваймс резко затормозил и приткнулся к стене. Он видел, что в руках у Нувриша был арбалет, а один из первых уроков, которые ты выучиваешь, приходя в Стражу (если, конечно, *успеваешь* его выучить), гласит: очень глупо сломя голову кидаться в темный переулок за вооруженным человеком, ведь лучшей цели, чем твой силуэт на фоне улицы, даже не придумать.

– Я знаю, что это ты, Нувриш! – крикнул он.

– У меня арбалет!

– Ты сможешь выстрелить из него только один раз!

– Пообещай, что мне ничего не будет!

– Это мы еще посмотрим!

Нувриш понизил голос:

– Мне сказали, этот чертов голем все сделает как надо. Я не хотел, честно, не хотел!

– Ага, ага, – покивал Ваймс. – А мышьяк ты добавлял в свечи, потому что так они ярче горят.

– Ты понимаешь, о чем я! Мне сказали, все будет нормально, бояться нечего...

– Кто сказал-то?

– Никто ничего не узнает!

– Правда?

– А еще, а еще... – Наступила некоторая пауза, после чего Нувриш заговорил снова – тем самым заискивающим голоском, которым, как правило, изъясняются все недалекие люди, пытаясь твердо и четко сформулировать свои требования: – А если я все расскажу, ты меня отпустишь?

Сзади подбежали Колон и Детрит. Ваймс подтянул к себе Детрита – фигурально выражаясь, разумеется. На самом деле это Ваймс подтянулся к Детриту.

– Обойди квартал и проследи, чтобы он не удрал с другой стороны, –

прошептал он.

Троль кивнул.

– И что ты хочешь мне рассказать, господин Нувриш? – крикнул Ваймс в темноту переулка.

– Значит, мы договорились?

– О чем?

– Что меня отпустят?

– Нет, черт побери, мы *не* договорились, господин Нувриш! Я что, похож на торговца? Но я скажу тебе кое-что другое, господин Нувриш. Тебя сдали! Сдали с потрохами!

Темнота ответила тишиной, потом послышался звук, похожий на вздох.

Сержант Колон, прикинувшись к стене позади Ваймса, начал притоптывать ногами, пытаясь согреться.

– Ты не сможешь отсиживаться там всю ночь! – выкрикнул Ваймс.

Послышался еще один звук, будто зашелестела какая-то кожа. Ваймс взгляделся в клубящийся туман.

– Что-то не так, – сказал он. – Пошли!

И он кинулся в переулок. Сержант Колон отважно последовал за ним. Переулок, где засел вооруженный преступник, как правило, смертельно опасен для вашей жизни, но не в том случае, когда впереди вас бежит кто-то еще.

Перед ними кто-то появился.

– Детрит?

– Да, сэр!

– Куда он подевался? В этом переулке нет дверей!

Когда глаза его немного привыкли к полумраку, Ваймс разглядел какую-то фигуру, валяющуюся возле стены. Нога его стукнулась о лежащий чуть в стороне арбалет.

– Господин Нувриш?

Он встал на колени и зажег спичку.

– О черт, – выдавил сержант Колон. – Как он умудрился свернуть себе шею?

– Он что, помер? – спросил Детрит. – Если хотите, я могу обрисовать его мелком.

– Я думаю, не стоит беспокоиться, сержант.

– Никаких беспокойств, сэр. Мел у меня с собой.

Ваймс посмотрел вверх. Переулок заполняла туманная дымка, но было видно, что здесь нет ни лестниц, ни подходяще низких крыш.

– Давайте-ка сваливать отсюда, – сказал он.

Ангва стояла лицом к лицу с королем-големом.

Она по-прежнему изо всех сил сопротивлялась Превращению. Скорее всего, тут даже волчьи челюсти не помогут. У него ведь нет яремной вены.

Ни в коем случае не отводить глаза, ни на секунду... Король-голем двигался неуверенно, шатаясь и время от времени вздрагивая всем телом, – очень похоже двигаются сумасшедшие. Взмахи его рук были быстрыми, но беспорядочными, как если бы сигналы, посылаемые из мозга, не достигали мышц. И Дорфл все-таки сильно его потрепал. При каждом шаге на теле голема появлялась добрая дюжина новых трещин, из которых бил красный свет.

– Ты трескаешься! – крикнула она. – Та печь не годилась для обжига глины!

Король-голем сделал выпад. Ангва отскочила и услышала, как его кулак глухо врезался в связку свечей.

– Ты ломаешься! Тебя обжигали в обычной хлебной печи! Ты – недопеченная буханка хлеба!

Ангва вытащила из ножен меч. Обычно она не прибегала к помощи оружия, поскольку давным-давно открыла для себя простую истину: широкая душевная улыбка решает большинство проблем.

Рука с легкостью отколола половину меча.

Ангва в ужасе воззрилась на обломок клинка. Однако это не помешало ей, перекатившись вбок, увернуться от следующего удара.

Она снова вскочила на ноги – и поскользнулась на свече, однако успела метнуться в сторону до того, как голем обрушил свою огромную ступню на место, где она только что лежала.

– Ты куда подевался? – крикнула она.

– Не могла бы ты подвести его чуть ближе к двери? – ответил голос откуда-то из темноты сверху.

Моркоу выполз из-под хлипкой конструкции, которая поддерживала конвейер.

– Моркоу!

– Я почти готов...

Король-голем схватил ее за ногу. Она яростно пнула второй ногой и угодила ему прямо в колено.

Которое, к ее превеликому удивлению, громко захрустело и почти переломилось. Помешал этому все тот же свет, который удерживал на месте обломки глины. Что бы с ним ни делали, этот голем будет переть вперед,

даже превратившись в облако пыли.

– Отлично! – выкрикнул Моркоу и спрыгнул со стрелы подъемника.

Он приземлился прямо на спину королю-голему, обхватил одной рукой могучую шею истукана и принялся колотить его по макушке рукоятью меча. Голем закрутился на месте, пытаясь дотянуться до врага и швырнуть его о стену.

– Надо вытащить слова! – прокричал Моркоу, уворачиваясь от огромных лап голема. – Это единственный... способ!

Король-голем нагнулся и бросился головой вперед в стену из ящиков, которые, разлетевшись в щепки, просыпались на пол дождем из свечей. Моркоу схватил голема за уши и изо всех сил попытался повернуть.

– У тебя... есть... право... на... законника... – донеслось до Ангвы пыхтение Моркоу.

– Моркоу! Да забудь ты об этих чертовых правах!

– У тебя... есть... право...

– Переходи сразу ко второй стадии!

Из разбитой двери донесся какой-то шум, и в цех вбежал Ваймс с обнаженным мечом в руке.

– О боги... Сержант Детрит!

Детрит немедленно возник за его спиной:

– Я здесь, сэр!

– Влепи-ка ему в башку из своего арбалета, будь так любезен!

– Как прикажете, сэр, но...

– В башку голему, сержант! А не Моркоу! Капитан, убирайся оттуда!

– Никак не получается отвернуть ему голову, сэр!

– Как только ты его отпустишь, мы попробуем другой способ. Думаю, шесть футов холодной стали промеж глаз – очень весомый аргумент.

Моркоу сгруппировался на плечах голема, выждал удобный момент и спрыгнул.

Приземлился он несколько неудачно – прямо на рассыпавшуюся связку свечей. Нога его подвернулась, и он, кувыркаясь, покатился по полу, пока не остановился, врезавшись в неподвижную массу, которая некогда была Дорфлом.

– Эй, господин, я тут! – окликнул Детрит.

Король-голем повернулся.

Поскольку все случилось очень быстро, деталей происшедшего Ваймс не уловил. Он лишь ощутил резкое движение воздуха, затем раздалось гулкое «дзынннь» отрикошетившей стрелы, после чего она с глухим стуком вонзилась в дверной косяк за его спиной.

А голем уже склонился над Моркоу, который тщетно пытался отползти в сторону.

Голем занес кулак и...

Ваймс даже не видел, как шевельнулся Дорфл, но неожиданно он схватил короля-голема за руку.

В глазах Дорфла горели маленькие сверхновые искорки.

– Тсссссс!

Удивленный король-голем отпрянул, а Дорфл тем временем вскарабкался на кульги, оставшиеся от ног, и в свою очередь занес кулак.

Время остановилось. Во всей вселенной единственным движущимся объектом был кулак Дорфла.

И летел он подобно планете, подобно некой массе, остановить которую невозможно.

В этот самый миг выражение лица короля-голема изменилось. Перед тем как на него опустился кулак, он вдруг улыбнулся.

А потом голова его взорвалась. Ваймс очень четко запомнил эту сцену: как медленно-медленно разлетаются во все стороны осколки глины. И слова... Десятки, сотни мелких клочков бумаги взлетели к потолку и, кружась в воздухе, посыпались вниз.

Ноги короля-голема подогнулись, и он величественно, степенно рухнул на пол. Красный свет потух, трещины расширились, а потом... осталась лишь груда осколков.

Дорфл свалился прямо на нее.

Ангва и Ваймс одновременно бросились к Моркоу.

– Он воскрес! – воскликнул Моркоу, вскакивая. – Этот голем собирался убить меня, а Дорфл воскрес! Но ведь король-голем вытащил из его головы шхему! А голем без слов – мертвый голем!

– Насколько я понял, они слишком многое попытались в него вложить, – сказал Ваймс.

Он подобрал с пола несколько клочков.

«...Создай мир и справедливость для всех...»

«...Мудро правь нами...»

«...Научи нас свободе...»

«...Веди нас к...»

«Бедняги», – подумал он.

– Пойдем домой. Надо обработать твою руку... – произнесла Ангва.

– Да послушай же! – крикнул Моркоу. – Он ведь живой!

Ваймс встал на колени рядом с Дорфлом. Расколотый глиняный череп был пуст, как выеденное яйцо. И все же в глазах у голема горело по маленькому лучику.

– Усссссс, – прошипел Дорфл так тихо, что Ваймс даже не понял: померещилось ему это или нет.

Голем поцарапал рукой по полу.

– Он пытается что-то написать.

Ваймс вытащил свой блокнот, подsunул под руку Дорфла и мягко вложил в его пальцы карандаш. Голем принялся выводить буквы – немного корявые, но достаточно разборчивые. В итоге получилось шесть слов.

Потом Дорфл остановился. Карандаш выпал из его пальцев. Свет в глазах голема опять потух.

– Боги милосердные, – выдохнула Ангва. – Значит, эти слова, что вкладывались им в головы... Дело было вовсе не в них?

– Мы можем его починить, – хрипло проговорил Моркоу. – В городе есть неплохие гончары.

Ваймс, не отрываясь, смотрел на слова, написанные големом, после чего перевел взгляд на останки Дорфла.

– Господин Ваймс? – окликнул Моркоу.

– Действуй, – сказал Ваймс.

Моркоу моргнул.

– И быстрее! – рявкнул Ваймс. – Возьми себе в помощь Детрита!

Он опять посмотрел на надпись в своем блокноте.

«Слова, что в сердце, не отнимешь».

– А когда его будут чинить, – сказал он, – когда будут чинить, передай... пусть дадут ему голос. Понятно? И пусть кто-нибудь осмотрит твою руку, капитан.

– Голос, сэр?

– Я, кажется, велел не терять ни секунды!

– Есть, сэр.

– Отлично. – Ваймс собрался. – Констебль Ангва и я осмотрим здесь все. А вы можете идти.

Он посмотрел вслед Моркоу и Детриту, которые тащили тело Дорфла.

– Итак, мы ищем мышьяк, – сказал он. – Возможно, где-нибудь тут есть специальное помещение. Вряд ли отравленные свечи делались вместе с остальными. Шельма проведет свои... Кстати, куда подевался капрал Задранец?

– Э-э... Здесь, сэр. Пытаюсь не упасть, сэр.

Ваймс и Ангва дружно вскинули головы.

Шелли висела на свечном конвейере.

– Как тебя туда занесло? – удивился Ваймс.

– Так получилось, сэр. Лечу, гляжу – конвейер...

– А ты не можешь просто прыгнуть? Здесь же не так высоко... Гм...

Прямо под Шелли располагался большой чан с расплавленным салом. Время от времени на его поверхности лопался очередной громадный пузырь.

– Э-э... А эта штука очень горячая? – шепотом спросил Ваймс у Ангвы.

– А вы когда-нибудь пробовали горячее варенье, сэр?

Ваймс снова повысил голос:

– Попытайся раскачаться, капрал, и прыгай.

– Руки скользят, сэр!

– Капрал Задранец, я *приказываю* тебе не падать!

– Так точно, сэр!

Ваймс стянул с себя камзол.

– Держись там. А я попробую к тебе залезть... – пробормотал он.

– Не выйдет, сэр! – крикнула Ангва. – Конвейер не выдержит!

– Разрешите доложить, сэр, я чувствую, что мои пальцы соскальзывают!

– О боги, а что ж ты раньше нас не окликнул?

– Все были очень заняты, сэр.

– Отвернитесь-ка, сэр, – попросила Ангва, расстегивая ремешки на нагруднике. – Пожалуйста, сэр! И закройте глаза!

– Но почему?.. Зачем?..

– Отвер-р-р-нитесь немедленно-оу-у-у, сэр-р-р-р-р!

– А... да, конечно...

Ваймс услышал, как Ангва сделала несколько шагов назад, каждый шаг сопровождался шумом той или иной падающей части доспехов. А потом она побежала, и ее шаги на ходу начали *меняться*, а затем...

Он открыл глаза.

Волк медленно пролетел над его головой, сомкнул челюсти на плече гнома, тогда как Шелли, отпустив конвейер, обхватила руками шею волка... и они оба упали с другой стороны чана.

Ангва с визгом каталась по полу.

Шелли быстро вскочила на ноги.

– Это же вервольф!

Ангва яростно терла лапой свою пасть и билась головой о доски.

– Что с ним такое? – спросила Шелли, немного успокаиваясь. –

Похоже, что он... ранен. А где Ангва? О...

Ваймс бросил взгляд на порванную кожаную юбку гнома.

– Ты что, носишь под одеждой кольчугу? – спросил он.

– О... это моя серебряная сорочка... но она *знала*. Я *говорила* ей...

Ваймс схватил Ангву за ошейник. Она попыталась было цапнуть его, но, встретившись взглядом с Ваймсом, отвернулась.

– Она укусила серебро, – рассеянно пробормотала Шелли.

Ангва с трудом поднялась на лапы, посмотрела на Ваймса и Шелли и протрусила за стопки свечей. Оттуда снова донеслось поскуливание, которое постепенно превращалось в человеческую речь.

– Чертовы, чертовы гномы со своими чертовыми кольчугами...

– Констебль, с тобой все в порядке? – крикнул Ваймс.

– Чертово серебро... Бросьте мне, пожалуйста, мою одежду!

Ваймс подобрал одежду Ангвы и, на всякий случай плотно зажмурившись, сунул ее за стопки свечей.

– Она? Но как это может быть? Она – вер... – простонала Шелли.

– А ты взгляни на это с другой стороны, капрал, – как можно более спокойным голосом посоветовал Ваймс. – Если бы она *не была* вервольфом, ты бы сейчас была самой большой в мире фигурной свечкой, понятно?

Ангва, вытирая рот, вышла из-за свечей. Кожа вокруг ее губ сильно покраснела.

– Ты обожглась? – спросила Шелли.

– Заживет, – буркнула Ангва.

– Но почему ты не говорила мне, что ты вервольф?

– А как я должна была это сказать? Зайти издалека, да?

– Ладно, ладно, – перебил Ваймс. – Все спасены, все счастливы. С остальным можно потом разобраться. После того как мы обыщем фабрику. Ясно?

– У меня есть хорошая мазь, – тихонько сказала Шелли.

– Спасибо.

В подвале они нашли мешок. И несколько коробок со свечами. И множестводохлых крыс.

Троль Вулкан приоткрыл дверь своей гончарной мастерской, оставив только узенькую щелку. Однако ночных гостей щелка явно не устраивала – Вулкан едва успел отскочить, чтобы его не пришибло отлетевшей в сторону дверью.

– Эй, что такое? – спросил он у ворвавшихся на склад Моркоу и

Детрита, тащивших под руки тело Дорфла. – Какое право вы имеете вот так, запросто, врваться сюда?..

– И вовсе мы не запросто врваемся, – возразил Детрит.

– Это произвол! – воскликнул Вулкан. – У вас нет прав! К честному троллю, безо всякой причины...

Детрит положил голема и развернулся. Резко взметнувшись, его рука схватила Вулкана за горло.

– Видишь вон там статуэтки Монолита? *Видишь?* – прорычал он, второй рукой поворачивая голову Вулкана в сторону тролльих религиозных статуэток, выстроившихся вдоль противоположной стены склада. – Хочешь, я разобью одну, чтоб узнать: а вдруг в них что обнаружится? Может, тогда я найду причину?

Узкие глазки тролля забегали в разные стороны. Возможно, Вулкан не слишком хорошо соображал, зато нюх у него был отличный – в особенности на всяческие разборки.

– Когда это надобно, я всегда помогаю Страже, – пробормотал он. – Че вам нужно-то?

Моркоу положил голема на стол.

– Тогда приступай, – велел он. – Почини его. И глину возьми подревнее.

– Но как его можно починить? У него ж глаза не горят! – воскликнул Вулкан, немало озадаченный свалившейся на него миссией милосердия.

– Он сказал, что глина помнит!

Сержант пожал плечами.

– И приделай ему язык, – добавил Моркоу.

Вулкан был шокирован.

– Э, нет, это вы меня ни в жисть не заставите, – наотрез отказался он. – Големы говорить не могут, это же *богохульство!*

– Неужели? – вскинул брови Детрит, широкими шагами пересек склад, приблизился к группе статуэток и начал их внимательно рассматривать. – Ой-ей, вот я случайно спотыкаюсь, у-у-у, а вот я, чтобы удержаться, хватаюсь за статую, ой, у нее рука отвалилась, как стыдно, как стыдно, не знаю, куда и глаза деть... А что это за белый порошок, который сейчас сыплется на пол? Ну-ка, посмотрим...

Детрит облизнул палец и осторожно попробовал порошок.

– «Грязь»! – возвращаясь, прорычал он. – И что ты там говорил о богохульстве, ты, осадочная порода? Или ты *сейчас же* делаешь, что говорит капитан Моркоу, или напрямик отсюда отправляешься в камеру!

– Это стражнический беспредел... – пробурчал Вулкан.

– Нет, пока что это стражнический крик! – заорал Детрит. – А хочешь беспредела, ну так я тебе сейчас устрою!

Вулкан попробовал обратиться за помощью к Моркоу.

– Это ведь неправильно, у него значок стражника, а он запугивает меня, а ведь этого делать нельзя, – пожаловался он.

Моркоу кивнул. Глаза его как-то странно блеснули, но этот блеск ускользнул от внимания Вулкана.

– Ты абсолютно прав, – сказал он. – Сержант Детрит!

– Сэр?

– Сегодня у всех нас был тяжелый день, я отпускаю тебя с дежурства. Ты можешь быть свободен.

– Есть, сэр! – бодро отреагировал Детрит.

Он отцепил свой значок и осторожно положил его на землю. После чего начал стаскивать нагрудник.

– Давай посмотрим на это так, – повернулся Моркоу к Вулкану. – Мы не творим жизнь, мы всего-навсего создаем ее вместилище.

Вулкан наконец сдался.

– Ну хорошо, *хорошо*, – пробормотал он. – Уже приступаю, *приступаю*.

Он оглядел то, что осталось от Дорфла, и задумчиво потер заросший лишайником подбородок.

– В принципе, самые важные части почти не пострадали, – сказал он. На какой-то миг профессионализм взял верх над негодованием. – Трещины можно замазать цементом. Это сработает, если обжигать его всю ночь. Та-а-ак... Цемента, думаю, у меня хватит...

Детрит уставился на свой палец, который все еще был белым от порошка, а потом поглядел на Моркоу.

– Я только что лизнул вот это? – спросил он.

– Э-э... Да, – кивнул Моркоу.

– Слава богам! – вскричал Детрит, неистово моргая. – А я-то думал, откуда здесь столько громадных розовых сло... курлы-мурлы-кряк!

И он со счастливой улыбкой упал на пол.

– Зачем все это? Все равно он не оживет... – бормотал Вулкан, возвращаясь к столу. – Ему ж еще слова какие-то нужно в голову вложить. Где вы их-то возьмете?

– Ему слова не нужны, – ответил Моркоу. – Они у него есть, свои собственные.

– И кто будет смотреть за печью? – поинтересовался Вулкан. – Его аж до завтрака надо обжигать...

– А у меня как раз на сегодняшнюю ночь ничего не запланировано, – улыбнулся Моркоу, снимая шлем.

Ваймс проснулся в четыре утра. Он уснул прямо за рабочим столом. Он не собирался спать, но тело просто взяло и отключилось.

Это было далеко не первый раз, когда он продирает глаза в своем кабинете. По крайней мере, сейчас он не чувствовал под своей щекой нечто липкое и вонючее.

Ваймс посмотрел на недописанный рапорт. Рядом лежал блокнот, страницы которого так и пестрели пометками – свидетельствами того, как он, командор Ваймс, пытался понять сложный мир средствами своего простого разума.

Зевнув, он уставился в ночной мрак.

Доказательств у него никаких. Ни одного настоящего доказательства. Он долго допрашивал почти невменяемого капрала Шноббса, но выяснилось, что тот практически ничего не знает. Таким образом, все, что имеется, это несколько подозрений и куча умозаключений, опирающихся друг на друга, как карты в карточном домике. Вот только самой главной карты, карты, лежащей в основании, – как раз ее-то и не хватало.

Ваймс еще раз проглядел записи в блокноте.

Ничего себе, сколько тут всякого понаписано. А, ну да. Он же сам и писал.

События прошлого вечера каруселью крутились в его голове. А что это за ерунда о гербах?

А, точно...

Точно!

Через десять минут он уже толкнул дверь в гончарную мастерскую. В промозглый ночной воздух вырвалось жаркое тепло.

Моркоу и Детрит спали на полу по обе стороны от печи. Проклятье! Ему сейчас очень нужен кто-то, кому можно довериться, но будить их рука не поднималась. За последние несколько дней все стражники вымотались до предела...

Кто-то постучался в печную дверцу.

Затем ручка сама повернулась.

Дверца распахнулась настежь, и *нечто* полувыволзло, полувывалилось на пол.

«Наверное, я еще не до конца проснулся», – подумал Ваймс. То ли причиной была полная, абсолютная усталость, то ли это остатки адреналина породили в его мозгу странную, невероятную картину, но он

увидел перед собой огненного человека. Огненный человек распрямился и встал на ноги.

Раскаленное докрасна тело начало потрескивать, остывая. Пол под его ногами обуглился и задымился.

Подняв голову, голем огляделся по сторонам.

– Вот ты! – сказал Ваймс, неуверенно указывая на него пальцем. – Пойдешь со мной!

– Да, – сказал Дорфл.

Дракон, Король Гербов, вошел в свою библиотеку. Запыленные узкие оконца и клочья тумана делали все возможное, чтобы здесь царил лишь серый полумрак, но сейчас комнату мягким светом освещали сотни свечей.

Дракон уселся за стол, подтянул к себе одну из книг и начал писать.

Спустя некоторое время он прервался и уставился перед собой. Тишина нарушалась лишь слабым потрескиванием свечей.

– Ах-ха. Я чувствую ваш запах, командор Ваймс, – сказал он. – Как геральдисты пустили вас?

– Я, знаете ли, сам вошел. Чтобы никого не беспокоить, – появляясь из тени, ответил Ваймс.

Вампир опять понюхал воздух.

– И вы пришли совершенно один?

– А мне надо было кого-то с собой привести?

– И чему я обязан удовольствием видеть вас, сэр Сэмюель?

– Это не вам удовольствие, а мне удовольствие. Я пришел арестовать вас, – сказал Ваймс.

– Неужели? Ах-ха. И за что, могу я узнать?

– Не откажитесь прежде оглядеть вот эту стрелу в арбалете, – предложил Ваймс. – Никакого металлического наконечника, как вы видите. Она вся деревянная.

– Надо же, какая предусмотрительность. Ах-ха, – Дракон, Король Гербов, прищурившись, посмотрел на Ваймса. – Однако вы так и не сказали, в чем я обвиняюсь.

– Ну, для начала в соучастии в убийстве госпожи Флоры Ветерок и мальчика по имени Вильям Ветерок.

– Боюсь, эти имена ничего мне не говорят.

Палец Ваймса дрогнул на спусковом крючке.

– Разумеется, – кивнул он, сделав пару глубоких вдохов. – Они вряд ли что-то для вас значат. Однако расследование продолжается, и, возможно, будут выявлены другие пострадавшие. Сам же факт того, что вы пытались

отравить патриция, лично я считаю смягчающим обстоятельством.

– Вы всерьез собираетесь судить меня?

– Я всерьез собираюсь *казнить* вас, – громко сказал Ваймс. – Суд – это лишь ступенька.

Вампир откинулся в кресле.

– Я слышал, вы много трудились в последнее время, командор, – промолвил он. – Поэтому я не стану...

– У нас есть показания господина Нувриша, – соврал Ваймс. – *Покойного* господина Нувриша.

У Дракона на лице не дрогнул ни единый мускул.

– Я действительно не понимаю, ах-ха, о чем вы говорите, сэръ Сэмюэль.

– Только тот, кто умеет летать, мог проникнуть в мой кабинет.

– Право, командор, я в недоумении!

– А сегодня ночью убили господина Нувриша, – продолжал Ваймс. – И убийца смог ускользнуть из переулка, который охраняли с обеих сторон. Также мне известно, что на его фабрике бывал вампир.

– Смысл ваших слов по-прежнему ускользает от меня, командор, – сказал Дракон, Король Гербов. – Я ничего не знаю о смерти господина Нувриша; кроме того, насколько мне известно, в нашем городе обитает достаточно вампиров. Боюсь, ваше... *отвлечение* к нам очень хорошо известно.

– Мне не нравится, когда с людьми обращаются, как со скотом, – ответил Ваймс, окидывая взглядом фолианты, которыми была набита комната. – Тогда как вы именно так к ним и относитесь. А у вас неплохая библиотека. Очень много регистров, со всего Анк-Морпорка собраны, как я погляжу. Даты рождения, даты смерти... – Ваймс направил арбалет обратно на вампира, который даже не шевельнулся. – Власти над мелкими людишками – вот чего жаждут вампиры. А кровь – это так, для поддержания сил. Интересно, сколь большое влияние вы приобрели за долгие годы?

– Некоторое. По меньшей мере здесь вы правы.

– Вы долго занимались своей... *селекцией*, – продолжал Ваймс. – Мне кажется, Витинари просто хотели убрать с дороги. Но не убить. Слишком много неприятных вещей могло случиться, если бы он вдруг умер. А Шнобби действительно граф?

– На то есть много доказательств.

– Но это же *ваши* доказательства, правильно? Видите ли, я сомневаюсь, что в его жилах течет аристократическая кровь. Шнобби

абсолютно обычен, как... тот же навоз. И в этом нет ничего плохого, скорее наоборот. И кольцо тут вряд ли может служить доказательством. Через лапы его семейства прошло столько добра, что вы с легкостью могли бы доказать, что он герцог Псевдополиса, сериф Клатчский и вдовствующая королева Щеботана в одном лице. В прошлом году, к примеру, он стянул мой портсигар, но я, черт побери, на все сто уверен, что он – не я. Да нет, какой из Шнобби аристократ? Но, думаю, он бы подошел.

Ваймсу вдруг показалось, что Дракон как будто увеличился в размерах, но, возможно, это была просто игра теней. Пламя свечей плясало и трещало, отбрасывая мерцающий свет.

– И вы хорошо использовали меня, – продолжал Ваймс. – Я неделями откладывал встречу с вами. Наверное, в конце вы уже начали терять терпение. И кстати, вы, должно быть, очень удивились, когда я в ту встречу спросил вас о Шнобби, а? Иначе вам пришлось бы самому посылать за ним, а это ведь могло вызвать подозрения. Но командор Ваймс преподнес его вам на блюдечке. Все чисто, и никаких подозрений.

А потом я начал гадать, кому же это потребовался король? Но кандидатур оказалось хоть отбавляй. Так устроены люди. Считают, будто король может сделать жизнь проще. Забавно, не так ли? Даже те, кто благодаря Витинари получил все, недолюбливают патриция. Десять лет назад главы большинства Гильдий были просто-напросто мелкими негодьями, выбившимися в люди, а теперь... ну, по правде говоря, они по-прежнему негодья, но Витинари подарил им время, подарил власть. И они решили, что больше в нем не нуждаются.

И тут неожиданно возникает молодой Моркоу, весь такой в харизме; у него есть меч и родимое пятно, и у всех начали появляться всякие странные мыслишки. Пара недовольных поретивее тут же кинулись проверять записи, проверили и говорят: «Слушайте, а вроде бы король вернулся». Однако понаблюдали за ним чуточку и поняли: «Проклятье, он ведь и в самом деле порядочный, верный и честный, прям как в сказках. Ой-ой! Если этот парень попадет на трон, у нас могут возникнуть серьезные проблемы! Вдруг он из тех королей-придурков, что любят шататься по стране и беседовать с простым людом...»

– А вам так нравится простой люд? – тихо поинтересовался Дракон.

– Простой люд? – переспросил Ваймс. – В них нет ничего особенного. Они ничем не отличаются от богатых людей, обладающих властью, за исключением того, что у них нет ни денег, ни власти. Но закон, равновесия ради, должен быть на их стороне. Поэтому и я выступаю за них.

– И это говорит человек, который женат на самой богатой женщине в

городе?

Ваймс пожал плечами.

– Шлем стражника – это вам не корона какая-нибудь. Даже когда вы его снимаете, он все равно остается на вашей голове.

– У вас интересная точка зрения, сэр Сэмюель, и я бы первым восхитился вашими взглядами, тем более если учесть прошлое вашей семьи, однако...

– Не двигайтесь! – Ваймс поудобней переложил арбалет в руке. – Я еще не закончил. Так или иначе, Моркоу не подошел, однако новости уже распространились, и тут кто-то предложил: «А давайте найдем короля, которого мы сможем контролировать». Люди осмотрелись и обнаружили, что более подходящей кандидатуры, чем Шнобби Шноббс, не найти: неприхотливый, незаметный, покорный. Но, мне кажется, эти умники все равно сомневались в собственной правоте. Убивать Витинари было нельзя, поскольку, как я уже говорил, слишком много неприятных вещей могло случиться разом. Так родилась замечательная идея: надо аккуратно отодвинуть его в сторону, ну, как если бы он был на месте, но в то же время его там не было, а потом все привыкли бы и... Этот замысел приняли. И некто заставил господина Нувриша производить отравленные свечи. У Нувриша был голем, а големы не отличаются разговорчивостью. Никто бы ничего не узнал. Но все пошло немного... наперекосяк.

– По-моему, вы пытаетесь каким-то боком приплести к этому делу меня, – пожал плечами Дракон, Король Гербов. – Но повторю: я ничего не знаю об этом человеке, за исключением того, что он был моим клиентом...

Ваймс пересек комнату и сорвал с доски кусок пергамента.

– Вы создали для него герб! – крикнул он. – Даже *показали* его мне, когда я был здесь! «Мясник, хлебопек, свечных дел мастер!» Помните?

Сгорбленная фигура не издала ни звука.

– Когда я первый раз встретился с вами, – сказал Ваймс, – вы продемонстрировали мне герб Артура Нувриша. Как будто нарочно. Мне это показалось немного подозрительным, но потом раскрылось «происхождение» Шнобби, и обо всем прочем как-то в суматохе забылось. Однако я *запомнил*, что герб Артура Нувриша очень уж походил на герб Гильдии Убийц.

Ваймс взмахнул пергаментом.

– Я долго разглядывал его прошлой ночью, потом попытался забыть о своем чувстве юмора и посмотрел на вершину герба, на лампу в форме рыбы. Лампа-рыба, ламп-о-пуассон, так она, кажется, называется на вашем языке? Но те ядовитые духи, которые назывались «Пуазон» и которыми

перетравилась куча народу, до сих пор помнят. Как подходяще. Духи пахнут, свеча пахнет. Очень просто, и в то же время заметил это лишь старина Детрит, самый обычный тролль, который мыслит крайне примитивно. А Фред Колон обратил внимание на то, что девиз написан на современном языке, а не на какой-то непонятной абракадабре. И тут я тоже обратил на это внимание. Поэтому, вернувшись, сразу закопался в словари, и знаете что выяснил? На старолатинском это будет звучать как нечто вроде «Арс Эникса Эст Канделам». «Арс Эникса» – арсениковая, она же мышьяковистая, кислота. Как вы, наверное, радовались, как хохотали. Вы недвусмысленно отразили на гербе, кто совершил преступление и как его совершил. А потом отдали герб законному владельцу – пусть гордится. И неважно, что больше никто не поймет вашего юмора. Главное – вы посмеялись. Ну а мы – обычные смертные. Что с нас, дураков, взять? – Ваймс покачал головой. – Интересная все-таки вещь эти гербы.

Дракон откинулся на спинку кресла.

– Дальше я начал прикидывать, что в этом есть для вас, – снова заговорил Ваймс. – О, разумеется, в происходящее вовлечено немало людей, и понятно почему. Но вам-то что? Возьмем, к примеру, мою жену. Она выращивает драконов, просто так, не получая с этого никакого дохода. И с вами та же история? Небольшое хобби, чтобы века летели быстрее? Или голубая кровь вкуснее? Знаете, я честно надеюсь, что настоящая причина кроется в чем-нибудь подобном. Что вы какой-нибудь очередной псих – с легким подвывертом, но все же обычный псих.

– А быть может... Ах-ха. Это лишь в порядке предположения, не подумайте, что я сознаюсь в чем-либо... Быть может, тот, о ком вы говорите, думал об улучшении расы? – отозвалась фигура из тени.

– Вы что, пытались вывести какую-нибудь особую породу? С полным отсутствием подбородка, но с заячьей губой и волчьей пастью? – усмехнулся Ваймс. – Я понимаю, если бы у вас на руках была какая-нибудь правящая королевская династия. Дергаешь за ниточки, устраиваешь встречу нужной девочки с правильным юношей. Наверное, так все и было. Вы же не первую сотню лет живете. И все с вами советуются. Вы знаете, откуда растут все родовые древа. Но при Витинари началась некоторая неразбериха. К власти стали приходиться неправильные люди. Уж кому-кому, а мне известно, как ругается Сибилла, когда кто-нибудь оставляет двери загонов открытыми. Я бы сотню раз подумал, прежде чем использовать подобный экземпляр для дальнейшего облагораживания породы.

– Вы не правы насчет капитана Моркоу, ах-ха. Город умеет... справляться со сложными королями. Но хочет ли этот самый город в

будущем получить короля, которого вполне могут звать, допустим... Рексом?

Ваймс непонимающе посмотрел на него. Фигура в тени вздохнула.

– Я говорю о его отношениях с этой девушкой-волчицей. К сожалению, достаточно близких и вроде бы стабильных.

Ваймс вытаращил глаза. В его мозгу зарождалось понимание.

– Вы думаете, у них будут *щетки*?

– Генетика вервольфов – штука непредсказуемая, ах-ха, но шанс такого исхода весьма вероятен, а следовательно, весь этот вариант абсолютно неприемлем. Для того, так сказать, человека, о ком вы все это время говорили.

– Великие боги, так вот из-за чего вся каша!..

Тени прыгали и плясали. Из-за этого очертания Дракона, откинувшегося на спинку своего кресла, выглядели немного странно: они как будто бы слегка размылись.

– Каковы бы ни были, ах-ха, мотивы, господин Ваймс, конкретных доказательств нет. Есть лишь подозрения, совпадения и ваше горячее желание раскопать связь между мной и покушением на, ах-ха, жизнь Витинари.

Голова старого вампира все глубже утопала в груди, а тени за его плечами словно бы удлинились.

– Вот только зря вы втянули в это дело големов, – покачал головой Ваймс, наблюдая за растущими тенями. – Они чувствовали, что делает их «король». Они тоже, конечно, повели себя не слишком здраво, но, кроме него, у них больше ничего не было. Глина от их глины. У бедолаг не было ничего, кроме собственной глины, а вы, сволочи, отняли у них даже *это*...

Дракон неожиданно выпрыгнул из кресла, расправляя крылья, как у летучей мыши. Деревянная стрела вылетела из арбалета Ваймса и стукнулась о потолок, в то время как сам он оказался погребенным под вампиром.

– Неужели ты действительно думал, что можешь прийти сюда с какой-то щепкой и арестовать меня? – спросил Дракон, держа Ваймса рукой за горло.

– О нет, – прохрипел Ваймс. – Я был... несколько... хитрее... Все, что мне надо... было... это отвлечь тебя разговорами. Разве ты не... чувствуешь слабость? Как в воздухе... что-то витает?

Он ухмыльнулся.

Вампир озадаченно нахмурился, потом поднял голову и посмотрел на свечи.

– Вы... добавили что-то в свечи?

– Мы... знали, что чеснок... будет пахнуть, но... наш алхимик предположил, что... если вымочить фитили... в святой воде... то вода испарится... а святость останется.

Хватка ослабла, и Дракон, Король Гербов, отпрянул. Его лицо изменилось, вытянулось вперед, стало больше похоже на лисье.

Однако потом он встряхнул головой.

– Нет, – сказал он, и на сей раз настала его очередь ухмыляться. – Это просто ваше предположение. Ничего у вас не выйдет...

– Спорим... на твою... нежизнь? – прохрипел Ваймс, растирая шею. – И все-таки я бы предпочел закончить жизнь именно так... чем как бедняга Нувриш. А, что скажешь?

– Пытаетесь своими подначками вытянуть из меня признание, сэра Ваймс?

– О, я уже получил все доказательства, которые мне были нужны, – ответил Ваймс. – Когда ты посмотрел на свечи.

– Правда? Ах-ха. Но кто еще видел меня? – спросил Дракон.

Из полумрака послышался грохот, как будто где-то далеко прозвучал удар грома.

– Я Видел, – сказал Дорфл.

Вампир перевел взгляд с голема обратно на Ваймса.

– Вы дали одному из них *голос*? – удивленно осведомился он.

– Да, – кивнул Дорфл. Он нагнулся и подобрал вампира одной рукой. – Я Мог Бы Убить Тебя, – продолжал он. – Я, Как Свободно-Мыслящая Личность, Обладаю Такой Возможностью, Но Я Не Сделаю Этого, Потому Что Являюсь Сам Себе Хозяином. И Я Сделал Свой Моральный Выбор.

– О боги, – едва слышно пробормотал Ваймс.

– Это же *святотатство*, – выдохнул вампир.

И тут же поперхнулся, поскольку глаза Ваймса сверкнули, как два солнечных луча.

– Так всегда говорят, когда кто-то, кто всю жизнь молчал, вдруг подает голос. Забери его, Дорфл. И отнеси в темницу.

– Я Мог Бы Не Обратиться Внимания На Этот Приказ, Но Я Выбираю Поступить Так Из Уважения И Понимания Социальной Ответственности...

– Да, да, хорошо, – быстро откликнулся Ваймс.

Дракон всеми своими когтями вцепился в голема, но с тем же успехом он мог попытаться процарапать гору.

– Ты Последуешь За Мной Живым Или Мертвым. Или Совсем Мертвым, – сказал Дорфл.

– Да вы совсем потеряли разум! – орал вампир, отбиваясь от уволакивающего его Дорфла. – Вы что, еще и стражником его сделали?

– Нет, но это интересная мысль, спасибо за подсказку! – крикнул вслед Ваймс.

И он остался один в плотном полумраке Геральдической палаты.

«А ведь Витинари отпустит его, – подумал Ваймс. – Потому что это политика. Потому что Дракон – часть механизма города. Кроме того, доказательства весьма сомнительны. Мне, конечно, их хватает...

И я буду знать. И это главное.

А за ним... За ним будут наблюдать, и, быть может, в один прекрасный день, когда Витинари сочтет нужным, сюда пошлют очень хорошего убийцу с надежным деревянным кинжалом, пропитанным чесноком, и под покровом темноты все свершится. Такова политика в этом городе. Это будто шахматная игра. Ну а погибнет пара-другая пешек – кому какое дело?

Но я буду знать. Буду единственным, но я ничего не забываю».

Он автоматически похлопал по карманам в поисках сигары.

Убить вампира совсем не просто. В него можно вбить кол, после чего стереть в порошок, а через десять лет кто-нибудь обронит капельку крови в неполюженном месте – *и отгадайте, кто это к нам вернулся?* Иногда они возвращаются? Неправильно. Они способны вернуться столько раз, что у вас голова закружится.

Впрочем, это были опасные мысли, и Ваймс об этом знал. Подобные мысли лезут в голову стражника всякий раз, когда погоня уже завершена. Всякий раз, после того как ты столкнулся с преступником лицом к лицу, посмотрел ему в глаза в тот краткий миг, что отделяет преступление от наказания.

Однако любое преступление может стать последней каплей, и стражник перестанет быть стражником и снова превратится в нормального человека... И вдруг поймет, что щелчок арбалетной тетивы или свист меча могут сделать мир *чище*.

Нет, так думать нельзя, даже о вампирах. Да, они отнимают жизни у других людей, считая, что жизнью больше, жизнью меньше – это неважно. Но мы-то у *них* что можем отнять?

И все равно так думать нельзя, потому что ты получил меч и значок и стал совсем другим, а значит, и твое мышление должно стать совсем другим.

Только преступления могут совершаться во тьме, но наказание должно вершиться на свету. В этом и состоит работа стражника, как говорит Моркоу. Зажечь свечу в темноте.

Он нащупал сигару. Теперь его руки автоматически искали спички.

Вдоль стен, на книжных полках, стояли огромные тома. Тусклый свет выхватывал из тьмы позолоченные буквы и кожаные корешки. Вот они все, родословные, книги по гербам, многовековая подшивка «Кто Есть Кто», городские регистры. Знания, безусловно, возвышают, но иногда их используют, чтобы принижать.

Спичек не было...

В пыльной тишине Геральдической палаты Ваймс протянул руку, взял канделябр и прикурил от него сигару.

С наслаждением затаился и еще раз задумчиво оглядел книги, продолжая держать в руке канделябр. Свечи мерцали и потрескивали.

Часы аритмично тикали. Наконец, когда они доковыляли до часа дня, Ваймс поднялся и вошел в Продолговатый кабинет.

– А, Ваймс, – подняв голову, сказал Витинари.

– Так точно, сэр.

Ваймсу удалось поспать несколько часов, и он даже предпринял попытку побриться.

Патриций переложил на столе пару бумажек.

– Кажется, прошлой ночью у вас выдалась довольно бурная ночь...

– Так точно, сэр.

Ваймс стоял весь внимание. Все люди в доспехах знают, как надо вести себя в подобных обстоятельствах. Прежде всего, следует смотреть прямо перед собой.

– Как вдруг выяснилось, у меня в камере сидит Дракон, Король Гербов, – сказал патриций.

– Так точно, сэр.

– Я прочел твой рапорт, и доказательства показались мне весьма и весьма шаткими.

– Сэр?

– Один из твоих свидетелей даже не подходит под категорию живых.

– Так точно, сэр. Как, впрочем, и обвиняемый, сэр. С технической точки зрения.

– Однако обвиняемый – важная общественная фигура. Авторитет.

– Так точно, сэр.

Лорд Витинари порылся в бумагах на столе. Один из листков выглядел так, будто пальцы, которые его держали, были все в саже.

– Похоже также, я должен похвалить тебя, командор.

– Сэр?

– Геральдисты Королевской геральдической палаты, или, по крайней мере, того, что от нее осталось, прислали мне благодарственную записку, в которой описывается, как отважно ты вел себя прошлой ночью.

– Сэр?

– Выпустил всех геральдических животных из загонов, поднял тревогу и так далее. Поистине великий и мужественный человек – так тебя назвали. Я так понимаю, многие из животных нашли временный приют в твоём доме?

– Так точно, сэр. Я не мог бросить их на погибель, сэр. У нас хватает пустующих загонов, а Кейт и Родерик прекрасно устроились в озере. Кажется, Сибилла им понравилась, сэр.

Лорд Витинари кашлянул. Потом какое-то время смотрел в потолок.

– Итак, ты помогал бороться с пожаром...

– Так точно, сэр. Это был мой гражданский долг, сэр.

– А пожар, насколько я понял, начался от свечи, которая, вероятно, упала в результате твоей борьбы с Драконом, Королем Гербов.

– Я тоже так думаю, сэр.

– И так же, похоже, думают геральдисты.

– А кто-нибудь сообщил о случившемся Дракону, Королю Гербов? – невинно поинтересовался Ваймс.

– Да.

– И как он перенес известие?

– Очень долго и громко вопил, Ваймс. Душераздирающе, как мне описали. И отпустил массу угроз. В твой адрес почему-то.

– Я попробую включить встречу с ним в свое занятое расписание, сэр.

– Дзынь-дзынь, дзынь-подзынь! – пропел тонкий и звонкий голосочек. Ваймс хлопнул по карману.

Некоторое время лорд Витинари молча постукивал пальцами по столу.

– Там содержалось множество старинных манускриптов. Которым не было цены, как мне сказали.

– Так точно, сэр. Я видел некоторые. Цены на них не стояло.

– Командор, ты, вероятно, не понимаешь меня.

– Возможно, сэр.

– Записи, касающиеся многих известных и древних семейств, обратились в дым, командор. Конечно, геральдисты сделают все возможное; кроме того, некоторые семьи ведут собственные записи, но, насколько я понимаю, многое уже не подлежит восстановлению. Исключительно неприятный пожар. Ты улыбаешься, командор?

– Вам показалось, сэр. Вероятно, свет так упал.

– Командор, я всегда догадывался, что ты недолгобливаешь... гм, историю.

– Сэр?

– Несмотря на то что зачастую сам творишь ее.

– Сэр?

– Это ли не то, что порой называют зеном?

– Сэр?

– Кажется, за те несколько дней, пока я был не у дел, ты умудрился настроить против себя всех более-менее важных людей в городе.

– Сэр.

– Это было «Да, сэр» или «Нет, сэр», сэр Сэмюель?

– Это было просто «сэр», сэр.

Лорд Витинари бросил взгляд на очередную бумажку.

– И ты действительно прищемил пальцы президенту Гильдии Наемных Убийц?

– Да, сэр.

– Почему?

– У него нет хвоста, сэр.

Витинари резко отвернулся.

– Совет церквей, храмов, священнх роц и больших необычных камней требует... э... в общем, много чего, но кое-что из этого связано с дикими лошадьми. И перво-наперво он настаивает на твоём увольнении.

– Неужели, сэр?

– Кроме петиции Совета у меня имеются еще семнадцать просьб об изъятии твоего значка. Кое-кто требует, чтобы вместе со значком у тебя изъяли некоторые части тела. Как ты умудрился насолить стольким людям одновременно?

– Видимо, сказался мой профессионализм, сэр.

– Ну и чего ты добился?

– Довольно многого, сэр. Раз вы *настаиваете*, я перечислю. Мы узнали, кто убил отца Трубчека. Кто убил господина Хопкинсона. И кто пытался отравить вас, сэр. – Ваймс сделал паузу. – Два из трех – не самый плохой результат, сэр.

Витинари опять зашелестел бумагами.

– Владельцы мастерских, наемные убийцы, священнослужители, мясники... кажется, ты взбесил чуть ли не каждого важного человека в городе. – Патриций вздохнул. – Да, наверное, у меня просто нет выбора. С этой недели я повышаю тебе жалованье.

Ваймс моргнул.

– Сэр?

– По-моему, я ясно выразился. Теперь тебе полагается десять долларов в месяц. И, насколько я помню, ты просил новую мишень для дротиков? Я получил от тебя уже несколько запросов.

– Это все Детрит, сэр, – признался Ваймс, решив, что в данной ситуации лучше отвечать честно. – Он иногда входит в раж, и очередная доска отправляется на помойку.

– Кстати о помойке, Ваймс. Возможно, твои домыслы и сопоставления помогут нам справиться с маленькой загадкой, которую мы обнаружили сегодня утром.

Поднявшись, патриций направился к лестнице.

– Да, сэр? Что такое, сэр? – спросил Ваймс, следуя за ним вниз по ступенькам.

– Это в Крысином зале, Ваймс.

– Неужели, сэр?

Витинари толкнул двустворчатую дверь.

– Вуаля, – сказал он.

– Это слово означает какой-то музыкальный инструмент, сэр?

– Нет, командор, оно означает: «Что это там такое торчит из стола?» – огрызнулся патриций.

Ваймс заглянул в залу. В ней никого не было. Длинный стол красного дерева был пуст.

Общий вид портил разве что топор, глубоко вошедший в столешницу и практически расщепивший ее напополам. Кто-то подошел к столу, со всех сил вогнал топор прямо в самый центр и оставил его там указывать рукоятью в потолок.

– Это топор, – сказал Ваймс.

– Удивительно, – восхитился лорд Витинари. – И у тебя ведь практически не было времени рассмотреть его. Но *что* он здесь делает?

– Не могу знать, сэр.

– Согласно докладу слуг, сэр Сэмюель, примерно в шесть утра ты появился во дворце.

– О да, сэр. Зашел посмотреть, надежно ли заперли этого гада, сэр. Ну и проверить, все ли в порядке.

– А сюда ты случаем не заглядывал?

Ваймс устремил взгляд в пустоту.

– Не было никакой необходимости, сэр.

Патриций стукнул по рукояти топора. Тот отозвался глухим «ум-м-м».

– По-моему, кое-кто из Городского совета встречался здесь сегодня

утром. По меньшей мере, они заходили сюда. И почти сразу выбегали обратно. Выглядели довольно испуганными, как мне сообщили.

– Наверное, это кто-то из них, сэр.

– Разумеется, такая вероятность присутствует, – кивнул лорд Витинари. – Ну а как насчет твоих любимых Улик? Разве ты не собираешься поискать их тут?

– Никак нет, сэр. Топор наверняка хватала уйма народу. Никаких шансов обнаружить отпечатки пальцев, сэр.

– Было бы ужасно, не правда ли, командор, если бы кто-то вдруг решил, что может сам творить закон?

– Такой человек должен обладать очень большой решимостью, сэр. Но не беспокойтесь, сэр. Закон в надежных руках.

Лорд Витинари опять стукнул по топору.

– Скажи, сэр Сэмюель, тебе известна такая фраза: «Квис кустодит ипсос кустодес»?

Моркоу иногда употреблял это выражение, но Ваймс сейчас был настроен отрицать абсолютно все.

– Никак нет, сэр, – ответил он. – В ней говорится что-то о кустах?

– Она означает: «А кто же будет сторожить самих сторожей?», сэр Сэмюель.

– А.

– Ну и?

– Сэр?

– Кто сторожит Стражу? Мне просто интересно.

– О, все очень просто, сэр. Мы сторожим друг друга.

– Правда? Забавно, забавно...

Лорд Витинари вышел в Главный зал. Ваймс последовал за ним.

– Так или иначе, – сказал патриций, – чтобы восстановить мир, голем должен быть уничтожен.

– Протестую, сэр.

– Мне повторить?

– Никак нет, сэр.

– По-моему, я отдал тебе приказ, командор. Я очень четко ощущал, как двигались мои губы.

– Протестую, сэр. Он живой, сэр.

– Он сделан из глины, Ваймс.

– Как и все мы, сэр. Во всяком случае, так утверждают те брошюры, которые раздает констебль Посети. Кроме того, *он* считает себя живым, и мне этого достаточно.

Патриций махнул рукой в направлении лестницы и кабинета, полного бумаг.

– И тем не менее, командор. Ко мне уже поступило не менее девяти петиций от самых разных первосвященников, и все они утверждают одно и то же: этот голем – оскорбление всех богов, каких только можно.

– Так точно, сэр. Я очень долго думал над данным утверждением, сэр, и пришел к следующему выводу: все эти священники – полные мудаки, сэр.

Патриций на секунду прикрыл рот рукой.

– Сэр Сэмюель, ты не стесняешься в выборе слов. И какие-либо переговоры вести с тобой очень сложно. Тебе известно, что иногда выгодно идти на уступки?

– Я только слышал об этом, сэр.

Ваймс подошел к главным дверям и распахнул их настежь.

– Туман поднимается, сэр, – сообщил он. – Кое-какая дымка еще осталась, но уже виден Бронзовый мост...

– Зачем тебе сдался этот голем? Как ты его будешь использовать?

– Не *использовать*, сэр. Я его найму. Думаю, он может оказаться весьма полезным городу, сэр.

– Наймешь стражником?

– Так точно, сэр, – сказал Ваймс. – Разве вы не слышали, сэр? Големы привыкли выполнять грязную работу.

Витинари вздохнул, глядя в удаляющуюся спину Ваймса.

– Что ни говори, а ушел красиво, – пробормотал патриций. – Иногда он бывает таким позером...

– Да, мой господин, – откликнулся Стукпостук, который бесшумно возник у него за плечом.

– А, Стукпостук. – Патриций достал из кармана длинную свечу и протянул ее секретарю. – Избавься от нее, хорошо? Но будь осторожнее.

– Мой господин?

– Это свеча с прошлой ночи.

– Но она... совсем не сгорела, мой господин! А я своими глазами видел огарок в подсвечнике...

– Все очень просто. Я отрезал от нее самый низ и дал фитилю чуточку прогореть. Не мог же я расстроить нашего отважного стражника известием, что я сам давным-давно обо всем догадался? Он ведь так здорово провел время: носился по городу как настоящий... настоящий *Ваймс*. Знаешь ли, я не *совсем* бессердечен.

– Но, мой господин, вы же могли устроить все тихо и мирно! Вместо этого он перевернул тут все вверх дном, рассердил и перепугал кучу

народу...

– Ай-ай-ай. Какая жалость.

– А, – сказал Стукпостук.

– Вот именно, – ответил патриций.

– Приказать, чтобы стол в Крысином зале починили?

– Нет, Стукпостук, оставь топор на месте. Он еще пригодится... на переговорах.

– Можно ли одно замечание, сэр?

– Разумеется, – кивнул Витинари, наблюдая, как Ваймс выходит из ворот дворца.

– У меня появилась мысль, сэр: если бы командора Ваймса не существовало, вам бы следовало его выдумать.

– Честно говоря, Стукпостук, по-моему, так оно все и было.

– Атеизм Это Тоже Религиозная Позиция, – прогромыхал Дорфл.

– А вот и нет! – воскликнул констебль Посети. – Атеизм – это отрицание богов.

– Следовательно, Это Религиозная Позиция, – заключил Дорфл. – Ведь Настоящий Атеист Постоянно Думает О Богах, Пусть Даже Отрицая Их. Поэтому Атеизм Является Формой Веры. Ведь Если Бы Атеист Действительно Не Верил В Богов, Ему Было Бы Все Равно, Существуют Они Или Нет.

– Ты прочитал брошюры, которые я тебе дал? – подозрительно спросил Посети.

– Да. Многие Из Них Бессмысленны. Но Мне Хотелось Бы Прочитать Еще.

– Правда? – сказал Посети. У него заблестели глаза. – Ты действительно хочешь, чтобы я принес тебе еще брошюр?

– Да. И Я Бы Хотел Обсудить Многое Из Того, Что Там Написано. Если У Тебя Есть Знакомые Священнослужители, Я Не Прочь Подискутировать С Ними.

– Хорошо, хорошо, – перебил сержант Колон. – Дорфл, ты присягать будешь или как?

Дорфл поднял свою ладонь размером с лопату.

– Я, Дорфл, Покуда Не Появилось Божество, Существование Которого Не Будет Противоречить Общеизвестной Логике, Клянусь Временными Заповедями Самостоятельно Разработанной Системы Морали...

– Ты правда хочешь, чтобы я принес еще брошюр? – переспросил констебль Посети.

Сержант Колон вытаращил глаза.

– Да, – ответил Дорфл.

– О, господь милосердный! – воскликнул констебль Посети и расплакался. – Никто и никогда не просил меня принести еще брошюр!

Колон повернулся и увидел позади наблюдающего за всем Ваймса.

– Ничего хорошего, сэр, – пожаловался он. – Вот уже полчаса я пытаюсь привести его к присяге, сэр, но каждый раз все заканчивается спором, насколько точна та или иная формулировка.

– Дорфл, ты стражником стать хочешь? – спросил Ваймс.

– Да.

– Отлично. Меня такая присяга вполне устраивает. Выдай ему значок, Фред. И это тоже тебе, Дорфл. Справка о том, что ты официально являешься живым существом, – на всякий случай, если у тебя вдруг возникнут проблемы. Люди ведь разные бывают.

– Спасибо, – торжественно ответил Дорфл. – Если Я Когда-Нибудь Внезапно Почувствую Себя Неживым, То Сразу Вытащу Ее И Прочту.

– И каковы же твои обязанности? – вдруг поинтересовался Ваймс.

– Служить Обществу, Защищать Невинных И Не Покладая Ног Своих Пинать Неправедные Задницы, Сэр, – моментально откликнулся Дорфл.

– А он быстро учится, – покачал головой Колон. – Ничего подобного я ему не говорил.

– Людям это не понравится, – буркнул Шнобби. – Голем-стражник? Всеобщей любовью он пользоваться не будет.

– Для Того, Кто Любит Свободу, Нет Лучше Работы, Чем Работа Стражником. Закон – Это Слуга Свободы. Абсолютной Свободы Не Бывает, – тяжеломерно изрек Дорфл.

– Знаешь, – хмыкнул Колон, – даже если у нас ничего не получится, ты всегда можешь заняться продажей печенюшек судьбы, ну, тех самых, внутри которых содержатся бумажки со всякими дурацкими изречениями.

– Кстати, забавно, – встрял Шнобби. – Еще ни разу никому не попадалось печенье, пророчествующее несчастью, замечали? Там никогда не пишется что-то вроде: «Ну все, вскоре вам полные кранты».

Ваймс прикурил сигару и помахал спичкой.

– Это, капрал, и есть одна из основных движущих сил вселенной.

– Как это? Люди покупают печенье судьбы, становятся счастливыми и двигают вселенную? – удивился Шнобби.

– Нет. Вселенной движет то, что люди, которые *продают* печенье судьбы, хотят продавать его и дальше. За мной, констебль Дорфл. Пройдемся немного.

– Но, сэр, у вас в кабинете скопилось столько бумаг... – беспомощно пробормотал сержант Колон.

– Пусть ими займется капитан Моркоу. Скажи, что я велел, – ответил Ваймс уже с порога.

– Он еще не пришел, сэр.

– Значит, бумаги подождут.

– Так точно, сэр.

Колон вернулся за свой стол. «Как здесь все-таки хорошо... – подумал он. – Никакой тебе Природы, даже намеков на нее...» Этим утром он имел с госпожой Колон одну из редких бесед и категорически заявил, что ему больше не хочется быть поближе к земле, поскольку он провел некоторое время рядом с этой самой землей, ближе уже некуда, и оказалось, что земля эта невероятно грязная и вообще ничего особенного собой не представляет. Хорошая и крепкая булыжная мостовая, как решил он, вполне достаточно приближает к Природе. К тому же Природа оказалась несколько склизкой.

– Мне пора на дежурство, – сказал Шнобби. – Капитан Моркоу велел, чтобы я занялся предотвращением преступности на Персиковопирожной улице.

– Как же это? – удивился Колон.

– «Держись от этой улицы подальше», – сказал он.

– Да, Шнобби, все хотел спросить... Так ты больше не лорд, что ли? – осторожно осведомился Колон.

– Кажется, меня уволили, – пожал плечами Шнобби. – И честно говоря, сразу полегчало. Этой ихней снобской едой толком не наешься, а пьют они настоящую мочу.

– Ты легко отделался, – покивал Колон. – Теперь тебе не придется раздавать одежду садовникам и все такое.

– Ага. Зря я вообще рассказывал об этом чертовом кольце.

– Во-во. Таких бы проблем не было.

Шнобби плюнул на свой значок и принялся усердно натирать его рукавом. «Но хорошо, что я не сказал никому о диадеме, короне и трех золотых медальонах», – похвалил он сам себя.

– Куда Мы Идем? – спросил Дорфл, следуя за Ваймсом по Бронзовому мосту.

– Во дворец. Твое место будет там, я введу тебя в курс дела, – сказал Ваймс.

– А. На Охране Дворца Стоит Мой Новый Друг Констебль Посети, – ответил Дорфл.

– Великолепно!

– Я Хотел Бы Задать Вам Вопрос, Сэр.

– Да?

– Я Сломал Жернов, А Големы Починили Его. Почему? И Я Отпустил Всех Животных, Но Они Никуда Не Убежали, Просто Бродили По Улицам. Некоторые Даже Вернулись В Загоны Скотобойни. Почему?

– Добро пожаловать в наш мир, констебль Дорфл.

– Неужели Так Страшно Быть Свободным?

– Заметь, ты сам это сказал.

– Ты Говоришь Людям: «Сбросьте С Себя Цепи», А Они Лишь Куют Новые?

– Похоже, это основное занятие всех людей.

Некоторое время Дорфл что-то громыхал себе под нос, обдумывая слова Ваймса.

– Да, – сказал он наконец. – И Я Понимаю Почему. Быть Свободным – Это Все Равно Как Открыть Свою Голову.

– Поверю тебе на слово, констебль.

– И Вы Будете Платить Мне Двойное Жалованье, – вдруг заявил Дорфл.

– Почему это?

– Потому Что Я Не Сплю. Я Могу Постоянно Работать. И Я Выгоден. Мне Не Требуется Отгулы, Чтобы Съездить На Похороны Своей Бабушки.

«Быстро же они учатся...» – подумал Ваймс, а вслух произнес:

– Но у тебя же будут святые дни?

– Или Все Дни Святые, Или Их Нет Вообще. Я Еще Не Решил.

– Э... а зачем тебе деньги, Дорфл?

– Я Накоплю Денег И Выкуплю Голема Клутца, Который Работает На Консервной Фабрике, И Верну Его Ему Же; Вместе Мы Накопим Денег И Выкупим У Торговца Углем Голема Бобкеса; Втроем Мы Будем Работать И Выкупим Голема Шмата Из «Семидолларового Ателье», Что На Персиковопирожной Улице; Вчетвером Мы Будем...

– Кое-кто предпочел бы освободить своих товарищей силой и кровавой революцией, – покачал головой Ваймс. – Только не подумай, что я предлагаю тебе такой способ.

– Нет. Это Было Бы Воровством. Нас Покупают И Продают. Поэтому Мы Выкупим Себе Свободу. Своим Трудом. Никто Не Сделает Это За Нас. Мы Сделаем Это Сами.

Ваймс улыбнулся про себя. Вероятно, больше ни одно живое существо на свете не потребует чек, покупая себе свободу. Да, кое-что в этом мире

остаётся неизменным.

– Ага, – сказал он. – Кажется, кое-кто хочет побеседовать с нами...

Через мост им навстречу двигалась толпа в серых, черных и шафрановых мантиях. Она состояла сплошь из священнослужителей. Из рассерженных священнослужителей. Они не замечали никого вокруг, толкали прохожих; казалось, над некоторыми головами даже сияли ярко-алые от ярости нимбы.

Во главе вышагивал Гьюнон Чудакулли, первосвященник Слепого Ио и анк-морпоркский эквивалент спикера по религиозным вопросам. Он узрел Ваймса и поспешил ему навстречу, увещательно воздев палец к небу.

– Послушай, Сэмюель Ваймс... – начал было он, но, увидев Дорфла, тут же замолчал. – Это оно и есть? – после некоторой паузы спросил он.

– Должен поправить. Голем – это он, а не оно, – сказал Ваймс. – Констебль Дорфл, отдать честь.

Дорфл вежливо дотронулся до шлема рукой.

– Могу Я Чем-Нибудь Служить Вам? – спросил он.

– На этот раз, Ваймс, ты доигрался! – заорал Чудакулли, игнорируя голема. – Ты зашел в два раза дальше обычного! Подумать только! Дать язык какому-то глиняному истукану!

– Мы требуем, чтобы его разбили!

– Святотатство!

– Восстаньте, люди, против идолов!

Чудакулли повернулся к остальным священнослужителям.

– Слушайте, сейчас *говорю* я, – сказал он и повернулся обратно к Ваймсу. – Мы расцениваем это как великое богохульство, поклонение идолам и преступление против идеалов...

– Никто никому не поклоняется, я его просто нанял, – сказал Ваймс, от души развлекаясь. – И до идеала ему далеко. – Он глубоко вздохнул. – Но если вы хотите, чтобы вам устроили настоящее богохульство...

– Простите, Сэр, – перебил его Дорфл.

– Мы с тобой вообще не разговариваем! Ты даже не живой! – рявкнул первосвященник.

Дорфл кивнул:

– Это Абсолютная Правда.

– Все видели? Он сам признался!

– Я Думаю, Что Если Меня Разбить, Растолочь Мои Осколки До Мелких Крупинок, Растереть Крупишки В Порошок, А Потом Порошок Перемолоть В Мельчайшую Пыль, То Вряд Ли Вы Обнаружите Хоть

Единый Живой Атом...

– Правильно! Так и сделаем!

– Однако, Чтобы Быть До Конца Уверенными В Справедливости Результатов, Один Из Вас Должен Согласиться Пройти Через Такую Же Процедуру.

Наступила тишина.

– Это нечестно, – нарушил паузу один из священнослужителей. – Тебе проще. Твою пыль соберут, сделают глину, вылепят тебя, обожгут, и ты снова оживешь...

Опять наступила тишина.

– Мне кажется или грядет очень долгий теологический диспут? – спросил Чудакулли.

Опять наступила тишина.

– А правду говорят, – спросил еще какой-то священнослужитель, – будто ты сказал, что поверишь в любое божество, существование которого будет доказано логически?

– Да.

Ваймс догадался, что сейчас произойдет, и осторожно отступил на несколько шагов от Дорфла.

– Но ведь совершенно очевидно, что боги *существуют!* – воскликнул священнослужитель.

– А Где Доказательства?

С плывущих по небу облаков сорвалась молния и ударила прямо в шлем Дорфла. Дорфла охватил огонь, а потом послышался шипящий звук и вокруг раскаленных добела ног Дорфла образовалась лужа из его расплавившихся доспехов.

– Я Не Принимаю Это Как Аргумент, – спокойно произнес Дорфл из недр дымного облака.

– А людей это, как правило, впечатляло, – сказал Ваймс. – Раньше, по крайней мере.

Первосвященник Слепого Ио повернулся к остальным священнослужителям:

– Друзья, друзья, давайте не будем...

– Но Оффлер очень мстительный бог, – ответил кто-то из толпы.

– Ему бы только молнии метать, ничего больше не умеет, – огрызнулся Чудакулли.

С небес сорвалась еще одна молния, но в нескольких футах от головного убора первосвященника переломилась и врезалась в деревянного гиппопотама, расщепив его почти пополам. Первосвященник самодовольно

улыбнулся и повернулся обратно к Дорфлу, который тихонько потрескивал в процессе остывания.

– Так ты говоришь, что примешь любого бога, существование которого будет доказано в споре?

– Да, – подтвердил Дорфл.

Чудакулли довольно потер руки.

– Нет проблем, мой глиняный приятель. Перво-наперво предлагаю...

– Прошу Прощения, – перебил Дорфл.

Он нагнулся и подобрал свой значок, которому молния придала весьма необычную форму.

– В чем дело? – удивился Чудакулли.

– Прямо Сейчас Где-То Происходит Преступление, – сказал Дорфл. – Но Когда У Меня Выдастся Свободный Выходной, Я С Удовольствием Подискутирую Со Священником Самого Важного Бога.

Он повернулся и пошел дальше по мосту. Ваймс отрывисто кивнул шокированным священнослужителям и заторопился следом. «Мы взяли его и обожгли в печи, и вышел он свободным, – подумал Ваймс. – И в голове его теперь содержатся только те слова, которые он сам выбирает. Он не просто атеист, он *твердый* атеист. Огнеупорный!»

Похоже, денек сегодня удался.

За ними на мосту начиналась драка.

Ангва упаковывала вещи. Точнее говоря, у нее никак не получалось упаковаться. Слишком тяжелый узел в пасти не унесешь. Впрочем, что ей нужно-то? Немного денег (покупать еду придется нечасто) да смена одежды (на всякий случай, вдруг понадобится) не займут много места.

– А куда деть башмаки? – спросила она вслух.

– Может, ты свяжешь шнурки, и тогда их можно будет нести на шее? – предложила Шелли, которая сидела на узкой кровати.

– Хорошая мысль. Возьмешь эти платья? Куда они мне теперь? А ты... Думаю, их можно будет обрезать.

Шелли обеими руками приняла охапку платьев.

– Но вот это... Оно же из *шелка*!

– Ага. И тебе этого материала хватит на целых два платья.

– А ты не возражаешь, если я кое-чем поделюсь? Некоторые ребята... точнее, *девушки* из Стражи, – слово «девушки» Шелли произнесла, как будто смакуя, – тоже подумывают...

– Что, пустить свои шлемы на переплавку? – усмехнулась Ангва.

– О нет. Но если их чуточку переделать, будет очень даже симпатично.

Э...

– Да?

– Гм...

Шелли неуверенно поерзала.

– А ты правда никогда никого *не ела*? Ам и все такое?..

– Нет.

– Честно говоря, я только *слышала*, будто бы моего брата сожрал вервольф. Кстати, его звали Сфен.

– Что-то вообще не припомню такого имени.

– Ну, тогда все в порядке, – попыталась улыбнуться Шелли.

– Ага. Можешь вытаскивать из кармана свою серебряную ложку.

Шелли от удивления открыла рот, а потом сбивчиво забормотала:

– Вот какая ерунда... э-э... сама не знаю, как она туда попала... наверное, завалилась в карман, когда я мыла посуду... я вовсе не хотела...

– Честно говоря, мне все равно. Я привыкла.

– Просто я думала...

– Слушай, пойми меня правильно. Здесь дело не в том, что не хочется, – жестко произнесла Ангва, – а в том, что хочется, но *не делается*.

– А тебе обязательно уходить?

– О, я вообще не знаю, на что мне сдалась эта Стража, а кроме того...

Иногда мне кажется, что Моркоу собирается предложить... да к черту все, он никогда не соберется. Понимаешь, он старается принимать все так, как есть. Это его отношение... Поэтому мне лучше уйти сейчас, – соврала Ангва.

– Неужели Моркоу даже не попытается остановить тебя?

– Попытается, но что он мне скажет?

– Он очень расстроится.

– Ага, – коротко кивнула Ангва и бросила на кровать еще одно платье. – Ничего, переживет.

– Хрольф Бедрогрыз пригласил меня на свидание, – застенчиво глядя в пол, сообщила Шелли. – И я почти уверена, что он мужчина!

– Очень рада за тебя.

Шелли встала.

– Я дойду с тобой до штаб-квартиры. У меня дежурство.

Они уже прошли полпути по улице Вязов, как вдруг заметили маячащие над толпой голову и плечи Моркоу.

– Похоже, он шел к тебе, – сказала Шелли. – Э-э... Мне удалиться?

– Слишком поздно...

– А, доброе утро, капрал госпожа Задранец! – весело воскликнул

Моркоу. – Привет, Ангва. Я хотел зайти к тебе, но сначала мне надо было написать письмо домой.

Он снял шлем и пригладил волосы.

– Э-э... – начал было он.

– Я знаю, что ты хочешь спросить, – резко произнесла Ангва.

– Знаешь?

– И знаю, что ты долго думал об этом. Конечно, ты разгадал мои намерения.

– Ну, это было очевидно.

– И мой ответ – нет. Хотя мне так хотелось бы сказать «да».

Моркоу был явно озадачен.

– Я даже не предполагал, что ты можешь ответить «нет», – признался он. – Но... почему?

– Великие боги, ты правда поражаешь меня, – покачала головой она. – Всегда меня поражал.

– Мне казалось, ты не откажешь, – промолвил Моркоу и вздохнул: – Ну, ладно... все это ерунда.

Ангва даже почувствовала себя слегка оскорбленной.

– *Ерунда?* – переспросила она.

– Понимаешь, да, было бы неплохо, но хуже спать я не буду.

– Правда?

– Ну да. Все идет как идет. У тебя своя жизнь, свои дела. Это нормально. Мне просто казалось, ты будешь не против... Но ничего, я сам как-нибудь справлюсь.

– Что? Сам?! – Ангва попыталась взять себя в руки. – Моркоу, о чем ты вообще *говоришь?*

– О Музее гномьего хлеба, конечно. Я обещал сестре господина Хопкинсона, что приведу его в порядок. Понимаешь, у нее некоторые проблемы со здоровьем, и я решил, что музей принесет ей хоть какие-то деньги. Между нами говоря, там есть пара-другая экспозиций, которые можно улучшить, но кое в чем господина Хопкинсона было никак не убедить. Не сомневаюсь, городские гномы толпами повалят в музей, как только прознают о нем, ну и, конечно, нельзя забывать о молодежи, ей же надо изучать великую историю предков. Там хорошенько подубраться, чуть кое-где побелить, и все преобразится до неузнаваемости, особенно в отделе античных хлебов. Я хотел взять несколько дней отпуска. Думал, это немножко взбодрит тебя, но понимаю: гномий хлеб не всякому по зубам...

Ангва изумленно уставилась на него. Моркоу часто награждали подобными взглядами. Ее глаза внимательно изучали каждую черточку на

его лице, каждую морщинку, пытаюсь отыскать хоть малейшее свидетельство, что он ее разыгрывает. Что все это очень тонкая, завуалированная шутка. Ангва всеми фибрами своей души ощущала, что он шутит, но лицо его было абсолютно непроницаемым.

– Да, конечно, – тихо откликнулась она, по-прежнему не сводя глаз с Моркоу. – Этот музей может стать настоящей золотой жилой.

– Надо придумывать что-то новое, не стоять на месте. Иначе в твой музей никто и ходить не будет. Знаешь, я там немножко полазал... Оказывается, в запаснике лежит целая коллекция партизанских ватрушек, которых даже в каталоге нет. А еще я нашел пару ранних образцов оборонительных бубликов.

– Ух ты! – восхитилась Ангва. – Можно нарисовать такой здоровущий плакат, а на нем написать: «Гномий хлеб! Узнай его поближе!»

– Это вряд ли сработает, – серьезно ответил Моркоу, даже не заметив ее сарказма. – Слишком близкое знакомство с гномьим хлебом зачастую чревато летальным исходом. Но я вижу, ты тоже загорелась!

«Мне все равно придется уйти, – думала Ангва, пока они шли по улице. – Рано или поздно он поймет, что у нас ничего не получится. Вервольфы и люди... у нас так мало общего. Рано или поздно мне придется покинуть его.

Но пока будем жить очередным днем. А завтра... оно ведь будет только завтра».

– Заберешь обратно свои платья? – спросила из-за ее спины Шелли.

– Ну, может, одно или два... – вздохнула Ангва.

notes

Примечания

Ошеломленный неожиданно привалившим богатством, он тут же напился до бессознательности, в каком состоянии его и перенесли на борт торгового корабля, который отплывал в далекие чужеземные края, где бывшему анк-морпоркскому попрошайке суждено было встретить множество юных дев, не слишком обремененных одеждой. Погиб он случайно – наступив на спящего тигра. Так хорошее дело обошло весь мир.

То ли дело науки, благодаря которым можно вырастить у какой-нибудь твари три дополнительных ноги, а потом и вовсе рвануть ее только что изобретенной бомбой.

От гномьего «бура'зак-ка» – «городская ратуша», «место, где вешают преступников».

4

Просто-напросто в Анк-Морпорке нет городской ратуши.

5

Дрожжевая бадья (гном.).

Командор Ваймс, с другой стороны, считал, что преступника изменит только хорошая встряска, сила которой напрямую зависит от величины электродов.

Констебль Посети был родом из Омнии, страны, издревле придерживавшейся мнения, что в веру лучше обращаться пыткой и мечом. Разумеется, со временем методы стали более цивилизованными, но омниане до сих пор энергично и неутомимо разносили свое Слово, просто сменив оружие. К примеру, констебль Посети проводил выходные в компании со своим собратом по вере Порази-Неверующего-Ловкими-Аргументами, обходя округу, стучась в двери и заставляя людей прятаться за мебелью.

Особенно хорошо у Детрита получалось вести допросы подозреваемых. У него было три основных вопроса. Первый – прямой («Это ты сделал?»), второй – настаивающий («Ты уверен, что это сделал не ты?») и третий – с подковыркой («Это ведь ты сделал, правда?»). Хотя это были не самые искусные в мире вопросы, талант Детрита состоял в том, что сержант задавал эти вопросы на протяжении нескольких часов, пока не получал желаемый ответ, обычно что-то типа: «Да! Да! Это я сделал! Я! А теперь скажите, что именно я сделал?!»

Существует распространенный и неверный миф, что люди, которые изобретают орудия убийства, от них же и гибнут. На самом деле это ошибочное утверждение. Никто не взрывал капрала Шрапнеля, как и не рубил голову мсье Гильотену. Смит и Вессон тоже вполне благополучно прожили свои жизни. Если бы не сэр Вильям Туккерей, изобретатель свинчатки и выкидного ножа, погибший в темной аллее от руки неизвестного, этот миф вообще не появился бы на свет.

Добро пожаловать, капрал Задранец! Это констебль Ангва... Ангва, покажи Задранцу, как хорошо ты уже знаешь язык гномов...

К вопросу преступления и наказания анк-морпоркцы относились очень просто: первое же наказание должно было воспрепятствовать тебе совершить второе преступление.

Так происходит *всякий раз*, когда полиция гонится за кем-нибудь. Тяжело нагруженный грузовик *всегда* выскочит из-за угла прямо перед преследователем. Если транспортные средства не вовлекаются, то появится человек с тюком одежды. Или два человека, несущие огромное стекло. Возможно, за всем этим стоит какое-то тайное общество.

И по большей части вопросы, кто кого выше, их вообще не интересуют. У гномов есть известная поговорка: «Дерево рубят у корней» – хотя говорят, что это исключительно свободный, литературный перевод. На самом деле ее буквальный перевод гласит следующее: «Если его руки выше, чем твоя голова, значит, хозяйство его находится прямо напротив твоих зубов».

14

Зачастую эти слова являются синонимами.

«Они называют себя швеями, ха-ха!» – обычно перешучивались в народе.

Из-за невероятно большой массы лба быки Роджеры видели каждым глазом свою половинку мира, и половинки эти не перекрывались. Именно поэтому быки Роджеры были твердо уверены, что представляют собой не одного, а двух быков (напомним: этих животных выращивают вовсе не из-за аналитического склада ума). Глядя на вас, быки Роджеры, как правило, поворачивались то одним глазом, то другим. Быков же двое, и каждому хочется посмотреть.